

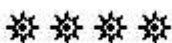
ЗАВОЕВАНИЕ НЕБА

Космическая фантастика 20-х годов
XX века

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЗАВОЕВАНИЕ НЕБА

*Космические путешествия,
контакты с инопланетянами и не только
в произведениях советских фантастов
20-х — начала 40-х годов XX века*

**Полутом 2
20-е годы**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

© Состав, издательство «СПУТНИК™», 2020 г.

В. БРЮСОВ

**ПЕРВАЯ
МЕЖДУПЛАНЕТНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ**

Незаконченное фантастическое произведение

Валерий Брюсов.

Серия «Литературное наследство», т. 85., М.,

Из-во «Наука», 1976 г.

ГБЛ, ф. 386.35.13, л. 2-18. Автограф. В публикации сохранена авторская нумерация глав. Цифра XVI, вероятно, описка вместо VIII. В архиве имеются еще отдельные наброски, предшествующие данному тексту (ф. 386.35.11-12).

ПЕРВАЯ МЕЖДУПЛАНЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

От издателей

Получив право опубликовать раньше появления в печати оригинала наиболее замечательные и наиболее захватывающие по содержанию страницы из дневника одного из участников Первой Междупланетной Экспедиции, товарища Уильяма Джемса Морли, мы сочли излишним предпосылать им подробное предисловие. Экспедиция возбудила такой напряженный интерес во всем цивилизованном мире, ей было посвящено так много отдельных брошюр и статей в журналах и газетах на всех языках, что ее организация и все, что было до сих пор оглашено о ее ходе и трагическом завершении, конечно, хорошо знакомо каждому читателю. Авторы предисловия, по нашему предложению, решили ограничиться лишь самым кратким изложением основных фактов, относящихся к отважному, еще небывалому в летописях человечества предприятию, останавливаясь несколько подробнее на некоторых мелочах, которые могли ускользнуть от внимания иного читателя, но которые, безусловно, необходимы для понимания самого текста публикуемого дневника. Точно так же в примечаниях к дневнику, составление которых любезно приняли на себя те же ученые, перу которых принадлежит Предисловие, даются почти исключительно те пояснения, которые пришлось извлекать из других материалов, собранных той же экспедицией и, следовательно, еще не ставших общим достоянием науки; что касается до общих сведений, — разумеется, тоже необходимых для уяснения текста, — то они за последнее время столь часто излагались в печати в связи с обсуждением Экспедиции, что, несо-

мненно, тоже стали общеизвестными даже для лиц, никогда прежде астрономией не интересовавшихся.

Со своей стороны, как издатели, мы имеем еще добавить несколько слов относительно ценности публикуемого нами документа.

Было официально объявлено, что все материалы, которые удалось извлечь из обломков междупланетного корабля, поступили в распоряжение особой комиссии, составленной из ученых астрономов, физиков, биологов, зоологов, ботаников и минералогов, при А.S.A.S. (Американском Государственном Астрономическом Обществе). Материалы эти состоят частью из коллекции, собранной участниками Экспедиции, частью из таблиц с их наблюдениями, фотографических снимков и т. п., частью, наконец, из трех дневников этих трех пионеров, которые первые из людей вступили на почву другой планеты. Дневник организатора Экспедиции, тов. Пэриса, обрывается на дне прибытия междупланетного корабля на Марс — по причинам, которые будут ясны для читателей из дальнейшего; дневник незабвенного товарища О'Рука, потерю которого приходится оплакивать не только как смелого исследователя, но и как великого ученого, обнимает время, по причинам, также излагаемым дальше, всего на два дня больше; кроме того, оба эти дневника очень кратки. Напротив, дневник товарища Морли содержит описание всего хода Экспедиции, начиная со дня отбытия ее с Земли до того дня, когда междупланетный корабль вновь должен был опуститься на ее почву; вместе с тем дневник этот изложен с самой широкой обстоятельностью, переходя во многих частях как бы в художественное повествование.

Точнее говоря, то, что мы называем «дневником» товарища Морли, не является собранием ежедневных,

сделанных наспех записей: это, скорее, мемуары, написанные уже после того, как самые изображаемые события отошли от автора на некоторое расстояние. Так как параллельно сохранилась и записная книжка тов. Морли, в которую он, по примеру своих сотоварищей, вкратце заносил каждый день свои впечатления, то надо предположить, что так называемый его «дневник» был им составлен в дни обратного перелета от Марса до Земли. Нам представляются факты в таком порядке: во время перелета от Земли до Марса Морли, как и два других члена Экспедиции, Пэрис и О'Рук, вел только краткие записи пережитого им за день; в дни своего пребывания на Марсе он, хотя менее систематично, продолжал делать то же; на обратном же пути, внося изредка краткие сообщения в ту же записную книжку, он использовал досуги шестидесятидневного перелета для того, чтобы дать первую обработку своих беглых заметок в форме связного рассказа. Это происхождение «дневника» ни в коем случае не лишает его всей прелести непосредственных наблюдений, так как писался он в те дни, когда они должны были оставаться еще крайне острыми и живыми, притом почти при полном отсутствии новых впечатлений.

Известно, что тов. Морли был единственным членом Экспедиции, которому суждено было предпринять обратный путь на Землю, после того как все трое исследователей сравнительно благополучно вступили на негостеприимную почву планеты Марс. Но трагический конец ждал Морли, так сказать, у самой пристани. Спуск на Землю первого междупланетного корабля оказался неудачным; вместо того чтобы, медленно опускаясь, вонзиться в почву своими острыми «якорями», — как то неизменно удавалось при пробных спусках и как то было достигнуто при спуске на Марсе, —

корабль ударился с еще довольно значительной скоростью о Землю своим боком, что скорее походило на падение, чем на спуск. Оно было так сильно, что корабль дважды подскочил, снова ударяясь о землю, как резиновый мяч. Вдобавок от сотрясения внутри корабля произошел частичный взрыв в силу смешения разных находившихся там химических элементов. В результате весь снаряд оказался страшно изуродованным, а все содержимое каюты частью уничтоженным, частью разбитым вдребезги. Тело несчастного тов. Морли представляло обугленную массу мяса и костей.

Все, что уцелело от этой катастрофы, было с величайшей тщательностью рассортировано, причем удалось отделить от обломков разбитых инструментов и утвари скудные остатки коллекций, минералогической и ботанической, собранных исследователями на Марсе; несмотря на жалкий вид этих остатков, надеются, что они дадут драгоценный материал для выводов о строении почвы Марса и о растительности на нем. В более счастливом положении оказались рукописи исследователей, так как шкаф, в котором они лежали, был в числе уцелевших от взрыва; эти рукописи — содержание которых указано выше — и послужат основными документами, на основании которых будет возможно восстановить всю картину экспедиции и использовать наблюдения и открытия, сделанные смелыми исследователями.

Полностью все эти рукописи будут опубликованы в монументальном издании A. S. A. S., которое имеет появиться под названием: «Материалы, касающиеся первой экспедиции на планету Марс», и над редактированием которого ныне работает вышеуказанная комиссия. В настоящем издании мы публикуем часть «дневника» тов. Морли, именно те страницы, которые опи-

сывают десять дней его пребывания на планете Марс. То, что непосредственно предшествовало этим десяти дням и следовало за ними, то есть путь от Земли до Марса и обратно от Марса до Земли, вкратце изложено, также на основании того же дневника, в Предисловии редакторов.

Издатели

Предисловие редакторов

Известно, что принципиально проблема междупланетных сообщений была решена еще в начале XX века, причем первые междупланетные корабли, сконструированные в то время, получили название «ракетных», по характеру тех двигателей, которыми они были снабжены. Однако на твердую почву конструкция подобных кораблей стала лишь с того времени, когда удалось найти практическое применение внутриатомной энергии и использовать ее в качестве моторной силы. Всем, вероятно, памятно, что после ряда неудачных и частью трагических опытов, был, наконец, найден тип этеронефов¹⁾, обеспечивавших сравнительную безопасность полета, и что несколько смелых исследователей, имена которых записаны в золотую книгу науки, совершили ряд удачных экспедиций за пределы земной атмосферы, причем некоторые из них приближались к Луне на расстояние 120 ее радиусов.

Однако существовало одно затруднение, долгое время казавшееся неодолимым, которое не позволяло человеку предпринять путешествие в более отдаленные области пространства. Дело в том, что при всей скорости, какую можно было развить, пользуясь внутриатомной энергией, огромность расстояний между небесными телами все же требовала значительного

времени для перелета от Земли хотя бы до ближайшей к ней планеты — времени, исчисляемого десятками дней. Между тем этеронавтам приходилось уносить с Земли все, необходимое им в пути, и прежде всего кислород для дыхания и воду для питья. Трудность и состояла в том, чтобы сконструировать снаряд, подъемная сила которого была бы такова, чтобы он мог вместить в себе запасы, достаточные для поддержания жизни путешественников в течение всего их пути, как вперед, так и обратно, так как было мало надежды на возможность пополнить их на другой планете.

Трудность эта была разрешена только новыми техническими открытиями в области химии, когда найден был способ обращать все газы в твердое состояние, — сохранять их в форме плиток, по внешности напоминающих металлические. Рядом с этим стоит изобретение простых приборов, дающих возможность без труда обращать эти конденсированные газы в продукты, необходимые для жизни человека, т. е. в воздух для дыхания и в воду для питья. Эти два важных открытия нашего времени сделали, наконец, вопрос о междупланетных сообщениях практически разрешимым²⁾.

1) *Кораблей для полетов в междупланетном пространстве (от греч. aither — эфир и франц. nef — корабль).*

2) *«Предисловие редакторов» осталось незаконченным.*

<Из «Дневника» Морли>³⁾

...минуты были ужасны. Уиль один стоял у мотора, опустив обе руки на рычаги; по внешности он казался спокойным, но лицо его было торжественно бледно. Нам, Крафту и мне, оставалось бездействовать, и то было мучительней всего. В напряженном волнении хотелось что-то схватить, усилием рук удерживать падающий этеронэф, что-то делать, к чему-то приложить свою силу, но приходилось неподвижно стоять.

Я смотрел на циферблат. Стрелка показывала более двух километров в секунду. То был не спуск, то было падение, чудовищное падение с высоты 500 000 метров. Еще несколько минут, «Пироент»⁴⁾ со скоростью пушечного ядра ударится о поверхность планеты, разлетится в осколки от страшного толчка и от взрыва заключенных в нем газов, обратит все, находящееся в нем, нас в том числе, в горсть пепла! Погибнуть у самой пристани, погибнуть, когда мы уже достигли пределов того мира, где еще никогда не был человек, погибнуть, почти ступая ногой на почву того Марса, о котором ряд веков мечтали и гадали поэты и мыслители! Погибнуть — и тем обратит в ничто все наши усилия, всю нашу борьбу со стихиями и законами природы, весь подвиг нашего двадцатидневного перелета! Погибнуть!

Все это и многое, слишком многое другое успел я думать, пока в стремительном падении мы пролетели десять, двадцать, сто километров... Такого отчаянья я не испытывал еще никогда; мертвящая тоска уничтожала самый страх. Я взглянул в нижнее окно: уже диск планеты заполнял все пространство; уже то было не небесное тело, к которому устремлялся междупланет-

ный корабль, но земля, земля, расстилающаяся под нами! Об эту землю сейчас мы будем разбиты вдребезги. Но почему? Отчего мотор не действует так же властно, как на пробных полетах? Не сошел ли с ума Уиль? Не кинуться ли на него, вырвать у него рычаги, спасти себя и все наше дело?

Вновь я взглянул на циферблат. Стрелка показывала скорость в один километр в секунду. Значит, падение замедлилось? И на моих глазах стрелка откачнулась еще: пятьсот метров в секунду! Сердце успело простучать не более десяти раз, цифра была 300. Потом я видел 280, 250, 200, 150... Я посмотрел на Крафта; тот стоял, не шевелясь, но его пальцы были судорожно зацеплены за ручку двери, а глаза недвижно уставлены на тот же циферблат. *Пятьдесят метров⁵⁾ в секунду*. Нет! уже только тридцать... двадцать пять... восемнадцать... десять... Успеем ли? Еще взгляд в нижнее окно, — там серая масса какой-то равнины; опять на стрелку, — полтора километра — скорость хо-рошего автомобиля⁶⁾.

3) Имена персонажей в главах из «дневника», кроме самого Морли, не совпадают с именами, названными в предисловии «От издателей». Вместо Пэриса и О'Рука появляются Уиль и Крафт.

4) Наименование, данное здесь междупланетному кораблю (от одного из древнегреческих названий планеты Марс — *Pyroëis*, огненный). В архиве Брюсова сохранилась и его драма «Пироент», героем которой является изобретатель снаряда, предназначенного для полета на другие планеты.

5) В автографе явная описка: километров.

6) Названная здесь скорость — полтора километра в минуту, т. е. 25 метров в секунду, не согласована с достигнутой уже раньше скоростью 10 м в секунду.

Уиль повелительно крикнул:

— Лечь!

Безотчетно я повиновался. Я бросился на свою койку и привычным жестом застегнул ремни, привязывающие меня к стене. Еще я видел, как то же сделал Крафт. Потом мелькнул жест Уиля, поворачивающего центральный рычаг. В тот же миг Уиль закрыл электричество, и было слышно, как в темноте он сам прыгнул к своей койке. Может быть, после того прошла еще секунда или две, но мое ощущение было таково, что мгновенно затем последовал удар. «Пироент» соприкоснулся с почвой Марса и вонзился в нее всеми своими тремя якорями.

VII

От сотрясения я потерял сознание, но, по-видимому, лишь на самое краткое время. Очнувшись, я сразу сознал положение. Сделав попытку двинуться, я убедился, что не получил никаких серьезных повреждений; было ушиблено бедро, но сначала боли не чувствовалось. Тотчас же я встал па ноги; пол под ногами был совершенно ровным. Ощупью я ориентировался в темноте, нашел уступ мотора, дотянулся до выключателя, зажег электричество. О, радость! Оно действовало, и все вокруг наполнилось светом.

Наша каюта имела почти обычный вид. Все было на своих местах: моторный стол, шкапы, которые даже не раскрылись, наши койки, даже инструменты, вделанные в стены; только барометр был выбит из своего гнезда и валялся разбитым. Но оба мои товарища, подобно мне, были сброшены на пол, так как ремни оборвались; Уиль лежал около самой койки, Крафт — по

самой середине каюты. Ни тот, ни другой не двигался.

Разумеется, следовало раньше всего оказать помощь товарищам, убедиться, живы ли они. Но неодолимое любопытство было сильнее. Окна были закрыты; Уиль успел захлопнуть и нижнее. Я прямо шагнул к окну у мотора и нервно нажал кнопку; механизм тоже оказался в исправности, ставня соскользнула, и прямо передо мной открылось то, чего еще никогда не видел человеческий глаз. Первый из людей я взглянул на пейзаж Марса.

Казалось, были поздние сумерки, хотя солнце, стоя сравнительно высоко над горизонтом, прямо било в стекло лучами — солнце ослепительное, более яркое, чем на Земле, но в форме маленького кружка, меньшего, чем видимый с Земли диск Луны. А под этим солнцем простиралась даль — не скажу степь, не скажу пустыня, но что-то однообразно-ровное и одноцветно-тусклое, не то бурого, не то коричневатого цвета. Никакой растительности, ни признака реки или ручья, ни малейшей возвышенности, сколько-нибудь значительной, ни гор, ни холмов, лишь кое-где ничтожные изломы поверхности, словно загрубелые морщины на старческой коже. И самая почва слабо, но отражавшая лучи маленького солнца, напоминала то слой лавы, то кованность металла, то какой-то потемнелый лед. И над всем этим тусклое небо, голубое, но не бледное, а с чернотой, как будто здесь художник подмешал в жидкую синь слабый раствор туши. Все — жутко, не величественно, а уныло, не поразительно новизной, но тоскливо в своей монотонной безжизненности.

— Товарищ Морли!

Вероятно, я смотрел па пейзаж не более двух секунд. Но Уиль уже стоял на ногах и звал меня, звал строго, тоном выговора подчиненному.

— Товарищ Морли! Прежде всего мы должны оказать помощь Крафту. Опять безмолвно я повиновался.

Мы подняли Крафта, все еще бесчувственного, положили на койку.

Наскоро я освидетельствовал его. Легко было обнаружить вывих левого запястья, так как при падении у него подвернулась рука, и разрыв кожных покровов головы за левым ухом от удара об угол шкафа. Сердце однако билось равномерно, не было признаков опасного сотрясения.

Молча я стал выполнять свое дело врача. Уиль не помогал мне: он осматривал мотор, приборы, хранилища газов. Через несколько минут Крафт пришел в себя. Осторожно я объяснил ему его состояние. Все без содействия Уиля, я раздел больного, вправил и забинтовал ему руку, промыл его рану и наложил повязку на голову. Несколько капель евбиоза закончили мою работу. Крафт, как то было в его характере, перенес болезненную операцию без всякой жалобы и, присев на койке, объявил, что теперь чувствует себя вполне хорошо.

Уиль расслышал эти слова и снова отдал мне приказание:

— Товарищ Морли, потрудитесь достать для анализа пол-литра внешнего воздуха.

Начальнический тон раздражал меня; я не двигался. Уиль спросил насмешливо:

— Вы забыли, что у нас для этого есть особое приспособление? Не желая начинать новых споров, я исполнил приказание. Механизм, придуманный самим Уилем, оказался вполне целесообразным. Через несколько минут в нашем распоряжении была алюминиевая реторта, наполненная воздухом Марса.

Уиль взял ее из моих рук, откинул стол и занялся анализом. Я сел на койку Крафта, делая вид, что для меня безразлично оказываемое мне пренебрежение, и мы начали тихо беседовать, конечно, о том великом моменте, какой переживали оба.

— Вывихнутая рука и эта рана за ухом — пустяки, — говорил Крафт. — Завтра же я отправляюсь исследовать эти страны. Что они безжизненны, неверно. В той или иной форме, мы найдем здесь и флору и фауну. А если даже нет, то ведь для открытий минералогических и геологических — или, как сказать? марсологических! — здесь неисчерпаемая копь! Завтра, в один день, мы совершим открытий больше, чем все земные натуралисты за десятки лет трудолюбивейших исканий! Завтра!

Уиль подошел к нам.

— Товарищи, — сказал он, — нам надо поговорить серьезно. Вы способны, Крафт?

— О да! еще бы! — отвечал тот.

— Тогда слушайте.

Не спеша, Уиль взял один из переносных стульев, сел у койки Крафта, оглядел нас обоих, но, не ожидая от нас слов, начал говорить. Он излагал свои соображения тоном, как если бы был на кафедре в университете перед малоподготовленными студентами.

XVI

— Мы достигли поверхности Марса, — говорил нам Уиль, — чего это нам стоило, вы знаете. Все же я должен обратить ваше внимание на два обстоятельства: на время, которое нам пришлось потратить на перелет, и на место, которое нам пришлось принять за точку спуска. Вы помните, что по теоретическим расчетам

предполагалось, что перелет от Земли до Марса потребует, при максимальной скорости 5,6 километра в секунду, время от 116 минимум до 120 максимум земных суток. По тому же расчету предполагалось, что на обратный путь от Марса до Земли потребуется ввиду увеличения расстояния в связи с поступательными движениями обеих планет по их орбитам, время от 120 минимум до 125⁷⁾ максимум земных суток. Итого оба перелета, от Земли до Марса и обратно, должны были предположительно занять от 236 минимум до 244 максимум суток. На пребывание на поверхности Марса предполагалось, при наших расчетах, 20 марсиских суток, которые, как вам известно, почти равны земным суткам, именно содержат 23 земных часа вместо 24. Всего путешествие должно было занять максимум 264 земных суток или около 6.336 земных часов.

Покорно я слушал сообщение Уиля, хотя испытывал при этом озлобленную досаду: все эти цифры были нам давно известны наизусть, и было нелепо терять на их повторение драгоценные минуты, которые можно было употребить с гораздо большей пользой хотя бы на простое обозрение ландшафтов Марса.

Уиль невозмутимо продолжал свой доклад.

— Сообразно с таким вычислением был сконструирован наш этеронеф, и его грузоподъемность была рассчитана таким образом, чтобы он мог нести в себе количество кислорода, необходимого для дыхания трех человек в продолжение, круглым счетом, 6.400 земных часов. Точно так же количество водорода и других элементов, взятых на этеронеф, было рассчитано таким образом, чтобы можно было обратить их в такое количество питьевой воды, которое необходимо для трех путешественников в течение 265 земных суток,

7) Первоначально было: 124.

полагая не свыше 4 стаканов на человека в сутки. Наконец, количество зарядов, приводящих в действие наш мотор, было рассчитано как на два перелета, один максимум в 120 дней при покрытии расстояния в 56 миллионов километров и другой максимум в 125 дней при покрытии расстояния несколько больше, имея небольшой запас, достаточный для небольшого перелета с одной точки поверхности Марса на другую, например, из одного полушария планеты в другое.

Уиль остановился и обвел нас глазами. Крафт неподвижно смотрел в окно, приходившееся прямо перед его лицом, на марсианский пейзаж. Я столь же упорно рассматривал стену над койкой Крафта — зрелище гораздо менее любопытное. Уиль, по-видимому, остался доволен нашим вниманием и продолжал дальше.

— Непредвиденные обстоятельства нарушили наш расчет. Первый перелет от Земли до Марса занял, как вам известно, время свыше 127 земных суток, именно превысил почти на 170 часов то, которое мы считали максимально потребным. Это составляет увеличение почти в 6%. Причины, вызвавшие это замедление пути, как вам известно, не уяснены еще нами с полной отчетливостью, но есть много вероятия искать их частично в гораздо более сильном влиянии притягательной силы малых планет, испытанной нами в часы, когда наш «Пироент» пересекал орбиту астероидов; частично в гораздо большем сопротивлении мирового эфира, нежели то предполагалось по расчету, не давшем нам довести скорость полета до максимальной величины 5,6 километров в секунду, но понижавшем ее в разные моменты движения на величину от нескольких сотых до одной и даже двух с половиною десятых километра в секунду; возможно еще, что причи-

ною указанного явления были некоторые несовершенства сконструированного нами мотора...

«Последней причины вполне достаточно, — подумал я не без злобы, — и ни к чему ссылаться еще на фантастическое трение мирового эфира и на сомнительное увеличение притягательной силы астероидов! Порочность конструкции мотора принадлежит вовсе не нам, а вам одному, любезнейший товарищ Уиль!» Конечно, вслух я этих мыслей не высказал и старался изобразить на лице выражение холодного внимания.

— По аналогии с опытом перелета от Земли до Марса, — с прежней невозмутимостью продолжал Уиль, — мы должны допустить, что обратный путь потребует такого же увеличения своей максимальной продолжительности, т. е. приблизительно в 6%, т. е. займет максимум не 125, а около 132 с половиною земных суток, даже при условии, что наше отбытие с поверхности Марса произойдет не позже ранее намеченного срока и, следовательно, расстояние между обеими планетами останется то же, какое предполагалось по предварительному расчету. Таким образом, на оба перелета, путь к Марсу и обратно к Земле, мы обязаны пока класть сумму 127 земных суток, уже потраченных нами на перелет сюда, и 132,5 земных суток, предположительно необходимых для перелета отсюда до Земли, причем последняя цифра должна ныне считаться минимальной, ибо возможны еще новые случайности, столь же не предусмотренные нами в настоящую минуту, как те, которые задержали наше прибытие на Марс. В общем итоге 127 плюс 132,5 составляет 259,5 земных суток, или, в часах, 6.228 земных часов, точнее же 6.230 часов, так как наш перелет сюда занял на 2 земных часа больше времени, нежели ровно 127 раз по 24 часа. Вычитая эту цифру 6.230 часов из цифры

6.400 часов — время, на которое мы могли взять запас с собою кислорода для дыхания, мы получаем в остатке 172 часа, иначе говоря, немногим больше 7 земных и около $7\frac{1}{2}$ марсианских суток. Это и есть тот срок, который, при сложившихся условиях, мы теперь можем провести на поверхности Марса, пользуясь нашим запасом кислорода. Однако, повторяю еще раз, что эта цифра скорее должна считаться максимальной, т. к. число часов, требуемых для обратного перелета, исчислено нами предположительно и может потребовать увеличения. Следовательно, благоразумнее для нас начать наш обратный перелет ранее, чем через 7 суток, или ранее, чем по истечении 172 земных часов от момента нашего соприкосновения с поверхностью Марса.

Несомненно, вывод Уиля был достаточно поразительным, хотя все мы и предвидели его уже в течение ряда последних дней, когда выяснилось наше опоздание. Тем не менее, манера говорить Уиля, совершенно излишняя точность его слов, напоминая элементарный учебник арифметики, раздражала меня до крайности. На этот раз я не мог воздержаться, чтобы не вставить едкого замечания.

— Между тем вы, Уиль, из этих 172 часов тратите добрых полчаса на объяснение нам вещей, которые хорошо знаем без вас!

Мое впечатление было, что Крафт посмотрел на меня с ужасом, словно я своей репликой совершил перед убежденным монархистом преступление «оскорбления величества», если не произнес перед верующим богохульства. Но сам Уиль обратил на мои слова не больше внимания, чем на жужжание мухи; он только выждал маленькую паузу и заговорил снова, все тем же тоном.

— Приблизительно на такое же время остается в нашем распоряжении запас того же кислорода, водорода и других элементов для выработки питьевой воды, с той разницей, что рацион выдаваемой воды может быть уменьшен, доведен, например, до трех и даже двух стаканов в день; тогда как уменьшить потребление человеком кислорода крайне трудно и даже губительно для него. Совсем ничего не буду я говорить о запасах для нашего питания, так как сокращение порций в этом отношении еще менее тягостно. Наконец, что касается зарядов для мотора, то, как я уже напоминал, мы имеем некоторый запас их, и, кроме того, можем вовсе не расходовать на Марсе, так что время нашего пребывания на планете не зависит от их количества.

— Однако, в плане нашей экспедиции стоит перелет «Пироонта» из одной точки Марса в другую, — заметил я.

— К этому вопросу я и перехожу, — ответил мне Уиль с той холодностью, с какой отвечает профессор ученику, перебивающему его лекцию.

Опять сделав паузу, Уиль начал изложение второй части своего доклада.

— Вам известно, что по плану экспедиции, только что упомянутому тов. Морли, предполагалось, что мы совершим спуск поблизости от той местности поверхности Марса, которая на наших земных картах этой планеты носит именование «Озера...» Согласно с распространенной гипотезой, сторонником которой являюсь и я, подобные «озера» являются средоточием цивилизованной жизни на Марсе. Оказавшись вблизи подобного центра, мы имели бы возможность сравнительно легко, во всяком случае — быстро, вступить в сношения с разумными обитателями планеты. Однако,

как вам тоже известно, непредвиденные условия полета, частью наше опоздание, главным же образом недостаточно исправное действие мотора, не позволили нам самим избрать точку спуска. По причинам, мною еще не приведенным в полную известность, задерживающая сила мотора в период спуска на поверхность планеты оказалась гораздо менее энергичной, нежели то предполагалось по теоретическому расчету, и нежели то наблюдалось во время нашего пробного перелета и при опытах с моделями этеронетов моей системы. Возможно, что здесь сыграла роль инерция движения, развитая во время ста двадцатисемидневного пролета по межпланетному пространству...

«Какие нелепости говорит этот человек, выдающий себя за ученого физика!» — подумал я, но решил не вызывать новых споров.

— Как бы то ни было, — методически сказал Уиль, — наш спуск первоначально имел характер падения, тогда как мне, как управляющему мотором, предстояло иметь в виду разрешение двух задач: во-первых, замедлить это падение, обратя его в планомерный и медленный спуск; во-вторых, направить этот спуск на заранее намеченную точку планеты. Так как я с несомненностью увидел полную невозможность выполнить одновременно оба задания, то и должен был сосредоточить свою энергию на осуществлении лишь одного из них. Естественно, что я должен был избрать первое из них, так как от замедления быстроты падения зависела судьба всей экспедиции...

Я еще раз не выдержал и воскликнул:

— Дорогой Уиль! Это нам всем слишком памятно, известно и понятно! Уж если ваш мотор оказался недостаточно мощным, разумеется, лучше было спуститься хоть куда-нибудь, но благополучно, чем точнейшим

образом, на заранее избранное место рухнуть из поднебесья и разлететься при этом вдребезги!

Уиль сделал вид, что не понял моей иронии и самоуверенно заявил:

— Мне удалось достичь поставленной себе цели, и наш спуск произошел совершенно благополучно...

Я взглянул на Крафта с его вывихнутой рукой и перевязанной головой и готов был расхохотаться; Уиль же продолжал:

— Зато я должен был пожертвовать второй стоявшей предо мной задачей, и мы оказались на таком пункте поверхности Марса, который не был нами предварительно избран и местонахождение которого, в сущности, остается нам неизвестным.

— Я полагаю,- сказал Крафт, впервые за все время доклада прерывая свое молчание, — что мы опустились где-либо в области...

— Очень возможно, — благосклонно согласился Уиль. — Пейзаж, видимый нами из окна, соответствует тому представлению, какое я могу себе составить о... Точнее мы определим наше местонахождение, сделав необходимые наблюдения.

— Каким образом? — спросил я.- Может быть, вам известно, через какой пункт марсиане проводят свой первый меридиан и который там час теперь?

Уиль не удостоил меня ответом, но вернулся к своей лекции.

— Явно одно, — сказал он, — что мы находимся в пределах какой-то пустыни, по-видимому, весьма далеко от населенных, культурных центров. Ввиду этого наши исследования потребуют значительного времени уже на один переход от этой точки до какого-нибудь города марсиан или чего-либо, что здесь соответствует нашему понятию о городе. Очень возможно, что один

такой переход и потребует срока большего, чем те семь суток, которые находятся в нашем распоряжении.

— Позвольте, Уиль, — вставил я, — вы забываете, что мы... *<на этом текст обрывается>*

<1920-1921>

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

(выдержки)

...в набросках научно-фантастической повести о полете землян на Марс «Первая междупланетная экспедиция» (вариант названия «Экспедиция на Марс»), относящихся к 1920—1921 гг., речь идет о большом достижении науки и техники. И хотя все герои повести Брюсова погибают, им удалось, по замыслу автора, все же — впервые в истории человечества — вступить на почву другой планеты.

Повесть должна была состоять из предисловия «От издателей», предисловия редакторов и записок одного из участников экспедиции. Только первое предисловие было написано полностью, второе осталось незаконченным, а основное повествование представлено лишь неполными тремя главами. Замысел повести претерпевал в процессе работы некоторые изменения, о чем говорит наличие набросков более ранней редакции. Менялись и имена персонажей (поэтому они не совпадают и в разных частях нашей публикации — в предисловии «От издателей» и в тексте записок).

Мысль написать о межпланетном путешествии принадлежит к числу наиболее ранних замыслов Брюсова, зародившихся еще в детские годы. Важной вехой в развитии темы космического полета для Брюсова послужило знакомство с работами Н. Ф. Федорова. «Русский философ Федоров, — пишет Брюсов в статье «Пределы фантазии», — серьезно проектировал управлять движением Земли в пространстве, превратив ее в отромный электромагнит. На Земле, как на гигантском корабле, люди могли бы посетить не только дру-

гие планеты, но и другие звезды. Когда-то я пытался передать эту мечту философа в стихах, в своем «Гимне Человеку»:

Верю, дерзкий! ты поставишь По Земле ряды ветрил. Ты своей рукой направишь Бег планеты меж светил...

В перечне замыслов 1908 г. Брюсовым назван рассказ «Путеводитель по Марсу»; к дореволюционным годам (судя по орфографии) относится имеющийся в архиве листок с математическими расчетами о времени перелета с Земли до Марса. В архиве писателя имеется также вырезка из газеты «Речь» с сообщением о докладе Я. И. Перельмана «Междунланетные путешествия: в какой степени можно надеяться на их осуществление в будущем», состоявшемся 20 ноября 1913 г. в «Русском обществе любителей мироведения».

Но в дореволюционные годы Брюсов интересовался темой междупланетных полетов не специально, а, так сказать, попутно. Именно первые годы революции с их пафосом устремленности в будущее побудили его заняться вплотную темой освоения космоса; заметим, что действие публикуемой повести он относит ко времени победы революции во всем мире, употребляя по отношению к участникам экспедиции — американцам советскую форму обращения «товарищ».

В 1919—1920 гг. Брюсов знакомится с работами К. Э. Циолковского, интересуется им самим и задумывает написать книгу о нем. Каких-либо следов работы над книгой о Циолковском пока не обнаружено, но имеется авторитетное свидетельство об этом замысле и об отношении Брюсова к Циолковскому.

Осенью 1920 г. состоялась встреча Брюсова с ученым-гелиобиологом, поэтом, сотрудником и другом Циолковского — А. Л. Чижевским. Брюсов пригласил его к себе специально для разговора о Циолковском.

А. Л. Чижевский оставил воспоминания об этой встрече.

По свидетельству Чижевского, Брюсов назвал Циолковского человеком исключительного дарования, оригинальным мыслителем. Он сказал: «Циолковский — интереснейшая личность нашего века. Скала среди бурного океана непонимания. Будущее поколение создаст о нем легенды».

«Я интересуюсь, — говорил Брюсов, — не только поэзией, но и наукой, вплоть до четвертого измерения, идеями Эйнштейна, открытием Резерфорда и Бора... Материя таит в себе неразгаданные чудеса... Что такое душа, как не материальный субстрат в особом состоянии! Но Циолковский занимается вопросами космоса, возможностью полета не только к планетам, но и к звездам. Это несказанно увлекательно и, по-видимому, будет осуществлено... Меня интересует личность Циолковского... Ведь он только учитель городской школы, а как далеко он продвинул свои идеи! Многие его не признают, но это ровно ничего не значит — великих людей часто признают только после их смерти. Не в этом, конечно, дело, а в том, что он является носителем сказочной идеи о возможном полете в другие миры на ракетных кораблях. Эти идеи вдохновили меня на создание нескольких стихотворений... Читали ли вы их? по этому вопросу я говорил с некоторыми нашими физиками — они смеются над Циолковским, но принципа ракеты не отрицают. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. К Циолковскому отношение

несерьезное, но я бы написал о нем книгу, я думаю об этом...»

Рассказывая о темах этого разговора, Чижевский отмечает, что «Брюсова больше всего интересовал вопрос с возможности полета в космос». Это и понятно: как раз в то время Брюсов работал над повестью «Первая междупланетная экспедиция».

Надо отметить, что повесть Брюсова по поставленным автором перед собой задачам и подходу к материалу близка к научно-фантастическим повестям Циолковского. Как и повести Циолковского, она более научна, чем фантастична, главной ее темой является научное познание, содержанием — сообщение пусть гипотетических, но основанных на данных науки сведений, ее занимательность заключена в занимательности самого научного материала. Ввиду малой изученности работы Брюсова как прозаика, окончательные выводы в отношении его прозы преждевременны, поэтому и настоящее предисловие содержит лишь некоторые фактические пояснения к небольшому комплексу прозаических произведений и замыслов Брюсова, правда, хронологически охватывающему весь его творческий путь...

В. ПОЗНЯКОВ

КУБОК МАЙОРА КОСИЦЫНА

Фантастический рассказ

Журнал «Вокруг света» (Ленинград) №12, 1928 г.

Ленинград, Шамшева, 28.
Косицыну Георгию.
Выезжай Фрунзе немедленно.

Косицын.

I.

*Ленинград, Шамшева, 28.
Косицыну Георгию.
Выезжай Фрунзе немедленно.*

Косицын.

Георгий Сергеевич в десятый раз перечитывал телеграмму — смысл ее от этого не менялся. Стояло ясно, определенно, категорично — «выезжай Фрунзе^[1] немедленно...»

...За четыре слишком тысячи верст, в Среднюю Азию — и так неожиданно — из уютной, светлой квартиры в три комнаты на тихой улочке Петроградской стороны — через всю республику, Волгу, мимо знакомых только по карте песков Аральского моря, к такому же малознакомому, как эти места, девяностотрехлетнему деду...

Встал в памяти полустертый временем, протекшим с детства, образ высокого костлявого старика, вспомнился низкий бас, резкие движения, шершавая огромная рука, не выпускавшая папиросы-самокрутки...

[1] Фрунзе, раньше Пишпек, город в Средней Азии, столица Киргизской Республики.

Георгий Сергеевич еще раз перечитал телеграмму, узнал, что принял ее Гречухин, вздохнул и решил ехать.

Обстоятельства позволяли порвать на время с Ленинградом — последняя вещь, напечатанная в одном из толстых журналов, дала несколько сот рублей, новая работа еще не налаживалась.

Ночь до Москвы, погоня через площадь за нагруженным двумя чемоданами носильщиком, вагон с надписью «Москва-Ташкент» — и пошли мелькать убранные осенним багрянцем рощи, сжатые поля, деревни, грохочущие станции...

Расположившись в вагоне, сначала против унылой, страдающей зубной болью дамы, ехавшей до Самары, затем против молоденького инженера-путейца, без нужды демонстрировавшего на каждой станции свое новенькое, с иголки, пальто, Косицын старался вникнуть в причину его вызова, собирал разрозненные временем воспоминания о деде.

Они начинались со смертью отца Георгия Сергеевича, который умер, когда ему, маленькому Горе, было всего пять лет. Своего отца Гора не помнил, но образ деда, костлявого великана, память кое-как сохранила. Всегда молчаливый, сосредоточенный, скупой на ласки, дед на целые часы запирался в своем кабинете и рылся в книгах, которых покупал множество.

Мать Георгия Сергеевича, вскоре после смерти мужа, не поладив со стариком и не особенно тепло попрощавшись с сыном, уехала куда-то на юг, к своей семье. И остался маленький Гора с глазу на глаз с нелюбимом-дедом.

...Запомнилась одна подробность из совместной жизни. К обеду, всегда простому, почти, из-за скупости

старика, голодному, подавался большой, стакана на два, металлический кубок для воды. Кроме нее, старик ничего не пил.

Кубок слегка расширялся кверху, и на своей тускло-серой металлической поверхности имел хитросплетенную монограмму «М. К.». Старик очень дорожил этим кубком, сам после питья тщательно вытирал его салфеткой, хранил в отдельном ящике буфета. На вопросы редких гостей, откуда у него этот кубок и из какого металла он сделан, старик отвечал кратко и таким тоном, что дальнейшие вопросы исключались:

— Отцовский... Металл — не знаю. Не химик...

Затем всплыл в памяти один эпизод...

Однажды, страшно возбужденный, вернулся дед откуда-то. Сбросил пальто, прошел в столовую и из необъятного заднего кармана сюртука вытащил кубок и швырнул его на стол.

— Ученая обезьяна!.. Дуралей, сопляк!.. — последовало еще несколько энергичных эпитетов, хлопнула дверь кабинета и старик скрылся за нею.

Вскоре после этого случая дед отдал Горю в пансион Ларинской, что на Васильевском острове, гимназии, и уехал куда-то. Долго о нем не было никаких известий, но деньги на содержание мальчика аккуратно переводились в канцелярию гимназии.

Затем стали доходить известия о том, что он в Париже, видели его в Лондоне. Поплыли слухи о скандале, устроенном им директору Гринвичской обсерватории, когда дед будто бы назвал того ослом и идиотом, затем нагрянула война, революция — и дед на время забылся.

Георгий Сергеевич кончил гимназию, захватил хвост войны, побывал на фронте, был ранен и по выздоровлении поступил в университет.

Голодовка двадцатого года скомкала учение — пришлось заниматься всем тем, что кормит: разгрузкой товаров в порту, продажей барахла, огородами, даже мешочничеством. Была сделана робкая попытка написать рассказ — и выявилось незаурядное литературное дарование. Его вещи печатались охотно — Горя нашел самого себя и стал жить по-человечески.

Наконец, в 23 году исчезнувший дед прислал ему письмо, помеченное штампом «Пишпек». Оно не было пространно — дед сообщал, что вот уже два года, как он в Пишпекке, служит сторожем в каком-то учреждении, занимается садоводством. «Жить можно, но и умирать пора — ведь мне девятый десяток на исходе», — заканчивалось письмо.

А теперь эта телеграмма...

II.

Однообразные пустыни после Оренбурга, станция Арысь, где приходится целый день ждать поезда на Пишпек, живописные скалы Фрунзенской ветки, где путь делает гигантские петли, а поезд расцепляется на две части, каждую из которых задыхающийся паровоз тянет, изнемогая, наверх и, наконец, долгожданная ст. Пишпек.

Сорок минут езды на арбаке — и Георгий Сергеевич у крохотного глиняного, забеленного известью, домика на окраине города.

На стук отворяет замызганная девчонка лет двенадцати и испуганно смотрит на Георгия Сергеевича.

Потом, видимо, вспоминает что-то, широко улыбается и кричит в комнаты:

— Дщусю, до вас внук пршхав!..

И вот опять видит Георгий Сергеевич своего деда — он лежит, вернее, полусидит на кровати под одеялом.

— Ну, вот, и спасибо, что приехал... — слышит Косицын низкий бас, и огромные руки слабым движением тянутся к нему.

Дед изменился сильно. Волосы, теперь сплошь белые, поредели, рот запал — видно, не один зуб потерял старик за это время, глаза ушли глубоко под косматые брови.

И жестко было прикосновение к лицу щетины давно небритых бороды и усов.

— Умирать пора, Горя, — сказал старик. — Пожил, довольно. Слава тебе, Господи, до девяносто трех лет дотянул, родителя своего на семь лет перещегоолял...

И, помолчав, добавил:

— Вызвал я тебя, Горя, чтобы, во-первых, проститься — ведь ты единственный Косицын после меня остаешься, а во-вторых, рассказать перед смертью кое-что... А теперь пойдди, отдохни с дороги, вон, в комнату рядом. Я тоже устал, взволновался, — поговорим завтра, авось доживу.

Утром старик встретил его так же приветливо, как и накануне.

— Ну, Горя, — сказал он, — можно начать мою историю. Слушай — и ничему не удивляйся... Впрочем, удивляться можешь, есть чему. Только, только... верь, — закончил он с какой-то просящей, жалобной улыбкой.

— Герой моей истории — вон, — продолжал он, указывая на стоящий у кровати стол.

Георгий Сергеевич только сейчас заметил на нем своего старого знакомого — большой, отливающий тускло-серым металлическим цветом кубок.

— Много выпито из этого кубка вина и горя. Вино пил мой отец, а горе — мы с ним вместе, — усмехнулся старик. — Но, слушай дальше, мальчик.

Дед поправил подушку, лег поудобнее, осторожно ворочая свое большое, умирающее тело и, откашлявшись, начал.

III.

— Отец мой, Максим Максимыч, как тебе, может быть, известно, был мот, пьяница и игрок. Из песни слова не выкинешь, Горя, и только этими свойствами его характера можно объяснить то, что наложило тяжелую печать на мою и на его жизнь, что превратило в ничто величайшее достижение разумных существ. Судьба сыграла над этим достижением такую глупейшую шутку, что становится страшно. Ну, да ладно, не буду говорить загадками...

После сражения под Тарутиным, в наполеоновскую кампанию, отец мой двадцативосьмилетним капитаном был ранен осколком снаряда в ногу и эвакуировался в тыл.

Отправился он в наше имение Нижегородской губернии, Шумово, и стал ждать там выздоровления.

Однажды, сидя у себя в кабинете и попивая вино, он был потревожен лакеем Егоровичем, который ему доложил, что вернувшийся с медных рудников Урала, тогда еще не опущенных в карты, приказчик Кузмичев желает его видеть.

Нужно тебе заметить, Горя, что все это я рассказываю со слов отца, накануне смерти побеседовавшего со

мной в состоянии, уже близком к старческому маразму. Кое-что забылось, кое-что, может быть, перепутано.

Кузмичев был толковый, грамотный, живо интересующийся всем человек. Отец его любил, доверял ему, а потому, во-первых, и отправил его на рудники проверить работу, а во-вторых, не послал к черту за то, что тот помешал ему в его уединении.

Кузмичев вошел, поклонился и поставил на стол что-то, завернутое в домотканый красный платок.

— До вашей, милости, барин, — сказал он. — Так что дела на Макарьевском руднике идут ходко, за прошлый месяц руды пудов четыреста нарыли, да и за позапрошлый, почитай, столько же. Митька Дробыш дело понимает, и касательно поведения его никакого сумления быть не может. Бьет Митька милости вашей челом и просит не гневаться — принять сей презент.

Развернул платок и подносит к самому баринову носу что-то продолговатое, круглое, темно-серое.

— Так что на самом дне шахты, в канун Покрова дня, вырыли эту штуку. Головка в ей отвинчивается, лежат в ей бумаги — люди мы темные, понять не можем, что к чему.

Взял отец эту штуку в руки и видит — действительно, цилиндр этак вершков пяти в длину, около двух в диаметре. Головка круглая, отвинчивается. Весь темно-серый, тяжелый страшно, фунтов на десять. Отвернул головку, а Кузмичев говорит:

— Долго бился Митька над головкой этой самой — никак не отвернуть. Вся штука эта коростой была покрыта, вершка на полтора толщиной. Долго коросту эту отбивали, прежде чем она настоящий свой материал показала. А когда головку отвинтили, свист пошел...

Отвинтил отец головку, заглянул внутрь и видит —

в первом цилиндре второй, но уже не металлический, а из какого-то темного, гибкого, как резина, вещества. И с крышкой. Снял эту крышку, а в нем свернутые бумаги лежат. Развернул их — знаки какие-то, черточки, крестики, и бумага не обыкновенная, а желтая, полупрозрачная. Кузмичев же продолжает:

Так что на своем дне шкты вырвал эту штуку

— Была в ей, в штуке этой, еще коробочка одна, крохотная, этак с полпальца длиной. В коробочке этой, как Митька сказывал, были зернышки какие-то насыпаны разные. Винится Митька перед тобой, барин. Утянули евонные ребятишки эту коробочку, затеряли, а зернышки, как сказывали потом, сожрали — кисленькие, говорят.

Смотрит мой отец на бумаги и не понимает ничего. Кузмичев же — дальше:

— Чуднейшая история с бумагами этими, барин, вышла. Баба Митькина, Степанида, дура, что ни на есть на всех рудниках первеющая, увидела как-то одну из бумажек этих на лавке — забыл Митька за делам — и когда стала огонь в шестке разводить, сунула в костерок, чтоб бойчее разгорелся и — диво дивное — не горит бумага, хоть тресни. А тут сам Митька шасть в двери, хотел бабу облаять, да видит, больно занятно. Кругом щепка занялась, огонь столбом, а бумага лежит, и хоть бы ей что...

Ушел Кузмичев, и стал ломать над всем этим голову мой отец. Нарисованы на бумагах знаки разные, кружки какие-то, червячки, уродцы. Вертел в руках штуку эту металлическую, ножом ковырнул — зазубрина на ноже, как на воске, а нож толедской стали. Попробовал бумагу поджечь, в камин сунул — действительно не горит...

Ломал, ломал голову, плюнул, налил себе еще вина, охмелел, спать лег.

А наутро курьер от самого графа Палена, командира дивизии, приказ привез: быть капитану Косицыну в Петербурге — в своем полку. Нужно было на Париж идти.

Наскоро собрался мой отец (выехать мог, рана зажила) и отправился в Питер. Захватил с собой и Митькин подарок. Да впопыхах некоторые из бумажек забыл. Забыл и футляр из неизвестного материала. Собирался бы толком, может, и ничего с собой не взял бы. А тут, что под руку попало, то в сундуки и сунул. Да, кроме того, признавался, здорово он пьян был, когда вместе с Егорычем укладывался.

Когда оказался в Париже, не до цилиндра этого было. Тогда наших офицеров там на руках носили. Закрутился он, с бала на бал, с попойки на попойку. Влюбился во француженку одну, и когда стали войска наши из Парижа уходить, плюнул на все, подал прошение об отставке и с чином майора остался в Париже.

Увидела как-то его француженка Митькин подарок, бумаги выкинула, головку отвинтила, а оставшийся таким образом стакан себе на стол поставила. Чего он ей понравился — неизвестно: некрасивый был с виду, металл тусклый, единственно что — вес куда больше, чем если бы он из серебра или железа был сделан, и звон замечательный. Ударит это она по нему пальчиком — дзинь — как хрусталь звенит.

Прожил он с француженкой этой десять лет — Марго ее звали, по фамилии Кутюрье. А потом она умерла. И хотя прожил он с ней угарную жизнь, трезвый, как сам говорил, никогда с ней не целовался, но нужно отдать справедливость ему — долго и сильно горевал о ней. Пьяное было горе, но от того, может быть, еще более горькое. И в память покойной заказал сделать из металлического цилиндра митькиного — кубок.

Это оказалось не так просто. Многие токари по металлу ничего с ним поделать не могли — не брал резец. Сколько он денег ни предлагал, ничего не выходило. Да и заинтересовались мастера, что за металл такой. Пристали с расспросами — тут он себя по лбу хлопнул — понял, что дело далеко не просто, начал рассказывать им о происхождении этого цилиндра — Мы понимаем, м-сье, — говорили, вертя в руках цилиндр, — но где же все остальное?

Кинулся к бумагам, что Марго выкинула, не нашел, затерялись. Написал старшему приказчику в имение, чтобы под страхом порки и ссылки в Сибирь нашел те

бумаги, которые он перед отъездом оставил. Заметался приказчик, набрал кучу всяких старых документов и ахнул в Париж — не сообразил хорошо, что от него хотели. Кузмичев уже давно умер. Понял отец, что лучше молчать обо всей этой истории, — все равно не поверят, — но мысль превратить цилиндр и кубок не оставил. Обходил все мастерские, пока, наконец, не набрел на одного англичанина, который за бешеную цену выточил кубок и вырезал вензель «М. К.». Вензель вдвойне к месту был: Марго Кутюрье, Максим Косицын — инициалы одни и те же.

Так семь лет прожил он бобылем и наконец решил жениться. Шел ему уж сорок восьмой год. Приглядел он девушку, мою мать, и женился на ней. Пить бросил, остепенился, зажил, как все.

Некоторое время спустя, когда ему стукнуло пятьдесят лет, родился я.

Рождение мое стоило жизни моей матери.

Снова запил отец — на этот раз уж беспробудно, до самой смерти. Тридцать с лишком лет скитался он по Европе, в пьяном угаре потроша имение. Рудники, пятьсот десятин леса, конский завод — все было спущено по игорным притонам, роздано приживалам и прихлебателям. Нашелся среди них один порядочный человек, списался с каким-то дальним родственником нашим в Петербурге, и девятилетним мальчишкой я был отвезен туда и отдан в кадетский корпус.

Восьмидесятишестилетним старцем привезли в Шумово отца — и я не знал, чему больше удивляться. Тому ли, что можно так пропитаться спиртом, как им пропитался отец, или тому, что есть такие богатырские натуры, которые могут выдержать десятки лет беспробудного пьянства.

Единственным светлым пятном на мрачном фоне последних дней старика было воспоминание о Марго Кутюрье, и он привез с собой свою святыню, кубок с инициалами «М. К.».

Перед смертью же, впадая в забытие, путаясь и плача, рассказал мне все то, о чем теперь тебе говорю я.

К концу его рассказа я начал догадываться о происхождении митькиного подарка. Но догадка пока не подтверждалась ничем.

Я проделал турецкую кампанию, вышел в отставку, уехал в имение, женился и принялся за поиски тех листков полупрозрачной бумаги, которые были оставлены отцом перед его отъездом в Париж.

Шли годы — и я не находил ничего.

Я отчаялся, бросил искать, занялся хозяйством. И вот, спустя много лет, разбирая в моем присутствии старый, грозивший падением, каретный сарай, рабочие нашли под половицей кусок бумаги. Это было то, что я искал. И когда взгляделся, то одновременно чувство огромной радости и досады, граничащей с отчаянием, овладело мной.

На полупрозрачном небольшом обрывке, похожем на пергаментную кальку, но значительно более плотном, было изображено четыре круга — два размером примерно в серебряный рубль, два других в гривенник. Ко всем им были приделаны палочками, как рисуют дети, руки и ноги, а на поверхности изображены таким же детским рисунком рожицы: глаза — кружками, нос — запятой, рот — забором. Под этим изображением виднелось другое — очень тонкий рисунок, похожий на географическую карту, заполнявший все четыре круга. Этот рисунок не говорил ничего, но я уже знал, как его расшифровать.

С женой и сыном, твоим отцом, я перебрался в Петербург и погрузился в книги. Вытравить изображение рожниц, сделанное какими-то ребятишками, мне не удалось, да, кроме того, я боялся повредить основной рисунок. Но этот слабый, тонкий-тонкий, изобиловавший подробностями рисунок, под сильной лупой доказывал мне, что я вижу перед собой карту обеих полушарий земли далекой меловой^[1] эпохи. Моря и континенты давали другую конфигурацию, чем современная карта. Вместо севера Германии, северо-запада Франции, запада нашей России было море. Море заливало и южную Украину. Не стану описывать тебе подробно эту карту, ты ее, почти тождественную, найдешь в каждом хорошем сочинении по истории земли.

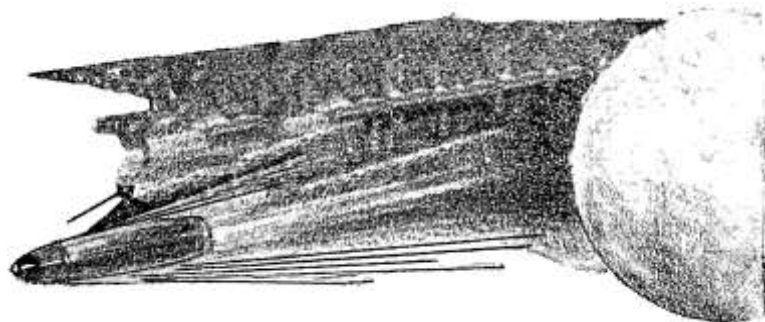
Рисунок на малых кругах тоже была карта, карта какой-то планеты. Какой — станет ясно, если скажу тебе, что соотношение между большими и малыми кругами равнялось таковому же между плоскостными изображениями земли и луны.

Остальное так же мрачно, как и начало этой истории. Когда я решился обратиться к одному из тогдашних светил астрономической науки и, давась рассказом, сунул ему в руки кубок и этот лоскут бумаги, оно, это светило, разразилось таким смехом, что напрасно я лепетал ему, что рожницы эти нарисованы какими-то ребятишками, а самое настоящее — под ними.

Ясно было одно — с кубком и рожницами далеко не уедешь, тем более, что светило не побрезговало разнести по своим коллегам молву о сумасшедшем старике, толкующем что-то о том, как миллионы лет тому назад жители луны пальнули по земле снарядом,

[1] Меловая эпоха мезозойской эры истории земли. Во время ее развилась морская фауна, землю населяли гигантские земноводные и пресмыкающиеся.

начиненном изображениими детски нарисованных карапузов. Улыбались, поддакивали, но, видимо, не верили. Да и как поверить опустившемуся, вечно пьяному человеку, несущему косноязычную чушь о находке на дне шахты, о каких-то бумагах, коробочке, зернышках.

Я поехал в Париж, отыскал старую квартиру отца, в надежде найти выкинутые Марго из снаряда остальные бумаги и, конечно, не нашел ничего. Тщетно искал я человека, могущего мне поверить по этим двум имевшимся у меня предметам. Молва о моем сумасшествии опережала меня, и когда я, отчаявшись в Париже, вломился к директору Гринвичской обсерватории, он сделал попытку просто выставить меня за дверь. Доведенный до отчаяния, я замахнулся на него. Вышло нехорошо, и мне пришлось отсидеть год в сумасшедшем доме. Когда меня освободили, убедившись в том, что я не опасный для окружающих маньяк, и выдали арестованные вместе со мной мои вещи — я получил лишь один кубок. Листок исчез неизвестно куда.

Вскоре после моего освобождения нагрянула мировая война — и было не до меня. Всю войну, перебиваясь с хлеба на квас, просидел я в Лондоне, и шесть лет тому назад, распродав все, кроме кубка, приехал сюда,

во Фрунзе. Захотелось уйти от людей, ехать было безразлично куда — лишь бы в тишину, глушь, умереть спокойно. Я думаю, Горя, ты понял все.

— Понял, дедушка, понял, — страшно волнуясь, ответил Георгий Сергеевич. — Миллионы лет тому назад жители тогда еще не мертвой, а живой, культурной, может быть, в сотни раз более культурной, чем наша земля, луны решили поделиться с нами, людьми земли, своими знаниями, заявить о своем существовании...

— Да, Горя, — продолжал старик, — и послали на землю снаряд, может, быть, со своей историей, описанием завершенных достижений, семенами растений. Долго и тщательно, должно быть, готовились они к этому предприятию. Ведь стрелнуть на расстояние около четырехсот миллионов километров не шутка... И вот, Горя, этот снаряд упал на бесплодную еще землю — человека еще не было и их не понял никто.

— А когда, миллионы лет спустя, — тихо сказал Георгий Сергеевич, — появился человек, то их уже не было — носится вокруг земли гигантское кладбище. А человек... человек не сумел понять их и сейчас, даже не ведая, что творит, поиздевался над ними.

Георгий Сергеевич взял в руку кубок. Тускло-серым светом отливала гладкая поверхность, и он тихо зазвонел от прикосновения пальцев.

* * *

Месяц спустя, похоронив деда, возвращался Георгий Сергеевич к себе, в Ленинград. Усыпно раскачивало мягкий вагон и слипались глаза. Тонко свистел где-то маневровый паровоз, другой отвечал ему низким, густым ревом.

Смутно намечалось рождающееся произведение,
пробивались сквозь явь образы сна...

Перед ним темный цилиндрический предмет, бутылка и сверток бумаг...

...Склонившись над столом, освещенный свечой, сидит громадный офицер в форме александровских времен... Перед ним темный цилиндрический предмет, бутылка и сверток бумаг... Офицер пьян — он качается над столом и бормочет что-то. Потом клонится головой к столу и засыпает...

...Свеча, задетая локтем, падает, но медленно, медленно... все погружается во тьму, и только огонек свечи плывет в воздухе — из тьмы вырисовывается равнина, уходящая вдаль... Огонек свечи разгорается все сильнее, все ярче, из желтого становится ослепительно белым — и мрак ночи, свистя, прорезает звезда... она падает совсем близко и из земли подымается пар...

...Из тьмы надвигается туша огромного зверя... Он страшен, как зверь Апокалипсиса... Грузное туловище, заключенное в панцирь, длинная шея, крошечная головка с горящими злыми глазами...

Тихо рыча, ползет чудовище к месту, где упала звезда, рвет когтями землю — и вдруг отскакивает, тряска обожженной лапой, испуская дикий, потрясающий мрак ночи, сверхъестественный рев...

В. ПОЗДНЯКОВ

КРАТЕР КОПЕРНИКА

Фантастический рассказ

Журнал «Вокруг света» (Ленинград), №36-38, 1928 г.

1. Девочки в розовых платьицах

— Папочка, в этом чемодане теплое белье, в том, красном — аптечка...

— Папочка, обязательно не забудь дать телеграмму из Марсея, как доехал.

— Папочка, а где твои перчатки? Опять ты с голыми руками!

Папочка не может сразу отвечать на все вопросы и указания. Он стоит, немного смущенный, и растерянно улыбается. Публика с любопытством смотрит на высокого, полного мужчину, лет пятидесяти, окруженного тремя девочками в розовых платьицах. Девочки очень взволнованы и собираются плакать. Старшей лет пятнадцать, младшей десять. Средняя, двенадцатилетняя, расстроена больше всех — она уже плачет, уткнувшись лицом в грудь отца, плечи ее вздрагивают.

— Девочки, девочки, не надо, — говорит отец, — я вернусь к октябрю... Это уж не такой срок... А там совсем не страшно... М-сье Грохотов пишет, что там совсем наоборот — тепло, уютно, светло. М-сье Грохотов не станет лгать, девочки...

Раздается второй звонок — и публика бросается к вагонам. Мужчина целует — бессчетно, короткими, ключющими поцелуями, — младшую, среднюю, стар-

шую, затем отрывает от себя вцепившиеся детские руки, всхлипывает, улыбается, опять всхлипывает, машет рукой и лезет в вагон.

Девочки идут, затем бегут рядом с поездом, кричат что-то. По выражению лица старшей мужчина догадывается, что она хочет сказать что-то чрезвычайно важное. Он берется за оконные ремни и тянет к низу — рама не поддается. На лице старшей отчаяние... Мужчина колеблется секунду, потом кулак ударяет по стеклу — и оно звенящими осколками летит на платформу.

— Папочка! — кричит старшая. — Мы забыли положить ящик с сигарами — купи в Марселе!

Поезд набирает скорость — розовые платица отходят назад, и он выносится из-под грохочущего навеса, стрекоча на сплетениях рельс.

— Вопрос решен по-военному, — слышит мужчина около себя низкий бас, — дзинь и готово!

Он оборачивается от окна и видит широкоплечего усача, сидящего напротив на диване.

— Вы порезали себе руку, мсье, — продолжает усач, с восхищением смотря на соседа.

«Папочка» глядит на руку и видит на тыльной ее части красные струйки.

— Позвольте представиться, — говорит усач, вставая с полупоклоном, — полковник 15-й танковой бригады, Жан-Жак Шебá. Еду, как и вы, в Марсель.

— Журбо, Леон Журбо, — отвечает папочка, — астроном парижской обсерватории... Рука, действительно, немного пострадала. Ну, да это пустяки...

Он вынимает платок и перевязывает руку. Смотрит в окно и пугается.

— Ради всего святого, простите, мсье... мсье...

— Шебá, — подсказывает военный.

— Простите, м-сье Шеба́, — ведь я могу вас простудить! Мы будем вынуждены ехать без стекла!

Полковник смеется.

— Я военный, м-сье Журбо, — говорит он, — и мне вскоре предстоят такие солидные развлечения, что смешно и думать о простуде. Что же касается стекла, то это тоже пустяк по сравнению с теми осколками, которые скоро засвистят по всему миру.

— Да, да, — печально отвечает Журбо. — Я хотя и далек от политики, но слышал, что международное положение очень серьезно.

— Оно безнадежно, мсье, — отвечает полковник. — Я сейчас вызван из отпуска к своей части... Отпуска военным прекращены во всей Франции. Война — дело ближайшего будущего, мосье..

— К счастью, — вздохнул Журбо, — у меня нет сыновей. У меня только три дочери... Вы их видели, они провожали меня.

— Прелестные девочки... Осмелюсь спросить, а вы едете только до Марсея, или дальше?

— О, значительно дальше... На Эверест^[1].

Полковник оживает.

— На Эверест? На недавно выстроенную обсерваторию? О, как я завидую вам! Пожалуй, это единственное место на земном шаре, за исключением, разве, полюсов, куда не долетит грохот войны. Расскажите мне, мсье, об обсерватории, я знаю о ней не больше, чем полагается каждому обывателю, т. е. очень немного.

Журбо начинает рассказывать.

На высоте 8.840 метров на уровне моря, там, где разреженный воздух хрустально чист и прозрачен, Международная астрономическая ассоциация выстро-

[1] Эверест, гора Гималайского хребта, высочайшая вершина земного шара.

И выстроили обсерваторию.

ила обсерваторию. Сотни аэропланов и дирижаблей, специально приспособленных для этой цели, заносили на вершину горы, на небольшую площадку, окруженную со всех сторон головокружительным обрывом, части будущей обсерватории. Рабочие, сменяемые каждые два часа, в костюмах и шлемах, защищающих их от разреженного воздуха, собирали эти части. И вы-

строили обсерваторию, которая, как муха на стог сена, видна в сильные трубы с подножия Эвереста — черная точка на снежной вершине.

Руководил постройкой инженер-механик Грохотов, человек больших знаний и выдающейся энергии. Обсерватория оборудована великолепными инструментами, ставящими наблюдения в совершенно исключительные условия.

— Ну, а как же, — спросил полковник, — поддерживается сообщение с обсерваторией? Ведь нужны припасы, вода... Чем обеспечено поддержание необходимого воздушного давления в помещениях, нормальной температуры?

— Международная Ассоциация наладила регулярное аэропланное сообщение между Лукновым, индийским городом, и обсерваторией. Кроме того, на ней установлен радиотелеграф. В Гайбуке, специально выстроенном поселке у южной подошвы Гималаев, оборудована электростанция, подающая ток на вершину. Насосы для сгущения воздуха, термоэлементы, нагревающие его, механизмы астрономических инструментов приводятся в действие этим током. Бронированный кабель бежит из Гайбука по горе вверх, в обсерваторию.

— Да, это замечательное сооружение, — сказал Шебá. — Вы не боитесь, что в связи с надвигающейся войной возможно прекращение деятельности обсерватории? Ведь Международная астрономическая ассоциация включает, я думаю, в число своих членом представителей и тех государств, которые будут, несомненно, в состоянии войны между собой.

Журбо выпрямляется.

— Мсье, — гордо говорит он, — люди науки не воюют друг с другом.

II. 8,840 метров

Грохотов взглянул на часы. Без четверти пять. Через десять минут на юго-западе должна показаться хорошо знакомая точка аэроплана.

— Мсье Либетраут! — сказал он, приотворя дверь в соседнее помещение, — через десять минут мосье Журбо будет здесь!

Грохотов заметно волнуется, хотя и старается скрыть это. Маленький, энергичный, крепко владеющий собою старик, он сейчас не находит себе места — три месяца ждал он этого мгновения, как же тут не волноваться!

Либетраут не отвечает. Грохотов смотрит в соседнюю комнату и видит, что она пуста. Поделиться не с кем... Десять минут — вечность! Наконец, появляется и долгожданная точка. Грохотов бежит к камере воздушного шлюза и открывает штору.

Точка вырастает в аэроплан. Две-три минуты, и пятисотсильный красавец, с могучими, рассчитанными на десятикилометровый потолок^[1] крыльями, садится напротив шторы шлюза.

Из каюты выходит высокое, закутанное в меха существо в маске, глазастой и большеносой. Когда оно входит в шлюз, Грохотов изнутри, передаточным механизмом, опускает штору и, повернув кран воздушного насоса, пускает в камеру воздух. Когда стрелка манометра, вздрагивая, останавливается на 700, он открывает внутреннюю штору и пропускает в комнату гостя.

[1] Потолок аэроплана — высшая точка, могущая быть им достигнутой.

— Раздеваетесь, раздевайтесь, коллега, — торопит Грохотов прибывшего, помогая ему освобождаться от мехов.

— Дорогой мой, — продолжает Грохотов. — Если бы вы знали, как я рад вашему приезду! Не меньше, чем Робинзон, дождавшийся Пятницы, — честное слово!

Они целуются, для чего Журбо необходимо сильно нагнуться.

— Идемте, идемте, — тянет Грохотов прибывшего за рукав. — Во-первых — есть, есть и есть! Не взыщите за наше меню, это консервы во всех видах.

— А где же мсье Либетраут? — спрашивает Журбо, — вы писали, что он тоже на Эвересте.

На лицо Грохотова ложится печать досады. Он пожимает плечами.

— Мсье Либетраут с утра заперся в фотолаборатории. Он, как заведенный механизм, делает каждый день одно и то же, распределяя время по минутам. Это, конечно, очень почтенно, но... невыразимо скучно. Как видите, он и для вас не пожелал изменить своего режима.

— О, я не в претензии, — живо возражает Журбо. Грохотов внимательно смотрит ему в глаза. Тот не выдерживает взгляда и отводит глаза в сторону.

— Предположим, — усмехается Грохотов. — Ну-с, а все же идемте кушать.

За ужином Грохотов расспрашивает Журбо обо всех европейских новостях. Собственно говоря, новость одна — это призрак надвигающейся войны. Но и она для Грохотова не является новостью — в обсерватории установлен радио-телеграф.

— У Либетраута два сына в армии, — говорит Грохотов. — Они аккуратно пишут ему раз в неделю.

— Ну, а как сам он относится к войне? — спрашивает Журбо.

— Его не понять. Он так мало говорит, что вообще не знаешь, какие мысли у него в голове. Даже писем сыновей он не читает сразу по получении — для того отведено полчаса перед сном.

Затем Грохотов рассказывает о жизни в обсерватории. За месяц до приезда Журбо на Эверест прибыл астроном Мадридской обсерватории Хаэн. Но не прожил и недели — впечатлительный и нервный, он не выдержал окружающего безмолвия, мороза^[1] и всей необычности обстановки, захандрил и ночью, когда его товарищи по работе спали, вызвал по радио аэроплан. Несмотря на уговоры Грохотова и презрительное молчание Либетраута, он сел в машину и улетел, страшно сконфуженный, но непреклонный.

— Как видите, дорогой мсье Журбо, — заключил Грохотов, — у нас далеко не весело. Однообразие пищи, мороз, безмолвие, закупоренность и невозможность выйти на воздух страшно действуют на нервы. Становишься раздражительным и нетерпимым к каждой мелочи. Только в работе забываешься, а ее тут сколько угодно.

После ужина Грохотов повел Журбо осматривать обсерваторию. В плане она представляла треугольник, в каждой вершине которого было по куполу, для экваториала, меридианного круга и астрографа с двумя фотокамерами^[2].

[1] На высоте 8, 840 метров, при температуре у поверхности земли в $+15^{\circ}\text{C}$ — температура около -20° .

[2] Экваториал — телескоп, вращающийся с помощью особого механизма в плоскости, параллельной экватору; направленный на какую-нибудь планету или звезду, следует за ее движением. Меридианный круг—телескоп, неподвиж-

Купола сообщались коридорами с жилой и служебной частью, последняя же состояла из фотолаборатории, машинной, вмещавшей в себе машины для сгущения воздуха, аппараты для распределения нагревательной сети и прочие приборы. Жилая часть делилась на три комнаты для высшего персонала обсерватории, общую и помещение для низших служащих, в числе которых был один телеграфист и два сторожа. В подвале находились астрономические часы — сердце обсерватории.

При проектировании сооружения Грохотовым, главным автором проекта, были приняты все меры, обеспечивающие здание от утечки воздуха помещений в разреженную наружную атмосферу. У выходов коридоров в помещения инструментов были примонтированы небольшие кабинки, едва вмещавшие двух человек. Кабинки эти с другой стороны были присоединены к окулярам^[3] инструментов. Когда наблюдатель входил в кабинку, то опускал за собою штору, разъединял кабинку от коридора, изолируя последний от разреженного воздуха купольного помещения путем опускания второй шторы — и кабинка совершала путешествие вместе с инструментом. — Вот здесь, — сказал Грохотов, входя с Журбо в кабинку гигантского, около 30 метров в длину, экваториала и нажатием кнопки разъединяя ее от коридора, — помещается все управление инструментом. Единственное движение,

но закрепленный в плоскости меридиана — служит для наблюдения прохождения небесных светил через меридиан. Астрограф — инструмент, служащий для фотографирования небесных светил.

[3] Окуляр — конец телескопа, у которого помещается наблюдатель.

необходимое тут, это нажатие пальцем. Вот ряд кнопок, приводящих в движение, посредством электромоторов, различные части телескопа. Часовой круг, круг склонения, позиционный круг, кольцо для движения окуляра, лампы, шторы купола, кабинки — одним словом, все управляется отсюда посредством кнопочной клавиатуры. Ваша другая рука совершенно свободна. Вот смотрите.

Грохотов нажал кнопку. Экваториал, увлекая за собою кабинку, стал поворачиваться вокруг круга склонения с тяжелой грацией гиганта.

— Вы совершаете путешествие вместе с инструментом, спокойно, как в люльке, — с гордостью удачливого родителя сказал Грохотов.

Показав затем Журбо в других, таких же обширных помещениях меридианный круг, грузно покоившийся на своих цапфах, астрограф и остальные, более мелкие инструменты, Грохотов вместе с ним вернулся в жилую часть обсерватории.

— Я совершенно не вижу радиаторов, обогревающих помещение, — сказал Журбо.

Грохотов хитро улыбнулся.

— Ваш покорный слуга ввел теоретически разработанную раньше, но практически совершенно новую систему отопления. На стены здания, склепанного из стальных листов, могущих, конечно, свободно выдерживать давление воздуха изнутри, натянут изолирующий материал, вроде войлока, но значительно менее теплопроводный, а по нему ткань, основа которой состоит из металлической сетки, нагреваемой током до 40°. Нет неприятного движения нагретого воздуха, сопровождающего обычное центральное отопление, нет неравномерности температуры. Эта ткань обтягивает все стены, полы и потолки — одним словом, все,

за исключением окон, что соприкасается с наружным воздухом. Приложите руки к стене.

Журбо повиновался — и ладонь его восприняла то ощущение, которое появляется при прикосновении ко лбу больного, — ощущение слабо нагретой поверхности.

— Да, много, много усилий было потрачено на осуществление всего этого, — задумчиво сказал Грохотов, сидя вместе с Журбо после обхода в общей комнате. — Я вижу на вашем лице выражение восхищения всем виденным — и это вполне вознаграждает меня за долгие годы труда. На лице этого сухаря Либетраута я такого выражения не видел. Только им, правоверным немцам, полагается обезьян выдумывать...

— Разрешите войти, — услышали собеседники голос из-за двери.

— Легко на помине, — шепнул Грохотов, — пожалуйста, пожалуйста.

Либетраут, высокий, худой, горбоносый, с зачесанными кверху усами, вошел в комнату.

— Я должен извиниться перед мсье Журбо, — сказал он, — что не был в состоянии его встретить. Накопилось много астрограмм^[1], которые необходимо было проявить.

Журбо почему-то сконфузился. Уверенный тон Либетраута, скрытая подчеркнутость того, что никакое, самое исключительное событие не может повлиять на его интересы, создавали ощущение какой-то виновности.

— Конечно, конечно, — заторопился Журбо, — я насколько не в претензии...

— И, кажется, даже готов извиниться перед вами, —

[1] Астрограмма — астрономический негатив.

досадливо усмехнулся Грохотов, — что прибыл в часы ваших занятий.

— Извиниться должен я, — не понимая или делая вид, что не понимает едкой шутки Грохотова, упрямо повторил Либетраут.

Журбо поспешил переменить тему разговора.

— Великолепное здание, не правда ли? — обратился он к Либетрауту. — Сколько ума, творческой энергии и труда вложено в него. Как тут не гордиться человеком и его достижениями!

— Ну, насчет гордости вы оставьте, дорогой мой, — попыхивая трубкой, возразил Грохотов. — Не пройдет, думаю, и недели, как вся ваша хваленая творческая энергия начнет стрелять из пушек, отравит воздух и людей всякими люизитами, горчичными газами и прочей мерзостью...

— Да, это ужасно, — сказал Журбо. — И мы, как люди науки, не можем не чувствовать особенно остро всей глубины падения человечества. Я во время пути видел всюду лихорадочные приготовления к войне. В Марселе спешно грузится углем французская эскадра, город наводнен войсками, в Суэце, Адене и Бомбее стоят на парах английские суда, около острова Сокитра мы встретили направляющуюся на запад немецкую эскадру.

— Немецкую? — переспросил Либетраут.

— Да... Опять десятки государств будут втянуты в войну только потому, что Франция и Германия что-то не поделили между собой.

— Когда вас хватают за горло, как схватила Франция Германию, — жестко ответил Либетраут, — то это называется не дележом, а грабежом.

Грохотов свистнул.

— Ого! — протянул он, — да никак уважаемый мсье Либетраут не только человек науки, но немного и патриот!

III. Кратер Коперника

— Вот это астрограммы туманности Андромеды, это луны. Меня заинтересовал проход терминатора^[1] у Маге Umbrium. На этом снимке вы можете убедиться в замечательной ясности и резкости изображений, даваемых астрографом.

И Либетраут передал Журбо негатив.

— Последняя четверть, — сказал тот, рассматривая изображение. — Действительно, замечательная резкость... Терминатор проходит через Тарунций, Море Спокойствия, Гигинус, между Рейнгольдом и Коперником^[2]... Пойдите, пойдите!! — вдруг вскрикнул Журбо, поднося негатив почти к самым глазам и внезапно замолкая.

— Что такое? — заинтересовался Либетраут, двигаясь к Журбо и нагибаясь над пластинкой.

Журбо молчал, как будто в нерешительности.

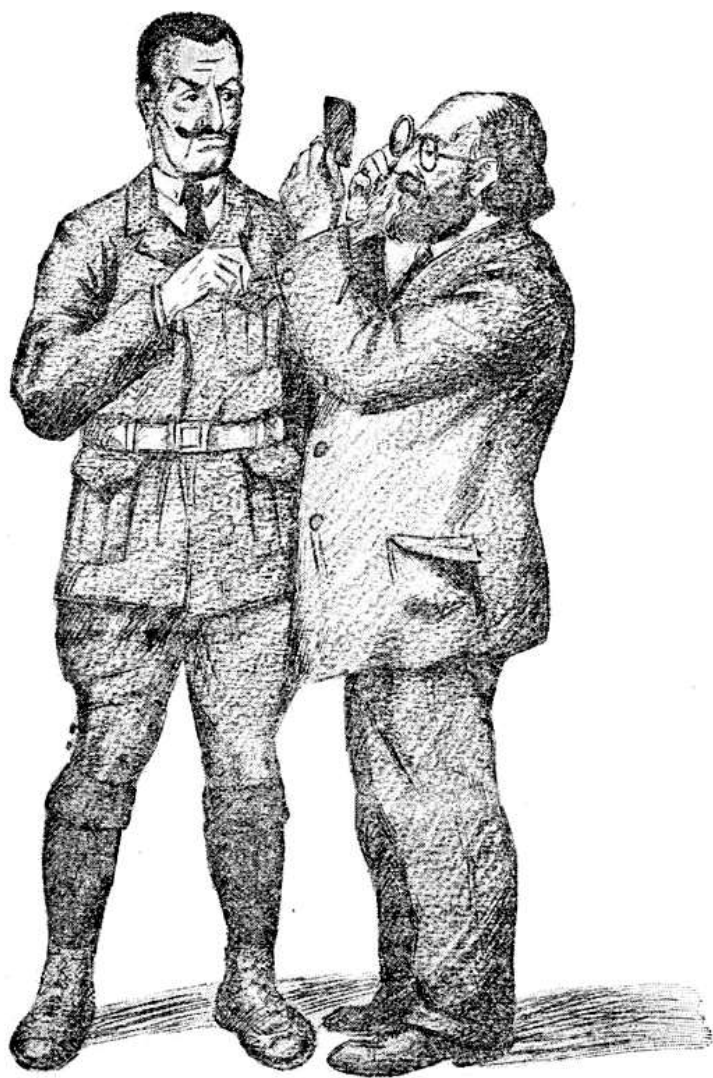
Потом неуверенным тоном проговорил:

— Не то повторяется ошибка Пульфриха, который принял за обвал просто дефект фотографической пластинки, не то действительно астрограмма зафиксировала нечто дня меня сейчас не совсем понятное.

— В чем же дело? — с легким оттенком нетерпения спросил Либетраут.

[1] Терминатор — линия, определяющая границу света и тени на луне.

[2] Названия лунных кратеров.

И Либэтраут передал Журбо негатив.

— В кратере Коперника заметно какое-то помутнение — одну секундоочку.

Журбо вынул из жилетного кармана лупу и навел ее на указанную точку. Навел — и опустил на стул, грузно, внезапно размякший, с бешено бьющимся сердцем. Потом опять поднес пластинку к глазам.

— Нет, это не дефект, мсье Либетраут. Это, это... даже язык не поворачивается высказать догадку... Неужели это следы атмосферы — на мертвой, безжизненной луне? Раньше никогда ничего подобного не замечалось, если не считать сомнительных наблюдений Пикеринга... Одним словом, коллега, я ничего не понимаю...

Либетраут вынул пластинку из рук Журбо и стал ее внимательно рассматривать.

— Да, действительно, — констатировал он, — помутнение налицо. И это не дефект. Пластинки, отправляемые на Эверест, вне всяких подозрений.

— Когда вы делали снимок, мосье Либетраут? — спросил Журбо.

— Восемнадцатого числа...

— Восемнадцатого... м... — задумчиво повторил Журбо.

— Сегодня седьмое... Девятнадцать дней... Кратер Коперника уже вышел из тени и теперь виден... Сегодня вечером мы у экваториала, коллега.

Когда стемнело, — почти внезапной, бессумеречной тропической темнотой, и луна озарила снежные вершины гималайского хребта своим безжизненным сиянием, — Журбо и Либетраут заперлись в кабинке экваториала.

Нажатие двух, трех кнопок — и величественно поплыл объектив телескопа по почти черному небу, огненным дождем пересекая звезды, планеты, туманно-

сти. Наконец в его центре появилась огромная, блистающая луна, на три четверти залитая солнечным светом.

Жадно приник Журбо к окуляру... Сомнений не было! Пятно, запечатленное пластинкой, увеличилось почти вдвое, вытянулось к середине кратера, к горам в его центре.

Журбо убедился, что оно замечательно похоже на остатки тумана в горах, на легкие облака влаги, ночующие в складках гор, тающие от первого луча утреннего солнца.

— Разрешите мне, — услышал Журбо над своим ухом голос Либетраута и почувствовал, как на его плечо легла тяжелая рука.

«Ого, не стесняется»... подумал он, но тут в своей душе и извинил и понял его нетерпение — явление было действительно исключительное.

А когда Либетраут сел у окуляра, он стоял около и думал о том, что за всю историю астрономии небо ни разу не посылало такой загадочной картины... а загадки все еще не было.

Через пять часов наблюдения, уже на рассвете, взглянув в последний раз в телескоп, Журбо мог с определенностью сказать, что и за это, сравнительно короткое, время пятно увеличилось, вытянувшись к центру кратера километров на тридцать.

«Если так будет продолжаться, — думал он, — то при диаметре кратера в девяносто километров он завтра весь затянется облаком...»

Усталые, разбитые, с воспаленными от долгого наблюдения глазами, вернулись они в общую жилую комнату.

— Ну-с, дорогой коллега, — спросил Журбо Либетраута, — что вы обо всем этом думаете?

Тот молчал. Заложив руки за спину, ходил по комнате. Наконец, сделав несколько концов, остановился перед Журбо.

— Я очень осторожен в выводах, мсье Журбо, — сказал он. — Явление настолько необычно, что может дать пищу тому совершенно неприемлемому для меня, как ученого, занятию, имя которому — научная фантазия. Подождем...

«Да, он скорее удавится, чем разрешит себе это удовольствие», — с досадой подумал Журбо. — Я несколько не согласен с вами, коллега, — продолжал он, — научная фантазия — великий двигатель, потому что порождает любовь к той же науке у тысяч людей.

— Наука вовсе и не нуждается в любви к ней, — сухо ответил Либетраут, — да вряд ли она и нужна этим тысячам.

— А для чего мы работаем?! — вскочил Журбо, чувствуя, что к его горлу подступает тот нервный клубок, который, независимо от его воли, все чаще и чаще давал себя знать при его разговоре с Либетраутом. — Для чего сидим тут отшельниками, лишённые свободы, людей, нормальных условий существования?

Грохотов, вошедший в этот момент в комнату, остановился в дверях и прислушался.

— Для чего сидит тут мсье Грохотов, еще более пожилой человек, чем мы с вами? Ведь у него семья, ведь для него еще более, чем для меня и вас, вовсе было бы не лишнее отдохнуть, пожить среди любящих людей, да просто полежать на траве и послушать пение птиц!..

— Мы немного уклоняемся в сторону, — ответил Либетраут, — это все имеет мало отношения к первоначально заданному вами вопросу о явлениях в кратере. Мы можем только констатировать какой-то процесс, причины и сущности которого не знаем, и, может

быть, не узнаем никогда. Повторяю, я враг догадок, а кроме того, ужасно устал. Покойной ночи.

И он ушел в свою комнату.

Грохотов подсел к Журбо.

— Это какая-то схема, а не человек, — пожаловался Журбо. — Знаете, в медицине есть выразительный термин — идиосинкразия... Это когда человеческий организм не воспринимает чего-нибудь такого, что по своей сущности совершенно безвредно... Земляники, например. Моя младшая дочь, здоровый во всех отношениях ребенок, ее совершенно не выносит. Съест одну ягодку, — и все тело покрывается какой-то сыпью... Так и я с Либетраутом. Чувствую, что во мне поднимается чисто физическое отвращение к нему, хотя он, может быть, вовсе не плохой человек и мне ничего худого не сделал.

И, махнув рукой, Журбо начал рассказывать Грохотову о всем виденном в экваториал.

— Это замечательно, дорогой мсье Журбо, — выслушав его и тяжело вздыхая, ответил старик, — и я от всей души поздравляю вас, потому что вы, несомненно, накануне какого-то изумительного открытия, но... — и он вытащил из кармана узенькую, как серпантин, ленту радиogramмы.

— Я тоже целую ночь не спал, чтобы прочесть вам эту отбитую в 11 часов вечера ленту. Вот слушайте — радиogramма Лукновской коротко-волновой станции: «Германия отклонила ультиматум Франции о разоружении. Война объявлена», а в половине первого телеграфист принес мне вот эту ленту: «Началась бомбардировка Берлина газовыми снарядами. Весь юго-западный район города окутан облаками ядовитого газа. Шарлоттенбург, Груневальд, Шмагендорф, Лихтерфельде тонут в облаках светло-лилового, имеющего

сильный лимонный запах, газа... В Потсдаме вымерло все население... Батареей, установленной в Кепенике, сбито три французских аэроплана-бомбомета... Вода в Фарландерзее и Гафеле, отравленная газами, превращается в какой-то, имеющий все тот же лимонный запах, студень... Газ движется к северу, к Вильмерсдорфу и Шенебергу»... О, черт! — выругался Грохотов, разрывая ленточный клубок, — я не хочу читать дальше обо всей этой мерзости!!!

IV. Начинается...

«М-сье Леону-Жаку Журбо. Эверест. Обсерватория М. А. А. Париж. 28 июня 194^s года.

Дорогой папочка!

У нас очень скверно. Все уезжают из Парижа. Уехали Агессо, Ла-Буардоны, Лоссьё. Ходят слухи о готовящейся атаке Парижа Германией, причем говорят о каких-то микробах, которые будут заражать все вокруг какой-то страшной болезнью. Мы очень боимся и целый день плачем. Я сейчас иду к мадемуазель Журдэн и попрошу ее, чтобы она взяла нас с собой в Тулузу, куда она едет к своему брату.

Дорогой папочка, ты о нас не беспокойся. Все мы здоровы, и думаем, что ничего с нами не случится. Какое-то там тебе, среди холода, почти одинокому. Я уже кричала тебе на вокзале, когда ты разбил стекло, что мы забыли положить в чемодан сигары. Купил ли ты их в Марселе? Кто тебе штопает носки, стирает белье? Мы все об этом очень беспокоимся.

Крепко, крепко целуем тебя, дорогой папочка. Будь здоров и не беспокойся о нас.

М а р и.

Н и н е т.

Л у.»

Журбо держал в руках синенький листок бумаги и думал о том, что события, пронсящиеся с грохотом по далекой Европе, неожиданно и грубо прикоснулись и к нему... И хотя он не сомневался в том, что страхи детей несколько преувеличены, чувство беспокойства овладевало им все сильнее и сильнее. Он сейчас же дал радиограмму в парижское справочное бюро с просьбой сообщить, уехали ли дети, другую — в Тулузу, мадемуазель Журдэн, с запросом, приехала ли она и взяла ли с собой детей.

То обстоятельство, что с момента отправления письма, пересланного экстренной авиапочтой, прошло пять дней и что за эти пять дней радио не принесло никаких известий об атаке Парижа, значительно успокаивало его. А когда, час спустя, справочное бюро прислало ему ответную радиограмму, в которой сообщалось, что дети 30 июня выехали из Парижа, он успокоился совершенно.

В том состоянии почти физической расслабленности, которая особенно сильна у глубоко переживающих людей после душевных потрясений, он отправился к кабинке экваториала.

Проходя мимо комнаты Либетраута, он хотел было постучать в дверь, но тут же почувствовал, что не в состоянии оставаться в течение нескольких часов с глазу на глаз с человеком, весь образ которого, отчасти сам по себе, отчасти в связи с только что пережитыми минутами, был ему неприятен.

Почувствовал — и прошел мимо. Пройдя несколько шагов, поймал себя на недостойном ученого чувстве национальной неприязни и, чтобы наказать себя за него, хотел уж было вернуться и постучать в дверь. Случайно брошенный взгляд на широкое окно коридора показал ему сверкающую луну во всей ее прелести и

созданной событиями в кратере таинственности. Махнул рукой и прошел дальше.

И лишь только она, огромная, близкая, остановилась, дрожа, в центре объектива, Журбо, впившийся взором в кратер, увидел, что пятно не исчезло, а наоборот, несколько увеличилось.

А спустя две-три минуты он чуть не вскрикнул от неожиданности: на северо-западной, свободной от пятна части кратера появилось крохотное белое облако. Несколько секунд спустя — другое, третье...

— Я начинаю понимать! — воскликнул он, отрываясь от телескопа и в волнении вскакивая, — кто-то бомбардирует кратер снарядами, начиненными водяными парами и воздухом!

В это мгновение сигнальная лампочка, находившаяся на левой стене кабинки, вспыхнула фиолетовым светом.

— Либетраут требует кабинку к шторе коридора, — догадался Журбо. — Нет, нет, я буду преступником перед наукой, если позволю в настоящий момент оторвать себя от наблюдений!

Лампочка гасла и вспыхивала, нетерпеливая, раздраженная, взбешенная... Журбо вывинтил ее и прильнул к окуляру, мимолетной усмешкой сравнивая себя с собакой, удирающей в уединение с добытой костью.

Количество облачков постепенно увеличивалось. Целыми десятками, сотнями появлялись на поверхности кратера маленькие белые пятнышки, расплывавшиеся и соединявшиеся друг с другом и, наконец, в северо-западной части его образовалось второе большое облако, подобно первому.

А когда луна, поблекшая, стертая зарей, скрылась из поля зрения инструмента, он прервал наблюдение и

со всех ног побежал в комнату Грохотова.

— Дорогой мой! — кричал он, встряхивая сонного Грохотова в постели и чуть не плача от восторга, — да знаете ли вы, что это такое?! Да ведь это колонизация луны!! Мертвой, безжизненной луны!!!

Немного успокоившись и посвятив Грохотова во все виденное, он стал большими шагами ходить по комнате.

— Что это дело рук разумных существ, не подлежит ни малейшему сомнению, — говорил он, размахивая руками, внимательно слушавшему, сидящему в одном белье на постели, в позе турка, с трубкой в зубах, Грохотову. — Людей, да, людей! Не важно, что они не похожи на нас, не важно, что они, может быть, в несколько раз больше или меньше нас. Что, может быть, у них нет рук, а есть крылья, что они, повторяю, по внешности совсем, совсем не такие, как мы... Это все равно! Это мыслящие существа, это люди. Да, люди! О, дорогой мой! — воскликнул он, снова и снова загораясь восторгом и подбегая к Грохотову, — позвольте мне... поцеловать вас!

И, не дожидаясь согласия, приник губами к жесткой, как терка, щеке старика.

Тот вынул трубку изо рта, обнял Журбо за шею — и возвратил ему поцелуй. В серых глазах старого механика мелькнуло что-то милое, что Журбо почувствовал полнейшую уместность своего порыва.

— Какая смелость, какое величие, — садясь рядом с Грохотовым и беря его за руку, продолжал Журбо. — Жители ли это Меркурия, Венеры, Марса или какой-нибудь другой планеты — но как они далеко ушли от нас... Бомбардировать определенную точку за десятки, а может быть, и сотни миллионов километров, бомбардировать наверняка, по заранее разработанному

плану — какими колоссальными, в сравнении с нашими, земными знаниями, нужно обладать!

— Пытаться вернуть к жизни вычеркнутое из жизни, кинуть вызов природе, всему мирозданию — какая смелость, какая красота!..

Резкий стук в дверь прервал его слова.

V. Претензия

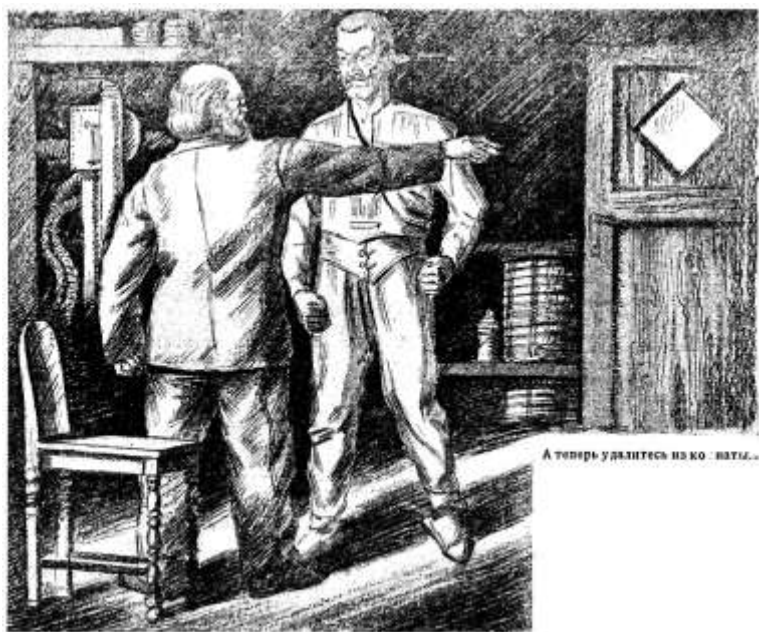
— От имени Международной астрономической ассоциации я выражаю астроному Парижской обсерватории Леону Жану Журбо претензию в нижеследующем, — начал Либетраут, входя в комнату. — Астроном Журбо, вопреки правилам научной и общечеловеческой этики, взял на себя смелость присвоить открытие другого ученого себе, что выразилось в недопущении этого ученого к совместному наблюдению.

И в одном белье, тонкий и прямой, как свеча, Либетраут остановился посреди комнаты. Журбо встал.

— Позвольте, мосье Либетраут, — сказал он. — Я вполне понимаю вашу претензию в той части, которая говорит о том, что я не пригласил вас в кабинку экваториала — я в этом виноват и приношу свои глубочайшие извинения. Что же касается ваших слов о присвоении мной вашего открытия, то я тут ничего не понимаю и попрошу вас высказаться яснее...

— На кратер Коперника было обращено внимание благодаря сделанной мною астрограмме, мосье Журбо. Иначе вам, как специалисту по малым планетам и прибывшему на Эверест, как я знаю, для их наблюдения, не пришло бы в голову заняться луной, тем более с первых же дней своего приезда.

— Вы понимаете или нет, — вмешался в разговор Грохотов, тоже вставая с постели, — в чем обвиняете мосье Журбо? Как у вас язык повернулся на это? Ведь вы обвиняете известного ученого, человека со славным, беспорочным научным именем в научном воровстве, которое нисколько не лучше, чем всякое другое! И при чем тут Международная ассоциация, от имени которой вы взяли на себя не только смелость, а больше — дерзость выступать?

— Мосье Либетраут, — дрожащим голосом, чувствуя, что в висках начинает биться кровь неровными, порывистыми толчками, а к горлу подступает клубок волнения, сказал Журбо, — попробуем спокойно обсудить положение... Если бы я не обратил на астрограмму внимания, ничего не заметили бы и вы. Она лежала

бы в вашей коллекции неопределенно долгое время, до первого случая, который бы обнаружил изменения в кратере. Поэтому полагаю, что честь открытия принадлежит ни вам, ни мне, а исключительно этому случаю... А теперь... — Журбо остановился, задыхаясь, кладя руку на безумно бьющееся сердце, — удалитесь из комнаты, потому что я не могу поручиться за себя... — шепотом закончил он.

В этом шепоте была такая значительность, так очевидна была хрупкость преграды, удерживавшей еще Журбо от движения вперед, от крика, от сокрушительного удара, может быть, что Либетраут повернулся и несколько быстрее, чем это можно было ожидать от размеренности его движений, закрыл за собою дверь.

— Бросьте, дорогой, — говорил несколько минут спустя Грохотов сидящему на кровати и закрывшему лицо руками Журбо. — У нас, у русских, есть хорошая пословица: собака лает, ветер носит. Претензия его настолько нелепа, что не может даже и оскорбить. Разве может оскорбить запах из уборной? Зажмите нос и шагайте мимо... а я уж устрою так, чтобы его скорее убрали отсюда — он и мне начинает действовать на нервы.

Раскуривая заглохшую трубку, он продолжал:

— Поговоримте лучше о той сказке, которая делается на луне... Да... Так вот, дорогой, продолжаю вашу мысль. Если это марсиане, то им, чтобы попасть на луну, придется сделать, приблизительно, пятьдесят миллионов километров в междупланетном пространстве. Если их снаряд будет лететь со скоростью десяти километров в секунду, т. е., примерно, в тридцать раз быстрее скорости звука, им придется потратить на это путешествие пять миллионов секунд, или, — Грохотов приостановился, подсчитывая, — около шестидесяти

дней... Если же это жители Юпитера или одного из его спутников, то им предстоит путь, примерно, в шестьсот миллионов километров — я не перевираю расстояний, дорогой мой? Тут потребуются шестьдесят миллионов секунд или около двух лет... Два года лететь в абсолютной пустоте, в бесконечном океане пространства! Да, действительно, изумительной умственной организацией нужно обладать, чтобы выполнить все это, — вздохнул Грохотов.

— Но почему же, мосье Грохотов, — спросил Журбо, отнимая руки от лица, голосом, в котором еще слышались нотки волнения, — мы, люди, все еще не можем достигнуть этого? Ведь история культуры насчитывает чуть ли не десяток тысяч лет... Неужели этого все-таки мало?

— Ну, от вас, от ученого, я не ожидал подобных вопросов! — отчего-то вдруг рассердился Грохотов. — Почему? Да потому, что нет ничего более нелепого, чем эта история! Мы, люди, делали шаг вперед, чтобы потом сделать два шага назад — и это на протяжении ваших десяти тысяч лет... Дали Египет, Ассирию, Вавилонию, создали Грецию и Рим, а затем запели псалмы и начали топить культуру в крови инквизиционных застенков, жечь ее на кострах средневековья!.. Собирали по крохам — и ломали сразу, в грохоте сражений, чаду религиозных предрассудков, классовой и политической ненависти! Потому, дорогой, что все еще человек человеку волк. Вот и сейчас эти милые земные люди схватили друг друга за горло... вертись, земля, поражай мироздание своей красотой!

VI. Выстрел

«Эверест, Обсерватория М. А. А. 5/VII194*г.

Мсье Жану Журбо.

Сестра с детьми не приезжала. Беспokoюсь. Из Парижа никаких известий.

Мишель Журдэн».

— Да ведь они выехали 30 июня, ведь Справочное бюро дало официальную справку! — почти плача и размахивая перед Грохотовым телеграммой, кричал Журбо. — Я ничего не понимаю и страшно беспокоюсь, что же это такое наконец!

Грохотов молчал. Бросать слова неискреннего утешения не хватало духа.

Он размышлял, сопоставляя отдельные факты. Еще вчера радиотелеграфист Крамарек с недоумением говорил ему, что вот уже несколько дней Париж молчит — вообще в работе радиостанций за последнее время отмечалось что-то непонятное... настройка почти не удавалась, волны самым неожиданным образом меняли свою длину, прием прерывался шумами разрядов, безусловно не атмосферного происхождения, в силу их правильности и даже периодичности.

Как будто кто-то неизвестный налаживал работу, долженствующую сбить с толку, своего рода радиорезинку, поспешно стиравшую воздушные волны, оставляя от них одни путанные, неразборчивые лохмотья. Спешно по всему миру возобновлялись оставленные было проводные сообщения. Этим же путем, через Гайбук, была получена и настоящая телеграмма.

— Утро вечера мудренее, дорогой мой, — единственное, что нашелся сказать Грохотов. — Ложитесь-ка спать, может быть, завтра все выяснится.

С тем же недоумением на лице, растерянно продолжая держать телеграмму, расстроенный, ушел Журбо в свою комнату.

А Грохотов прошел в помещение телеграфа.

— Ну-с, м-сье Грохотов, — оборачиваясь на шаги, сказал Крамарек, чем-то сильно взволнованный. — Я начинаю понимать неразбериху последних дней. Вот что я сейчас принял через Гайбукскую станцию.

«В ночь с 28 на 29 июня Париж занят немецкими войсками, подготовившими артиллерийскую, газовую и бактериологическую атаку города, который частично разрушен. Население, не успевшее уйти, погибло. Немцами заняты все правительственные учреждения. Эйфелева башня, усиленная новыми установками, мешает работе европейских станций».

— Так вот в чем загадка, — оглушенный известием, прошептал Грохотов. — Бедный, бедный город! Несчастные погибшие люди!..

— Да, Крамарек, — сказал он, — теперь понятна и та телеграмма Справочного бюро, которую получил Журбо. Немцы, погубив целый город, не отказали в своеобразной любезности, ответив человеку со славным научным именем, — ответив, правда, ложью... Знаете, Крамарек, когда так называемый «культурный» человек дичает, он становится в тысячу раз омерзительнее природного дикаря...

«О, сколько лет жизни я отдал бы, чтобы судьба избавила меня от этой мысли — сообщать человеку, которого я люблю, об обрушившемся на него горе... Несчастный человек, несчастные дети...» — думал он, направляясь к комнате Журбо.

Идти было нужно... Грохотов не мог представить себе возможности оставления Журбо в состоянии неведения — это противоречило всей его, грохотовской, прямой, честной и мужественной натуре.

И он пошел. Пошел и сказал... не скрывая ничего, нанося удар прямо в сердце — другого выхода он не видел...

Журбо не плакал. Это было сильнее слез... Слезы — облегчение, противоядие страданию... Глаза были сухи, и ни одного слова не сказал Журбо в ответ. Лежа на кровати, повернулся к стене и движением руки дал понять Грохотову, чтобы тот ушел.

...Ночью Грохотов проснулся от страшного шума, беготни по коридору, криков. Металлические стены здания гулко резонировали на топот ног — все оно наполнилось звенящим шумом.

... А затем, оглушительно разрывая воздух, прогремели два выстрела.

VII. Огни

— Мы прибежали, когда мосье Либетраут уже лежал на полу, — рассказывал под утро Грохоту сторож обсерватории, японец Хокуто.

— Да, — подтвердил радиотелеграфист Крамарек, — это было, приблизительно, в 3 часа утра. К этому времени кончалось дежурство Хокуто и он собирался идти спать.

— Постойте, Крамарек, — перебил его Грохотов. — Мне важно знать следующее — не известно ли что-нибудь, предшествовавшее выстрелу? Ведь ваша сторожка, Хокуто, находится рядом с общей комнатой, где был поднят Либетраут. Может быть, вы что-нибудь слышали?

— Совершенно верно, мосье Грохотов, — ответил японец, — я кое-что слышал, отрывками.

— Хокуто мне рассказывал, что мосье Журбо...

— Да постойте же, Крамарек! — рассердился Грохотов. — Вы слишком словоохотливы, а из Хокуто слова не вытянешь. Пусть Хокуто рассказывает по порядку.

— Приблизительно в половине третьего в общую вошел мосье Журбо. Я его узнал по шагам. Он ходил по ней минут с десять, а потом вышел. Затем он постучал в дверь мосье Либетраута. Я это наблюдал из коридора — не скрою, несвоевременность разговора меня заинтересовала. Когда мосье Либетраут вышел, мосье Журбо спросил его в упор: «Скажите, уважаемый коллега, ваши доблестные сыновья тоже участвовали в убийстве моих детей?» — я привожу эту фразу дословно. Мосье Либетраут, видимо, напуганный словами и выра-

жением лица м-сье Журбо, скрылся в комнату, закрыв за собою дверь. М-сье Журбо бросился туда, несколько секунд были слышны голоса обоих, потом м-сье Либетраут выбежал, бросился по коридору, м-сье Журбо за ним. Они пробежали весь коридор, м-сье Либетраут кинулся в общую, там его настиг м-сье Журбо и выстрелил в него. Вот и все, что я знаю.

Так его настиг м-сье Журбо и выстрелил.

— Как состояние здоровья м-сье Либетраута? — спросил до сих пор молчавший второй сторож, Ганетти.

— Раны не опасны, насколько я могу судить, — ответил Грохотов. — Никаких осложнений, видимо, не будет. Но полежать с месяц в постели ему все-таки придется.

— А что с м-сье Журбо? — опять спросил Ганетти.

— Я, как старший в обсерватории, наложил на него домашний арест. Он сидит в своей комнате, имея право выхода только для наблюдений.

— Не находите ли вы, м-сье Грохотов, что домашний арест для такого ученого, как м-сье Журбо, довольно-таки суровая мера?

— Нет, Ганетти. Единственное, что я нахожу, так это то, что вы слишком много себе позволяете, задавая такие вопросы. Это мне не нравится, Ганетти, предупреждаю вас.

...Да, многое не нравилось Грохотову за последнее время. Война определила враждующие расы — и она же здесь, казалось бы, на недосыгаемой для нее вершине определила если не прямо враждующих, то, по крайней мере, настороженных по отношению друг друга людей...

Итальянец Ганетти довольно определенно сочувствовал французу Журбо. Чех Крамарек был всецело на стороне Либетраута. И если японец Хокуто был бесстрастен, то, может быть, потому, что на Эвересте не было ни одного из представителей враждебных Японии государств. Последующие дни ничего утешительного в этом отношении не принесли. Радио передало, что Франции, после поражения под Парижем, пришлось выдержать бесславный морской бой с Англией, неожиданно объявившей ей войну — около Антилльских островов. Отношения между Японией и Америкой обострялись с каждым днем, и единственно, что удерживало их от неминуемого столкновения, это невыясненность ориентировки по отношению уже враждующих государств.

Поднимались и поработанные страны. Китай снова сжал свой кулак против Англии, и против нее же,

наконец, выступила Индия, поддерживаемая Афганистаном. Под Дели молодая индийская армия разбила в пух и прах двадцатитысячный отряд генерала Блекстона, южнее Кантона завязывалось сражение между китайскими и английскими войсками. Ворочался Сиама, ожидая момента, чтобы вцепиться в ногу кого-нибудь пожирнее, Япония приготовилась к прыжку на восток..

В огне и дыму битв ковались новые гигантские ножницы судьбы, которые должны были перекроить карту мира...

С каждым днем отношения среди горсточки заброшенных на Эверест людей становились все хуже и хуже. Спустя две недели после выстрела Журбо Ганетти «позабыл» принести обед Либетрауту, и тот пролежал целый день голодный — это случилось на следующий день после объявления Германией войны Италии. Крамарек хлопнул его за это по физиономии, и Грохотову пришлось посадить обоих на сутки под арест. Он чувствовал, что пройдет неделя, другая и от его авторитета не останется и следа...

Нужно было как-то действовать.

И он нашел — как.

Ночью, когда Крамарек спал, он прошел в помещение радиотелеграфа и сильным ударом по лампочкам разрушил их волоски. Эверест потерял с миром последнюю связь...

А под утро прилетел аэроплан Международной ассоциации, и авиатор, выгрузив продукты, сообщил, что это последний регулярный рейс, что все аппараты реквизированы Англией для военных целей и она обязуется выполнять лишь доставку провианта, не гарантируя правильных почтовых сообщений.

Когда, после новолуния, на вечернем небе занялся молодой месяц, Грохотов вспомнил, что вот уже более трех недель Журбо и Либетраут не делали наблюдений. Либетраут все еще был прикован к постели, Журбо просто не выходил из комнаты.

Грохотов зашел к нему. Журбо сидел у стола все в той же неизменной позе последних дней — положив локти на стол и уткнув в них голову.

— М-сье Журбо, — сказал Грохотов, прикасаясь к плечу сидящего, — что вы скажете насчет наблюдений над кратером?

— Да... Кратер... А я совсем забыл о нем... Постойте... ведь сейчас первая четверть, кратер не виден...

— Вы правы, м-сье Журбо, еще рано.

— Дней через пять я сделаю первое наблюдение. Если вы не очень заняты, проверьте окулярное кольцо — оно, кажется, ходило не совсем свободно. Испортили его немцы...

Грохотов нагнулся и сбоку взглянул на Журбо — тот смотрел перед собой — и в зрачках его бегали те огоньки, которые зажигает начинающееся безумие.

«Эх, бедняга, бедняга, — подумал Грохотов, — и твой большой, светлый мозг тоже, кажется, испорчен этой проклятой войной... счастье, если не навсегда...»

— Немцы тут не при чем, дорогой... А кольцо я сейчас проверю — мне тоже показалось, что его немного заедает...

Когда огромный лунный серп глянул на него в телескоп и Грохотов, проверяя кольцо, стал всматриваться в резко очерченную ломаную линию терминатора, обозначавшую рельеф гор, а потом взглянул немного повыше, то сразу, как неожиданно упавший в воду человек, вздохнул отрывисто и шумно.

На месте кратера что-то блесело. Вглядевшись пристальнее, Грохотов увидел ряд крохотных светящихся точек. Двумя правильными концентрическими кругами, с центром примерно в середине кратера, светились эти точки, как искорки миниатюрной алмазной брошки.

— Сказка... сон... — прошептал Грохотов, откидываясь на спинку кресла.

...Когда разгорелась заря, лунный серп стал бледнеть и таять, а с ним, стертые солнечными лучами, исчезли и огни.

В состоянии какого-то умиленного восторга вернулся я Грохотов в свою комнату и задумчиво сел на кровать.

— Это не фонари, — размышлял он. — При свете почти полной земли, более яркой, чем свет полнолуния, раз в четырнадцать, пожалуй, нет нужды в освещении. По всей вероятности — это отверстия огромных печей, назначение которых — бороться с холодом^[1] двухнедельной ночи... — Кто там? — крикнул он, услышав стук в дверь.

На пороге комнаты стоял Крамарек, бледный, как тот серп, который Грохотов сейчас наблюдал. Глаза его были широко открыты и в них застыл ужас.

— М-сье Грохотов, — пробормотал он, задыхаясь, — в кабеле нет тока... амперметр и вольтметр стоят на нуле...

[1] Ученые держатся различных мнений о температуре лунной ночи, принимая ее от 180° до 250° Ц. Температура же лунного дня, по тем же предположениям, подымается до 100° и даже до 200° Ц.

VIII. Солдаты его величества

Миссис Гульд из Норвича не узнала бы своего сына Томми, всегда такого чистенького пай-мальчика — в этом долговязом разлохмаченном страшилище, в изорванном хаки и с повязанной головой.

Кузнец Ридинг из Нотингэма тоже не узнал бы в искалеченном, изможденном существе с воспаленными глазами своего младшего брата Нормана, весельчака и сорви-голову, свободно крестившегося трехпудровой гирей.

Мрачный Тодди Бэнкс, конторщик Плимутской торговой конторы, аккуратный и монотонный, как часы — тоже потерял свой образ.

Эти трое бродяг — Томи Гульд, Норман Ридинг и Тодди Бэнкс, изголодавшиеся, измученные человечьи тени, были не чем иным, как осколками разбитого вдребезги отряда имени его величества принца Уэльского Дэвонширского 38-го пехотного полка.

Еще недавно, каких-нибудь три недели тому назад, сидя в одной из калькуттских таверн и попивая не слишком хорошее, соответствующее его скромному бюджету, вино, Норман Ридинг доказывал своим собутельникам, что единственное на свете, стоящее внимания — это сестры Хэнтер, Долли и Мэдж, а все прочее — гниль и ерунда.

А затем — спешная мобилизация и марш на север. Дальше — сокрушительный ураган индусской конницы, несколько мгновений — часов Дантова ада и синее далекое небо над лежащим на спине, раскинув руки и ноги, Норманом Ридингом.

Из отряда, попавшего в мешок, ловко накинутый индийским командованием, остались эти трое. Кое-как перевязав друг другу не слишком тяжелые раны, тро-

нулись они по неизвестному направлению — лишь бы уйти от этих сотен остеклившихся глаз, сведенных в последней хватке за жизнь членов, от повисшего уже над плато тяжелого смрада.

Пугаясь собственных шагов, шарахаясь в сторону от каждого звука, рожденного обступившими их со всех сторон зарослями мангрового леса, питаюсь какими-то похожими на салат-латук листьями, на которые им указал Тодди Бэнкс, ночуя, прижавшись друг к другу, под зелеными шатрами деревьев — брели они неизвестно куда.

Оружие — винтовка Томми Гульда с шестью патронами и ручная граната у пояса Ридинга — придавало им некоторую бодрость.

Но это — днем. Ночью же, несмотря на винтовку и гранату, шум леса подползал к горлу неизъяснимым страхом, перехватывая дыхание, шарил по спине мелкой, холодной дрожью.

И вот на шестой день своих блужданий, на поляне, окаймленной каштановыми деревьями, на берегу горного потока, увидели они здание. Бэнкс, заметивший его первый, даже протер глаза, не веря себе, до того оно было неожиданно.

Из здания сквозь рев потока несся ритмический шум — как будто работали машины. Пошептавшись, они решили выделить парламентаря, и Ридинг, в качестве такового, чувствуя при каждом шаге слабость под коленками, относительно храбро направился к нему.

Взялся за ручку двери — она открылась гостеприимно и доверчиво. Вошел — и оказался в довольно обширном зале, заставленном машинами. Что-то крутилось, мягко шипели ремни трансмиссий, пахло маслом и тем характерным запахом живых машин, который стоит в каждом машинном помещении. Увидел какие-

то рукоятки, пучки натянутых, как струны, проводов, доски со вздрагивающими стрелками в дисках приборов и... забытый кем-то на кожухе одной из машин бутерброд с ветчиной.

Быстрое, как мысль, движение, и зубы впились в розовое мясо. Светло челюсти, под ушами вздулись желваки, судороги — но зубы продолжали рвать дальше, горло раздувалось от проглатываемых без разжевывания огромных кусков.

— Первый раз вижу человека, так стремительно расправляющегося с пищей, — услышал Ридинг около себя жидкий тенорок. Обернулся и увидел человека в синей рабочей блузе...

— Немножко неприятно, конечно, — продолжал человек, провожая глазами исчезающие куски, — что мой бутерброд погиб. Но, я вижу, вы так голодны, что я даже готов предложить вам другой.

Ридинг проглотил последний кусок, с выпученными глазами проталкивая его в горло, и протянул руку. Потом вспомнил о своих двух приятелях и решил начать переговоры.

— Скажите, пожалуйста, что это за здание? Видите ли, меня ждут два товарища, они очень голодны — не могли бы вы накормить и их?

— Это Гайбукская гидростанция. Питает током Эверестскую астрономическую обсерваторию. А накормить вас сможем. Тащите своих приятелей, а я пойду к заведующему, сообщу ему о вас.

Через полчаса все трое сидели перед дымящейся миской с варевом необычайного, сверхъестественного вкуса... Человек в синей блузе, оказавшийся одним из монтеров, принес бутылку виски, и трое солдат почувствовали себя в раю.

И тут Ридинг и Бэнкс убедились, что их недавний

приятель Томми Гульд, которого они знали еще до разгрома за тихоню и чистюлю, самый настоящий, заправский алкоголик. Не дураком выпить оказался и монтер. За первой бутылкой появилась другая. Гульд хлопал рюмку за рюмкой — и вдруг, когда головы Ридинга и Бэнкса, отяжеленные вином и едой, склонились на край стола, изо всей силы ударил ладонью по столу.

Зазвенели, подпрыгнув, тарелки, рюмки, ножи и вилки, и Томми Гульд заорал какую-то дикую песню, ворочая совершенно бессмысленными, налитыми кровью глазами. Затем его взгляд уперся в положенную на край стола гранату Ридинга и, нацелившись, он цапнул ее...

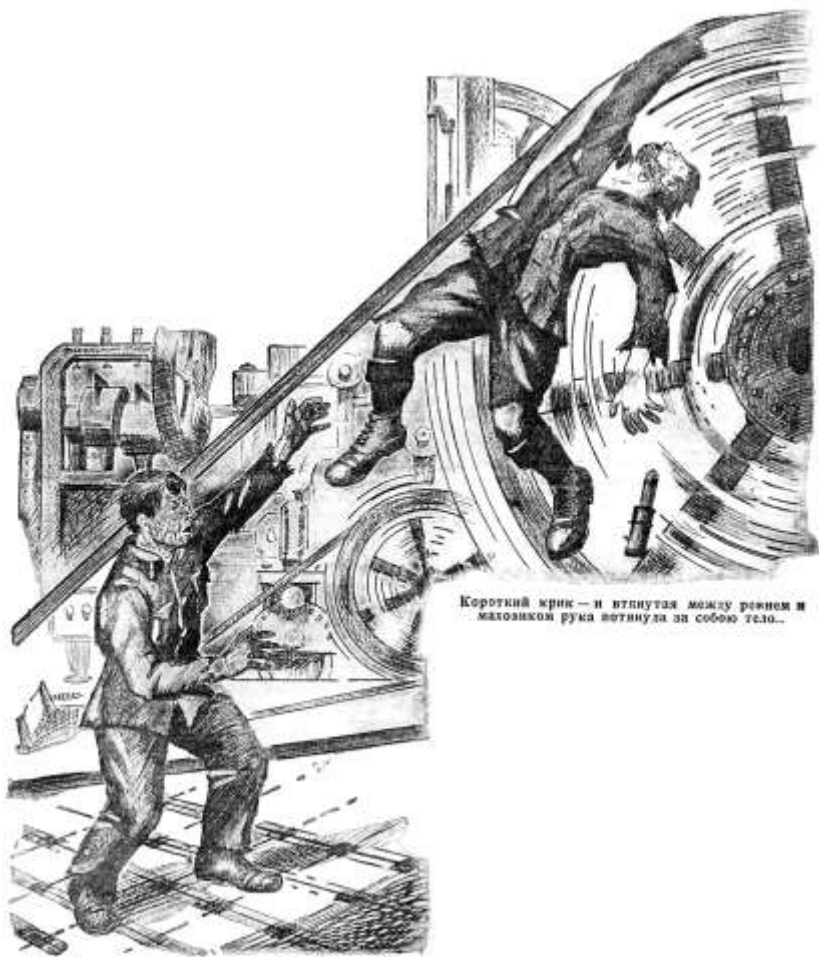
Размахивая ею, он пошел мимо прижавшихся к стене Ридинга, Бэнкса и монтера и, не прерывая дикой рулады, направился в зал. Те, очнувшись от первого испуга, бросились за ним, и началась погоня по всему залу. Качаясь из стороны в сторону, Гульд бежал от машины к машине, инстинктивно избегая опасных мест, нагибая голову под ремнями трансмиссий.

— Гульд, дружище, да остановись же!

— Гульд, миленький, погоди минутку, я тебе что-то скажу!

— Отдай гранату, черт свинячий, ведь ты всех нас взорвешь на воздух!

Остановились — остановился и Гульд, тронулись вперед — двинулся и Гульд. И так без конца — останавливались, двигались, снова останавливались, усевшаяся, лгстая, угрожая. Наконец, взбешенный и бессмысленностью сцены и бесполезностью погони, Ридинг бросился вперед. Два-три прыжка и концы пальцев скользнули по спине Гульда. Тот кинулся в сторону, левая кисть коснулась бегущего ремня, — короткий

Короткий крик — и втянутая между ремнем и маховиком рука потянула за собою тело...

крик — и втянутая между ремнем и маховиком рука потянула за собою... Ноги оторвались от земли, тело взметнулось кверху и, описывая в воздухе параболу, полетела граната по залу...

.....

Когда заведующий станцией, вместе с рабочими, разбуженный взрывом, прибежал в зал, то по нему колыхались сизые полотна дыма. Четыре трупа, лохмотья трансмиссий, осколки распределительных досок, обрывки проводов, сорванные с постаментов динамо и делающую последний бессильный оборот, раненую насмерть, с искривленными и вырванными лопастями турбину — увидел заведующий.

— Аккумуляторы... заряжены? — неповинуящимся хриплым голосом, не интересуясь пока ничем иным, спросил он своего помощника.

— Нет... Я хотел их заряжать завтра утром, — ответил тот.

И оба они, повинуюсь какому-то могучему импульсу, посмотрели в окно, в котором, освещенная луной, серебрилась снежная вершина Эвереста.

IX. Встреча

— Ничего другого вам предложить не могу, Крамарек... бесполезно искать выхода. Идите к себе, ложитесь спать, если можете — и оставьте меня одного.

И Грохотов поплотнее завернулся в шубу. Холод пробирался за воротник, хватал за ноги, грызя концы пальцев... Голова кружилась от насыщенного углекислотой воздуха, в ушах стоял непрерывный, надоедливый, как полет комара, звон... и сквозь этот звон время от времени от стен доносилось легкое потрескивание — это расходились охваченные морозом швы стальных листов...

На коленях Грохотова лежала бумажная таблетка с надписью «Морфий». Крамарек ее не взял... на что надеялся человек?..

Час тому назад Хокуто, улыбаясь чему-то далекому, нездешнему, взял такую же таблетку, и, пожав руку Грохотова, ушел в свою комнату.

А затем получил свою долю и Ганетти.

За ним — умирающий Либетраут.

Четыре таблетки, шесть человек — час тому назад...

Одна таблетка, три человека — сейчас...

...Ну что же, если Крамарек не хочет...

И рука, пошарив на коленях, нащупала белый четырехугольник...

...А Журбо?.. Нет — Журбо достаточно определенно отклонил предложение, локтем отодвинув таблетку. И даже не посмотрел на него, Грохотова, сидя все в той же неизменной за последние дни позе, положив локти на стол, опустив на них голову...

...Ну что же, если Крамарек не хочет...

— Давайте, м-сье Грохотов, — слышит он около себя придушенный голос, — я больше не могу, мне не хватает воздуха, я задыхаюсь!

— Такими вещами нельзя шутить, Крамарек, — строго говорит Грохотов. — Вы только что отказались, я хотел взять ее себе... Так нельзя шутить, Крамарек.

— Дайте, дайте... я больше не могу. Ради всего святого, ради ваших детей, всего того, что вы любите, дайте ее мне!..

И Грохотов протягивает таблетку — тот уходит.

Голова клонится на грудь, все тот же звон в ушах... все то же ужасное, неумолимое потрескивание.

— Пойдемте, скорее, скорее пойдемте! — слышит опять Грохотов голос над собой — и видит Журбо. Тот стоит в одном пиджаке и трясет его за рукав.

— Вы простудитесь, Журбо, — хочет сказать Грохотов, но тут же понимает всю нелепость приготовленной фразы... — Куда пойдемте, Журбо?..

— Туда, туда пойдёмте, к экваториалу, посмотреть на него, на кратер, скорее, скорее — я умоляю вас!

Глаза Журбо сверкают, весь он — порыв, он не чувствует мороза, он — горит.

— Механизм экваториала бездействует, Журбо, — отвечает Грохотов. — Ведь тока нет, понимаете.

Потом вспоминает. И лениво ворочая языком, останавливаясь на каждом слове, говорит:

— Единственно, что возможно, это установить ручной передачей меридианный круг — вы увидите луну две, три минуты, не больше.

Журбо не дослушивает. Он бежит по коридору с развевающимися волосами, бормоча что-то. Идет за ним и Грохотов.

Луна близка к прорези купола — «не опоздали, не опоздали!» — шепчет Журбо.

И оба они, напрягая последние силы, вертят колесо передачи. Ползет объектив по прорези и останавливается — и на него находит серп луны.

— Последний привет... последний привет, — бормочет Журбо.

Он садится в кресло, передвигает окулярное кольцо.

Грохотов становится рядом и вынимает блокнот.

— Говорите, Журбо, — замечает он. — Я буду записывать.

— Да, да, Грохотов, — понимает Журбо, — последняя запись... люди найдут когда-нибудь... найдут, Грохотов...

Но он не может справиться с окуляром, — а луна уже светит краем в прорезь купола. Грохотов тихонько отодвигает его, вертит кольцо окуляра — и туманное серебристое пятно съезживается, собирается в резкие линии, точки, являя лик луны. Блестит ломаная линия

терминатора, обозначал границу света и тьмы, а рядом, из этой тьмы, как из бархата коробки, искрится миниатюрная алмазная брошка, уже не два, а три концентрических круга, три крохотных, блистающих круга...

Огромным усилием воли заставляет себя Грохотов оторваться от окуляра и говорит Журбо:

— Смотрите!

— Три круга, три круга! — почти кричит Журбо. Грохотов чувствует, что карандаш становится огромным и тяжелым, как бревно, ускользя из каменеющих пальцев... Как немеют ноги — и грузно опускается на пол кабинки слабеющее тело. В ушах стоит уже не звон, а шум, похожий на рев водопада.

— Три круга... они блестят... они пылают, Грохотов, — нараспев говорит Журбо. — О, как они пылают... вокруг них люди, толпы народа! Это праздник, Грохотов... какие счастливые, гордые лица, какое ликование!..

— Вы бредите, Журбо, — ворочая жерновом языка, говорит Грохотов, и голова его падает на грудь.

— Грохотов, Грохотов! — кричит Журбо. — Они тоже там... среди толпы... мои девочки, мои бедные девочки! Мари, Нинет, Лу... Они смеются, они кивают мне!..

Грохотов лежит на полу кабинки. На грудь ему наваливается что-то огромное и мягкое — это Журбо сполз со своего кресла. И над самым ухом он чувствует горячее дыхание, сквозь последние проблески сознания слышит:

— Здравствуй, Мари, здравствуй, Нинет, здравствуй, моя ласточка, моя маленькая Лу!..

Б. К. АРМФЕЛЬТ

ПРЫЖОК В ПУСТОТУ

Научно-фантастическая повесть

Журнал "Мир приключений" № 2, 1927 г.

I.

Весной 19.. года жители портового города Св. Лазар могли любоваться невиданным зрелищем: на большом рейде, среди океанских пароходов и военных крейсеров, стояло новое удивительное сооружение, напоминавшее издали присевшую на воду стрекозу с раскинутыми крыльями. Даже на большом расстоянии можно было судить о его громадности по сравнению с окружавшими его судами, которые оно превосходило длиной в пять-шесть раз. Вблизи впечатление было подавляющее: паровые катера, предназначенные как для местной публики, так и для многочисленных приезжих из Парижа и других городов, специально прибывавших почти ежедневно с целью осмотра нового сооружения, совершенно исчезали перед его громадностью.

Подъезжающие на катерах могли видеть два длинных цилиндра такого диаметра, что в каждый из них мог бы без затруднения, въехать большой пароход. Эти два цилиндра, расположенные рядом, почти вплотную один к другому, поддерживались на высоте около четырех метров над поверхностью воды целым лесом железных стоек и раскосов, утвержденных на двух длинных понтонах, имевших вид водяных лыж. В обе стороны от цилиндров простирались огромные брезентовые поверхности, изогнутые в форме крыльев и снабженные сложными железными каркасами, а также целой системой направляющих струн, сходящихся у небольшой замкнутой камеры, укрепленной между обоими цилиндрами в передней части снаряда.

Как приезжие, так и местные жители хорошо знали назначение и главные принципы устройства этого громадного сооружения: сведения о нем во всех подробностях распространялись газетами и другими периодическими изданиями уже в течение почти целого года. При посредстве его должен был осуществиться грандиозный научный опыт профессора Готье, ставшего за последнее время мировой знаменитостью.

Кроме того, французы смотрели на этот опыт, как на чисто национальное предприятие. История воздухоплавания развилась преимущественно на французской почве: Франция дала первый аэростат, первые дирижабли и лучшие системы аэропланов; теперь ей же предстояло подарить миру первый снаряд для полета в междупланетное пространство.

На протяжении первой половины XX столетия было разработано множество проектов достижения Луны и даже планеты Марс. Все они исходили из принципов «реактивного» двигателя: ракета была признана единственным средством движения в пустоте межпланет-

ного пространства, где отсутствует всякая неподвижная опора.

Идея такого двигателя возникла первоначально в России: она родилась в гениальной голове известного Кибальчича, почти накануне его казни в 1881 году. Однако об этом узнали лишь сорок лет спустя, когда оригинальный русский изобретатель Циолковский уже успел совершенно самостоятельно разработать детальный проект междупланетного корабля, в основных чертах представляющего громадную ракету.

Но обычно техническая или научная идея, если она верна в принципе и соответствует чаяниям эпохи, появляется почти одновременно в разных местах. Так было и в данном случае: независимо от Циолковского, идея ракеты была использована для той же цели в Германии астрономом Обером и в Америке Годдардом. Первый занимался около десяти лет тщательными вычислениями и теоретической разработкой проекта междупланетного дирижабля. Второй избрал путь экспериментального исследования, но опыты стоили дорого, и их пришлось ограничить лабораторной обстановкой.

Однако, как ни благоприятны казались на первый взгляд теоретические результаты Обера и практические достижения Годдарда, все же каждому трезвому техническому уму представлялось несомненным, что для сколько-нибудь продолжительного путешествия в межпланетных пространствах потребуется ракета, по размерам своим превосходящая все реально осуществимое.

Как бы ни доказывали математические выкладки германского астронома возможность в течение немногих минут достигнуть скоростей, выражающихся десятками верст в секунду, а затем уже нестись с этой

космической скоростью по инерции в абсолютной пустоте, не оказывающей движению никакого сопротивления, все же оставалось несомненным, что на практике дело будет выглядеть иначе. Чтобы получить возможность управлять движением снаряда, изменять по желанию величину и направление скорости, чтобы иметь возможность не только куда-то отправиться, но и вернуться обратно, необходимо снабдить ракету зарядом, горение которого продолжалось бы несколько часов, хотя бы и с перерывами. А результатом колоссального заряда явился бы неминуемо колоссальный вес; подъемная же сила ракеты, независимо от последнего, ограничена при любой конструкции известными пределами. В результате огромная ракета, рассчитанная на длительное горение, не смогла бы сама себя поднять и осталась бы беспомощно шипеть и пыть на земной поверхности вместо того, чтобы взвиться вверх и затем отправиться по своему назначению. Такого рода соображения обескураживали всех серьезных ученых и инженеров. Огромная ракета, на которой человек мог бы пуститься в неведомые дали на завоевание новых миров, возбудившая в начале столько надежд, постепенно потеряла всякий кредит.

Требовался какой-то совершенно новый технический фактор, и надежды обратились к радию. Но и этот удивительный элемент, который с начала XX века привлекал глаза всех мечтателей и энтузиастов науки, оказав огромные услуги медицине и химии, успокоился, по-видимому, на этом и почил в своем великолепном Дворце в Париже. Во всяком случае, на все зазывания междупланетных прожекторов он отвечал солидным молчанием. И вот, именно в это время, когда ракета, как реактивный двигатель казалась уже сданной в архив, появился проект профессора Готье.

Проф. Готье.

Проект этот, оставаясь при старых средствах, давал им только новое назначение: ракета, как бы велика она ни была, не может доставить человека не только на Марс, но даже и на Луну, достижение которой, к слову сказать, не представляет особого интереса; но та же ракета, при величине, не выходящей из пределов технически достижимого, может вынести человека за пределы атмосферы, и, совершив довольно

длинный перелет в пустоте межпланетного пространства, снова опустить его благополучно на Землю. Пущенная в направлении, наклонном к горизонту, ракета должна описать в пространстве огромную дугу параболы, большая часть которой окажется за пределами земной атмосферы. Она сделает прыжок в пятьсот километров высотой и около трех тысяч километров длиной, причем заключенные в герметически запертой камере наблюдатели смогут в течение часа или двух обозреть межпланетное пространство и производить в нем различные научные наблюдения.

Но представляет ли подобный опыт научный интерес, достаточный, чтобы оправдать грандиозные работы, требующие громадных денежных затрат? Оправдывает ли этот интерес тот чудовищный риск, которому необходимо подвергнут себя все участники опыта? В наличии такого интереса проф. Готье сумел убедить Академию и правительственные сферы. Общественное мнение также оказалось на его стороне, подогретое

целым рядом публичных лекций, прочитанных им не только в разных городах Франции, но и в крупнейших центрах других государств. Профессор совершил обширное турне по всей Европе, всюду собирал бурные аплодисменты, а также более или менее крупные подписки. На таких публичных лекциях профессор описывал свое предприятие в самых восторженных выражениях.

— Мы живем на дне воздушного океана, — так обычно начиналась лекция, — и эта среда, кажущаяся нам столь прозрачной, но на самом деле в толстом слое весьма малопроницаемая для многих лучей, скрывает от нас все неопишное величие необъятного космоса. Об истинном виде Солнца, Луны, звезд и комет мы знаем столько же, сколько знает рыба, плавающая среди подводного мрака, о красотах зари и солнечного заката, об альпийских пейзажах и грандиозных городах. Атмосфера — это «покрывало Изиды», скрывающее от нас истинное лицо богини. Поднять это покрывало, увидеть лицо богини во всем его величии, быть может, страшном, быть может, чарующе прекрасном — такова задача предприятия.

Возможно, конечно, что почтенный профессор немного преувеличивал и что о междупланетном пространстве мы знаем несколько более, чем глубоководная рыба об альпийских пейзажах. Но все же в главном он был, несомненно, прав: атмосфера, действительно, скрывает от наших глаз очень многое, и прозрачность ее, действительно, только кажущаяся. Каждый, кто имел случай смотреть в большой телескоп, хорошо знает это: слон незаметного на глаз тумана, или просто струи воздуха разной плотности совершенно затемняют поле зрения, производя впечатление какой-то пустой переливающейся среды, скры-

вающей все подробности наблюдаемого астрономического объекта. Эта среда ставит определенный предел увеличительной силе телескопа, в оптическом смысле неограниченной: если бы мы соорудили телескоп вдвое или втрое сильнее Пулковского рефрактора, то ничего кроме переливающихся струй в него нельзя было бы разглядеть.

Кроме того, атмосфера совершенно поглощает многие лучи, несомненно, испускаемые Солнцем и звездами: это преимущественно так называемые «ультрафиолетовые» лучи, принадлежащие к числу «темных», т. е. невидимых для глаза лучей, производящих, однако, сильные химические действия. Рентгеновские и катодные лучи задерживаются даже тонким слоем воздуха. Из всей лучистой энергии, испускаемой Солнцем, до дна воздушного океана, т. е. до поверхности Земли, достигает лишь весьма небольшая часть, — все остальное задерживается атмосферой. Исследование всей этой энергии — полного солнечного спектра за пределами атмосферы представляли бы, действительно, громадный научный интерес и могло бы привести к результатам, значение которых не поддается предварительному учету.

Все это профессор Готье преподносил публике в своих лекциях в самой блестящей и увлекательной форме. Обращаясь далее к технической стороне своего опыта, в покровительственном тоне упомянув о своих предшественниках, он целиком, однако, отвергал почти все их достижения. Теоретические расчеты немецкого астронома Обера были, по его мнению, практически несостоятельны.

Практические исследования Годдарда не давали основ для теоретических построений. О проектах

Циолковского он упоминал лишь вскользь, как о восточной сказке. По его — профессора Готье, — мнению, при сооружении первого действительно реального снаряда надлежало ограничиваться только самыми простыми и испытанными конструкциями. А таковой являлась обыкновенная ракета, заряженная обыкновенным ракетным составом — смесью пороха с углем; от предлагаемых его предшественниками сжиженных кислорода и водорода профессор считал необходимым отказаться: «как еще такая смесь будет гореть? безопасно ли это? практически осуществимо ли?».

Нельзя было отрицать основательности этих вопросов. С другой стороны, движение ракеты, т. е. его продолжительность и скорость, определяется всего более весом ее заряда; состав последнего обуславливал бы только скорость истечения газовой струи, а последняя мало увеличилась бы от замены обыкновенного пороха какой-либо иной взрывчатой смесью. Поэтому решение профессора остаться при старом, испытанном способе заряжения ракеты порохом, было, в конце концов, одобрено в академических кругах.

Но существенным новшеством в проекте профессора Готье была комбинация ракеты с аэропланом. Огромная тяжесть ракеты служила бы непреодолимым препятствием для ее взлета в вертикальном направлении. Поэтому движущую силу ракеты предполагалось использовать, как пропеллер в аэроплане, т. е. для горизонтального движения; поднятие же вверх должно было осуществляться при посредстве огромных наклонных поддерживающих плоскостей, наподобие двух крыльев, расположенных по бокам ракеты. Эти крылья должны были поднять ее до крайних пределов атмосферы, так как разрежение воздуха компенсировалось в этом случае увеличением скорости полета. За

пределами атмосферы движение должно было продолжаться уже по инерции. Горизонтальный разбег снаряд должен был сделать на поверхности воды, для чего его надлежало снабдить водяными лыжами, как это принято в конструкции гидропланов. Наконец, особенностью снаряда проф. Готье являлось соединение двух ракет в одну дуплекс-ракету. Этим, по его мнению, достигалась большая жесткость и прочность системы, а также лучшая возможность управлять снарядом, отклонять его вправо или влево, при помощи особых щитов, помещенных как раз у выхода из тела ракет струи раскаленных газов. Между двумя ракетными цилиндрами, в передней части снаряда, помещалась герметически запираемая камера с приборами для наблюдений и с самими наблюдателями. Эта камера могла, по желанию последних, быть отделена от снаряда в последний момент перед его падением и спуститься с относительной медленностью при помощи огромного, автоматически открывающегося парашюта.

Про этот парашют враги профессора говорили, что это — единственно целесообразная часть его снаряда, так как он все-таки дает участникам опыта маленький шанс к спасению, тогда как все остальное придумано со специальной целью убить их.

Чтобы еще уменьшить опасность спуска, имелось в виду произвести весь полет над поверхностью воды; с нее должен был начаться разбег при подъеме, на нее же следовало спуститься. Размеры этой водной поверхности должны были соответствовать величине прыжка. В этом смысле профессора Готье мог удовлетворить только Атлантический океан. Начавшись у берега Франции, путь ракеты должен был окончиться где-то у берегов Северной Америки. Разумеется, нельзя

было с точностью предвидеть длину этого пути и определить место спуска; поэтому в день опыта множество пароходов и аэропланов должно будет крейсировать на достаточном протяжении, чтобы немедленно прийти на помощь спустившимся в камере небесным путешественникам.

Несмотря на все эти меры предосторожности, опыт заатмосферного прыжка представлял, несомненно, крайнюю опасность, и от участников его требовалось почти сверхчеловеческое самоотвержение. Все понимали это, и проф. Готье, помимо славы ученого, оказался окруженным ореолом добровольного мученика науки.

Блеск этого ореола распространялся и на его будущих спутников, в особенности концентрируясь на единственной дочери профессора, молодой, но мужественной девушке, не пожелавшей оставить отца в минуту крайней опасности. Другим спутником был нанят строитель гигантской ракеты, инженер Лаваред, человек еще совсем молодой, но успевший составить себе имя благодаря участию в таком исключительном предприятии. Более трех человек не могла вместить небольшая герметически запирающаяся камера снаряда; кроме того, профессор считал недопустимым подвергать опасности хотя бы одну лишнюю человеческую жизнь. Даже своему ассистенту, доктору Дюрвиллю, он отказал, несмотря на все его просьбы.

Об этом ассистенте циркулировали странные слухи; говорили, например, что именно он-то и является истинным автором грандиозного проекта и что профессор Готье попросту украл его приоритет, и, не допуская его даже к участию в опыте, всячески старается отстранить и затушевать его. Вспоминали также, что около года назад он считался почти официальным женихом

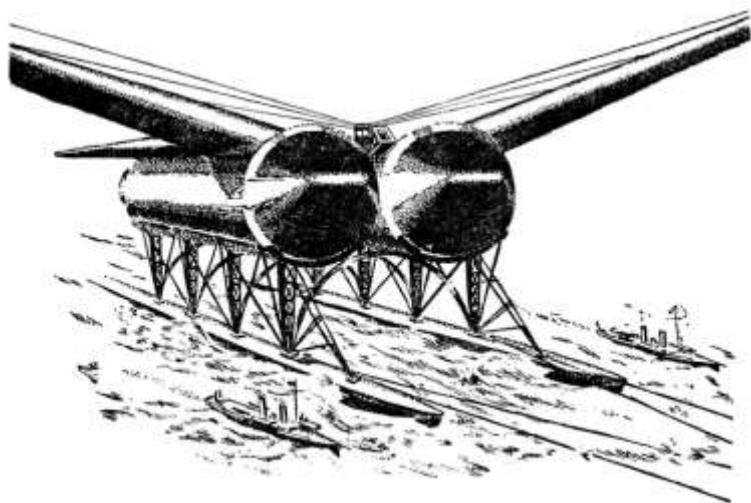

**Ассистент Дюр-
вилль.**

дочери профессора, но потом был оттеснен более блестящим претендентом — инженером Лаваредом. Поэтому последний будто бы и стал главным строителем ракеты, тогда как раньше ничем по своей специальности не отличался. Но сплетни всегда трутся своими гнусными мордами около имени великого человека — это обратная сторона славы. Все эти толки не могли подорвать доброго имени профессора Готье. Особенно в последнее время, когда ракета были почти готова, все внимание обращалось исключительно к предстоящему полету, и разными пустяками никто уже не интересовался.

Но именно недели за две, до этого решительного момента произошли одно за другим два события, опять давшие пищу разнообразным толкам. Во-первых, профессору было совершенно внезапно отказано в крупной правительственной субсидии, которую он уже считал в своем кармане и наперед израсходовал частью из собственных средств, частью в виде кредитных обязательств. Отказ этот был связан с переменой министерства, в новом составе которого, по-видимому, оказались какие-то друзья ассистента Дюрвилля, несочувственно отнесшиеся к профессору. Ему воспретили даже общественную подписку. Еще месяц тому назад весьма состоятельный человек — он был теперь

разорен и стоял перед перспективой банкротства и тюремного заключения.

Вторым событием был последовавший за этим отказ инженера Лавареда от чести участвовать в полете за пределы атмосферы. По его объяснениям, он предпочитал отдать свои знания и силы работам по установке громадной радиостанции у устья реки Конго, — делу, несравненно более приличествующему инженеру, чем какие-то сомнительные авантюры в межпланетном пространстве. Его место в снаряде естественно переходило теперь к Дюрвиллю, и последнему скоро удалось уладить денежный вопрос. Правительством была назначена специальная комиссия с поручением ликвидировать долги профессора без банкротства и тюрьмы. Окончание работ комиссия взяла в свои руки.

II.

И полет, наконец, состоялся. Огромная толпа собралась на портовой территории Св. Лазара, надеясь присутствовать при феерическом зрелище. Но надежды оказались напрасными: вся феерия свелась только к тому, что четыре военных крейсера при помощи сложной системы причалов «впряглись» в огромную плавучую ракету и со всеми предосторожностями пробуксировали ее к выходу из порта и далее в открытое море. Полет должен был начаться на расстоянии двадцати километров от берега, и присутствовать при этом могли лишь немногие привилегированные зрители: делегаты главнейших академий Европы и представители научных и правительственных учреждений

Четыре крейсера «впряглись» в огромную плавучую ракету и пробуксировали ее в открытое море.

Франции. Все они заранее получили места на четырех крейсерах и нескольких миноносцах, конвоировавших весь кортеж в открытое море.

Выход из порта состоялся рано утром, на восходе солнца. Но лишь к полудню флотилия достигла места назначения и выстроилась около ракеты, предоставляя ей свободный путь для разбега, чтобы, поднявшись у

одного берега океана, она могла закончить полет у другого, где ее готова была встретить американская эскадра. Ровно в полдень в парадной кают-компании одного из крейсеров был сервирован торжественный завтрак.

Профессор, его дочь и ассистент, как герои дня, были посажены во главе П-образного стола, так, чтобы их могло видеть и слышать большинство присутствующих. Министр авиации (тот самый, который месяц тому назад провалил правительственную субсидию) произнес подобающую случаю речь, в которой, однако, совершенно неожиданно для всех восхвалялись заслуги Дюрвилля, а имя профессора почти не упоминалось. Но на последнего это не произвело особого впечатления, и когда Дюрвилль, после долгих колебаний, собрался, наконец, с духом и встал, чтобы произнести ответную речь, профессор уже стоял с бокалом в руке и говорил с самым непринужденно-величественным видом. По обыкновению появилось в его речи «покрывало Изиды», которое он смело срывал с лица богини, чтобы задрапировать в него собственную особу. Речь его лилась без перерывов и достаточно долго, чтобы вытеснить из памяти слушателей даже всякое воспоминание о словах министра, неправильно, по его мнению, адресованных.

С борта крейсера
посыпался дождь
цветов, адресованных
дочери профессора,
Марии.

Когда ассистент получил, наконец, возможность говорить, то никому уже не было понятно, на что именно и кому он отвечает. Он не обладал ни внушительной фигурой профессора, ни его плавной речью (как ассистенту и полагается); он не умел изящно и своевременно помахивать покрывалом Изида и драпироваться им; зато он обладал глухим и прерывающимся голосом. Содержания речи никто не понял, но все же оратор был награжден аплодисментами, подобающими герою дня, хотя бы второстепенному. Инцидент был, впрочем, тотчас же замят новым тостом профессора; потом говорили другие, потом опять профессор, и завтрак закончился при общем чрезвычайном оживлении.

Около трех часов пополудни участники полета, при торжественных звуках марша и несмолкаемых приветственных криках, сошли, наконец, с крейсера на миноносец, который должен, был доставить их в камеру ракеты.

С борта крейсера посыпался целый дождь цветов и букетов, адресованных дочери профессора, и миноносец отошел по назначению, при салюте выстрелами и флагами. Описав дугу, он подошел к переднему концу ракеты и остановился в промежутке между поддерживающими ее лыжами, непосредственно под камерой. Путешественники взобрались в нее по особой приставной лестнице, сейчас же после того убранной, и заперли за собою герметический входной люк. В этот момент на всех судах оркестр опять заиграл марш, заглушаемый салютом орудий.

Окончив этот маневр, миноносец снова двинулся по коридору между лыжами и подпорными фермами к задней части ракеты, где ему надлежало зажечь фи-

тиль, проведенный к ее заряду, совершенно как в обыкновенной увеселительной ракете.

Эту операцию невозможно было рассмотреть во всех деталях с крейсеров, расположенных на расстоянии полукилометра от снаряда. Но все же зрители узнали об ее окончании, когда миноносец, на минуту остановившийся у заднего конца ракеты, внезапно полным ходом стал удаляться от опасного места, чтобы не оказаться в струе раскаленных газов, образующих «хвост» ракеты при ее полете.

Наступила минута величайшего напряжения. Большинству зрителей не было в точности известно время горения фитиля, но все мысленно наблюдали маленький огонек, медленно подползающий к колоссальному заряду, заключенному в двух огромных цилиндрах ракеты, и который неминуемо должен был воспламенить его. Теперь отступление было уже вне сил человеческих. Если бы участники опыта внезапно осознали в этот момент его страшную опасность, и страстно захотели бы выйти из своей камеры — они уже не в состоянии были бы это выполнить; несомненно, их ощущения в этот момент были не из приятных... Все знали это, и ждали. Минуты текли с невыразимой медлительностью среди гнетущей тишины. Музыка прекратилась, орудия молчали; слышен был только неумолкаемый, однообразный шум моря.

Внезапно снаряд вздрогнул и рванулся вперед, как смертельно раненое морское чудовище. Две огромные струи серовато-белого дыма вырвались из его цилиндров, словно изверженные вулканом. Сотрясение воздуха было так сильно, что палуба и мачты крейсеров задрожали; зрители попадали, оглушенные страшным шипением и свистом, хотя находились на расстоянии почти километра от ракеты.

Сварга рванулась... Сотрясение было ужасно. Крейсера качались на волнах, точно лодки...

Когда они очнулись от потрясения, ракеты уже не было видно; огромные волны шли по морю и крейсера качались на них, как лодки на приливе. Минная струя серого дыма лежала на воде до края горизонта, и медленно рассеивалась, раздуваемая ветром.

Никто не видел, совершился ли ожидаемый взлет ракеты поле разбега, но энтузиазм был полный и проявился в радостных возгласах, звуках оркестра и долго не смолкавшем салюте орудий всех четырех крейсеров.

Вечером на бульварах и в кафе публика читала газеты. В них сообщались все подробности полета, в ярких красках описанные репортерами, бывшими на крейсерах; но о результате не было ни слова. Впрочем, телеграмму с Американского побережья о благополучном спуске ракеты ожидали с часу на час, и она должна была, конечно, вызвать экстренный выпуск газет. На следующее утро газеты содержали запоздалые сообщения, представлявшие повторение вчерашних; в вечерних выпусках не было и этого...

Прошло три дня, и ожидаемая телеграмма не приходила, хотя эскадра все еще крейсировала у восточного побережья Америки. Великий опыт, стоивший гро-

мадных затрат, приходилось признать неудавшимся. Вместе с тем оказывались бесполезно пожертвованными три человеческих жизни.

В периодической печати стали появляться статьи, подписанные крупными научными именами, пытавшиеся так или иначе объяснить печальную неудачу. Мнения расходились; большинство предполагало, что ракета просто не долетела до того места, где ожидала ее эскадра; тогда ее надо было искать среди Атлантического океана. Но ни один из пароходов или аэропланов, совершающих рейсы по всем направлениям, не встретил плавающей камеры, громадный парашют которой мог бы быть замечен на большом расстоянии. Оставалось допустить, что парашют в решительный момент отказал, механизм его дал осечку, и камера вместе с ракетой пошла ко дну.

Другие авторы допускали как раз обратное: ракета не только долетела, но и перелетела через всю Америку; искать надо где-то среди необъятных пустынь Тихого океана. Мнение это поддерживали несколько серьезных ученых, и из Сан-Франциско были командированы крейсера специально для поисков камеры.

Появилась еще статья, правда, без подписи, автор которой шел еще дальше: ракета вовсе не опустилась; достигнув пустоты и не встречая более сопротивления движению, она развила скорость, превосходящую восемь километров в секунду, а такая скорость достаточна для преодоления силы тяготения. Снаряд должен при таких условиях вечно обращаться вокруг Земли, — превратиться в своего рода искусственную луну.

Статья безымянного автора произвела сенсацию. Она льстила национальному самолюбию: не всякий народ способен создать новое космическое тело - новую планету, да притом еще заведомо населенную

мыслящими существами. И эти существа мыслили по-французски! Правда, их ожидала неминуемая смерть, но ведь смерть ожидает все мыслящие существа. Многим судьба их казалась даже завидной.

Телескопы всех обсерваторий и всех любителей астрономии жадно и пристально исследовали небо, в надежде открыть новый спутник Земли. Дежурному наблюдателю Ликской обсерватории посчастливилось: в поле своего огромного рефрактора он усмотрел продолговатое тело с боковыми выступами в виде крыльев. Счастливец поспешил объявить о своем открытии по беспроволочному телеграфу, и оно скоро облетело весь мир вместе с его именем. Но уже час спустя наблюдатель смог убедиться в своей ошибке: продолговатый предмет двигался в поле трубы с юга на север, в совершенном противоречии с прочими небесными телами. Потом он вдруг резко повернул на восток, чем окончательно обнаружил свою истинную природу: это был просто высоко парящий в воздухе кондор. Ошибка была скандальная, и карьера астронома была покончена.

В это же время в «*Nature*» появилась новая статья; автор ее высказывал предположение, противоположное всем предыдущим: ракета вовсе не полетела. По мере выгорания ее заряда, передний конец стал перевешивать и наклоняться; вследствие этого ракета зарылась в воду, и вместо взлета к небу, отправилась вниз исследовать глубины океана. Судьба ее пассажиров не требовала комментариев.

Статья произвела крайне тягостное впечатление, и соображения ее автора казались более чем вероятными. Впрочем, со времени несчастного опыта прошло уже более недели, и интерес к нему в публике успел значительно охладеть. Опыт потерпел фиаско, и этого

было достаточно; оставалось предать его забвению, как и все неприятное. Так и случилось. Не только газеты, но и научные периодические издания перешли к очередным темам. Три человеческие жертвы были преданы забвению; ведь, ежедневно случаются гораздо более тяжелые катастрофы... не о чем, стало быть, и говорить...

И вдруг все опять заговорили: почти через три недели после злополучного опыта появилось экстренное сообщение о розыске следов заатмосферной экспедиции. Большой пассажирский аэроплан, совершавший срочный рейс из Нью-Йорка в Париж, был застигнут в пути сильным штормом, и в течение трех дней оставался игрушкой стихии. Когда аэроплан получил, наконец, возможность управляться, он оказался сбитым к югу и очутился над той пустынной частью Атлантического океана, которая известна под именем Саргассова моря.

Это — громадная площадь неподвижной воды, окруженная кольцом морских течений, и сплошь покрытая невероятным скоплением водорослей, образующих почти сплошной зелено-бурый ковер, расстилающийся среди голубой равнины океана. Это колоссальное скопление морской травы, некогда задержавшее каравеллы Колумба, остается и теперь почти непроходимым даже для сильных океанских пароходов; оно образует среди океана область, совершенно не посещаемую судами, и лежащую в стороне от обычных морских путей.

Над этой-то зеленой равниной и оказался снесенный штормом аэроплан, и, пользуясь наступившим затишьем, он летел полным ходом на северо-восток, к месту назначения. Аэроплан держался на небольшой высоте, что и позволило дежурному офицеру усмотреть...

реть странный предмет, походивший издали на огромного спрута, неподвижно распростертого среди водорослей. Офицер, конечно, знал все подробности о заатмосферной экспедиции и скоро сообразил, что большой полукруглый предмет есть не что иное, как отделившийся от ракеты парашют, а четырехугольное тело, запутавшееся около него в водорослях - камера, в которой должны были находиться участники экспедиции. Он знал также, что с момента взлета ракеты прошло около трех недель, а потому не имел большой надежды найти их живыми.

Аэроплан снизился на зеленый ковер около жалких остатков великого опыта, и командир его с помощником, сойдя на шлюпку, подплыли к опутанной водорослями камере; благодаря последним, они без особого труда взобрались на крышу ее, где находился входной люк.

Командир аэроплана осветил скорчившуюся человеческую фигуру, с диким ужасом смотревшую на вошедших...

Люк этот оказался закрытым, но не запертым изнутри, и оба офицера беспрепятственно проникли в камеру. Стены ее были снабжены иллюминаторами, но последние были больше чем наполовину под водой, вследствие чего в помещение проникал лишь странный зеленоватый полусвет, не позволявший ясно рассмотреть обстановку. Воздух был сильно нагрет, благодаря солнечным лучам, накаливавшим ме-

таллические стенки, и вошедших сразу охватил тяжелый смрад трупного разложения. Командир зажег карманный электрический фонарик, и при слабом свете его увидел скорчившуюся в углу человеческую фигуру; человек был жив и с диким ужасом смотрел на вошедших. Он не отвечал на обращенные к нему вопросы и боязливо жался к стене, словно стараясь скрыться в ней. Пришлось употребить насилие, чтобы извлечь его через люк и перевести на аэроплан.

Исполнив это тяжелое дело, оба офицера приступили к детальному осмотру камеры. В углу ее была обнаружена отвратительная куча обглоданных костей и кусков гнилого мяса — несомненный остаток человеческого трупа; она-то и распространяла тот ужасный смрад, который сразу поразил вошедших и сделал осмотр камеры почти невыносимым.

Забрав с собою все инструменты и бумаги, найденные в камере, офицеры выбили один из иллюминаторов, и хлынувшая через него струя воды потопила эту юдоль скорби и страдания, вместе с остатками ужасной трапезы сумасшедшего.

Собранные бумаги были позднее подвергнуты подробнейшему разбору. Большая часть их содержала заметки, относившиеся к научным наблюдениям, произведенным в пустоте межпланетного пространства. Великий опыт не оказался безрезультатным: он обогатил науку множеством новых данных, и она сохранит благодарную память о трех жертвах, которые ей были принесены не даром. Но кроме чисто научных документов в этих бумагах была найдена рукопись единственного, оставшегося в живых, участника экспедиции - несчастного ассистента Дюрвилля. В ней описаны все ее злоключения, начиная с момента отправления ракеты, и кончая теми днями, когда последние

остатки разума покинули несчастного. В ней есть много лишних слов и не идущих к делу замечаний, но мы предпочли ничего не изменять и приводим ее далее без всяких поправок и сокращений.

III.

11 июля. 19... Стоит ли писать? Зачем писать, когда знаешь наверное, что эти записки никогда не попадут в руки людей? Писать для того только, чтобы мол записки пережили меня самого на несколько дней или недель, лежали бы здесь около моего трупа, а затем пошли бы ко дну вместе с этой камерой — теперь еще моим жилищем, а потом моим гробом? И все-таки я буду писать, чтобы хоть сколько-нибудь занять это ужасное, еле двигающееся время...

15 июля. Да, я буду писать, чтобы не сойти с ума, чтобы занять мысли. А главное, чтобы занять глаза и отвлечь их хоть на время от этого гнусного зрелища... Вода и водоросли... я вижу их даже во сне, эти отвратительные серо-зеленые скользкие стебли и мясистые листья, более похожие на какие-то ядовитые плоды, что-то среднее между огурцом и виноградом... меня тошнит от них...

Если бы я был по крайней мере один! Но она все время тут, около меня, и ни мне, ни ей некуда уйти. Она все время молчит и ненавидит... за что? Разве я виноват, что я — не он? Что он далеко, а я тут, рядом? Но она так несчастна; ведь она потеряла все: отца, жениха и, наконец, зрение!.. Но нет, я не вынес бы одиночества. Один среди этих водорослей... нет, только не это!

16 июля. Я принял решение: записывать свои впечатления изо дня в день, с часа на час, - не стоит: фактов нет, а есть лишь мучения... их все равно не опишешь. Я изложу лучше по порядку все пережитое мною в этой камере с момента нашего отправления. Это заставит меня отвлечься от ужасной действительности. И, кроме того, вдруг... кто знает? Может быть, и найдут эти записки? Итак...

Как давно это было! Это было 9 июля, в три часа пополудни, когда я покинул общество элегантных, веселых, торжественно настроенных людей, собранных в великолепной кают-компании за роскошно сервированным столом, и перешел на палубу миноносца, а потом, по тонкой, дрожащей железной лестнице, поднялся в эту тесную коробку. Я вошел последним; первой вошла Мари, за ней сам профессор, не удержавшийся и тут от театрального жеста по адресу смотревшей на нас команды миноносца.

Я закрыл за собою люк и завинтил его изнутри. Сквозь металлические стенки камеры я слышал шум отходящего миноносца; слышал, как он остановился у задней части снаряда, и потом снова пошел полным ходом. Это он зажег фитиль ракеты и теперь спасался... Люди сделали свое дело и теперь предоставляли нас нашей судьбе. Боялся ли я в этот момент? Тщательно анализируя теперь свои воспоминания, я нахожу все, что угодно, но вовсе не страх.

За завтраком на крейсере я выпил слишком много вина и чувствовал себя очень скверно. Мне хотелось ясно и отчетливо перечувствовать каждую из этих исключительных минут моей жизни, чтобы потом навсегда удержать эти воспоминания, но все представлялось мне смутно и беспорядочно. Я досадовал и на себя, и на профессора; мне не давала покоя моя неудав-

шаяся речь, позволившая ему даже на этот раз выставить себя единственным творцом и инициатором нашей экспедиции, — право, принадлежавшее мне с начала до конца. Я не сумел использовать доброжелательную и справедливую речь министра и сразу в ответной речи разъяснить всей публике истинное положение дел и свои права. Я упустил момент, а потом еще хуже — пил, когда не следовало пить! Конечно, министр теперь чувствует ко мне только сострадательное презрение...

Таковы были мои мысли в продолжение этих минут, пока горел фитиль и огонь приближался к заряду ракеты. Я все еще был мысленно за столом кают-компании и произносил про себя разумную, убедительную речь, доказывавшую с полной ясностью, что мне принадлежит и первоначальная идея экспедиции, и математический расчет всех частей снаряда. Словом все, что, пока я вычислял и проектировал, — профессор ездил по всем городам Европы и узурпировал мои права. Я был весь в этих «земных» интересах, и они вытеснили даже самую мысль о возможной сейчас смерти.

А время между тем шло и шло. Профессор с дочерью ушли в переднюю часть камеры, где были сосредоточены рычаги приводов к опорным поверхностям и рулям снаряда; это «машинное» помещение было отделено переборкой от задней части камеры, где находились все инструменты для производства заранее намеченных научных наблюдений в заатмосферном пространстве. Они тихо разговаривали между собой и не обращали на меня никакого внимания.

По предварительному соглашению, мне пришлось взять на себя всю работу по производству наблюдений, при чем Мари должна была помогать мне. Сам профес-

сор, со свойственным ему легкомыслием, взялся управлять снарядом. Наша судьба была, так сказать, в его руках, но другого выхода не было, раз инженер Лаваред, узнав о банкротстве своего предполагаемого зятя, отказался от участия в экспедиции. Впрочем, без этого обстоятельства для меня не оказалось бы места...

Все эти мысли беспорядочно толпились в моей голове и не оставляли места для осознания действительности; раз, другой, я заставлял себя подумать об окружающем, но сейчас же опять мною овладевали переживания прошлого и связанное с ними раздражение. Все это не оставляло места для ожидания и страха.

И вдруг камера дрогнула, рванулась, понеслась, и я, каким-то чудом удержавшись на ногах, оказался с непреодолимой силой прижатым к задней стенке камеры. В тот же момент дверца из переднего отделения, резко хлопнув, открылась, и оттуда вылетели Мари и профессор; опрокинутые на пол, они катились, пока стойки и опорные части инструментов, загромаздивших заднее отделение камеры, не задержали их.

Это было самое простое и естественное явление — следствие ускорительного движения; его испытывают пассажиры поезда, когда он резко меняет скорость, например, отходя от станции с неопытным машинистом. Но в настоящем случае оно было несравненно сильнее выражено и, кроме того, имело длительный характер: ракета неслась вперед, непрерывно увеличивая скорость, и ее ускорение воспринималось нами, как сила, действующая на наше тело в обратном направлении.

Это в высшей степени неприятное состояние длилось минуты две, может быть — три; я не могу подробно восстановить их в памяти, а тем более описать. Мари стонала на полу, прижатая боком к постаменту

спектроскопа; профессор произносил речь, состоявшую сплошь из криков боли и ругательств; что делал я сам — не помню; вероятно, тоже ругался. Во всяком случае, каждый из нас был как бы скован, и заботился только о себе.

Наконец, скорость ракеты достигла своего возможного максимума, движение ее сделалось равномерным. Я почувствовал свободу и невыразимое физическое облегчение. Профессор с несвойственной ему поспешностью направился в переднее отделение, освещенное большими иллюминаторами со всех сторон; я же стал смотреть через маленькие иллюминаторы задней стенки и пола. Снаряд, несомненно, летел уже на значительной высоте, но на какой именно — определить было трудно. В нижний иллюминатор можно было рассмотреть только безграничную ярко освещенную белую поверхность — очевидно верхний слой облаков; непосредственно под нами он казался на неизмеримой глубине, а дальше, к краям горизонта, словно поднимался вровень с глазами, образуя как бы огромную чашу. В задний иллюминатор я видел поверхности двух цилиндров и далеко извергавшийся из них «хвост», в виде двух мощных струй кружащегося дыма.

Единственным средством для суждения о высоте подъема являлся соединенный с внешним пространством манометр. Взглянув на него, я почувствовал некоторое разочарование: наружное давление измерялось шестьдесятю миллиметрами ртутного столба. Следовательно, мы находились на небольшой еще высоте — тридцати или сорока километров. Но ртуть падала быстро, заметно даже на глаз; значит, мы продолжали подниматься.

Раз взявшись за инструменты, я уже не мог оторваться и занялся своим делом. Надлежало взять пробы воздуха на различной высоте, чтобы потом подвергнуть их анализу: предполагается, что наш обычный воздух (смесь кислорода с азотом) простирается лишь до высоты около пятидесяти километров; выше располагается слой почти чистого водорода, а еще выше — слой неисследованного пока газа геокорония. Мари стояла уже возле инструментов, и мы около четверти часа безмолвно и безостановочно выполняли заранее выработанную программу наблюдений.

Между тем манометр продолжал опускаться, и, удусужившись взглянуть на него, я увидел, что ртуть в нем упала почти до нуля... мы выходили из верхних слоев атмосферы ...

Нестерпимое желание увидеть, наконец, собственными глазами никем не виданную картину межпланетного пространства, оторвало меня от спектроскопа, в котором солнечный спектр вырисовывался теперь с необычайной яркостью и силой. Я приник к иллюминатору...

Я знаю теперь, что никакое описание не может дать даже приблизительного понятия о том зрелище, которое раскрылось передо мною, и которое мне даже трудно вызвать в памяти, закрыв глаза. Нет в человеческой речи таких слов и выражений, чтобы передать подавляющее величие межпланетного пространства, и тот неизреченный ужас, который вызывает оно в бедной и слабой душе человеческой...

Передо мною была неизмеримая черная бездна, о невероятной глубине которой давало представление бесчисленное множество ярких точек, сверкавших в непостижимой отдаленности.

Это были звезды. Но не те милые, мягко и ласково мигающие на нашем голубом небе звезды, а какие-то страшные, раскаленные искры. Они не имели здесь того лучистого диска, который придает им земная атмосфера, а казались, действительно, точками, - но точками, в каждой из которых сосредоточена световая энергия, невыносимая для глаза.

Они были всевозможных цветов — белые, синие, желтые, красные, — и не казались отнесенными на одинаковое расстояние. Иллюзия небесного купола здесь отсутствовала, и простым глазом чувствовалась неодинаковая отдаленность звезд: пять звезд Большой Медведицы, которую я с трудом отыскал, представлялись почти на одинаковом расстоянии, но две другие казались отодвинутыми от них на невероятную глубину; от этой глубины захватывало дыхание, холодело в груди. А еще дальше за ними вырисовывалось туманное скопление — огромная масса Млечного Пути, которая подобно глыбообразной змее извивалась на самом дне этой невероятной бездны.

И вдруг я увидел Луну. Она медленно выплыла из-за рамки иллюминатора и заняла почти все поле моего зрения. Она была еще в начале первой четверти, и край ее, освещенный Солнцем, был так нестерпимо ярок, что я в первый момент должен был зажмурить глаза. Остальная часть ее, озаренная сравнительно слабым, отраженным от Земли, так называемым «пепельным» светом, была все же отчетливо видима, со всеми ее неровностями, кратерами и «морями», подобно селенографической карте.

Но все же она не давала спокойного впечатления карты: даже на этом расстоянии невооруженному глазу представлялась с удивительной отчетливостью страшная хаотичность нагромождения этих, застыв-

ших в мертвенном покое, скалистых обломков. Это был явно мертвый мир, и зрелище его так ясно говорило об этом, что душа у меня тягостно заняла, как от присутствия покойника. Это был космический труп, повисший над бездонной пропастью, и вид его нестерпимо давил мои нервы, как картина безнадежного конца всего живого.

Передо мною была
неизмеримая черная
бездна... Луна заняла
почти все поле иллю-
минатора...

Я так был расстроен зрелищем этого страшного мертвеца, появившегося в поле иллюминатора, что даже не пытался отдать себе отчет в причинах этого явления. Мои мысли были, наконец, привлечены к этому восклицанием Мари, относившимся к исчезно-

вению солнечного спектра из поля зрения инструмента, с которым она работала.

— Ведь это значит, что снаряд поворачивается, изменяет курс, — проговорила она, обращаясь, очевидно, к себе самой.

И тотчас же во мне мелькнула мысль: «Что же делает профессор? Продолжает ли управлять ракетой?».

Но раз вернувшись к непосредственно окружавшей меня обстановке, я был поражен ее необычностью: прежде всего я убедился, что нахожусь перед иллюминатором, расположенным у самого потолка камеры, и что ноги мои не касаются вовсе пола... я висел в воздухе, и даже не заметил, как именно это произошло.

Между тем это было совершенно естественное и необходимое явление: пока снаряд летел еще в атмосфере, даже в самых верхних разреженных ее слоях, опираясь на нее своими крылообразными поддерживающими поверхностями, — все в камере происходило так же, как на обыкновенном аэроплане; все предметы, и я в том числе, сохраняли свой нормальный вес, и только все пульсирующее ускорение создавало силу, толкавшую к задней стене камеры. Но, выйдя за пределы атмосферы, снаряд летел уже по инерции и все предметы в нем потеряли вес. Это было естественно, но страшно неудобно, вследствие полной непривычки организма к такого рода условиям. Нормальный вес, прижимающий нас всегда ногами к полу, исчез и заменился крайне неприятной тягой к задней стенке камеры.

Кое-как, цепляясь за окружающие предметы и двигаясь, как неизлечимый паралитик, я стал пробираться к закрытой дверце средней переборки, отделявшей наше помещение от передней части камеры, где были сосредоточены приводы и рычаги.

Мари распахнула дверь и вдруг с отчаянным воплем отлетела назад, закрывая лицо руками.

Необходимо было взглянуть, что делает там профессор и почему он допускает такое нелепое поворачивание снаряда. Ведь даже здесь, о абсолютной пустоте, можно было бы управлять движением ракеты, поворачивая небольшие рули у выходных отверстий и тем изменяя направление вытекающих из них газовых

струй. Но Мари предупредила меня. Ей, очевидно, пришли те же мысли, и она была гораздо ближе к дверце, чем я.

До этого момента мои воспоминания идут довольно гладко, но дальше наступает путаница и хаос.

Мари сразу распахнула дверь, и вдруг с отчаянным воплем отлетела назад; я видел, как она пронеслась мимо меня, закрывая лицо руками, и запуталась где-то сзади, между ножками и постаментами приборов. Из открытых дверей пахнуло жаром, как из плавильной печи. Широкий столб невыносимо яркого света, словно поток добела раскаленной стали, вырвался оттуда и залил собой большую часть заднего помещения. Все металлические, полированные и стеклянные части инструментов, на которые упали эти ужасные лучи, словно вспыхнули, отражая их по всем направлениям, и сами точно обратились в какие-то ярко сверкающие раскаленные груды. Все кругом точно запылало, испуская ослепительный свет и удушливую жару.

Все это произошло так мгновенно, что я ничего не успел ни сделать, ни сообразить, а лишь инстинктивно закрыл лицо руками, спасаясь от этого дьявольского наваждения.

На мое счастье, поток лучей из двери не задел меня непосредственно; я остался в теневой части помещения и подвергся лишь действию лучей, отраженных окружающими предметами. Это спасло меня и дало мне возможность понемногу осознать положение.

Страшное явление было просто солнечным светом. В нашей земной обстановке, особенно в умеренных и высоких широтах, Солнце — друг человека; свет его радует и приветствуется. Но уже в тропических странах, где солнечные лучи, пронизывал атмосферу, сравнительно меньше ею задерживаются, свет его угнетает

и ослепляет; от него стараются укрыться; иногда он даже поражает насмерть солнечным ударом.

Но здесь — в пустоте межпланетного пространства — ничем не задерживаемый солнечный свет является чем-то неопишимо ужасным. Я почти не могу передать тех ощущений, которые мне пришлось испытать, когда я, придя, наконец, немного в себя, стал осторожно, ползком подбираться к двери. Я не собирался проникнуть в переднее отделение: управлять рычагами в этой раскаленной печи — нечего было и думать; спасти профессора, вытащить его в наше заднее отделение — тоже было невозможно. Да он в этом, конечно, уже не нуждался: он, как раньше постоянно это говорил, «сорвал покрывало Изиды с лица богини», и гневный взгляд ее ужасных огненных глаз обжег, ослепил и убил его на месте. Нет, мне хотелось только захлопнуть эту дверь, чтобы не задохнуться и не сгореть в быстро нагревавшемся воздухе нашего помещения.

Я подполз к двери и здесь, закрыв голову куском черного полотна, снятого с одного из оптических приборов, я взглянул ... Этого, конечно, не следовало бы делать; но я не мог утерпеть: раз уж покрывало Изиды снято, то как же не взглянуть хоть исподтишка на лицо богини? И я увидел...

Задолго до появления в иллюминаторе самого солнечного диска, я мог почти безопасно любоваться его великолепной короной. С Земли ее можно наблюдать только при полном солнечном затмении; но здесь она захватывала широкие полосы неба в обе стороны. от диска, простираясь на черном фоне в виде яркого зеленого ореола. Но постепенно несравненный цвет нефрита стал поглощаться красным отблеском протуберанцев, а за ними явился диск Солнца.

Как оно выглядело? Мне показалось, что какая-то невероятно сильная рука схватила меня за шею и сразу погрузила мою голову в море расплавленной стали... вот, как оно выглядело, и лучше описать его я не умею.

Оглушенный, опаленный, несмотря на защиту черного коленкора, я едва имел силы захлопнуть страшную дверь, показавшуюся мне адовой пастью, и, обесиленный, отдался влиянию ускорения, которое, понесло меня к задней стенке камеры.

А снаряд продолжал нестись в пространстве, никем не управляемый, и развивал все большую скорость, пока горел еще состав, сохранившийся в ракетном цилиндре.

Долго ли это продолжалось? Не знаю, не помню... Я уцепился за какой-то штатив, и это позволило мне, несмотря на потерю веса и силу ускорения, удержаться на полу около проделанного в нем иллюминатора. Но я в него ничего не увидел, кроме блестящего голубоватого тумана: это была земная атмосфера, отражавшая солнечные лучи, которые препятствовали взгляду проникать в глубину. Я не мог из-за них видеть земную поверхность, совершенно так же, как не видит дно озера человек, стоящий на берегу его.

Уже несколько раз прежде и с особой ясностью теперь, когда я лежал без сил у нижнего иллюминатора, приходили мне на ум фантастические рассказы о межпланетных путешествиях, читанные мною раньше. Как далеки были их авторы от действительности! Мне вспомнились знаменитые Барбикен, Николь и Мишель Ардан (из известного романа Жюль Верна), летящие в ядре на Луну и большую часть времени занимающиеся едой, питьем и сном; а когда они не ели и не спали, а выглядывали в иллюминаторы, мимо них проносились

болиды и кометы, чтобы им не было скучно. Земля поворачивала к ним то одно, то другое полушарие, а Солнце мирно согревало и освещало их ядро. По-видимому, ни одному из таких авторов не приходило даже в голову, какой тяжелый, беспредметный ужас вызывает в душе человеческой вид этой бездонной черной бездны! А Солнце?! Одно его существование делает все эти фантастические путешествия на другие планеты совершенно невыносимым. Я оказался лишь на пороге этой неизмеримой беспредельности, и одного взгляда в глубину ее было достаточно, чтобы наполнить душу неизреченным ужасом.

От этих смутных мыслей в полузабытье отвлек меня гневный возглас Мари, по-прежнему лежавшей около постаментов с закрытым руками лицом:

— Да пойдите же, наконец, туда! Разве вы не чувствуете, что мы падаем!? Умерли вы, что ли!

Я опять вернулся к окружающей действительности и сейчас же ощутил в ней резкую перемену: в помещении царствовала полная тишина; шипящий звук горения ракетного заряда, который был слышен даже в пустоте, передаваемый металлическими частями и стенками камеры, теперь совершенно прекратился: заряд выгорел до конца. Вместе с этим исчезла и сила, обусловливаемая ускорением: меня уже не влекло к задней стене. Но явственнее всего я ощутил восстановление моего нормального веса, связанное с огромным улучшением физического самочувствия. Это означало, что ракета возвратилась в верхние слои атмосферы, и теперь плавно спускается на своих поддерживающих поверхностях, как аэроплан.

Вместе с тем это означало наступление величайшей опасности. Оставлять в такой момент снаряд без управления означало идти к верной гибели. Спаси-

тельный инстинкт самосохранения поднял меня на ноги и погнал к двери в переднее отделение; я осторожно приоткрыл ее и заглянул.

В камере царила ужасная жара; свет врывается в ее большие иллюминаторы все еще ослепительный и жгучий, но что-то в нем теперь изменилось. Это не был уже убийственный взгляд египетского Ра или смертоносная стрела Ваала; тонкое «покрывало Изиды» уже распростерлось на лик разгневанного бога. Наша милая земная атмосфера, хотя тонким еще слоем, но все же прикрывала Солнце и успевала поглощать те смертоносные ядовитые лучи его, которые в пустоте распространялись беспрепятственно. Теперь это был просто солнечный свет, необычайно яркий и жгучий, но не потоп расплавленной стали, прожигающей до костей.

Первое, что я увидел, был труп профессора. Страшной, бесформенной, раздутой массой лежал он около рычагов, раскинув руки и обратив кверху почерневшее, как уголь, лицо с огромными бельмами лопнувших глаз. Я никогда не симпатизировал этому человеку и никогда он не казался мне красивым или изящным; но то, во что превратился он теперь, превосходило всякое описание: это было не лицо человеческое, а подгоревшее в духовой печке печеное яблоко, с треснувшей кожицей и вытекшим содержимым. Мне не хотелось бы, чтобы бедная Мари увидела его!

Но я не имел времени рассматривать. Один взгляд, брошенный в передний иллюминатор, показал мне, что ракета летит вниз по крутой линии, а там, под нею, на огромной еще глубине, расстилается безграничная сверкающая поверхность — море. Я бросился к рычагам. Несколькими поворотами мне удалось выровнять полет снаряда и придать ему менее наклонное

направление. Это была трудная задача; даже опытный пилот едва ли справился бы с ней; нам просто благоприятствовало слепое счастье, иначе снаряд, давно лишенный управления, должен был бы уже перекувырнуться. Может быть, делу помогли бы громадные гироскопы, своим быстрым вращением препятствовавшие резким поворотам, но теперь они бездействовали, и всю надежду приходилось возлагать на управление рулями и опорными поверхностями.

Я переводил то один рычаг, то другой, и снаряд описывал какие-то дикие петли; то он летел почти вертикалью вниз, то снова немного выправлялся. Несколько раз гибель казалось мне неизбежной... но не наступала. И все же мы все время неудержимо падали. Наконец, наступил страшный момент... В передний иллюминатор я увидел под нами море в виде сверкающей голубой чаши, показавшейся мне огромной отверстой хищной пастью, готовой поглотить нас. Каждая минута промедления могла привести к катастрофе. С решимостью отчаяния я изо всей силы налег на рычаг механизма, автоматически отделяющего камеру от ракеты.

Последовало страшное сотрясение, сразу опрокинувшее меня на пол, но, уже падая, я все же успел заметить, как огромная масса ракеты, словно вырвавшись у меня из-под ног, стремительно ринулась куда-то вперед. Почти сейчас же я поднялся на колени и, ухватившись за бесполезные теперь рычаги, стал смотреть в иллюминатор. Камера неистово раскачивалась из стороны в сторону, но все же я увидел в огромном отдалении еще летевшую по инерции ракету, катившуюся маленькой стрекозой с продолговатым телом и раскинутыми крыльями. В течение нескольких секунд я наблюдал ее полет в почти горизон-

тальном направлении, после чего она, сделав вдруг резкий поворот вниз, нырнула в море, выбросив вверх огромный столб воды и пены. А камера, в которой я находился, сравнительно медленно и спокойно опускалась вниз. Громадный автоматический парашют великолепно исполнял свое назначение. Сверкающая голубоватая пелена, казалось, неслась снизу вверх нам навстречу.

Я закрыл глаза... Оглушительный шум и плеск раздался со всех сторон, и я опять очутился на полу, рядом с ужасным трупом профессора. Никаких серьезных повреждений я не получил и без труда поднялся на ноги. Теперь я мог спокойно осмотреться: путешествие в межпланетное пространство было закончено...

Передний иллюминатор был наполовину погружен в воду и сквозь него вырисовывались какие-то массы перепутанных зеленых стеблей. Боковые иллюминаторы были вровень с поверхностью воды, и из них открывался узкий горизонт моря, сплошь покрытого ковром водорослей. Пол камеры имел небольшой уклон к передней части, не затруднявший, впрочем, хождения по нему. Я перешел в заднее помещение и по железной лесенке легко добрался до люка в крыше камеры. Отвинтить его, благодаря тщательной и остроумной конструкции затвора, было делом одной минуты, и я очутился на крыше камеры среди яркого и радостного солнечного света, в изобилии лившегося с чистого голубого неба. Мои легкие с наслаждением вдыхали вольную земную атмосферу, пропитанную терпким запахом моря. Я снова был на Земле!

Я взглянул на часы; они показали 4 часа 42 минуты. Таким образом, полет наш продолжался не более получаса вместо двух часов, определенных предварительными вычислениями; они оказались, следова-

тельно, очень ошибочными. И, тем не менее, мы пролетели огромное расстояние, отделяющее берег Франции от Саргассова моря; что это было именно оно — я понял сразу, по одному виду необозримого ковра водорослей, окружавшего нас со всех сторон. Кроме того об этом же можно было заключить по положению солнца на небе: оно стояло очень высоко, почти в зените, что, в соответствии с временем года, указывало на близость к тропику Рака. Вместе с этим, его положение позволяло определить местное время, а, следовательно, и долготу; ракета полетела приблизительно в четыре часа по парижскому времени, а опустилась около полудня по местному времени: опустилась раньше, чем полетела! Опередила время! Она летела быстрее, чем движется Солнце по небесному своду. Если бы она продолжала таким же образом свой полет и возвратилась в Париж с восточной стороны, то нам — ее пассажирам, показалось бы, что свод небесный вращается в обратную сторону и чтобы возвратились утром того же дня, хотя полетели вечером.

Я достал инструменты и точно определил наше положение; оно оказалось: $34^{\circ}25'$ сев. широты и $55^{\circ}10'$ зап. долготы. Нанеся этот пункт на карту, я убедился лишь в том, что знал уже раньше: камера упала, действительно, в области Саргассова моря и притом почти на самой его середине.

Открытие это сразу наполнило мою душу беспросветным отчаянием. Наше положение было совершенно безнадежное, и рассчитывать на помощь извне было невозможно. Никому не может прийти в голову искать нас здесь, совершенно в стороне от намеченного направления; да и искать маленькую камеру, затерянную в этих водорослях, как иголка в стоге сена, было бы заведомо бесплодным занятием. Нас, конечно, и не

станут искать; нас просто сочтут погибшими в океане; так оно и есть в действительности: мы, несомненно, погибли!

Я устал писать... Как глупо, что я описал все путешествие за один раз; можно было растянуть это на три дня и более; можно описать все подробнее... А, впрочем, что мог бы я прибавить? Разве можно передать словами гнетущий ужас межпланетной бездны? А Луна — этот космический мертвец, и это ужасное ядовитое Солнце, — разве их можно описать тому, кто их не видал? И притом, не все ли равно? Что написал, то написал! Кто это сказал? Пилат, кажется? А ну его к черту!..

17 июля. Мари, несомненно, умирает. Я останусь один... один, среди этой ужасной пустыни, среди этих гнусных водорослей и гнусных тварей, которые в них копошатся. Случится именно то, чего я больше всего боялся!

...Но я буду писать. Это отвлекает от ужасной действительности. Вчера я целых четыре часа писал и не взглянул на несчастную Мари, не слышал, кажется, даже стонов, которые у нее вырываются, несмотря на все ее усилия сдерживаться. Вот она сидит теперь на койке и проводит ослабевшей рукой по волосам; и волосы остаются на руке — выпадают целыми пучками; скоро ничего уж не останется. Она сидит, опустив голову, и глазная повязка закрывает все ее лицо. И все-таки, пока она жива, я сохраняю какую-то нелепую надежду, и это меня поддерживает. А когда она умрет, что я тогда буду делать один?! Надо писать! И так, по порядку...

Память как будто начинает мне изменять; что я делал сейчас после спуска? Вышел из камеры на ее кры-

шу. Огляделся. Все понял; да, сразу все понял. Об этом я уже написал.

Потом я по лесенке опять спустился в камеру. Мари уже не лежала на полу; она сидела на койке, где и сейчас сидит, и, услышав мои шаги, заговорила; в ее голосе не было прежнего раздражения, а только глубокая безнадежная печаль.

— Он умер... Я знаю... Где мы находимся?

Я в кратких словах объяснил ей наше положение. С минуту она молчала.

— Значит надежды никакой... ниоткуда..

Я попытался возразить, ободрить ее, но она сразу оборвала меня.

— Придется его похоронить... опустить в море. Вам придется это сделать одному; я не смогу помочь вам. Вы видите?.. Но я прошу вас подождать с этим, хотя бы один день... пока будет возможно...

Тут только я обратил внимание на ее странную неподвижность и заметил кусок коленкора, которым были завязаны ее глаза.

— Что с вами?

Она ничего не ответила, и я услышал только тихий плач... жалкий, безнадежный плач...

Я вспомнил, с каким криком закрыла она лицо, когда страшные лучи Солнца обожгли ее из неосторожно открытой двери. Вспомнил, как она стонала после этого, лежа на полу между штативами инструментов. Вспомнил ее дальнейшую бездеятельность и отсутствие попыток проникнуть в переднее помещение, где лежал ее отец. Вспомнил все это - и понял... Она тоже взглянула на непокрытое лицо гневного божества, и этот взгляд был для нее последним. Больше она уже ничего не увидит. По крайней мере, не увидит ужас-

ный труп своего отца, и память о нем не будет для нее осквернена этими отвратительными останками. Я не пробовал ее утешать; это было бы бесполезно и только раздражило бы ее. Я достал из нашей аптечки несколько лекарств и, приготовив микстуру для примочки глаз и ожогов лица, поставил около нее все необходимое.

Потом я занялся осмотром наших запасов провизии и пришел к отвратительным выводам: готовясь к полету, мы отнеслись к этому делу с самым преступным легкомыслием. Возможность продолжительного пребывания в камере, без помощи извне, нам даже не приходила в голову. Из провизии оказалось налицо только несколько коробок с консервами, немного сухарей, две бутылки вина и маленький бочонок воды — все это, рассчитанное лишь на первый случай. Этого могло хватить дня на три-четыре при условии крайней бережливости. Это открытие привело меня в состояние, близкое к отчаянию. Особенно — недостаток воды. Первые дни я совершенно не знал, что делать, и естественно потому ничего и не делал.

На второй день пришлось «похоронить» профессора. Труп быстро разлагался и распространял зловоние. Мари не противилась необходимости: она молчала и даже не плакала. Впрочем, не знаю; ведь, у нее глаза все время были завязаны.

Задача оказалась нелегкой: труп был очень тяжел, а я совсем ослабел от голода. После долгих усилий я вытащил наконец труп через люк на крышу камеры; мне не во что было завернуть его, а в качестве груза пришлось воспользоваться тяжелым металлическим штативом от спектроскопа. Потом, с немалым трудом и опасностью потерять равновесие, я столкнул его в море.

Сначала он стал было погружаться, но, по-видимому, груз был недостаточен, а труп — сильно раздут газами разложения. Он опустился метра на два, а затем остановился, запутавшись в водорослях. Тотчас же целая стая рыб и еще каких-то тварей бросилась на труп и стала его терзать. Мне как-то невольно вспомнилось время, когда часто, после лекции, толпа студентов, окружив профессора, также терзала его частными вопросами и почти скрывала его из вида своим беспокойным кольцом. И теперь повторялось нечто подобное в ужасающей и отвратительной карикатуре.

Я был почти рад в этот момент, что Мари слепа. Она тоже выбралась с огромным трудом на крышу камеры и стояла возле меня на коленях, протянув руки к морю... О! если бы она видела!..

Что происходило в продолжение последующих трех дней — трудно описать; я почти ничего не ел и не пил, стараясь сохранить нашу жалкую провизию для бедной Мари; но она, по-видимому, догадалась, и тоже почти ничего не ест и не пьет. Но вода необходима ей для примочек; она, видимо, сильно страдает от их недостаточности.

Но на четвертый день судьба сжалилась над нами: после шквала, едва не потопившего нашу камеру, пошел сильный дождь, продолжавшийся около получаса. Это редкое здесь явление дало мне возможность собрать большой запас воды; для этой цели мне пришлось пожертвовать сосудами, заключавшими в себе пробы воздуха из верхних слоев атмосферы. Это было серьезной потерей для науки... что за вздор я написал! Разве не все, что мы сделали, потеряно для науки? Разве все эти материалы не пойдут на дно?!

20 июля. Я остался один. И так страшно, так безумно страшно мне, в этом унылом, угрюмом одиночестве... Только небо и море кругом, и эта камера, каждый предмет которой так безнадежно знаком, так невыносимо опротивел...

Мари умерла вчера утром. Я даже не видел ее последних минут: невыносимая усталость и истощение сил погрузили меня в тяжелый сон, когда я сидел около ее койки... а когда я проснулся...

Она совсем переменилась за последние дни; стала трусливой и жалкой. Ей так не хотелось умирать! Даже в этой ужасной обстановке, среди жестоких страданий, она все еще хотела на что-то надеяться, искать какого-то спасения. Но жизнь ее утекала с часу на час. Страшные прямые лучи солнца, облившие ее всю с головы до ног, не только выжгли ей глаза и опалили кожу лица и головы, но отравили весь ее организм до самой глубины.

Мне приходилось читать, что солнечные ванны излечивают даже внутренние болезни. Но до дна воздушного океана достигают только лучи, благодетельные для живой протоплазмы; атмосфера задерживает даже в тонком слое лучи с малой длиной волны — рентгеновские, миликэновские и ультрафиолетовые. Присутствие их делает солнечные лучи в пустоте межпланетного пространства сходными с излучениями радия; подобно последним, они причиняют жестокие внутренние ожоги. От этих-то ожогов и погибла бедная Мари, как погибали многие исследователи при первых опытах с радием. У нее сошла сначала кожа на лице, потом целыми прядями стали выпадать волосы, и, наконец, началось общее разложение тканей организма, вызывающее неопишуемые страдания. Глядя на них, я много раз чувствовал искушение применить

хлороформ и сразу избавить ее от этой адской муки: ведь она на моих глазах заживо горела на медленном огне... Но она так боялась смерти! Так хотела жить, несмотря на невыносимые страдания!

И вот теперь она мертва. И все кругом мертво. Я никогда уже не услышу человеческого голоса. А за последние дни она много говорила, совершенно переменила свое обращение со мной. Вспоминала прошлое, когда мы еще были женихом и невестой, когда еще не появился этот негодяй Лаваред. Хорошо ему теперь! Он между людьми, на твердой земле... и, конечно, радуется, что порвал вовремя с этой нелепой затеей. Она просила не выбрасывать ее после смерти в море. Разве я могу ее выбросить!? Видеть, как ее будут рвать рыбы?!

21 июля. Сегодня на крышу камеры вполз краб; я схватил его и съел сырым, почти живьем. Ах, он был такой маленький! Но все же это ничтожное питание оживило меня, подняло мои силы, Я стал обдумывать вопрос о пище: уже несколько дней я питаюсь только водорослями; меня тошнит от этой мерзости. Почему бы мне не попробовать ловить рыбу?

Я сделал крючок из проволоки и привязал его к тонкой, но крепкой бечевке; необходимо было нацепить па него приманку, Я долго колебался, не мог решиться; это казалось мне кощунством... было неприятно до кошмара... И все же я сделал это: отрезал маленький кусочек мяса... и спустил крючок в воду.

Но тут случилось нечто необычайное: рыбки, до того спокойно плававшие около камеры, вдруг стремительно исчезли, и из заросли водорослей выплыло что-то большое... какой-то дурацкий колпак, но живой, двигающийся. Он подплыл совсем близко, и вдруг вы-

Это была отвратительнейшая из всех морских тварей, — спрут или осьминог...

тянулся, развернулся, как огромный клубок разъяренных змей. Это была отвратительнейшая из всех морских тварей, и хотя я увидел ее первый раз в жизни, но сейчас же узнал: это был спрут или осьминог — головоногий моллюск, страшный по своей силе и свирепости. Но в этот момент я даже не подумал об опасности: самый вид этой твари заключал в себе что-то невыносимое для глаз, что-то возбуждающее леденящую дрожь и панический ужас. Я опрометью бросился в люк и свалился на пол камеры. Омерзительные, жестокие рыбы глаза гадины стояли передо мною, навек запечатлевшись в памяти, хотя я видел их всего одно мгновение. Я тщательно запер отверстие люка, боясь, что громадные, змееобразные щупальца чудовища проникнут в камеру. Я весь дрожал от ужаса и отвращения.

23 июля. Я не смею больше выходить на крышу: я чувствую, что гадина стережет меня, что она считает меня своей неотъемлемой добычей. Я два дня ничего не ел, даже водорослей; слабость порождает кошмары. Камера наполнена тяжелым зловонием разлагающегося трупа, а я не смею даже приоткрыть люк, чтобы освежить воздух.

Несколько дней позже. Какое сегодня число? Я потерял счет этим лунным ночам. Я еще что-то потерял... не знаю, что именно, но что-то во мне оборвалось.

Еще позже. Я перечитываю свои записки, и все это кажется мне таким странным... Разве Луна умерла? Отчего же она теперь так ярко светит по ночам? Все у меня в голове как-то путается... я помню, что очень голодал, пока не нашел в камере много мяса. Раньше я по-

чему-то не видел его; или это было что-то другое? Мне почему-то стыдно и страшно есть это мясо: оно мне что-то напоминает. Раньше я, кажется, знал, а теперь не помню...

На другой день. Что за ужасный шум вокруг меня? Камера качается, и огромные волны перекатываются через крышу. Это, вероятно, спрут там снаружи разбушевался: его раздражает, что я не выхожу из люка. Пусть бесится! А люк я не открою, и мяса ему не дам!..

Много дней спустя. Как тихо стало вокруг меня! И как страшно! Сколько времени я здесь нахожусь? Я не знаю, забыл... вероятно, очень долго: я посидел и стал стариком...

В тот же день, позднее. Какая-то огромная птица реет высоко в воздухе над моей камерой. Я боюсь ее... очень боюсь... Или это не птица, а что-то другое? Это, конечно, птица, огромная, страшная, хищная птица... Она чует мясо и хочет отнять его у меня!.. не отдам!..

... На этом кончалась рукопись.

М. ИЛЬИН

ВЕЗДЕХОД

Фантастический очерк

Журнал «Вокруг света», № 31, 1928 г.

Очерк не чисто «космический», изобретение и применение вездехода при освоении космических просторов могло бы сыграть свою роль... *(Прим.ред.)*

СТАЛЬНОЙ ЖУК.

В лесу загудело и затрещало. Ломая сухие кусты и сучья, на поляну вылезло огромное странное животное. Похоже оно было на жука, увеличенного в несколько сот раз. Тот же гладкий, блестящий панцырь, отливающий сталью. Такие же жесткие крылья, сложенные на спине.

Остановившись, как бы в раздумье, огромный жук расправил крылья и с гуденьем взлетел над лесом. Сделав два больших круга, крылатое чудовище направило свой полет над вершинами сосен туда, где синело лесное озеро. Высоко над озером чудовище на миг замерло, сложило крылья и камнем упало вниз — в воду. Шумный всплеск, расходящиеся круги, — и снова все успокоилось.

Одна, две, три минуты. Зяблики заливаются в чаще, У берега в прозрачной воде юлит среди камней мелкая рыбешка. И вдруг на поверхности озера появляется круглый островок — синеватая, мокрая спина. С легким жужжаньем жук карабкается на берег. В бле-

стящем гладком боку открывается маленькая дверца, и оттуда вылезает, шурясь от солнца, человек в кожаной куртке.

Что это — вымысел или правда? Было это или не было?

Этого не было, но это будет.

Может статься, еще на нашем веку построен будет вездеход — такой аппарат, который будет и летать, и плавать, и нырять, и ходить, и прыгать. Никакие преграды не страшны вездеходу. Он не застрянет в полярных льдах. Его не остановят неприступные горы. Для него не будет непроходимых болот и лесов. Слушаясь только компаса и карты, водитель вездехода будет направлять свой путь, куда захочет и как захочет.

ВЕЗДЕХОД И «ИТАЛИЯ».

Мы любим говорить о наших успехах, о чудесах науки и победах техники. Но на самом деле мы еще многого не можем и не имеем.

За примером идти недалеко. 23-го мая этого года с острова Шпицбергена вылетел по направлению к северному полюсу воздушный корабль «Италия». Через каких-нибудь двадцать часов путешественники были уже на полюсе и известили об этом по радио весь мир. А еще через несколько часов газетчики продавали уже свежие номера газет с только что оттиснутой заметкой «Италия на полюсе».

— Путешествие на полюс! Да ведь это теперь пустяки!

Так думали многие, равнодушно скользя глазами по газетным строчкам.

— Прежде нужно было потратить несколько лет, чтобы продвинуться к северу на какой-нибудь градус широты. А сейчас, в век пара и электричества, в век дирижабля и аэроплана, слетать на полюс немногим труднее, чем съездить из Ленинграда в Москву.

Люди, которые так рассуждали, жестоко ошиблись. 25-го мая радиосвязь с «Италией» внезапно порвалась. «Италия» исчезла. Целых две недели ничего о ней не было известно. И только 7-го июня долетел до нас призыв о помощи. «Италия» разбилась о ледяную скалу. Во время крушения часть команды осталась на плавающей льдине, остальных куда-то унесло с остатками дирижабля.

В прежние времена моряки, потерпевшие крушение, давали о себе знать так: писали письмо, вкладывали его в бутылку из-под рома или портвейна, запечатывали пробку сургучом и бросали бутылку в воду. Бутылка плавала по волнам год, плавала другой. Иногда ее проглатывала акула. Иногда она разбивалась о камни. Но случалось и так, что бутылку подбирали какой-нибудь купеческий бриг или китоловная шхуна. Проходило еще несколько месяцев или лет и, наконец, жены и матери погибших узнавали, что в таком-то году, такой-то корабль разбился о скалы в океане.

В наше время дело обстоит лучше. Старинную ромовую бутылку заменил радиопередатчик. Через две недели [после] крушения «Италии», всему миру стало известно, где находится ее экипаж. На карте экспедиция была найдена. Столько-то градусов северной широты, столько-то градусов восточной долготы.

Это ли не победа техники?

Но радоваться было рано. Недостаточно было отметить на карте место крушения. Надо было туда попасть. А это совсем нелегко. В «век пара и электричества», в век дирижабля и аэроплана мы еще не научились свободно передвигаться по земному шару. Полярные льды все еще почти недоступны для наших кораблей — морских и воздушных. Сквозь толщу неподвижных льдов не пробраться даже самому мощному ледо-

колу. Единственное, что ледокол может сделать, это дойти до неподвижного льда и послать дальше самолет. Но самолет совсем не приспособлен для полярных путешествий, Наши воздушные корабли еще не умеют садиться и взлетать, где придется. Сесть на неровный лед невероятно трудно, а взлететь — еще труднее.

И вот оказалось, что, со своими чудесами техники, человек бессилён помочь другому человеку, затерянному в полярных льдах. Один за другим исчезают без вести смелые путешественники, отправившиеся на помощь потерпевшим крушение.

Может быть, к тому времени, когда этот очерк будет напечатан, многое изменится.

Но ясно одно: мы еще не научились ходить по земле. Нам недоступны еще огромные пространства на земном шаре: полярные льды пустыни, горы, океанские глубины.

И только тогда человек сможет назвать себя хозяином земли, когда построен будет вездеход.

О ПРЕДСКАЗАНИЯХ.

Но, может быть, вездеход никогда не будет построен. Может быть, это только фантазия. Мало ли что можно вообразить. Предсказывать легко, но не всякое предсказание сбывается.

Все это, разумеется, верно. Но есть предсказания, которые сбываются непременно.

Жюль Верн безошибочно предсказал подводный корабль. Это ему удалось только потому, что уже в его время делались первые попытки построить подводную лодку.

Роман «Двадцать тысяч лье под водой» появился в 1870 году. А за семь лет до этого подводные лодки уже

применялись в Америке, в войне севера против юга.

Правда, лодки эти были очень несовершенны. Почти каждый раз, когда их пускали в ход, они тонули вместе со всем экипажем. Одну лодку поднимали со дна три раза. На четвертый раз она ухитрилась все-таки взорвать неприятельский корабль, но при этом и сама погибла.

Жюль Верн не побоялся превратить эту неуклюжую скорлупку из котельного железа в мощный «Наутилус» — комфортабельное жилище таинственного капитана Немо.

Стоит пойти в библиотеку и порыться в куче последних технических журналов, чтобы обнаружить целый ряд изобретателей, работающих уже над постройкой вездехода. Самое слово «вездеход» не выдуманно мной. Его можно найти в весьма серьезных, совсем не фантастических статьях и докладах.

Есть уже сухопутные вездеходы, водяные вездеходы, земноводные вездеходы. В газетах промелькнуло даже известие о том, что в Англии построен «аэро-гидро-автомобиль». Это — автомобиль, который при желании может быть в несколько минут превращен в моторную лодку или в аэроплан. Так ли это на самом деле, покажет испытание. Может быть, пройдет еще много лет прежде, чем от первых неуклюжих попыток мы придем к изящной, совершенной модели вездехода. Может быть, вездеход совсем будет не похож на этот аппарат с мудреным названием — аэро-гидро-автомобиль. Но ведь между паровой телегой Кюньо и нашим локомотивом тоже мало сходства. И так же, как во времена Кюньо можно было предсказать локомотив, так и в наше время не нужно быть пророком, чтобы предсказать вездеход.

Как же этот вездеход будет устроен?

ЗАБУДЬТЕ ВСЕ, ЧЕМУ ВАС УЧИЛИ.

Если вы хотите придумать что-нибудь новое, постарайтесь на некоторое время забыть все, чему вас учили. Возьмите какую-нибудь давно решенную техническую задачу и попробуйте решить ее по-своему. Любая техническая задача имеет не одно, а много решений.

Возьмем, например, постройку домов. С давних пор мы строим дома снизу — сначала первый этаж, потом второй, потом третий и т. д. Так строилась еще знаменитая вавилонская башня, если допустить, что она и в самом деле строилась.

Но вот в XX веке приходит человек, не зараженный предрассудками, и говорит:

А почему бы не строить все этажи сразу?

Задача о постройке домов решена в Америке совсем новым способом: сначала на фундаменте устанавливается железный остов из балок, а затем во всех этажах сразу начинается заполнение стен бетонными плитами, настилка полов, навеска дверей и окон. В каких-нибудь три-четыре недели дом готов.

В наше время пересмотрена и заново решена не одна старинная задача. Получились самые необычайные, самые фантастические решения. Уходит в отставку старый заслуженный кирпич. На смену ему придумана бетонная плита, заменяющая пятьдесят кирпичей. Отступает под натиском электрического тока огонь, прослуживший человеку пятьдесят тысяч лет. Лампа без огня, печь без огня — это не сказка, а обычные для нас вещи.

Старая жизнь, старые привычки на наших глазах уходят в воспоминания, в книги, в музеи.

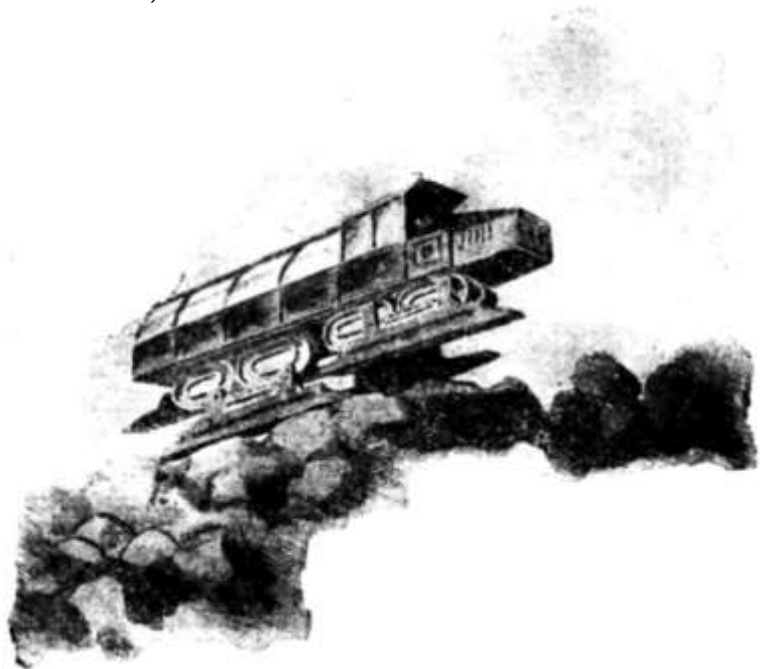
Много лет тому назад люди придумали колесо и дорогу. Заметили, что катить гораздо легче, чем воло-

чить, и что по гладкому месту катить легче, чем по неровному. Задача о передвижении по земле была решена, и решена блестяще. До самого последнего времени никому не приходило в голову, что можно ездить как-нибудь иначе. Все старания изобретателя были направлены на то, как бы дорогу улучшить. Были изобретены шоссейные дороги, железные дороги, дороги под землей. Как смелый хирург, человек оперирует над земной поверхностью, сглаживает бугры, засыпает ямы, пробивает в горах туннели. Но как быстро ни растёт дорожная сеть, ещё быстрее растёт нужда в дороге. Огромные пространства земли до сих пор доступны только смелому путешественнику. Чтобы завоевать всю землю, чтобы сделать легко доступным каждый клочок земли, где бы он ни был, нужно найти способ ездить по бездорожью так же легко и просто, как по дороге. Вместо того, чтобы приспособлять земной шар к повозке, надо приспособить повозку к земному шару.

АВТОМОБИЛЬ НА НОГАХ.

Отказавшись от дороги, нужно отказаться и от колеса. Ведь колесо и придумано для дороги. Плохих дорог колеса не выносят. Лет полтораста тому назад, когда дороги были очень плохи, нельзя было добраться из Петербурга в Париж, не поломав вдребезги четырех-пяти карет. Но чем заменить колесо? Самым естественным было бы приделать к повозке ноги. Не смейтесь, это вполне возможно. Автомобиль на ногах уже изобретен одним иностранным инженером. У его машины, которую он назвал «Виаг», четыре ноги или, вернее, лапы. Ступня у лапы немаленькая — длиной в 4 метра, а шириной почти в полтора. При езде, т.-е.,

вернее, при ходьбе автомобиль подымает лапу, выдвигает ее быстро вперед и ставит на землю. Каждый шаг — 120 сантиметров. В час автомобиль проходит 10 километров. Он легко шагает через канавы, камни, стволы деревьев, лежащие на земле. Он не проваливается в снег, не вязнет в болоте.

Шины «Виагу» не нужны. Правда, башмаки его понемногу изнашиваются. Но на это есть сапожная, т.-е. ремонтная мастерская, куда «Виагу», приходится время от времени наведываться для починки своих стальных сапог.

Съедает «Виаг» бензина меньше, чем колесный грузовик такой же величины. Нести он может груз в пять тонн, т.-е. больше, чем в триста пудов.

Очень может быть, что такие шагающие автомобили появятся и у нас. Гуляя где-нибудь в поле, вы вдруг увидите огромного, странного зверя, шагающего прямо на вас по буграм и ухабам. И только приглядевшись, вы убедитесь в том, что это не зверь, а грузовик на стальных ногах.

КАК МЫ ХОДИМ И КАК МЫ ЕЗДИМ.

Нога не может быть серьезным соперником колесу. При каждом шаге мы поднимаем ногу, выносим ее вперед и опускаем. Нога описывает при ходьбе сложную волнообразную кривую.

Центр тяжести колеса, напротив, движется по прямой линии. Значит, колесо настолько же выгоднее ноги, насколько прямая линия короче кривой. И в самом деле, скорость «Виага» гораздо меньше скорости обыкновенного колесного грузовика.

Вездеход будет, вероятно, передвигаться не на ногах, а каким-то другим способом. Надо не выбросить колесо, а как-то его приспособить к неровному пути.

Главный недостаток колесного экипажа в том, что каждая пара колес — это сиамские близнецы. Один брат встает, и другому приходится вставать. Один брат садится и другой должен садиться.

Так же и тут. Стоит одному колесу налететь на бугор и накрениться, чтобы и другое колесо тоже накренилось. А от этого и вся повозка наклоняется набок. Вот почему на очень неровной дороге легко и повозку опрокинуть, и колеса поломать. Что же сделать, чтобы этого не было? Как разъединить близнецов?

Для этого есть только один способ — уничтожить неподвижную ось, которая связывает колеса между собой.

Автомобильный завод «Сизер», во Франции так и сделал. У автомобиля «Сизер» осей нет. Корпус автомобиля опирается на колеса рычажками на шарнирах, напоминающими руки. Колеса, значит, не закреплены неподвижно, а свободно ходят вверх и вниз. Поэтому каждое колесо совершенно независимо от других колес въезжает на бугры или опускается в выбоины, не заставляя корпус автомобиля наклоняться набок.

В 1926 году машина «Сизер» прошла через Альпы, Овернь и Пиренеи, сделав 37.000 километров в 9 дней по избитой и извилистой горной дороге. Испытание было выдержано блестяще.

Машину «Сизер» напоминает по устройству и вездеход, английского инженера Холла. Все четыре колеса подвешены самостоятельно. Но этого мало, — каждое колесо управляется и приводится в движение независимо от других.

Вездеход Холла был испытан в лесу де-Марли во Франции и затем в открытом поле. В иностранных газетах пишут, что испытание прошло удачно.

ПЕРЕНОСНАЯ ДОРОГА.

Если вам нужна хорошая дорога, возьмите ее в путешествие с собой.

Переносная дорога — это не мое измышление. Каждый гусеничный трактор, каждый танк несет свою дорогу с собой.

Вместо колес у таких тракторов и танков гусеницы — замкнутые ленты из стальных члеников.

Если ленту снять, видно, что трактор стоит на роликах. Когда трактор идет, ролики катятся по ленте, как по рельсам. А лента, в свою очередь, бежит под роликами назад, поднимается наверх, обходит ролики

сверху, спускается и снова бежит по земле. Трактор, значит, все время подстилает себе рельсы под колеса.

Гусеничному трактору дорога, конечно, не нужна, — сна у него всегда с собой. Он легко ходит и по вспаханному полю, и по болоту, и по снегу. Широкие ленты, словно лыжи, не дают ему проваливаться.

Зимой этого года, отряд гусеничных тракторов прошел 300 километров по глубокому снегу от Архангельска до дремучих лесов между Мезенью и Пинегой.

Несмотря на морозы и метели, все десять тракторов пришли на место в полной исправности.

Один из участников этого удивительного похода рассказывает, что навстречу отряду выходили из деревень крестьяне с лопатами. Но ни разу лопаты не понадобились. Тракторы сами без посторонней помощи справлялись с заносами.

— На этих можно до Мезени дойти, — говорили крестьяне.

— До полюса дойдем, — отвечал командор отряда.

ЖИВЫЕ МАШИНЫ.

Все, что движется, кажется на первый взгляд живым. Движущаяся машина часто напоминает нам животное. И чем машина свободнее в движениях, тем это сходство больше.

Аэропланы похожи на птиц. Подводные лодки, дирижабли, гоночные автомобили напоминают рыб.

Но ни одна машина не напоминает так животное, как гусеничный танк.

Это сходство настолько велико, что первые английские танки делились даже на «самцов» и «самок». Самцами назывались тяжелые танки, вооруженные

пушками и пулеметами. Самки были полегче, и вооружены были только пулеметами.

В 1919 году шел я как-то по железнодорожной насыпи, вдоль берега Кубани. Вдруг, смотрю, взбирается на насыпь огромное зеленое чудовище. Присмотрелся, — да это танк! А за ним еще несколько.

Это был отряд танков, только что доставленный Деникину из Англии. На берегу Кубани танки производили учение. Они ловко поворачивались на месте, перелезали через канавы, переваливались на брюхе через бугры, пробирались сквозь кустарники. Казалось, это резвятся детеныши какого-то огромного допотопного животного.

Вдоль самого берега росли, вытянувшись в ряд, старые ивы. Танки переломали их в полчаса. На месте рощицы плакучих ив осталось несколько десятков странно-уродливых пней. Сразу видно было, что эти деревья сломаны не человеческими руками.

Это были те самые танки, которые в 1918 году навели такой страх на немецкую армию. В каких-нибудь два часа танки опрокинули 7 дивизий, взяли в плен 150.000 человек и 400 орудий.

Но любопытнее всего, что эти страшные танки совсем не так страшны, как кажется. Стрелять из танка на ходу — все равно, что писать, сидя на скачущей лошади. Из-за отчаянной тряски попасть в цель почти невозможно.

Танк страшен не пушками и не пулеметами. Чем же он в таком случае страшен?

Представьте себе, что вы сидите в великолепно укрепленном окопе и считаете себя в безопасности. И вдруг, вы видите этакое зеленое чудовище, которое лезет на вас, не обращая внимания на ваши укрепления и заграждения. Нужно быть очень крепким и

стойким человеком, чтобы не растеряться и не обратиться в бегство.

Сходство с живым существом — вот, что делает танк страшным.

Вездеход будет еще больше похож на животное. Он будет еще легче поворачиваться кругом, карабкаться вверх, перелезть через канавы. Но, кроме того, он будет нырять, плавать, летать. Человек создаст такое животное, какого еще не создала природа.

КОЛЕСО ИЛИ ГУСЕНИЦА?

На чем же будет ходить вездеход — на колесах, как автомобиль, или на гусеницах, как танк?

Если вездеход поставить на гусеницы, он великолепно будет ходить по неровному, изрытому полю, но для ходьбы по дороге он будет совсем не приспособлен. При движении по дороге гусеницы быстро изнашиваются, да и дорога тоже портится. А главное, по дороге на гусеницах за колесами не угнаться.

Поставить вездеход на колеса тоже нельзя. Даже такие колеса, как у машины «Сизер», не любят сильно изрытого пути, а по снегу, по болоту, по глубокому песку им и совсем не проехать.

Остается только одно — снабдить вездеход и тем и другим, и колесами и гусеницами.

В Америке еще в 1918 году был построен колесно-гусеничный танк, который на гусеницах двигался со скоростью 16 километров в час, а на колесах проходил в час 35 километров. Французский танк 1924 года тоже ходит и на колесах и на гусеницах. При ходьбе по полю колеса подняты. При переходе на дорогу колеса опускаются. Это отнимает 15 минут.

Говорят, в Англии построен гусеничный танк, который ходит со скоростью до 40 километров в час. Если это верно, спор между колесом и гусеницей нельзя еще считать окончанным.

ЗАВОЕВАНИЕ СНЕГА.

Ноги и гусеницы — это новые соперники колеса. Но есть у колеса и другие соперники — очень старые: — полозья и лыжи.

Полозья были изобретены еще раньше, чем колеса. На санях ездили когда-то и зимой и летом. На острове Мадера до сих пор еще можно встретить крестьянина, едущего на санях по сухой земле. Самым невозмутимым образом погоняет он своих волов, которые еле-еле волокут по земле скрипящие тяжелые сани.

Когда изобрели автомобиль, стали думать и о том, как бы приспособить его к езде по снегу. И только недавно удалось, наконец, поставить автомобиль на полозья — создать авто- и аэросани.

Теперь каждый, у кого есть автомобиль «Форд», может легко превратить свою машину в сани. Для этого нужно только купить несколько добавочных частей: пару особых коротких лыж, пару колес, две гусеничные ленты, дополнительную ось и еще кое-какую мелочь.

Для того, чтобы переделать автомобиль в автосани, нужно снять передние колеса и заменить их лыжами. Затем сзади укрепляется добавочная ось с парой колес. После этого с каждой стороны на колеса надевается гусеница — лента из стальных пластин.

Во время хода колеса катятся не по голой земле или снегу, а по гусенице. Лыжи и широкие гусеничные ленты поддерживают автомобиль на снегу, не давая ему проваливаться.

В Америке нередко можно видеть лыжников, которые мчатся держась за вожжи, привязанные к автосаням.

Другое решение той же задачи — аэросани. Их приводит в движение пропеллер, такой же, как у самолета. Пропеллер вращается, ввинчивается в воздух и тащит за собою сани.

Как ветер, мчатся легкие сани на своих трех лыжах по снежному полю. Это не трактор, который медленно тащит по снегу свое неуклюжее тело. Это, скорее, самолет — только без крыльев.

Есть еще один снегоход. У него нет ни колес, ни ног, ни лыж, ни гусениц. По обеим сторонам у него два огромных штопора. Мотор заставляет штопоры вращаться и ввинчивает их в снег, словно в пробку.

Штопоры идут вперед и несут на себе корпус машины.

Снегоход легко подымается на крутую снежную гору, на которую не взобраться и человеку.

ЗЕМНОВОДНЫЕ ТАНКИ.

Завоевание суши — это только часть задачи. Вездеходу должны быть доступны и вода, и воздух.

Если вездеходу на его пути встретится река, это не должно его остановить. Мелкую речку он перейдет вброд, глубокую переплывет.

Недавно в Марсельском порту произведено было испытание первого земноводного вездехода — танка «Фонкинос».

По земле «Фонкинос» ходит на гусеницах. Подойдя к берегу, он смело лезет с обрыва в воду и пускается вплавь, выключив гусеничный ход и включив паровой винт. Если нужно, танк погружается в воду и превращается в подводную лодку. Но этого мало. На своих гусеницах «Фонкинос» может бегать по дну, чего не в состоянии сделать ни одна подводная лодка.

В Америке и в Англии тоже работают над постройкой земноводных танков.

Американский танк при испытании проплыл два километра, и благополучно вылез на противоположный берег.

Земноводные танки строятся для войны, для самого отвратительного дела в мире. Но ведь и порох был изобретен для войны. А между тем, не будь пороха, не

будь взрывчатых веществ, у нас не было бы туннелей, наши железные дороги не охватили бы сетью весь земной шар.

Для земноводных вездеходов тоже найдется мирная работа. Морское дно еще ждет своих Колумбов, своих Нансенов.

ВЕЗДЕЛЕТ.

Труднее всего завоевать воздух. Вездеход должен быть в то же время и везделетом. Назвать везделетом нынешний аэроплан никак нельзя.

Даже самый маленький воробушек умеет взлетать и опускаться, где ему вздумается. А самолет нуждается для посадки и спуска в большой и гладкой площадке.

Вся беда в том, что самолет, умеющий летать с огромной быстротой, не умеет летать медленно. Спускаясь на землю, он мчится быстрее самого скорого поезда. Если на пути препятствие — дерево или столб — самолет разбивается вдребезги.

На воздушных линиях приходится устраивать на всякий случай площадки, располагая их цепью с промежутками не больше, чем в 50 километров. Значит, самолет, как и поезд или автомобиль, нуждается еще в дороге.

Но есть у самолетов и другой недостаток. Те самолеты, которые могут садиться на землю, не могут садиться на воду, и наоборот.

Многие изобретатели работают сейчас над постройкой везделета.

В декабре [19]24 года, жители Мадрида увидели в воздухе очень странную машину. С виду это была настоящая ветряная мельница, каких в Испании много.

Поднявшись на высоту 100 метров, странная машина сделала несколько кругов в воздухе и медленно опустилась вниз, но не так, как самолет, а по отвесной линии.

Это был «Автожир» — воздушный корабль инженера Ля-Сьерва.

«Автожир» отличается от самолета тем, что может спускаться по отвесной линии и, притом, очень плавно. С виду это аэроплан, у которого вместо обыкновенных крыльев — 4 лопасти, расположенные в виде креста, как крылья ветряной мельницы. При полете встречный ветер вращает эти крылья.

«Автожир» это все-таки еще не везделет. Спускаться он умеет так, как надо, но подниматься по отвесной линии «Автожир» не может.

Есть другой самолет — Геликоптер, который может не только спускаться, но и подниматься по вертикальной линии.

Кроме обыкновенного пропеллера, тянущего аппарат вперед, у Геликоптера есть еще подъемный винт. Когда Геликоптер испробовали, оказалось, что он может и подниматься, и опускаться отвесно; и даже стоять в воздухе.

Казалось бы, чего же лучше? Геликоптеру не нужен воздушный порт. Он может подняться из центра города, с любой крыши. Опуститься он тоже может, где угодно.

Плохо только одно: скорость Геликоптера очень мала, меньше скорости поезда. Кто же согласится платить тройную цену за билет воздушной дороги только для того, чтобы тащиться в воздухе, как черепаха? Люди, летающие в пассажирских самолетах, платят большие деньги не за удовольствие летать, а за экономию времени.

Везделет должен уметь спускаться и на землю, и на воду. Такой аппарат удалось построить американцу Ленингу. Его амфибия (по-русски амфибия значит земноводное животное) над морем ведет себя, как гидроплан; над сушей — как обыкновенный колесный самолет. «Амфибия» Ленинга, — это летающая лодка с

колесами. В любой момент колеса могут быть спрятаны внутрь лодки. На это нужно всего только 5 секунд.

ВЕЗДЕХОД.

Вездеход возьмет все лучшее, что есть у гусеничного трактора, у автосаней, у земноводного танка, у вертолета, автожира, амфибии. Он будет разгуливать по воздуху, словно по земле. Он сможет опускаться и на крышу дома, и на океанские волны, взлетать с плавающей льдины и с лесной лужайки. Он будет бродить по пескам и болотам, перелезать через рытвины и ямы, раздвигать кустарники и ветви деревьев. Он будет и плавать, и нырять, и бегать по дну. И только тогда можно будет сказать, что и воздух, и вода, и суша завоеваны человеком.

ВЕК ДОРОГИ и ВЕК БЕЗДОРОЖЬЯ.

Прошлый век можно было бы назвать веком дороги. В 1830 году открыта была первая железная дорога, и с этого года во всем мире началась лихорадочная постройка железных дорог. За 100 лет общая их длина превзошла в несколько раз расстояние от земли до луны.

С каждым годом жизнь становилась все торопливее. Все быстрее и быстрее мчались поезда по рельсам.

И вот настал новый век — век бездорожья. Нам стало тесно в сетях железных дорог. Нам нужна большая скорость, большая свобода передвижения.

В начале прошлого века первый поезд покотился по предназначенному ему пути.

В начале этого века первый самолет понесся над землей, не скованный никакой дорогой. Свободный

путь в воздухе — вот древняя мечта, которая сейчас начинает сбываться.

Две цели поставил себе человек — быть свободнее и быстрее ветра.

Скорость самого сильного ветра, вырывающего деревья с корнем, — 45 метров в секунду, или 160 километров в час. Эта скорость человеком уже превзойдена. Самый обыкновенный почтовый самолет делает в час 150 — 200 километров. Строители самолетов мечтают уже о скорости в 1000 километров в час.

Быть свободным, как ветер — переноситься с места на место по любому направлению — эта цель еще не достигнута. Но и она будет достигнута.

Как все тогда изменится! Не будет ни дорог, ни мостов, ни туннелей, ни вокзалов. Вездеходу они не нужны.

Перенесемся на несколько минут в будущее. Многие думают, что если сейчас строят дома в десятки этажей, то потом будут строить дома в сотни этажей; если сейчас перебрасывают мосты через реки, то потом их будут перебрасывать через моря; если сейчас роют туннель под Гибралтаром, то потом проложат туннель через всю Атлантику...

Сознайтесь, читатель, что и вы представляли себе нечто в этом роде. Чтобы вы сказали, если бы вам удалось перенестись в какой-нибудь 2000-й год?

Приглядитесь. Видите вы эти белые здания, которые прячутся в густой листве?

Вы думаете — это дворцы?

Нет, это фабрики.

А где же фабричные трубы? Их нет давно. Люди перестали сжигать топливо. Они добывают тепло и силу другим способом.

Но почему на фабрике такая тишина?

Да потому, что на фабрике шума не должно быть, так же, как не должно быть дыма. Машины работают бесшумно, ровно, без перебоев. Один человек управляет целым отрядом молчаливых стальных рабочих.

А где же живут люди? Вон там, в домиках, разбросанных на сотни километров вокруг, по рощам и цветущим лугам. Это не город. Улиц нет. Не видно ни рельс, ни дорог.

Поглядите, вдали показалась птица.

Это вездеход. Бесшумно опускается он у ворот фабрики. Из вездехода выходят люди. Дверцы захлопнулись, и вездеход, легко оторвавшись от земли, взмывает вверх, к голубому небу.

Да, все изменилось. Люди перестали уродовать земли высокими домами, фабричными трубами, мостами, туннелями, дорогами. Земля снова зазеленела. Там, где раньше густой дым заволакивал небо, где гремели над головой вагоны подвесной дороги, где пылали огни раскаленных заводских печей, — теперь, в двухтысячном году — снова цветы и луга, как в те времена, когда человечество было еще молодо.

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

Фантастическая повесть

Иллюстрации А. Старчевского

Журнал «Октябрьские всходы» (Харьков), №№ 1-17,
19-20, 1925 г.

I. Как они стали невидимы

В одном столичном городе на очень важной улице в нижнем этаже громадного дома жил-был очень ученый человек.

Однажды сидит ученый у окна, — а окно у него всегда было шторой завешено — и слышит такой разговор:

- Прокошк, а Прокошк?
- Что?
- Хорошо бы нам с тобой невидимками стать.
- О, о, о! Мы бы тогда делов наделали.

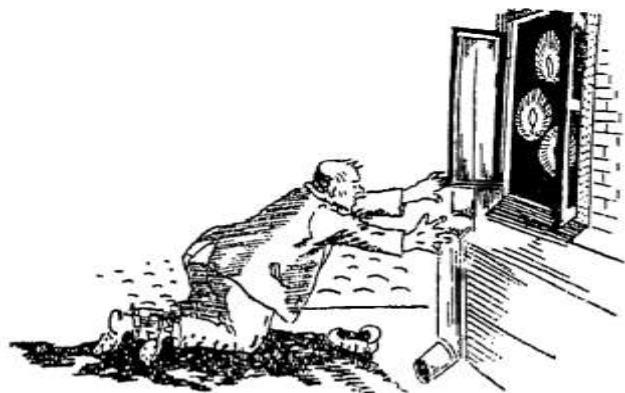
Ученый приподнял немного штору и выглянул во двор. Разговор вели Игнашка Точеный — сын бондаря и Прокошка — сын портного. Обоим вместе было лет двадцать пять. Ученый их знал хорошо; они были самые оголтелые ребята во всем дворе.

Стоило только ученому открыть окно, как в комнату к нему влетал камень, подбитая галка или ободранная кошка. Так уж и знали, чья это работа.

Особое внимание к себе ребята и всей дворни приобрел ученый тем, что по двору носился слух, будто бы он по ночам с чертями знакомство водит.

Как-то Прокошкин отец проходил двором ночью в пьяном виде да под самыми окнами ученого и растянулся в луже.

— Ах, будь ты неладен! — выругался портной, взглянув в окно ученого.

— Ах, будь ты неладен!..

— Ну, подожди ж ты, сатанинское семя, — погрозил он в окно.

Поглядел портной в окно да так и обмер... Видит он: стоит ученый у стола и какое-то снадобье из одной посуды в другую переливает. А снадобье — то красное-красное, словно кровь человека, и пар от него по всей комнате. И вдруг... комната наполнилась желтым светом, и ученый исчез.

Обомлел тут портной, куда и хмель девался, не рассмотрел как следует, в чем и дело, вскочил да бежать.

— Слушай, баба — закричал он своей жене, — запирай скорее двери да крести все щели; ученый к себе

чертей в гости вызывает... ох, уж и много налетело... с нами крестная сила!

С тех пор и пошел по двору слух ходить, что ученый по ночам с чертями в карты играет.

А ученый этот был просто химик, производил разные опыты, хотел превратить глину в золото. Он был немножко больной ученый, но добрый; золото он хотел из глины делать для того, чтобы раздать его бедным людям; ему думалось, что, если у всех будет золото, всем будет хорошо. Он не знал, что народ богат не тогда, когда у него много золота, а когда он много добывает хлеба, одежды, мяса, машин.

Но ученый, как ни трудился из глины золото делать, у него ничего не выходило. И вот, когда он услышал разговор Прокошки с Игнашкой о том, что недурно бы невидимкой сделаться, ученому пришла в голову мысль изобрести шапку — невидимку: берет человек в руки чудесную штуку, — и не видно его.

Ученый действительно открыл особый газ, который имел свойство пропитывать человека, окрашивать его под цвет света и скрывать от глаз другого.

Но этого было мало ученому. Он стал добиваться того, чтобы сгустить этот газ, превратив его в шарик, дабы человек, как взял его в руку, так стал невидим. Ученый добился и этого, но... только наполовину.

Шарик должен быть засушен в лучах солнца. Ученый приготовил два таких шарика, и они несколько дней лежали уже на окне и сохли. И вот, когда уже все было готово, к окну ученого подошли Игнашка с Прокошкой.

— А ну-ка, Прокошк, становись к стене: я влезу на окно, посмотрю, что ученый делает.

Миг... и два хорошеньких шарика были в руках Игнашки.

Словно солнцем кто заслони́л парня, — он стал легким и невидимым.

— Игнашка! — окликнул его Прокошка, — где ты?

— Да вот, рядом с тобой, что ты, ослеп, что ли? На вот шарик.

Прокошка ощутил в своей руке шарик и моментально скрылся из глаз Игнашки.

— Прокошка! — закричал тот, испугавшись исчезновения приятеля.

— Я тут.

И не успели приятели разобраться, в чем тут дело, как над ними, словно бомба разорвалась, ученый в окно высунулся.

— Ай, ай! — закричал он на весь двор — жулики... держите, ловите. Караул! Шарик украл.

Прокошка с Игнашкой, видя, что деле плохо, но совершенно не подозревая, что они невидимы, бросились бежать.

Думая, что на самом деле к ученому забрались жулики, выбежал дворник с метлой, бондарь, портной, булочники с лопатами, словом, вся дворня. Ученый висел на окне и кричал; шарики, шарики.

— Ну, кажется, доучился наш барин — сказал дворник.

— Да, раз дело до шариков дошло у человека, значит, капут ему.

— Прокошк? — окликнул Игнашка.

— Здесь.

— Ну-ка, попробуй, положи в карман шарик.

— Клади и ты.

Ребята положили в карман шарики и моментально стали видимы.

— Вон они, вон! — закричал ученый. — Лови их, держи! Жулики!

... Держи их!

Вся дворня кинулась к ребятам.

— Держи их!

— Бери скорей шарики в руки, — шопотом сказал Игнашка.

И ребята снова скрылись из глаз дворни.

— Прокошка! — закричал его отец.

— Игнашка, поганец, вернись домой!

— Жулики! — ревел ученый.

— Городовой! — орал дворник.

— Караул, грабят! — хором кричала вся дворня.

А Прокошка с Игнашкой стояли в сторонке и, по-сматривая на все это, посмеивались.

II. Первые шаги невидимых людей

Когда во дворе все стихло, ученый успокоился, он решил сделать еще один шарик и пуститься за ребятами в погоню. Дворня разошлась. Прокошка с Игнашкой решили начать действовать. Первое, что им взбрело в голову — это снять вывески и перепутать их. Сапожника вывеску они повесили к портному, портновскую к бондарю. Пробравшись к дворнику, они забрали у него лопаты и метлы и покидали их на крышу. Заметив мимоходом в одном месте — люди обедают, они подсели рядышком, и только второе блюдо подали — они у двоих раз из-под самого носа и унесли.

Пошалив у себя на дворе, ребята вышли на улицу. Вот тут-то им было раздолье.

— Слушай, Прокошк, давай всем людям хвосты навяжем.

— Идет.

Ребята захватили в одной лавчонке хлопчатой бумаги, понаделали крючков из проволоки и кто бы ни шел по улице: барин ли, барыня — Прокошка с Игнашкой каждому хвост сзади подвешивают. Идут люди и смеются друг над другом — каждому думается, что у самого-то у него хвоста нет. Хватились — у всех хвосты, и пошли люди себя руками по заду водить, нет ли хвоста. Заметив такое безобразие, постовой городской дал свисток. Его обступили недовольные граждане.

— Городовой, городской! Что это за безобразие на улице творится! Честным людям проходу нет от хулиганов.

— Братцы, да у него у самого хвост сзади! Вот так городской!

— Братцы, да у него у самого хвост сзади!

— Разойдись! — рявкнул он, срывая с заду бумажный хвост.

Толпа шарахнулась в сторону. Городовой бросился бежать на тротуар.

— А-а, так вот тут кто этими делами занимается! — вцепился он в какого-то молодого человека, из любезности незаметно пожелавшего снять хвост с хорошенькой барышни.

— Помилуйте! — вскрикнул тот.

— Ой! — взвизгнула барышня.

— Га-га-га! — ржали извозчики.

Чем тут дело кончилось, Прокошка с Игнашкой дожидаться не стали; они вскочили в пролетку первого попавшегося извозчика и поехали в центр города.

— Не мешало бы нам с тобой, Игнашка, приодеться малость, — предложил Прокошка.

— За чем же дело стало?

В первом магазине наши приятели выбрали себе самые лучшие костюмы, спокойно примерили их, в другом магазине обулись и, когда все ими было сделано, они положили шарики в карман и, как ни в чем не бывало, пошли по главной улице. Теперь их все видели, но никто на них не обращал внимания. Это были обыкновенные мальчики, прилично одетые, но немного неумытые. Дело было уже к вечеру. В магазинах зажгли огни, на улицу падали тени ночи. Ребята наши устали.

Уже ночь наступила. Ребятам захотелось есть. Не имея представления о ресторанах, ребята увидели в окне, что в большом доме за столами сидят много людей и хлебают щи. Это была столовая.

— А ну-ко, Игнашка, гайда сюда! — предложил Прошка.

Вошли. Громадный зал. Много столов, цветы, а людей... пахнет жирно, вкусно. Но вот задача: каждому сидящему подают только одну тарелку.

— Знаешь что, Игнашка, давай из одной тарелки с ними есть. Вон подсядем к тому толстому дяде.

За одним из столов сидел толстый-претолстый купец. Ребята взяли с пустых столов по ложке и невидимо подошли к столу купца и стали один с одной стороны, а другой, напротив. Купец, должно быть, был голоден. Когда подали ему борщ, он быстро зачерпнул ложку, но, пока он жевал, пока глотал, — человек он был уже немолодой, неповоротливый, — Игнашка с Прошкой с двух сторон как начали из тарелки борщ уписывать... Купец глядит — в тарелке уж на доньшке борщ остался.

— Что-за чертовщина! — подумал он. — Не успел ложку проглотить, а борща нет.

— Где гусь?

Пока он проглатывал вторую ложку, в тарелке уже было пусто. Купец приподнял ее, думал, что худая она, поглядел под стол — нет. Все в аккурате. Потер лоб. Сам себе не верит: не то он ел, не то нет.

— Эй, голубчик, ну-ка подь сюда, — позвал он служителя.

— Что вам угодно?

— Ты подавал мне борщ али нет?

— Как-же, ваша милость. Подавал, как полагается.

— Что за чорт — две ложки хлебнул, а борща нет.

Ничего гусь-то, — подумал служитель. — Сожрал борщ, да говорит — не подавали. В такую утробу бочки мало, а он, ишь, тарелкой наесться захотел.

— Прикажете второе подавать?

— Если ты находишь, что я первое поел, так давай второе.

Подали второе, гуся с яблоками жареного. Вот тут — то и началось. Только что купец хотел гуся в руки взять, Игнашка цап его с тарелки — купец и рот разинул. Вскочил и, дико вращая глазами, гаркнул:

— Где гусь?

Прибежал хозяин. Подошли официанты. Кое-кто повскакали из-за столов.

— Где гусь? — опять гаркнул купец.

— Ну и прорва же! — говорит служитель. — Только сейчас подал гуся — и даже косточек не оставил, обжора.

Купца стали уговаривать.

— Да, ведь, я ж не ел, — рычал он. — Вы что это меня за пьяного, что ль, принимаете?

Чтобы не поднимать шуму, купцу подали второй раз второе блюдо, и сам официант не отходил от стола.

Купец стал есть. Официант заметил, что он ест, как обыкновенный человек.

— Что, голубчик, у вас тут, грешным делом, чертей не водится? — спросил купец, отправляя в рот второй кусок.

— Избави бог, ваша милость! Что вы!

Игнашка моргнул Прошке — дескать, крой! И не успел купец с официантом глазом моргнуть, как Прошка гуся и тарелку со стола — раз. Купец так и вскочил. Официант замер. А Игнашка — не будь дурак да горячим соусом как мазнет купца по губам, так тот прямо на соседний стол и завалился. А там осетрину с хреном ели; купец, думая удержаться, прямо руками в осетрину с хреном и ввалился.

И поднялось такое в столовой, не приведи аллах. Одни думали, что купец с ума сошел, а другим показалось, что жулика поймали.

— Держи, держи его! — кричат.

Купец без шапки да на улицу. Купец толстый был, а дверь узенькая. Он и застрял в простенке между дверями. Кто, не разобрав, в чем дело, видит, что толстяк силится поскорее выскочить из столовой, подумал, что это бандит, да, недолго думая, раз купцу по шее.

Чем там дело кончилось — Игнашка с Прошкой дожидаться не стали.

* * *

Время было подумать о ночлеге. Прошка было высказал мысль вернуться домой. Но Игнашка воспротивился этому.

— Где же мы ночевать-то будем? — спросил тогда Прошка.

— Вот сказал тоже! Где захотим, там и ночуем.

Ребята шли центральной улицей. В окна магазинов было все видно. Их заинтересовал игрушечный магазин. Прошке понравилась труба, а Игнашке барабан. Недолго думая, ребята вошли в магазин. Народу там никого не было. За стойкой сидел только хозяин, старый, лысый старичок, и что-то считал.

Вдруг он слышит: в магазине затрубила труба и ударили в барабан.

Что такое? — подумал он, оглядывая свои инструменты. Все на месте. Играют барабан с трубой, да и только. Хозяин привстал. Огляделся — играют.

Это Игнашка с Прошкой сели на больших деревянных коней и дуют — один в трубу, другой в барабан.

— Жарь, Прошка, сильнее!

Хозяин видит, что тут что-то не-так, из-за стойки да на улицу. Запер магазин и скорее за городовым.

Ребят видят, что их заперли, чуть-чуть вструхнули. Как выйти?

— Бей трубой в стекло, — предложил Игнашка.

И только что хозяин с городовым к окну магазина подошли, как Прошка ахнет трубой в окно — городской с хозяином так и отскочили.

Городовой сразу, решил, что в магазине не иначе — вооруженные бандиты. Свисток. Сбежался народ.

— Что тут? как? где?

Вооружились и стали наступать. Открыли дверь в магазин. Вошли: боятся все.

— Сдавайся! — кричат.

Игнашка с Прошкой незаметно вышли да в шутку взяли и заперли дверь снаружи.

— Пусть посидят там. Идем, Игнашка, спать куда-нибудь.

Дорогой зашли к фруктовщику, набрали там яблок и вышли на улицу. Было уже поздно. Магазины стали уже закрываться.

III. Ночевка

Спать пришлось Игнашке и Прокошке с особенными приключениями. Знай они, что в жизни существуют гостиницы со свободными комнатами, они бы могли свободно проникнуть в помещение, выспаться там и уйти утром незамеченными; но они этого не знали и долго ломали головы, где бы им переночевать.

Сначала им пришла в голову мысль ночевать в мебельном магазине: там были и кровати, и матрацы, и подушки, но... хотя ребята наши были и не особенно избалованный народ, ночевка в мебельном магазине им не понравилась.

— По-моему уж лучше на улице ночевать — предложил Прошка. — А то — домой направимся.

— А, домой! — с сердцем сказал Игнашка. — Раз ушли, теперь нечего возвращаться.

— Идем!

Уже совсем стало темно. С трубой и барабаном ребята прошли еще по улице и остановились у магазина с готовым платьем. На окне ребятам бросились в глаза два хорошеньких деревянных мальчика в детских костюмчиках, что дало повод Игнашке предложить своему другу переодеться. На самом деле, ребята были одеты плохо.

— Что ж, идем — сказал Прошка.

Но, войдя в магазин, ребята не сообразили, что одежду можно взять в самом магазине, и они залезли на окно, благо оно было изнутри завешено, и приступили к раздеванию деревянных мальчиков. Раздевают они их, а с улицы народ глядит в окно и дивится: Прошки-то с Игнашкой, благодаря шарикам, не видно, а болваны крутятся в их руках и раздеваются, — точно

по волшебству — сами. Стал собираться народ. Вот, думают, купец какую рекламу придумал.

— Гляди, гляди, одеваются! Вот так штука!

Это Прошка с Игнашкой стали на деревянных мальчишек свои портки и рубаху одевать.

— Вешай им и трубу с барабаном — предложил Прошка.

Толпа с улицы, как увидала, что на деревянных мальчишках рваное, грязное белье и барабан с трубой на шее, то пришла в такой восторг, что чуть окно не выдавила.

Какой-то представитель газеты, увидев все это, заинтересовался и, думая, что это новоизобретенная реклама, бросился в магазин интервьюировать купца. А там сидят себе и ничего не видят, что на улице происходит, — окно-то второе изнутри магазина завешено.

— Слушайте, гражданин! — вбежал в магазин репортер, обращаясь ко всем. — Кто здесь хозяин?

— Я-с! — выступил человек шарообразного вида. — Вам костюмчик изволите?

— Да нет. Как это у вас здорово с переодеваньем-то сделано.

— А! — ухмыльнулся купец. — С переодеваньем-то. Очненно-с удобно. Пожалуйте сюда — указал он за перегородку. — Ни единая душа ничего-с не увидит.

— Да я не про то... реклама ваша на окне оригинальна.

— Как же-с, как же-с — реклама самая настоящая.

— Да как это?

— Что?

— Да с переодеваньем-то.

Тут купец переглянулся с приказчиками: дескать, ребята, гляди в оба: или жулик ловкий, или того — указал он на лоб. Молодцы встали.

— Да вы посмотрите, что у вас на окне-то делается.

— Так что же, вам, господин, угодно? — спросил купец.

— Да вы посмотрите, что у вас на окне-то делается.

— А что? — уже испугался купец.

Взглянул и обомлел: стоят на окне два деревянных мальчика в рубище и у одного труба на шее, а у другого барабан. А народу с улицы у окна — уйма. Смех, хохот. Купец до того растерялся, что не мог слова вымолвить. Стоит и вращает глазами. В голове одна мысль: чудо... как есть чудо.

Городовой с поста, заметив большое скопление народа у магазина, думал: несчастье какое случилось; прибежал, увидал, засмеялся и сплюнул:

Ведь это што ж, на что идут мошенники — подумал он на купца.

А купец, заметив городского через окно, к нему, чтобы выяснить.

Подошел и не знает, что сказать.

— Ну-с, — засмеялся городской, узнав купца, — ловко-с обдумали.

— Да-с, — ответил купец, тоже улыбаясь.

— Хитро-с! — сказал городской.

— Да уж, что говорить! — произнес купец.

Прошка с Игнашкой, видя, что дело тут принимает серьезный оборот, шмыгнули на улицу.

Они теперь были одеты в хорошие матросские костюмчики, с босыми ногами, неумытые и нечесанные. Шарик они держали в руках и шли невидимо. Обоих уже клонило ко сну.

— Идем сюда — предложил Прошка, останавливаясь у дома с богатым подъездом.

Ребята вошли вверх по ковровой лестнице и остановились у двери.

— Звони сюда!

Игнашка изобразил из себя козла у стены, Прошка забрался к нему на спину и позвонил. Дверь открыла горничная.

Неужели почудилось, — подумала она, никого не видя.

Прятели тем временем юркнули в дом. Было что-то около десяти часов вечера. Самых хозяев в квартире еще не было, но во всех комнатах горел свет — таких комнат ребята раньше никогда не видели: кресла, диваны, столы, цветы, ковры, картины, и так все чисто, красиво.

— Во-о! Попали-то! — шепнул Прошка Игнашке.

— Живут здорово: богатеющие, должно быть, баринны.

В столовой ребята увидели приготовленный к ужину стол. Захотелось подзакусить, но, так как тарелки были пусты, Прошка с Игнашкой взяли и побросали их

с досады на пол. На звон посуды прибежала старуха экономка, за ней горничная. Старуха так и ахнула.

— Аннушка, да ты что это, милая, ошалела что-ли, — набросилась она на горничную, — а?

— Да вы что это, Варвара Филипповна, в самом деле, за дуру меня, что ли, принимаете: сами свалили на пол посуду, да на меня.

— Как... я? Ах ты, корова архиерейская, да я тебя за такие слова, знаешь?

— А ну, ну, попробуй! — наступала молодая на старую.

Женщины чуть-чуть не вцепились друг другу в волосы, если бы вдруг не залаяла в зале собака. Игнашка с Прошкой, видя, что им в столовой делать было нечего, прошли дальше и попали в залу, а там, на медвежьей шкуре лежал большой барский пес. Не видя ребят, собака все-таки учуяла их запах и залилась на весь дом так, что в соседней комнате, где была детская, заплакали дети. Проснулись няньки. Все кинулись в зал унимать собаку. Прибежал швейцар Мартын с щеткой, няньки, горничная, экономка.

— Лапидас, тише, цыц! Что ты, сбесился, что ли? У-у, дьявол! — замахнулся на него щеткой Мартын.

В это время, как на грех, раздался у парадной звонок.

— Батюшки мои, сами приехали! Аннушка, накрывай на стол.

— Лелечка, Мишечка, тише! — зашептали в детской няньки.

Собака и Мартын бросились к парадному...

Вошел барин с женою и сразу заметили, что в доме беспорядок.

— И что вы тут делаете! — накинулась барыня на прислугу.

— Еще стол не накрыт? Не спят дети? Что это за безобразие! Это еще что за новость! — ужаснулась барыня. — Кто смеет играть!

Игнашка с Прошкой, заметив пианино, моргнули друг другу глазом, стали рядом у пианино и как ударили по клавишам, так по всему дому и покатилося, словно кто посуду битую швырять стал.

Старуха экономка, не успевшая вовремя выйти из зала, как услышала, что пианино без людей заиграло, да, крестясь, бегом из зала.

— Родные, милые! С нами крестная сила! У нас нечистый!

Вбежал и барин с барыней, да так на пороге и застыли: пианино рычит, а около никого нет. Настоящая чертовщина.

— Мартын, Мартын! — еле выговорил барин. — Позвони в телефон. Вызови!

— Да кого ж, барин, вызвать-то в эдакую пору?

— Зови врача.

— Попа!

— Пожарных!

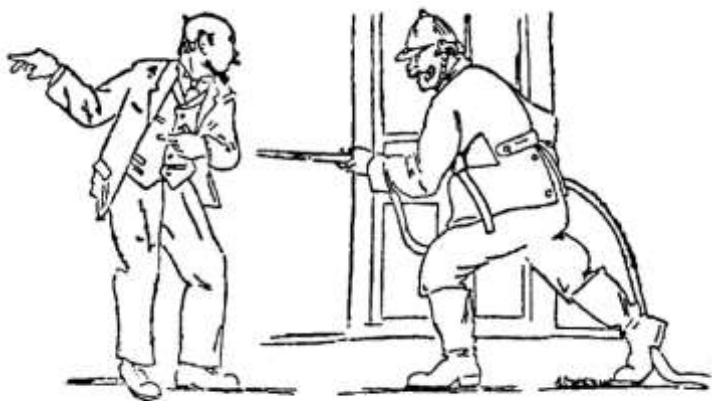
Мартын кинулся к телефону; а Прошка с Игнашкой, никогда не видя этой штуки, слышат, о чем народ говорит, да следом за Мартыном. Стали и смотрят, как Мартын трубку взял и к уху приставил.

— Пожарная часть! — кричит. — Да, да. Нет! Нечистая сила... вроде пожара.

Не прошло минуты, как в дом в блестящих касках с кишками в руках ввалились пожарные.

— Где, где пожар?

Тут заговорили, все хором, кто о чем. Брандмейстер, как человек образованный, приписал все это испугу и, переглянувшись с пожарными, решил без слов, что в доме не у всех все в порядке.

— Где, где пожар ?

— Надо бы врача, — посоветовал он. И шасть к телефону, за дежурным врачом, да, кстати, уж и за полицией, на случай составления протокола по части нечистой силы.

А Прощка, когда, Мартын отошел от телефона (и что ему вздумалось!) побежал в столовую, схватил там горчицу да возьми трубку-то, что к уху прикладывают, и намажь.

Только брандмейстер приложил ее к уху, чтобы говорить, да как бросит... с уха у него так и потекло жидкое, вроде детского. Пожарные как загогочат, а горничная, желая помочь знакомому ей брандмейстеру, подскочила к нему да фартучком и пошла ему вытирать ухо.

Дело кончилось тем, что всем стало смешно, забыли про нечистую силу, барин дал пожарным на чай, и, благодаря горчице, все обошлось благополучно.

Ночь приближалась. Ребятам сильно захотелось спать и они, пробравшись в спальню и увидев две постели, там легли: Прошка на одну, Игнашка на другую.

Уснули, забыв все и вся.

Должно быть, уже было очень поздно...

Слышат ребята-в спальне крик.

— Спасите! Караул! Разбойники!

Кричала барыня. Она спокойно пришла в спальню, разделась, и только хотела было лечь на свою кровать, чувствует, кто-то лежит на ней, а это Прошка. Видать-то его не видно, а чувствуется, что лежит. На крик прибежал барин. Прошка проснулся, да в кровать к Игнашке. Барин пощупал постель — никого.

— Это тебе почудилось, милочка, — успокоил он жену.

Так и решили, что почудилось.

Барыня уснула, барин ушел в свой кабинет работать. Прошка и Игнашкой спокойно проспали до утра на постели барина, и, когда утром рано заглянуло в спальню солнце, Игнашка, проснувшийся первым, сказал Прошке, толкая его в бок:

— Ну, пора, брат, нам выбираться отсюда. Вставай!

IV. С чего это началось

Несмотря на все происшествия в доме господ, во время ночевки, ребята проспали до утра спокойно. Вопросы пищи, одежды их уже не занимали; все, что бы они ни пожелали, они имели возможность взять, всюду они имели доступ.

До полудня они гуляли. Погода стояла летняя, и день выдался очень жаркий. Дорога, тротуары, дома и крыши накалились до того, что дышать нечем. Люди ходили, как вареные. На центральной улице два дворника собрались поливать дорогу. Приготовились, сошлись вместе да слово за слово — и заговорились, а брандсбойты положили. Оставалось кончить разговор, открыть кран, и пошла поливать. Но разговор у дворников был интересный: о жаре говорили, о деревне, о засухе. В это время, откуда ни возмись, Игнашка с Прокошкой. Увидали ребята на дороге блестящие брандсбойты лежат и кишка длинная, как змея, да шасть на дорогу. Известное дело: вода для ребят, что вода уткам: открыли они водопроводный кран, брандсбойты в руки, да как пустят водой на тротуар с двух сторон. Батюшки мои, что тут поднялось! Барыни, барыньки, господа в котелках, баре в шляпах как вдарятся, кто куда. Крик, шум, гам, смех, недовольство. Бегут, кричат, и все мокрые. А ребята, знай, поливают и норовят всех людей водой облить. Дворники видят, что народ бежит и брандсбойты поливают, — ребят-то видно не было, — скорее к кранам, чтобы, значит, запереть их. А Прокошка с Игнашкой, не будь дураки, только дворники до крана, они как наставили им струю воды в самый нос, они и того... зачихали. Еще раз метнулись — они опять. Дворники — бежать.

Через минуту на обоих тротуарах улицы никого не осталось. Народ столпился на расстоянии недосягаемости воды — дивятся на чудо, а подойти боятся. Брандсбойты поливают, а людей не видно. Никто толком не разберет, в чем дело. Нашлись какие-то смельчаки, бросились, было, кран закрыть, ребята как окажут их водой, они назад. Тут вмешалась в дело власть — позвонили в полицию. А народ с обоих концов улицы заполнил. Никто верить не хочет, чтобы сами брандсбойты народ обливали. Чудо. Началась давка. Пошел разговор, что это дело нечистой силы. Сначала это было смешно. А, как увидели многие, что сами брандсбойты поворачиваются в разные стороны, словно ими кто управляет, хоть и день белый, а стало страшно, стали креститься. Один поп, убедившийся в том, что это дело не иначе, как нечистой силы, осенил себя крестным знаменем, да с крестом в руке и двинулся на брандсбойты. Ребята видят, что дело плохо, да как с двух сторон приняли попу в кишки, поп не знал, куда ему и деваться. Не прошло секунды, он, как мокрая курица, снова стоял в толпе, и все на нем до нитки было мокрое.

...с двух сторон приняли попу в кишки

— Что, батюшка? Окрестили? — смеялась толпа.

Поп чихал, крестился и еле переводил дух. А народ: ха-ха-ха!

Тогда ринулся было солдат с ружьем, ну да куда — чуть вода с ног не сбила. А народ все прибывал. Движение по улице прекратилось. Прибыли конные городовые — до чуда и не протиснуться. Стали народ нагайками разгонять. Народ стал возмущаться. В полицию полетели камни. Пригнали полк солдат. Пожарные приехали. На поливающие брандсбойты началось настоящее наступление. Пожарные воды не боятся — напролом лезут. Прокошка с Игнашкой видят, что дело плохо, побросали брандсбойты наземь и в сторонку. Пожарные кран было закрыли, но... не успели. Народ как хлынул с двух сторон чудо смотреть — пожарные в кольцо — давят. Они уговаривать народ. Не принимают в резон. Тогда пожарные, чтобы не быть раздавленными, брандсбойты в руки, да как начали всех холодной водой поливать — народ бежать!

Крик, ругань, давка.

Кто этого не видел, думали, что опять начала действовать нечистая сила. А кто видел, говорили:

— Какая там нечистая сила, — пожарные народ обливают.

— Как? сами пожарные? — возмущался народ.

— А, ты что ж, на самом деле думал, что нечистая сила?

— Да я сам попа видел, как он противу нее шел.

— Э-э, милый, обуи глаза, протри нос! Вишь, нашего брата полиция лупит и водой обливает.

— Да что ты?

— Вот-те что.

Пока шло это дело, жулики несколько магазинов обокрали. Начался погром. Квартал оцепили войсками.

Возмутившийся народ вступил с ними в драку. На окраинах города говорили, что в центре идет настоящее сражение. В правительстве началась паника. Заработали телефоны. По-настоящему никто не знал, что происходит, но одна маленькая, неизвестная газетка, желая себя на свет показать, выпустила экстренный номер с заголовком: Бунт народа, разграбление магазинов, улицы охвачены восстанием, двинуты войска.

Газету все нарасхват. Купцы стали закрывать магазины уже и на дальних улицах. За оглашение недозволенных фактов редактор был немедленно арестован и по городу расклеили воззвание градоначальника:

«Вследствие распространения по городу злонамеренными лицами слухов, подрывающих существующий строй, город объявляется на осадном положении».

Город сразу замер, магазины закрылись. По домам только и разговор, что о происшествии. У градоначальника было созвано экстренное совещание на случай принятия мер против начавшихся событий. На совещание были приглашены редакторы уважаемых газет. На собрании выяснилось, что в городе появилась тайная организация, методы агитации у которой очень своеобразны.

Чтобы подорвать престиж власти, они подвязывают людям на улице хвосты, прилично одетые манекены переодевают в рубища. Этому факту придали большое значение. На историю с купцом в столовой посмотрели как на покушение на право буржуазии. Сопоставив все это вместе и приняв во внимание поливание водой, решили, что уже началось открытое выступление организации против существующего строя.

Попутно выяснилось, что организация опирается на детей, которые, будучи совращены, убегают от отца

и матери и бесследно пропадают. Так, на днях бесследно пропали два мальчика: сын бондаря Игнашка и сын портного Прокошка.

Последнее сообщение привело к тому, что было постановлено немедленно арестовать портного и бондаря.

Дело приняло оборот нешуточный. Улицы опустели; на углах стояли усиленные наряды полиции, и ездил конные жандармы. Настроение ребят от пустоты улиц было скучное. Вот в это-то время и пришла им в голову мысль пойти домой и посмотреть, что там делается. Идут. Глядь, навстречу:

— Игнашка, гляди, кажись, твоего отца городовые в часть ведут.

— Да и твоего, Прокошка, тоже.

По дороге среди пустых тротуаров человек десять городских бондаря с портным вели. Безобидные мужики, не зная, в чем дело, за что их забрали, куда ведут, еле живы шли, и только говорили:

— Братцы, да за что же это?

— Иди, иди, иди! — подталкивали их городовые. — Вам там зададут бунту!

Ребята, видя, что их отцов бьют, закричали:

— Эй, вы, селедки! чего деретесь? а то камнем!

— Что-о! — рывкнули городовые, оглядываясь во все стороны.

Кругом никого. Городовые переглянулись. Поприехли, думая, что это на них кричат из-за заборов. Выхватили наганы.

Прокошка с Игнашкой пошли рядом. Игнашка и говорит Прокошке:

— Подставляй вон тому городовому ногу.

Прокошка забежал вперед, и только крайний городской поровнялся с ним, он — раз ему ножку; тот всем

телом так и растянулся на дороге; револьвер отлетел в сторону.

...так растянулся на дороге

— Эх, будь ты неладен! — выругался он.

— Эх, тебя угораздило, Мордасов, плюхнуться не вовремя. А еще городской!

Прокошка, пока городской поднимался, жик револьвер, схватил. Бросились искать револьвер — день белый, а револьвера нет.

В это время Игнашка у другого городского цап револьвер из рук, — тот по сторонам — никого.

— Не смей, стрелять будем!

Городовые так и присели. Спасибо, часть была близко, а то бы разбежались. Вошли все гурьбой и прямо приставу:

— Ваш бродь, позвольте доложить: это такие бунтари, что насилиу довели их. Обезоружить нас пытались.

— Братцы! — взмолились те, — да что же вы врете-то?

— Что-о?! — гаркнул пристав, — городовые врут? Городовые никогда не врут. Говори, кто вы такие?

— Я по бондарной части, ваше благородие. Сколько лет живу — и в помине не было...

— Молчать! — заорал пристав. — Где ваши дети?

Тут выступил портной:

— Так что, ваше благородие, дело было так: ученый у нас, значит, на дворе живет, с чертями в роде знакомство водит; захаживают они к нему иногда в картишки поиграть. А наши, значит, ребята, сами знаете, беднота, ну и того, в окно посмотреть влезли. А ученый, значит, караул. Вроде, будто наши дети у него какие-то шарики украли. С тех пор и пропали ребята. Заявляли в часть — нету.

— Так, так... — протянул пристав. — Ученый, значит, в это дело замешан. Шарики. Знаем мы теперь, что это за шарики. А ну-ка, ребята, — обратился он к городовым, — посадите-ка молодцов в теплушку: пусть погреются.

— Ваше благородие! — взмолились портной с бондарем. — Пустите душу на покаяние.

— Молчать! — крикнул он.

V. События разрастаются

Вопрос об аресте ученого химика был решен. Не сомневались, что под видом ученого живет не иначе, как революционер, делающий бомбы. Постановили квартал оцепить войсками и на дом начать наступление военными силами. Думали, что при аресте будет оказано сопротивление. Портного и бондаря впредь и до выяснения дела посадили в каталажку и, когда их вели туда, Прокошка с Игнашкой шепнули им: не бойтесь! Они шепнули, а тем показалось — они сами подумали, что бояться нечего, и успокоились. Игнашка с Прокошкой пошли в канцелярию наблюдать, как полиция готовится к аресту ученого. Ровно в полночь приехало во двор много казаков, городских набрали, приготовили пожарную бочку на случай пожара. И, как только месяц закрыл глаза тучами, с полицейского двора и двинулись. Прокошка с Игнашкой примостились на пожарной бочке. Едут, а пожарные и говорят:

— Знаешь, брат, дело скверное.

— А что?

— Бомбы рваться будут.

— Да ну!

— Разорвется в раз — и перекреститься не успеем.

Въехали в знакомую улицу. Огни в домах давно спали, и в улице было темно. Только у ученого огонек горел.

— Тише! — скомандовал начальник отряда. — У ученого свет виден. Подходите осторожно.

— О, господи, пронеси грозу, — шептали вояки, приближаясь к дому. Немного не доходя остановились. Огляделись. Стали соображать, как надо дом обкру-

жить в случае, если бы революционеры вздумали разбегаться. Нужен был охотник, который бы добрался до окна ученого и посмотрел, сколько там собралось у него революционеров. Один казак-пластун вызвался. Пополз. Игнашка с Прокошкой за ним. Только тот подняться хотел посмотреть, ребята как крикнут с двух сторон: «Дядя, бонба!!».

— Ой! — заорал тот благим матом, падая на четвереньки и обхватывая руками голову.

— Отряд, ложись! — скомандовал начальник, услышав крики. Отряд лег наземь. Лежат. Ждут. Тихо. Темно. Яркий свет в окне ученого приковал всех.

— В перебежку к дому! — раздалась команда.

Все ближе, ближе. Кольцом дом обступили. Замерли. Ждут приказа в дом ворваться. Момент — и ворвались. Ворвались и испугались: сидит за столом старый-престарый старик в очках, а перед ним, как огонь горит, лежит красный шарик.

— Руки вверх! — крикнули ученому.

А ученый до того увлекся изобретением, что не слышал, ни что на дворе делалось, ни как вошли. Он заметил полицейских только, когда они крикнули ему: Руки вверх! Ясно, пришла в голову мысль: им нужен шарик. Старик даже весь затрясся. Он моментально вскочил, и не успели полицейские слова произнести, как он на их глазах схватил шарик и исчез, как сквозь землю провалился. Полицейские так и присели. Всем казалось, что они вместе с ученым взорваны на части и летят кто куда. Они даже не кричали от испуга, а сидели на полу, шевелили губами и таращили глаза, не зная, не то они живы, не то мертвы. Игнашка с Прокошкой, догадавшись, в чем тут дело, погасили свет. У полицейских совсем душа в пятки ушла. Ну, думают, в ад прямо летим.

... сидели на полу, шевелили губами и таращили глаза

— Господи, прости! — зашептали.

Происшествие с ученым привело к тому, что власти совсем потеряли голову; несуразные объяснения перепуганных полицейских, что ученый взорвал себя бомбой и исчез, а по проверке потом оказалось, что никакого взрыва в доме ученого не было, дом и комнаты целы, — из всего этого было сделано заключение, что в войска проник революционный дух, и они нарочно дали возможность убежать ученому бомбисту.

В городе с каждым часом становилось тревожней. На окраинах шла уже борьба. Жители высыпали на улицу — их стали разгонять. Они взялись за камни — в них начали стрелять. Они построили баррикады. Игнашка с Прошкой, попавши на окраину города, заметили, что на улицах толпятся знакомые из соседних домов, а на них наступают войска и полиция. Толкаясь за баррикадами, очень похожими на горы старых вещей на базаре: тут были и бочки, и клетки, и старая

собачья конура, ребята, путаясь в этой деревянной паутине, слышали такой разговор:

— Эх, если бы только нам оружие достать где.

— Слышь, Прокошка, в чем запятая: у них оружия нет. Давай им свои револьверы отдадим.

— А зачем? — сказал Игнашка. — Идем-ка вон туда, — указал он по другую сторону, где стояли солдаты.

Недалеко от баррикад, составив ружья в козлы, сидели солдаты, и в ожидании распоряжений начальства тихо беседовали о том, что говорилось в городе в связи с событиями. Дело было к ночи. Кое-где постреливали, а в этой части города было пока тихо — готовились к чему-то. Один из солдат рассказывал:

— Иду это я, братцы мои, городом, вижу: навстречу человек идет, черный-пречерный и глаза красные. Стой, — говорит, — солдат. Если ты будешь в народ стрелять, то... и словно сквозь землю провалился.

— Эх, ребята, — начал другой солдат, — конец пришел, видно. Бают, будто в одном доме сидели люди за обедом, обедали — и вдруг тарелки как подымутся со стола и пошли летать по комнате.

— А я что слышал. Говорят, по городу собака черная бегаёт, ее глазом не видно, а она как укусит кого, человек сам в собаку превращается.

И вот в самый момент такого разговора Игнашка с Прокошкой взяли где-то, по-дворницкому, метлу, подошли к солдатам — а уже темнеть стало — да, не долго думая, и пошли метлами махать над ними. Метлы машут, а людей не видно. Начни стрелять из пушек — солдаты бы и ухом не повели, а тут, как увидели они: метлы машут, только пустое место от солдат осталось — все разбежались.

Этого только ребятам было и нужно. Когда солдаты опомнились от страха, винтовок уже не было.

Утром произошел жаркий бой. Правительственные войска были разбиты на этом участке, часть, где сидел бондарь и портной была захвачена восставшими. Видя свою гибель, правительство пустило в ход артиллерию. Над городом поднялся шар, который руководил артиллерийской стрельбой.

Дело приняло худой оборот. Шар, висящий над землей, указывал, куда стрелять надо. Уж плохо приходилось. Вот-вот разнесет артиллерия баррикады.

Шар, висящий над землей, указывал, куда стрелять надо.

— Эх, кабы вон энтот шар пустить кверху, — сокрушенно говорили на баррикадах.

— Игнашка, ты слышь, что говорят они? Надо бы тот шар в небо пустить, а то, вишь, он мешает им.

— За чем же дело стало! Айда! Авось что-нибудь и сделаем.

Шар днем поднимался над городом, а ночью снижался. Он был страшно велик и держался на железных канатах. Прокошка с Игнашкой пробрались с вечера в парк, оглядели все как следует, попробовали канаты — нет, не перерезать их им.

— Знаешь что! — сказал Прокошка, — давай, друг, подойдет утро, и как только начнут пускать шар, возьмем да и сядем на него и будем оттуда руками показывать, чтоб не туда стреляли, где наши.

Уговорились.

Было красивое солнечное утро: небо, словно море голубое — ни одного облака. Ранняя весна — тепло, зеленеющая трава, птицы, и синь утренняя. Полсотня солдат торопилась около шара. Летчики-офицеры были наготове. Сели в корзину. Игнашка с Прокошкой себе за ними и, чтобы не мешать, в уголках корзины и сели. Корзина большая, точно комната.

Загрохотала лебедка. Шар, словно почуя, что ему скоро подниматься, качнулся медленно. Потом, точно напряжился, ровно стал, канат натянул и начал плавно подниматься вверх. Вот отделилась и корзинка от земли. Как на ладони город весь виден. Чудной он сверху; не город, а так ерунда какая-то: ни красоты, ни радости. А люди — точно кляксы на бумаге.

Игнашка с Прокошкой думали, что руками можно земле с шару указывать, а еще поднялись немного — и совсем почти ничего не видно. Шар как будто в небо верхушкой стукнулся и стал. Один из офицеров в подзорную трубу посмотрел, потом стал по телефону говорить:

— Баррикада в улице М., прицел тридцать...

Чуть слышно вверху, глухой удар выстрела из пушки раздался.

— Недонос. Прицел сорок... Верно. Чаше выстрелы... Так... Бегут. Баррикада горит.

— Игнашка, дело плохо, надо что-то делать.

— Бросай телефон из корзины — вот и все, — предложил Прокошка. — Пусть попробуют покричать отсюда.

Офицера глядели в подзорную трубу, любуясь красотой убийства снарядами людей, а Игнашка в этот момент и выбросил телефон за борт корзинки. Хватились офицера и заметались, не видя телефона и не зная его исчезновения.

— Что делать?

Глянули вниз: со всех улиц вытесняют правительственные войска: артиллерия бьет по пустому месту.

— Смотри, смотри, солдаты бросают оружие. Бегут. Что нам делать? Мы погибли. Ой, — ой! — вон троссканат перерубают. Нас хотят пустить в пространство. Готовься!

Офицера поправили парашюты. Шар задрожал, и, как стрела, стал подыматься ввысь.

— Кидайся! — крикнули офицера один другому, и камнем полетели на землю.

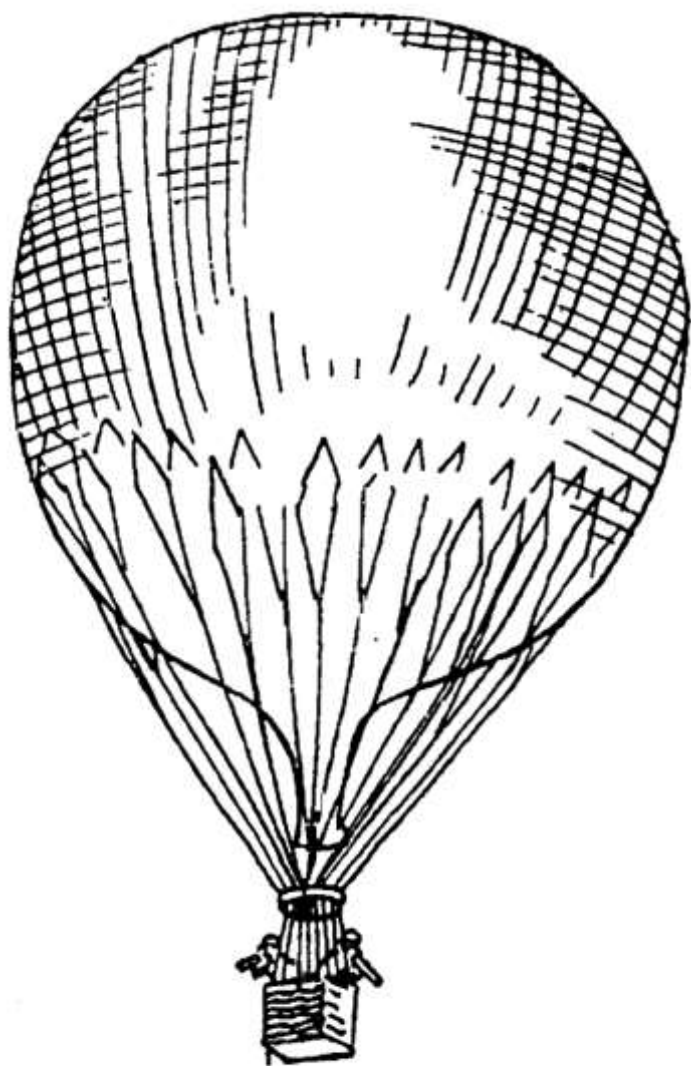
...и камнем

полетели на землю.

А Игнашка с Прокошкой, не понимая, в чем дело, остались в корзине. Шар уносился с невероятной быстротой. Корзина качалась. Уже не было видно земли, так, словно в тумане, что темнело. Кругом молочная пустота, только солнце видно. А шар все летел и летел.

...они стояли у борта корзины и смотрели вниз...

VI. Прилетели на Луну

Ничего нельзя уже было разобрать — где земля, где небо; шар поднимался, а, казалось, висел в необхватном просторе молочного света. Кругом такая тишина, какую себе можно представить только в гробу, когда его закопают в землю с живым человеком. Игнашка с Прокошкой не отдавали себе отчета, что с ними случилось: они стояли у борта корзины и смотрели вниз, куда кинулись два офицера; но ни их, ни земли не было видно — плыли одни облака, освещенные солнцем. Они были точно живые горы, над которыми проносились наши ребята.

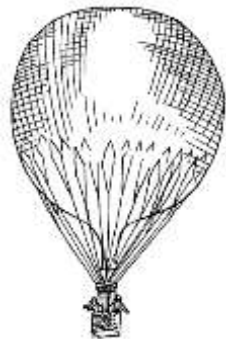
Пока был день, Игнашка с Прокошкой не замечали, сколь высоко поднялись они от земли. Но вот над головой мальчиков и с боков, словно глаза, зажглись звезды. Шар, должно быть, поднялся так высоко, что звезды были совсем близко — рукой подать.

— Игнашка, — заметил Прокошка, — а ведь мы, пожалуй, на небо летим!

— Так что ж! — как-то уже не по-детски ответил Игнашка. — Долетим — посмотрим! Вот только есть хочется дюже. Знато бы дело, с собой еды взяли.

Корзина покачивалась, шар поднимался — давно скрылись облака. Теперь вокруг ребят был голубой воздух, с вбитыми в нем звездами. Клонило ко сну. От нечего делать, ребята взяли свои шарики в руки. И странно: как только шарики оказались снаружи, шар словно кнутом, подстегнул кто: он надулся еще сильнее и понесся ввысь быстрой стрелы.

— Игнашка! — радостно закричал Прокошка, облизывая шарик. — А ну-ка,

попробуй ты свой на язык. Воо! Ой-же, как вкусно!

Приятель попробовал языком шарик — и по всему телу разлилось что-то такое, чему не дашь названия. Голод, как рукой, сняло. Стало хорошо и весело. Ребята стали шалить и раскачивать корзинку. Она качалась, словно качели в голубом воздухе.

задумали крючком на веревке лопить звезды ...

В корзине были крючки и веревки. Ребята положили шарики в корзину и, расшалившись, задумали крючком на веревке ловить звезды.

Они летали кругом, как бабочки или как золотые рыбки на дне моря. Шар летел. Корзина покачивалась. Некоторые звезды казались как будто внизу. Голубой воздух темнел. Наступала тьма.

Игнашка заметил:

— Не пролететь бы нам мимо неба, Прокошк. Видишь: звезды-то уж ниже нас стали.

— А не все ли нам теперь равно, куда попадем — ответил Прокошка. — Мне страшно спать хочется. Давай ляжем.

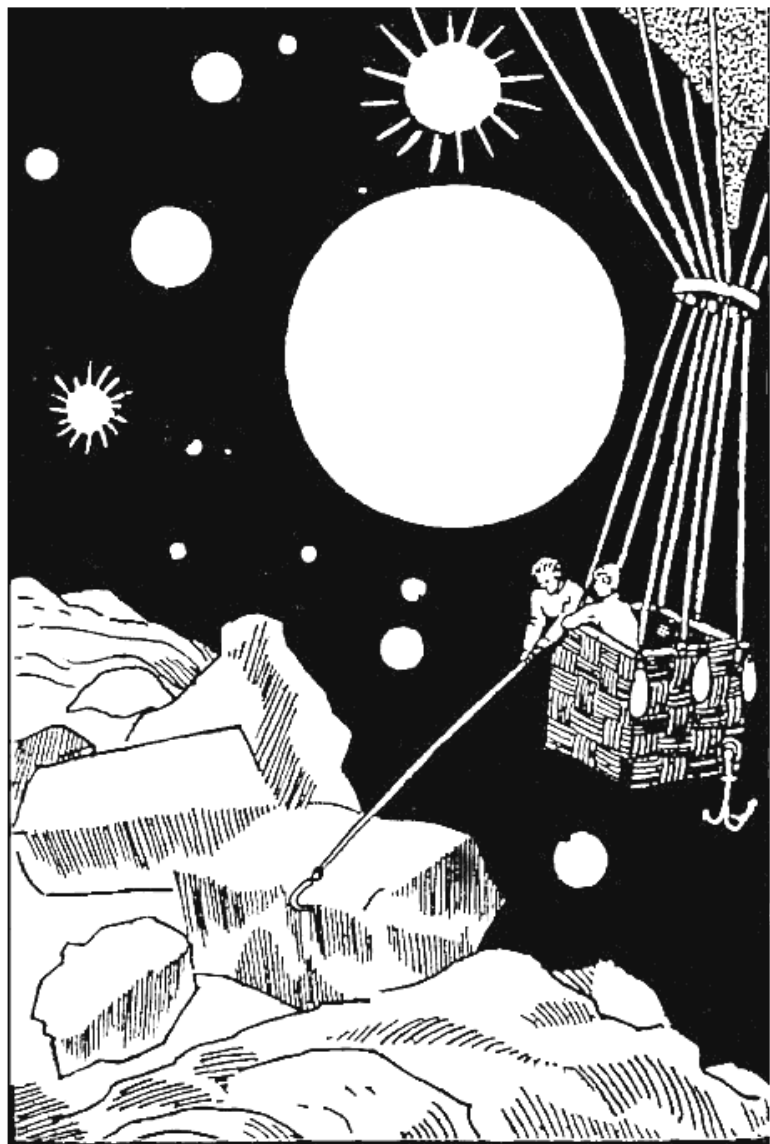
И, свернувшись на дне корзины, ребята крепко уснули...

Вдруг слышат они, словно стукнулась обо что корзина. Ребята вскочили. Смотрят — и глазам не верят: тьма кругом, а во тьме огненные шары — звезды, как раскаленные глыбы железа, вертятся, словно большой фейерверк и с такой силой, что поднимают ветер, который так шумит, что ничего не слышно. Шар не то стоит, не то летит, не то вертится в этом хаосе сбесившихся светил. Как опрокинутый Ледовитый океан, висит над крутящимся огненным вихрем звезд — Луна. Шар летит. Он миновал вихрь. Все это уже под низом. Вверху простор, опять покой. От Луны идет серебристый свет. Она, как мертвец, бледна. Покачивается. Вот — близко. Шар летит прямо на нее.

— Игнашка, — кричит Прокошка, — причаливай к Луне! Крючком ее цепляй! Стой!

Игнашка зацепил крючком за льдину и притянул корзинку к Луне. Шар опустился.

— Ну, Прокошка, вылезай; должно быть это и есть небо — прилетели.

Крючком ее цепляй!

Вышли.

Не окинуть глазом — белый, светящийся снежный простор. Пустыня холодная, без единой черной точки. Ни живой души. Даже возвышенность с розовым отливом верхушки, чуть-чуть виднеющаяся, не оживляет мертвенность, которая окружила попавших на Луну героев. Ребят охватил ужас. Хотелось плакать. Хотелось вернуться домой. Домой!

Они не знали, что на Землю с Луны никогда еще никто не сваливался. Как ни малы были ребята, а сообразили, что тут и с шариками пропасть можно. Не говоря ни слова друг другу, они поняли грозящую им опасность и обнялись, как бы прощаясь.

— А теперь, — сказал потом Прокошка, — давай переночуем как-нибудь!

С большим трудом разостлали ребята парусину шара, поставили корзину, накрыли ее со всех сторон парусиной и, забравшись внутрь, крепко уснули. Спасибо шарикам: они имели свойство не только делать детей невидимыми, но еще и согревали их, а то бы они сразу замерзли. Это ребята заметили сразу, как только ступили на Луну, поэтому, легши спать, шарики они держали в руках.

Когда они проснулись, то никак не могли определить, что это было на Луне — день или утро: какое-то солнце, совсем не похожее на то, что они видели с Земли, светило на Луну, но не грело.

— Идем, — предложил Прокошка.

Бросив разбитый шар и корзинку, ребята двинулись по направлению к розовой горе. Хоть бы пылинка какая где, хоть бы птица или зверь лютый — ничего. Бело внизу, сине над головой и сбоку в сини какое-то маленькое красное солнце. Показались горы с розовым отливом, высокие сверкающие, на темной сини. Ребя-

там пришло в голову забраться на эти горы: посмотреть хотелось оттуда, нет ли чего получше поблизости. Долго шли. Еще дальше взбирались на горы. Наконец, забрались на самую верхушку. Глянули оттуда, а по другую сторону горы — не окинуть глазом, как зеркало чистое, вместо снега, блестяела водная пустыня. Гора тут была крутая: не сойти к реке.

— Идем за корзиной, съедем, — предложил Игнашка.

Ребята вернулись на старое место, переночевали там, а утром, захватив корзинку, снова пустились на гору. Сели они в корзинку; когда на гору пришли, сползли с ней, но не в воду, — пустыня-то оказалась не водная, — а на какой-то лед, не то стекло. Ступили ребята на эту скользкую штуку, и чувствуют как будто тепло от стекла.

— Неспроста, Прокошк, на Луне пустыня стеклянная; тут чем-то живым пахнет.

сели они в корзинку и сползли с ней

— Да стекло ли это?

— И не лед.

— А не все ли равно; идем вперед, а там видно будет!

Ребята положили шарики в карман и, ставши видимыми, двинулись стеклянной пустыней прямо, куда глаза смотрели. За спиной осталась снежная розовая гора, а вокруг, не обнять глазом, простор.

И вдруг — не понять, было: не то синь выси на Луну упала, не то синь выси в зеркало Луны засмотрелась; глядят ребята: под ногами небо Луны, под ногами звезды и словно из подвала наружу в окно большое свет льется. Сначала ребята подумали, что они опять на Земле и на ней снизу Луна светит. Глянули вверх — черно там, а под ногами светят звезды.

— Прокошка, по-моему, под нами что-то есть.

— Я сам так думаю — не живет ли там кто.

— Стучи вниз.

Ребята затопали в стекло ногами, но так как они были босы, из этого ничего не вышло.

— Э-э, стой! — нашелся Игнашка. — Давай-ка, брат, стукнем нашими шариками.

Но кто ж мог это предвидеть? Застучали ребята и сами были не рады. Стекло пустыни треснуло, и с такой силой, что все вокруг загрохотало, зашумело, зазвенело, как будто стали ломаться ледяные горы. Свет под ногами моментально погас, кругом стало темно и жутко; из пасти пропасти вырвался огонь, и пропасть зашипела.

— Игнашка, что мы наделали!

Ребята стояли на краю трещины и не знали, что им делать. Продолжать путь дальше им было уже нельзя. Они сели и, держа в руках шарики, стали ждать утра.

VII. Внутри Луны

Только зарозовела снежная гора и заблестела стеклянная пустыня от лучей маленького солнца, — ребята проснулись, разбуженные небывалым и неслыханным доселе шумом. По пустыне прямо на них летела черная громадная гора, усыпанная белыми пятнами. Она была еще очень далеко, и трудно было понять: не то от быстрого движения, не то еще отчего, вокруг этой горы были тучи белых комьев. И не успели ребята глазом моргнуть, как над пропастью, по всей ее линии, остановились тысячи крылатых машин на полозьях, с горами черного стекла, на котором, как птицы на скале, сидели маленькие люди, одетые в белые, точно резиновые, костюмы, с масками на лице.

Потому что одежда плотно облежала тело, люди казались голыми белыми мальчиками. У плеч людей и на ногах были какие-то шумящие трещотки с распускающимися крыльями. Как только машины остановились у пропасти, все белые люди, из которых одни летели, а другие были на машинах, кинулись осматривать трещину. Потом они, как мотыльки, быстро слетелись в одно место, и один из них, держа в руках какой-то аппарат, начал им передавать приказания. Аппарат говорил, как человек, но на таком непонятном языке, что Игнашка с Прокошкой ничего не могли понять. Но то, что говорилось, было, должно быть, тревожно: выслушав говорившего, маленькие люди быстро разлетелись по всей пустыне и видимо что-то стали искать. Часть из них полетела по направлению к горе. У самого подножья горы спокойно стояла белая корзина, на которой спустились Игнашка с Прокошкой. Как долетели люди до горы, как увидели корзинку, приняли ее за невиданного зверя, испугались, да, очертя го-

лову, кто как и куда — от ней. Их испуг быстро Заметили другие. Со всех сторон бросились им на помощь. Все взлетели на высоту — и к горе. Кружатся над корзиной, кричат что-то, а спуститься боятся.

Игнашке с Прокошкой и чудно и смешно.

— Вот чудачки: летать умеют, а корзинки боятся.

...как голубь, из артели, раз на корзину

Наконец один из них осмелился и колом, как голубь, из артели — раз на корзину. Ничего — стоит корзина, не кусается. Тут все спустились. Обступили корзину — дивятся. Лопочут что-то по-своему. Осторожно так взяли корзину, притащили к своим машинам.

Успокоились. Взялись за дело, по которому приехали. Машины быстро были приведены в движение; они распластали свои полозья, встали над трещиной, и стеклянная масса, что была на них, стала вливаться в трещину и заделывала ее. Сами маленькие люди почти ничего не делали: они только управляли машинами, а те, проезжая над трещиной, заделывали ее так чисто,

что не оставалось никакого следа. Когда вся работа была кончена, они снова слетелись в кучу, и начальник их что-то им сказал аппаратом. В этот момент Игнашка с Прокошкой уловили и поняли одно слово: луналиты.

Да, это были жители луны — луналиты. После собрания они быстро разместились на своих машинах, положили на одну из них корзину, и едва Игнашка с Прокошкой успели сесть в нее, как машины сорвались с места и понеслись пустыней, аж у наших ребят в ушах зазвенело. Спасибо шарикам красным, а то бы лицо и тело Игнашки с Прокошкой морозом сожгло. Мчатся. Черно вверху. За спиной свисла гора, впереди — темнеющая стеклянная пустыня. Около машин также быстро летели одиночки. Вдруг все они, как пчелы, осыпали машины, машины на ходу выпустили снизу какие-то щиты, щиты со всех сторон закрыли машины, и все очутились словно в какой коробке. Никому ничего не было уже видно.

— Люнолизю! — раздался резкий крик одного из руководителей. Маленькие люди ухватились руками, кто за что мог. Сильный толчок, словно машины влетели в запертые ворота; потом гробовая тишина, покачивание, машины откинули с боков свои щиты, и Прокошка с Игнашкой увидели, что они летят над какой-то землей. Одиночки-луналиты спорхнули с машин и, как белые птицы, полетели рядом. Летели над чем-то высоко; внизу, как разлитое молоко, белый свет; спускались ниже — ни очертаний города, ни зданий. Свет стал раскалываться на маленькие солнца, в пролетах черные пятна, ленты прозрачной воды, в роде в речках. Солнца ярче, темные пятна четче, теплее воздух. Уже ясно видно, что над лесами летят, над озерами, но

нигде никакого жилья. Скользят машины почти по земле, ныряют, как вальдшнепы, в аллеях леса.

Сел и около большого озера, окруженного деревьями. Луналиты сняли с лиц маски и стали раздеваться.

О-о, какие это были красивые люди! Маленького роста, как пятилетние мальчики, они, видимо, были энергичные и сильные. Их тела, голые, белые до прозрачности, отличались гибкостью, и в то же время были упруги, как резина. Чистые лица, без растительности, говорили за то, что все они мужчины. Теперь слышен был их говор, певучий такой, нисколько не похожий на говор людей Земли.

Сняв с себя белые костюмы, луналиты оделись в яркие цветные набедренники, на плечи они накинули какие-то крылатки, распускающиеся, как крылья, они даже их пробовали, взмахивая ими. Золотистые, как солома, волосы на голове ничем не прикрывались.

Когда все они оделись, крылья летательных машин сомкнулись, и они напоминали в таком виде нечто в роде овального большого яйца. Никем не управляемые, машины поползли к озеру и через минуту скрылись под водой.

Игнашка с Прокошкой едва успели выпрыгнуть из корзины. Корзина была подхвачена двумя луналитами и все они, сверкая яркими набедренниками, распустили свои крылатки-крылья и улетели.

Игнашка с Прокошкой остались на берегу озера и долго смотрели в ту сторону, куда полетели эти маленькие красивые и нарядные люди.

— Ну, Прокошк, у нас с тобой хороши шарики, а у них, брат, дело не хуже нашего: летают.

— Я думаю, полетим и мы — только бы узнать, как это у них и где они живут.

... и долго смотрели в ту сторону,
куда полетели эти маленькие красивые
и нарядные люди

Ничего не оставалось Игнашке с Прокошкой, как пойти в направлении, куда полетели луналиты. Перед ними было два пути: полем чистым и лесом. И в поле и в лесу светились огоньки, указывающие куда-то дороге. Наступила ночь куда темнее земной ночи кругом ничего не видно.

Огоньки в лесу и огоньки в поле не светили, а словно брызгали светом, и свет лежал длинной полосой, как луч прожектора, теряясь где-то далеко-далеко; было немного душно, точно перед грозой, и парило. Хотелось ветерка.

— Я бы сейчас никуда не пошел, — сказал Прокошка. — Давай заночуем вот тут, около озера, а завтра видно будет. Все равно этих леших не догонишь.

— Пойдем.

Ребята сели на траву, на опушке леса, недалеко от озера и собрались было закусить. Есть хотелось страшно, но в их распоряжении ничего не было, кроме шариков.

— И в дурацкий же край мы попали! — рассерженно произнес Игнашка. — Хоть бы где какое жилье.

— Может быть, и есть где, да не видно сейчас — темно. Живут же где-нибудь эти летуны.

Огоньки вдруг погасли, и стала черная темень. Ребята уснули.

Спалось крепко на открытом воздухе. Не то во сне, не то наяву подходил к ним какой-то человек и спрашивал: — Игнашка и Прокошка, куда вы попали? Вернее, это им снилось, потому что, когда они проснулись, около никого не было. Перед глазами открылось чудо. Где они? Вместо голубого неба, что-то вроде стеклянного белого потолка. Он, как сплошное солнце, только не огненное и не красное, а белое, как серебро, раскинулся над ними и поливал все таким светом, что был яркий белый солнечный день.

— Вот так небо! — произнес Прокошка, указывая пальцем вверх. — Его рукой достать можно.

— А смотри, деревья какие! — ахнул Игнашка. — Лопухи на них, а не листья.

Деревья были с розовой корой и с зелеными листьями, похожими на слоновьи уши. Ветерок был очень слабый, и они еле покачивались, тихо звеня, словно металлические. В лесу, в темной густоте, виднелись кусты мелких растений, увешенные цветами всех красок: белые, желтые, синие, голубые, оранжевые, чер-

ные, золотистые и матовые. Попадались цветы больше человеческой головы и цветы меньше булавочной головки, которые светились, как огоньки. Пахло так, что, без привычки, кружилась голова. Но что больше всего поразило ребят — это трава, тонкая, как волос, и такая зеленая, словно она только что выросла. Ею была покрыта вся земля, и земля — не черная, не рыжая, а пепельная, мягкая, как песок. Всюду трава, леса, озера, зеленая, в белом солнце утопающая равнина и много-много птиц. Они пели и кричали всеми голосами, на все лады и были, как цветы: разных цветов и разной величины. Таких птиц ребята никогда не видели: они были красивее попугая, красивее павлинов и ручные, как куры.

Игнашка с Прокошкой так увлеклись виденным, что забыли про свои шарики и стояли видимыми. Птицы ходили около них, садились им на голову и даже, пробовали щипать их за волосы.

Одна, вся красная, большая птица, с черным клювом и зелеными глазами; роста побольше гуся, с золотистым хвостом трубою, подошла к ним вплотную и, с любопытством оглядывая ребят, прямо их удивила.

— Я с Земли! Я с Земли! — человеческим голосом закричала она.

— Слушай ты, голубушка, — обратился тогда к ней Прокошка, — скажи, пожалуйста, где бы нам ваших людей тут найти?

— Я с Земли! Я с Земли! — снова закричала она, ничего не понимая и больше ничего не умея выговорить.

— Брось ты ее к шуту, — сказал Игнашка, заметив нечто вроде яблок. — Пойдем вон яблоки рвать.

Местами росли деревья, имевшие листья, напоминающие белые ленты, и плоды в кулак, цвета апельсина и формы гриба подберезника.

— А ну-ка, рви, Прокошк: это по нашей части.

Прокошка забрался на дерево, сорвал несколько штук плодов и бросил их Игнашке.

— Да-а, вот это яблоки! — с восхищением произнес Игнашка, улепетывая за обе щеки: — Как мед!

— Теперь, друг, не пропаде... — весело, было, начал Прокошка, но оборвался на полуслове и яблоком свалился с дерева. — Игнашка, бегим — медведи!

Лесом, не спеша, шло целое стадо каких-то зверей, очень похожих на медведей, но не медведи. Они были большого роста, с коричневой лохматой шерстью и с хвостами, как у лошади; морды их были круглые, как шар, с глазами, словно горящий уголь. Из маленького рта торчали у всех длинные красные языки.

Старые звери шли спокойно, малыши бегали, резвились, играли. Несмотря на то, что Игнашка с Прокошкой были видны зверям, они прошли к озеру, не обращая на них внимания.

Ребята успокоились. Но конца неожиданностям в это утро не было. Только что они вышли из лесу, видят — издалека, словно камни брошенные, прямо к озеру летят два луналита.

— Прокошка, тсс! — тсыкнул Игнашка, хватая его за руку.

Легли на землю. Шарик в руки. Ползут невидимо на опушку.

Луналиты сели на землю — стали. Хлопая крыльями, к ним подбежала красная птица и радостно закричала:

— Я с Земли! Я с Земли!

— Знаем, знаем, — ласково, языком Игнашки с Прокошкой, ответили луналиты, поглаживая птицу. Больше этих слов они, должно быть, не знали, потому что стали лопотать по-своему. Не боясь зверей, луналиты прошли к озеру. Туда сошлось для питья много зверей, слетелась масса птиц, степью к озеру бежали красивые лошади, рогатые олени, козы и еще какие-то, доселе неизвестные, животные. Озеро было велико, озеро было чисто. Луналиты подошли к берегу, поискали там что-то в траве — и откуда вдруг что взялось: солнце брызжет светло, ярко, вверху ни туч, ни неба, а над лесом, над лугом, над всей степью зеленой хлынул такой дождь, что минуты не прошло, как Игнашка с Прокошкой были мокрые.

— Вот это ловко искупали! — произнес Игнашка, зорко следя за тем, что делали луналиты. А луналиты, пока шел дождь, снимали с себя свои костюмчики — и в озеро.

Купаются, резвятся, играют, как рыбки, и не подозревают того, что Игнашка с Прокошкой замыслили. Ползком, ползком, к берегу, цап одежду луналитов — и в лес.

— Ну, милые, — говорит Игнашка, — теперь вы не улетите. Шалишь. Примеряй-ка, Прокошк, попробуем, полетим мы в их одежде или нет.

— Давай!

Одели. Прыгнули. Руками замахали. Тпрр — не летит дело. Болтаются луналитские юбочки, шелестят, а толку никакого.

— Знаешь что, — предложил тогда Игнашка, — давай их самих сейчас поймаем да расспросим, где они живут и как летают?

— А что же? давай!

Сговорившись о плане наступления, ребята пошли к берегу и стали ждать. Только луналиты из воды, — это были красивые две девочки, — у Игнашки с Прокошкой при виде их руки опустились. Сил не хватило броситься на девочек. Стоят смотрят на них... А те, заметив, что на берегу нет их одежды, залопотали что-то по-своему и заметались...

VIII. Кто кого перехитрил

И не хотели, было, ребята девочек захватить, но обстоятельства заставили. Луналитки если и растерялись первое время, то не потому, что им лететь не на чем, а потому, что случаев еще не было, чтобы на луне кто-нибудь воровством занимался. Их удивила пропажа.

Оправившись, Игнашка с Прокошкой увидели, что луналитки подошли к дереву и... оказалось, хотели позвонить по телефону, чтобы, значит, им прислали летательные юбочки.

Тогда Прокошка говорит Игнашке:

— Как, друг, не финти, а нам их не миновать арестовать.

— Я и сам так думаю — ответил Игнашка. — Эдак они сейчас опять получают крылышки и фьют! — свистнул он, — ищи ветра в поле.

— Так как же?

— Надо действовать. Ты кидайся на одну, я на другую. В охапку обеих и — каля-маля, девочки, где вы тут живете, и все такое.

— Значит, решаем... Только, вот, какую ты схватишь и какую я? Мне вон та с звездовыми глазами нравится, а ты хватай серебристую. Идет?

— Идет.

Только, было, серебристая луналитка хотела что-то в телефон сказать, Игнашка с Прокошкой в своем натуральном виде как выскочат, — да прямо на них. Те так и присели: бери без сопротивления. Даже не крикнули, лишь лица руками закрыли.

— Эх, вы, трусишки! — победоносно сказал им Прокошка. — Не бойтесь нас.

Залопотали обе, а рук от лица не принимают. Дрожат, как в лихорадке.

— Слушайте, девочки, — обратился тогда к ним Игнашка, отводя от их лиц руки. — Мы же вам ничего худого не сделаем. Мы с Земли... Скажите, где вы тут живете?

— Каля, маля, таля, валя — залопотали обе, с ужасом глядя на Игнашку с Прокошкой, которые, по сравнению с маленькими луналитками, были настоящие великаны.

— Ни черта у них не поймешь, что они лопочут... курду, бурду, — шуры, мурлы — попробовал, было, заговорить Прокошка, рассчитывая на то, авось его поймут. Мысль была та, что, дескать, укажите нам путь, где же все-таки ваше жилье.

Игнашка это же самое стал объяснять им руками, а ногами топал о землю и доказывал, что они снизу, с Земли, прилетели на Луну.

— Вы понимаете, мы с Земли, оттуда — указывал он на пол.

— Я с Земли, я с Земли — выговорили обе, как та красная птица.

— Стой, Игнашка, дело идет на лад! Заговорили.

— Мы с Земли! Мы с Земли! — кричали Игнашка с Прокошкой.

Те — опять:

— Я с Земли, я с Земли.

— Брось ты, Прокоша, это дело. Неси лучше. их юбочки, авось они тогда будут поласковой.

Прокошка принес их юбочки. Обрадовались. Ручки протянули.

— Ээ, девочки, это уж дудки, — погрозил он им пальцем. — Вперед покажите, как это на них летают... а уж потом... — и он жестами стал, их спрашивать, как надо обращаться с их юбками, чтобы можно было летать.

Серебристая луналитка, должно быть, поняла, что хочет Прокошка и стала еще настойчивей протягивать ручки: дескать, давай, я покажу.

— А не удерешь? — сказал он ей, указывая рукою вверх.

Засмеялась хитро и замотала своей хорошенькой маленькой головкой.

— Ну, как думаешь, Игнашка: дать ей юбку али нет?

— Дай, только смотри в оба, чтобы того!... не улете-
ла.

Луналитка оправилась от испуга и, видя, что эти невиданные ими доселе существа плохого им ничего не делают, улыбнулась и стала надевать юбочку. Надев ее, она побежала к берегу озера, куда бросился за нею и Прокошка, думая, что она уже удирает. Вот тут-то Прокошка с Игнашкой и догадались, в чем дело, и почему они не сумели летать. Оказывается, юбочки-то луналиток они забрали, а крылышки - аппараты

— Прокошка, держи!

— Игнашка, держи! — крикнул он, барахтаясь ногами в воздухе.

для ног не заметили. Когда серебристая луналитка взяла эти крылышки и подвязала их к своим ногам, то... Игнашка крикнул:

— Прокошка, держи!

Прокошка схватил луналитку за ногу, но та нажала какую-то кнопку в аппарате: крылышки заверещали, юбочка надулась, и Прокошка, держась за ногу луналитки, поднялся кверху.

— Игнашка, держи! — крикнул он, барахтаясь ногами в воздухе. — Тпру! — кричал он на луналитку, держа ее за ногу. — Тпру, говорю, а то оторву ногу!

Луналитка с звездовыми глазами, видя, как Прокошка барахтается в воздухе, от души смеялась. А серебристая луналитка, не обращая внимания на крики Прокошки, поднималась все выше и улетала все дальше.

Тогда Игнашка, видя, что товарища уносит луналитка, быстро накинул на себя юбочку, подвязал к ногам крылья и, к удивлению самого себя, поднялся от земли.

— Стой! — закричал он, пускаясь вдогонку. Летя, он размахивал руками и балансировал ногами и тут же заметил, что, делая так, он дает себе направление, какое ему хочется.

Ага, — подумал он, — так вот, в чем тут дело! Подожди ж ты!

Только было хотел он нападать на лету, в это время оставшаяся внизу луналитка шасть опять к телефону. Игнашка, заметив это, колом на землю и цоп ее в охапку, и с собой кверху. Серебристая луналитка, видя, что ее догоняет Игнашка, стала трясти ногой, чтобы сбросить прицепившегося Прокошку. Тот понял ее маневр и свободной рукой поймал ее за вторую ногу. Стиснул крепко, дескать: шалишь, милая. Луналитка,

потеряв возможность балансировать ногами, не могла уже дать лету желательное направление и полетела тише. А Игнашка все нагонял и нагонял. Близко уже. Поровнялся. Схватил луналитку за руку и все четверо опустились вниз.

— Так вы вот тут какие! — начал Прокошка, обращаясь к серебристой луналитке. — А ну-ка, раздевайся!

...и оба друга взвились над полем

Надев на себя ее юбчонку, он подвязал к ногам крылья, и оба друга взвились над полем. Думалось, что

без их помощи луналитки теперь не обойдутся. Каково же было их удивление, когда звездоокая луналитка как свистнет, так что по полю ветер загулял; глядят ребята: полем чистым на ее свист целое стадо белых коней примчалось. Сели на двух из них луналитки, и все стадо кинулось полем и вскоре скрылось из виду.

— Вот это штучки, — заметил Игнашка.

— Вали, теперь нам не страшно.

Ребята летели низко над степью, решив найти жилие луналитов.

IX. Все-таки добрались до жилья

Летят наши ребята, балуясь по воздуху, а внизу пока только ковер зеленый, озера, леса и никакого жилья — одни звери да птицы бегают. Равнина столь гладкая, что нигде бугорка не видно. На второй день заметили они большой величины памятник в поле. Видят: стоит каменный человек, очень похожий на земного — спустились. На памятнике надпись по-земному; Игнашка с Прокошкой хоть одну зиму, но учились; читают по складам:

Когда луна стала остывать и жизнь на поверхности прекращалась, луналиты гибли и могли бы совсем погибнуть — этот человек-луналит первый подал мысль организовать жизнь внутри луны. Его считали сумасшедшим, ему не верили, что можно жить внутри луны, но прошли века, очень много погибло луналитов, потому что сразу не поверили своему герою, и все-таки жизнь заставила луналитов уйти с поверхности луны в ее нутро и тут организовать красивую, хорошую жизнь.

— Ты, понимаешь, Игнашк, в чем тут дело — то теперь! Луна когда — то, видно, горячая была, как печка, и люди на ней жили, а как, значит, заохлодало на ней, они, значит, и полезли к ней в пузо. А этот, значит, первый дорогу указал.

Памятник был очень большой, из белого металла, очень похожего на серебро. Он представлял вид человека во весь рост, упершегося ногой в лопату, уходящую в землю. Его сильное тело было напряжено: видимо, трудно было работать одному. А вокруг него стояли люди поменьше и вместо того, чтобы помочь ему, — посмеивались.

В этом месте ребят застала темь. Они устали и им хотелось спать.

У ног памятника ребята и уснули.

— Раз есть памятник, значит, где-нибудь и жильё близко — сказал Прокошка. — Давай заночуем тут.

У ног памятника ребята и уснули. Спят.

С трудом добравшись до своих, луналитки рассказали о том, что в их земле появились два великана-чудища, которые чуть-чуть их не погубили. Звездоокая луналитка — звали ее Зелентуя — была дочь знатока всех планет и их жителей, а Линегура была дочь главного распорядителя по охране стеклянного неба. Когда они услышали рассказы своих дочерей, то немедленно дали знать охране, чтобы они приняли меры к отысканию чудовищ и их уничтожению. Не верить своим дочерям старые луналиты не могли, потому что в луне и понятия не имели о неправде; кроме того, знаток всех планет, изучая корзину Прокошки с Игнашкой, на которой они прилетели, тогда же определил, что она упала с другой планеты, разбила тогда им небо, и что теперешние чудища, появившиеся в их луне, того же происхождения, что корзина и проникли в луну в тот момент, когда в стеклянном небе была трещина.

Сообщение было столь серьезно, что все встревожились, и в то же время было любопытно. Линегура сказала, что великаны хоть и очень велики, но не страшны, а даже красивы и, видно, молодые. Подтвердила это и Зелентуя, смягчив тем самым первое сообщение. Решено было поймать великанов живьем, но если бы оказалось, что нужны серьезные меры, то...

Собралось несметное количество войск — охраны неба. Несмотря на то, что луналиты отправлялись на борьбу и, кто знает, может быть, многим из них грозила смерть, они все-таки шли бодро, смело и охотно. Среди луналитов не было трусов — луналиты не знали страха.

Вооружившись маленькими кольцами, войско взвилось кверху и полетело. Зелентуя и Линегура летели впереди охраны неба, указывая путь к тому месту, где они встретили Игнашку с Прокошкой. Летят. А ночь темная — нарочно было приказано свет погасить везде. Летят молча, только крыльями шелестят. Подлетели к озеру, покружились, осмотрели все кругом — нет. Позвонили куда-то, и вдруг все пространство неба красным заревом полыхнуло. Между небом и землей ни одной точки, указывающей на то, что великаны летят. Луналиты понеслись над лесом. Лес обыскали. Нет. Вдарились к памятнику и... закружились над ним пораженные.

У самых ног героя-луналита, на золотых ступенях во весь рост лежали, видимо, Игнашка и Прокошка. Они так крепко спали, что ничего не слышали, что сверху делается.

— Они! — крикнула Зелентуя.

Игнашка проснулся. Приподнял немного голову, слышит — верещат вверху крыльями. А темно. Взглянул вверх — ничего не видно.

— Прокошка, — толкнул он друга, — вставай, брат, дело неладно. Нас должно быть поймать хотят.

— Кто, что? — спросил Прокошка, как следует еще не проснувшись и не понимая, где он.

В это время, словно дождь, посыпались на них кольца. Ребята вскочили. Чувствуют, что их, как паутиной муху, опутывают кольца; они летят на них, распускаются и запутывают, запутывают по рукам и ногам. И спрятаться нельзя — сверху их освещают.

— Игнашка, бери скорей шарики в руки — скомандовал Прокошка.

С большим трудом высвободивши руки, взяли ребята шарики и моментально исчезли из глаз лунали-

тов. Один момент порвали они паутину, освободились и взлетели на воздух.

— Стреляй! — обозлился Игнашка.

Отнятыми когда-то у городских револьверами ребята дали залп и... потому что воздух внутри Луны был несколько иной, чем на Земле, огонь от выстрела дал пламя, гул выстрела громом прокатился под хрустальным небом и с такой силой, словно что обвалилось вблизи. Прокошка с Игнашкой испугались, а луналинты, никогда не видевшие ничего подобного у себя, в безумном страхе попадали замертво.

Игнашка с Прокошкой, оправившись от испуга, спустились вниз и, чтобы обессилить охрану неба, стали у всех у них отбирать кольца. Луналинты лежали, не шевелясь, целое поле. Вдруг Игнашка крикнул:

— Прокошка, вон та девочка, что у озера мы поймали. Иди скорее.

— А у меня другая — ответил ему с другого конца Прокошка.

— Заберем их да летим дальше — предложил Игнашка.

— Идет.

Еле живых от страха захватили ребята Зелентую и Линегуру, — да скорее ввысь.

Птицы стали просыпаться. Пронеслись степью белые лошади, красных птиц стадо прошло; с хрустального неба бледный утренний свет упал. Игнашка с Прокошкой летели быстро, унося с собой луналиток.

Степь как будто начала кончаться. Вдали показался большой сад, выше деревьев выглядывали шпицы, башни и статуи людей.

— Игнашка, — обрадовался Прокошка, — кажись, город.

Затрепетали и луналитки в их руках при виде этого места.

В саду-парке с аллеями вместо улиц, в тени волосатых деревьев с корой всех цветов, стояли, словно игрушки, маленькие беседки, увитые настоящими цветами, отчего беседки казались букетами, брошенными в саду.

Игнашка с Прокошкой спустились неподалеку от города на площадке и сделали совещание, как им вступить в город: вместе с луналитками или одним, видимо или невидимо? После недолгого обсуждения, решено было Зелентую и Линегуру отпустить. Но прежде, чем это сделать, они еще раз попробовали с ними разговориться, думая узнать от них, куда это они попали. Событие у памятника и уже вторая встреча луналиток с нашими ребятами немножко уменьшили страх луналиток. Видя, что Игнашка с Прокошкой плохого им ничего не делают и сами они не только не страшны, а, наоборот, даже красивы — и в самом деле Прокошка с Игнашкой ребята были хоть куда: не курносые, не конопатые, не рыжие — луналитки, разглядев их как следует, приняли их теперь не за чудовищ, а за особые существа вроде богов, о которых они слышали в школе от историка подлунного мира Лунопрозы, передававшего им, что когда-то очень и очень давно предки луналитов жили на поверхности Луны, где теперь хрустальное небо, и верили, что над ним были невидимые существа — боги.

Луналитки знали, что боги это сказка, но при виде живых необычайных людей, как Прокошка с Игнашкой, посылающих огонь, гром и умеющих быть невидимыми, они их приняли теперь за богов. Они стали улыбаться им и, когда Игнашка с Прокошкой заговорили с ними, Линегура достала маленькую книжечку,

и подала ее Игнашке, — ей больше нравился он. Игнашка взял книжечку, повертел ее в руках и положил к себе в карман. Прокошка силился объяснить с Зелентуей, но оба смеялись и ничего друг у друга не понимали. Люди Земли сдружились с людьми Луны. Ребята указали им рукой на город — дескать, идите себе на все четыре стороны. Луналитки ушли пешком и все время оглядывались. В городе еще ничего не знали о случившемся, и в нем было тихо, как на даче ранним утром.

Ребята указали им рукой на город

Х. Тревога среди луналитов

О том, что произошло у белого памятника, стало известно всем луналитам в городе. Охрана неба сообщила, что в их земле появились существа, которым они не могут даже дать названия. Существа эти изрыгают огонь, делаются невидимыми, а когда видимы, они большого роста и в странной одежде. Луналиты удивились и сразу не могли ничего придумать для предотвращения несчастья. Они даже не знали, в чем оно будет заключаться. Многие интересовались характером этих животных. обстоятельное объяснение дал Лунопроз, отец Зелентуи. Когда девочки оставили у города Прокошку с Игнашкой и пришли домой, — их отцы страшно удивились, что дочери, отправившись с охраной неба, вернулись одни. В Луне не бывало случаев, чтобы с серьезного дела луналиты возвращались в одиночестве: или все, или ни одного.

— Что случилось? — вскрикнул Лунопроз, увидя дочь. То же самое произошло в доме Линегуры. Девочки рассказали отцам, что произошло у белого столба, как всю охрану неба осветил огонь, как раздался оглушительный гром и разгневанные существа пропали.

— Так это боги! — вскрикнул Лунопроз, выслушав свою дочь. Он немедленно дал знать отцу Линегуры, начальнику охраны неба Светловицу, чтобы тот немедленно прилетел к нему вместе с дочерью.

— Каковы они из себя? — спрашивал Светловиц свою дочь.

Линегура рассказала, какой вид имели Прокошка и Игнашка, и добавила, что, если, должно быть, не раздражать новых животных — они добрые.

— Это боги! боги! — уже более уверенно сказал Лунопроз, когда они сошлись все вместе. — Где вы их оставили?

— Они в тридцати пяти вздохах от города, — ответила Линегура. — Когда мы уходили, они нам улыбались.

— А где охрана неба? — спросил Светловил. — Она погибла? Не послать ли нам машину Воскресения?

Не успели девочки дать разъяснение, как в город влетел отряд охраны неба. Молодой луналит Машинопрос доложил о том, что всему внутрилунному миру грозит опасность.

— Что-то небывалое, необъяснимое появилось у нас, — сказал он. — Надо немедленно оповестить всю Луну, чтобы принять меры к охране.

— Это боги, боги, — шептал Лунопроз, все больше и больше убеждаясь из рассказа участников охраны неба.

— Не выставить ли нам против них машину Смерти? — предложил Светловил.

— Бесполезно, — сказал Лунопроз, — боги, как и мы, бессмертны. Слышишь, они даже невидимы.

— Я предлагаю не волноваться, — вмешалась Линегура. — Разрешите мне с Зелентуей переговорить с богами, чтобы они не гневались на нас. Как жаль только, что мы не знаем языка богов.

— Я знаю, — выступил Машинопрос. — Твой отец когда-то учил меня языку земной птицы, что поет: «я с Земли, я с Земли»; язык новых животных-богов напоминает мне язык древнейших наших предков-луналитов, когда они жили еще на поверхности Луны. И если это, в самом деле, земные боги, мы с ними сговоримся.

— Я помогу вам в этом, — сказал Лунопроз, хорошо знавший все языки.

— Оповещать ли Луну о том, что у нас происходит? — спросил Светловил.

— Не надо. Идемте навстречу богам.

Игнашка с Прокошкой сидели у куста черных роз и думали о земле.

— Что ж нам теперь делать? — задал вопрос Игнашка.

— Что делать? Разузнать толком, как мы попали сюда и махнуть на ихних крыльях обратно на землю. Как ни хорошо на небе (Прокошке думалось, что они попали на небо), а на земле куда веселей. — Он сорвал лепесток черной розы и нюхнул.

— Вот это пахнет... — удивился он, поднося листок к носу Игнашки. — На-ка, нюхни! — Тот нюхнул, и обоим вдруг сильно захотелось спать. Вот хочется спать, да и только. Так и слипаются глаза, словно ночью. Оба сразу это заметили и удивились. Игнашка сказал:

— Это не сонная ли роза?

Прокошка ничего не ответил: он уже спил. Немного погодя крепко уснул и Игнашка.

Немного погода уснул и Игнашка.

В это время к ним тихо, подошли Линегура, Лунопроз, Светловил, Зелентуя и Машинопрос. Кружась, как птицы, носился над ними отряд охраны неба. Рассыпалось лучами белое солнце, пели птицы, кричали звери, пахла земля травой, душили все цветы.

Молодой Машинопрос, увидя Игнашку с Прокошкой спящими, хотел было броситься на них. Его остановил старик Лунопроз.

— Не тронь, — это боги! Только боги могут заснуть от черных роз. Какое сходство их лиц с тем, что написано в книге мудрости. Теперь я не сомневаюсь, что это боги!

— Не надо нам богов! — вскричал Машинопрос. — В Машину Смерти их! Я знаю по книге мудрости, что там, где были боги, много несчастья. Наши предки насилу избавились от богов.

— Молодой Машинопрос! — спокойно заметил ему Светловил. — Нам никакие боги не страшны. Мы бессмертны. Я предлагаю перенести их в наш Край Радости и, когда они проснутся, спросить у них, как они к нам попали и зачем.

— Какие они красивые! — шепнула Линегура Зелентуе.

Игнашку с Прокошкой, с большими предосторожностями, луналиты взяли на руки и перенесли в Край Радости; Лунопроз объяснял, что, раз боги уснули от черных роз, теперь они уже безвредны.

Положив Прокошку с Игнашкой в зал отдыха, луналиты улетели, не приставив даже стражи. Край Радости был просто остров, окруженный кольцом прозрачной реки, с большим озером посередине. На ленте земли росли деревья с зонтообразными листьями, на которых смело бы мог уместиться автомобиль с шофером. Были деревья с бисерными листьями, деревья в

...Вылезая из воды, стояла черная фигура человека с венком на голове.

ленточку, деревья, как зеленые волосы, лопухообразные с узорчатými стволами, деревья, словно искусственно раскрашенные художником. Что был за лесник, их насадивший! Они были и маленькие и большие, но одинаково свежие, точно только что овесененные. Над островом висело хрустальное небо, сквозь которое, было видно надлунное небо, голубое, с облаками и солнцем. Солнце посылало тепло... Озеро шумело крыльями водяной птицы, кричало голосами. А на середине озера, вылезая из воды, стояла черная фигура человека с венком на голове. Фигура была столь велика, что касалась головой хрустального неба и точно его поддерживала.

Когда Игнашка с Прокошкой проснулись, они были страшно удивлены перемене места. В зале отдыха никого, кроме них, не было. Ребята сразу догадались, что с ними, благодаря запаху черных роз, что-то случилось. Первою их мыслью было: целы ли шарики. Целы. Оба обрадовались. Но крылья луналиты у них отобрали. Они вышли из зала отдыха. Незнакомая красивая местность: озеро, гроты, беседки, скалы, много статуй известных луналитов, цветы, солнце.

Игнашка не вытерпел.

— Как здесь хорошо!

В лесу гуляло много зверей, на озере купалась птица.

Оставив Прокошку с Игнашкой в Краю Радости, Лунопроз предложил луналитам сообщить о появлении богов в Луне всему внутрилунному миру. Это событие он считал чрезвычайно важным. Из Края Радости он отправился на Скалу Науки и в хранилище книг достал одну, очень ветхую, и стал читать. В книге было сказано, что когда-то не в Луне, а на Луне жили люди, кото-

рые стремились стать богами, но погибли вследствие остывания Луны. Люди того времени (по описанию в книге) были очень похожи на Игнашку с Прокошкой (так думалось Лунопрозу) и тут же было примечание в книге, что такие существа есть еще на Земле, которая отстоит от Луны на расстояние 51800 миль. Язык людей Земли очень похож на язык красной птицы с напевом: «я с Земли, я с Земли».

До сих пор с Луны еще никто не сваливался на Землю, но ученые Луны знали, что на Земле делается. Была даже попытка отправить на Землю экспедицию, для чего имелся особо устроенный аппарат, но путь был настолько неизвестен, что луналиты от этой попытки до поры до времени отказались.

Когда же появились в Луне Прокошка с Игнашкой, Лунопроз заметил, что боги земли помогут изучить путь, лежащий между Луной и Землей.

— Лунопроз, — сказали ему луналиты. — Боги ли это? Поверхность нашей Луны изучена плохо и, может быть, те, кого ты принимаешь за богов Земли, есть наши предки, сохранившиеся на каком-нибудь неведомом клочке Луны.

Тогда выступил вперед престарелый луналит, знаток всех планет, и сказал:

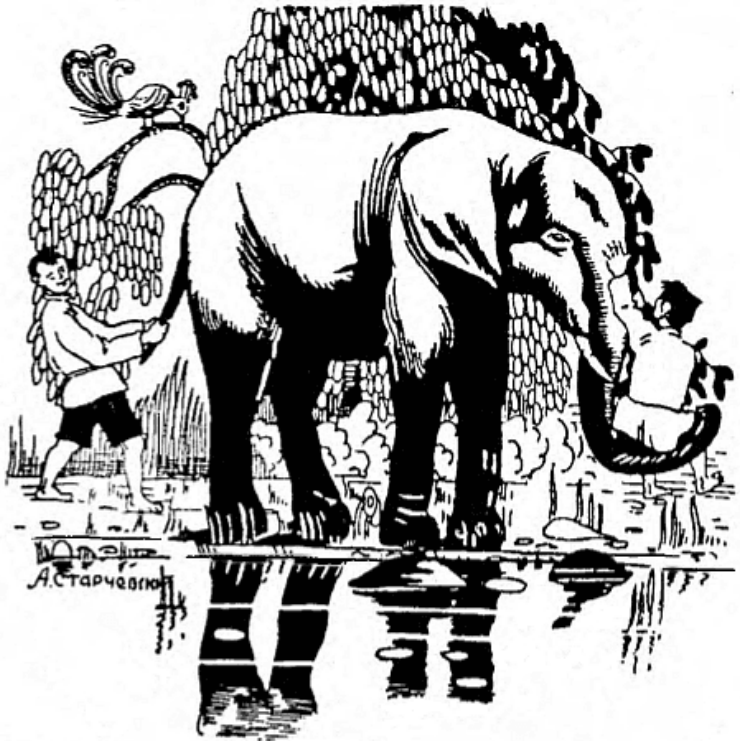
— Луналиты. Я боялся, преждевременно сообщить вам о том, что недавно видел я в зеркале Вселенной. Незадолго, как треснуло наше небо, мы лежали в долине Вулканов. По точкам на живой пластинке мы заметили, что на одной из планет что-то происходит. Мы поглядели в зеркало Вселенной и заметили, что на одном участке Земли какое-то странное движение, потом оттуда отделилась точка и полетела прямо по направлению к нашей Луне. Вихри звезд помешали дальнейшему наблюдению, точка потерялась из виду, и мы

подумали, что она погибла. Но время падения точки с Земли и треска нашего неба подтверждают мысль, что виденная нами точка есть не что иное, как отлет с Земли богов, которые добрались до нас благополучно. Нам остается теперь только переговорить с ними и спросить, так ли это?

ХІ. Объяснились

Над Краем Радости раздалась вдруг неслыханная музыка колокольчиков. Казалось — звонили трава, вода, цветы и деревья. Птицы, звери — все пришло в неопишумую радость: птицы радостно хлопали крыльями, звери, играя, забегали друг за другом. Прокошка с Игнашкой удивились. Они сидели на берегу озера и играли с маленьким смешным слоном.

...сидели на берегу озера и играли с маленьким смешным слоном.

И вдруг они заметили, что со всех сторон летят на них луналиты. Как ни привыкли к ним Игнашка с Прокошкой, но хорошего от них уже не ждали. Они моментально взяли в руки шарики и стали невидимы. Луналиты опустились на берегу озера и стали оживленно о чем-то разговаривать. Вдали показалась еще одна группа луналитов: это были Лунопроз, Светловил, Линегура, Зелентуя и Машинопрос. Их окружал отряд охраны неба. При виде их все луналиты издали радостный крик; из озера вынырнули блестящие большие рыбы — это был странный оркестр музыкантов, который заиграл марш луналитов: «Лунный секрет». Луналиты сорвались с берега и стройными лентами закружились вокруг черной статуи.

Лунопроз и компания подошли к залу Отдыха. По знаку Светловила все стихло. Голова черной статуи заговорила:

— Луналиты! Мы слетелись сюда для того, чтобы увидеть сейчас гостей с Земли. В зале Отдыха спят земные боги, неизвестно как и зачем к нам попавшие. Знаток языка земных богов Лунопроз будет с ними сейчас разговаривать и передаст нам все.

Лунопроз, Линегура и Светловил вошли в зал Отдыха... Никого!..

— Земные боги! — крикнул на ломаном земном языке Лунопроз.

Игнашка с Прокошкой, стоявшие тут же, услышав родную речь, обрадовались.

— Слышь, Игнашк, по-нашенски заговорили. Не миновать — с нашей улицы кто-нибудь есть.

— Молчи! Они нас за каких-то богов принимают. Все это, кажись, из-за нас затеяли.

— Боги, появьтесь! — крикнул опять Лунопроз. — Мы пришли, чтобы поговорить с вами.

— Боги! — вскрикнул Лунопроз, простирая к ним руки

— Прокошка, не показывайся! — сказал Игнашка. — Не верю я им. Отнимут они у нас шарики — пропадем.

Почти рядом с ними стояли Линегура и Зелентуя. Светловил разговаривал с Машинопросом. Лунопроз ждал ответа от Игнашки и Прокошки.

— Боги, должно быть, напильсь снова запаха черной розы и спят, — насмешливо сказал Машинопрос. — Линегура, пока твой отец будет будить чудаков Земли, пойдем в грот Вздохов...

— А, может быть, они трусы и сбежали.

Игнашка толкнул в бок Прокошку:

— Слышишь, что говорит. Давай покажемся. А в случае чего — стреляй и тикай!

Словно туман рассеялся перед глазами луналитов. Прокошка с Игнашкой подошли к Лунопрозу и спрятали шарики. Луналиты, не веря своим глазам, закрыли их руками, потом снова открыли.

— Вот мы! — раздались голоса Прокошки и Игнашки.

— Боги!! — вскрикнул Лунопроз, простирая к ним руки.

Линегура взяла за руку Игнашку, Зелентуя — Прокошку, и все вместе вышли из зала Отдыха. Луналиты на озере пришли в движение, и огласили Край Радости громкими криками не то испуга, не то удивления. Перед ними были новые существа: больше их ростом, с цветущими розовыми лицами, и в одежде, не похожей на ихнюю.

Поняв с трудом, что говорил Лунопроз, Игнашка с Прокошкой ответили ему, что они вовсе не боги, а дети портного и бондаря, попали в Луну случайно и с удовольствием бы вернулись на Землю. Лунопроз, истинного смысла их ответа тоже не понял и перевел его луналитам так: боги-мальчики с удовольствием попали в Луну и вернутся на Землю только тогда, когда ознакомятся с жизнью луналитов, о которой на Земле никто не имеет представления. Луналиты хором сказали, чтобы и мальчики рассказали им, как живут люди на Земле и как можно пробраться туда луналитам.

— Этот день мы должны ознаменовать празднеством, — предложил Лунопроз. — Прошли — миллионы лет, как Луна и Земля живут в соседстве, а первый раз мы видим у себя дорогих гостей с Земли. Этот день послужит залогом того, что пробьет час, когда жители

всех планет объединятся и узнают все, что еще не известно луналитам.

Воздух огласился криками восторга: рыбы в озере заиграли марш, зазвенела трава колокольчиками, захлопали птицы крыльями. Луналиты поднялись на воздух. Тогда Машинопрос спросил у Прокошки — почему они не умеют летать?

— Машинопрос, что ты спрашиваешь? Если бы боги не умели летать, они бы к нам не попали.

— Это верно.

Светловил шепнул что-то Машинопросу, и тот взвился на воздух. Вскоре он вернулся с целым флотом летательных машин, которые, сами опустившись на берегу озера, раскинулись и образовали нечто похожее на столы. Прокошка с Игнашкой удивились.

— Это еще что! — сказал Лунопроз, заметив их удивление. — У нас еще и не то есть.

Прокошка с Игнашкой осмелели.

— Луналиты! — сказал Прокошка. — Нас вызвали сейчас с Земли. Мы на минутку отлучимся поговорить с Землей. Игнашка, возьми шарики в руки, пойдём потолкуем.

Оба пропали. Луналиты прониклись еще большим уважением. Даже смелый Машинопрос сказал:

— Да, это боги.

— Не раздражай их, — шепнул старик Лунопроз.

Отойдя в сторону от пиршества, Прокошка сказал Игнашке:

— Знаешь что, друг. Хорошо у них здесь. Дюже хорошо! А давай им предложим улететь с нами на Землю. Иначе мы не удерем.

— Идет!

Пир кончился. Лунопроз, Линегура, Зелентуя и Машинопрос остались одни в Краю Радости. Линегура подала мысль, чтобы Игнашка с Прокошкой выучились их языку. Эта мысль понравилась Лунопрозу, и он предложил им залететь в самую лучшую школу луналитов. Прокошка с Игнашкой согласились. Линегура и Зелентуя взялись сопровождать их и давать на все объяснения, когда они выучатся. Были поданы самые лучшие крылья, и они поднялись высоко над Краем Радости.

... и они поднялись высоко над Краем Радости

Школа была недалеко: через степь, лес и озеро. Это был парк, полный зверья, птиц и животных. Тут же бегали луналитские ребятишки и учителя-взрослые.

Язык луналитов был язык всего живущего в Луне: они понимали, как говорит слон, птица, рыба, деревья и ветер. Обучение языку было несложно, и Прокошка с Игнашкой быстро все усвоили.

Под руководством Линегуры и Зелентуи они овладели знаниями и однажды на луналитском языке сказали Лунопрозу и Машинопросу, что они желают погулять по Луне вместе с Линегурой и Зелентуей. Он дал справочник ребятам, и все четверо отправились осматривать лунную жизнь.

Дорогой Линегура спрашивала Игнашку о жизни на Земле. Игнашка, не будь дураком, расписывал ее, как мог. Прокошка поддакивал. Главное, они напирали на то, что на Земле есть злые и добрые люди.

— В момент нашего отлета к вам у нас, на Земле, была битва солдат с рабочими, — сказал Игнашка.

— Как это интересно! — заметила Линегура. — Там люди бьются с людьми, а мы это знаем только из истории, когда наши предки делали то же самое. Мы боремся теперь только с нашим небом. Это враг сильный, но бесчувственный: как его не побеждай, он не крикнет. И мы до сих пор не знаем — не то победили небо, не то нет.

Линегура была старше Прокошки и Игнашки. Она рассуждала, как взрослая; к тому же луналиты отличались остротой ума, почему Прокошка с Игнашкой ничего не поняли из ее рассуждения. Но все-таки ребята, попав в Луну, возмужали, и уже земного ребячества осталось в них мало.

Понемногу они поняли, что жизнь в Луне — штука неплохая. Прокошка даже задал вопрос, работает у них

кто на Луне, или все само делается.

Линегура и Зелентуя рассмеялись. Очень уж смешным показалось им слово «работает». Они даже нараспев повторили его:

— «Ра-бо-та-ет»!

— Не понимаете? — спросил Игнашка. — У нас, на Земле, дюже работают... только не все.

Они летели над безводным простором лесистой местности. Вдали были видны черные горы, отвесные скалы. Местность была суровая, угрюмая, неприветливая. Горы подходили под самое хрустальное небо. Слышен был грохот падающей воды и шум сильного ветра. Всех обдавало леденящим холодом.

— Мы влетаем в Край Жизни, — сказала Зелентуя. — Тут наша Лунаталия соединяется с небом, которое мы заставили давать нам ветер, воздух и воду.

ХII. В Краю Жизни

Когда Игнашка с Прокошкой, а с ними Линегура и Зеленита^{*)}, подлетели к суровым горам, это были не просто горы, а грандиозные сооружения из черного гранита, сплошной стеной упирающиеся в хрустальное небо и пропадающие глубоко в земле Луны. Слышно, как где-то работали машины, свистел ветер за стеной, падала с грохотом вода, так что сотрясались стены. Пока не было видно ни работающих, ни завода, ни машин. Угрюмая гора тянулась очень далеко; у подножья не было ни дерева, ни травки, ни воды — сплошной гранит.

Линегура объясняла:

— Вы видите, как здесь все нерадостно. Мы находимся в Краю Жизни. В угрюмой стене проложены трубы и по ним с верху Луны бежит к нам наша жизнь — вода и воздух. Воздух на поверхности Луны холодный, мы его называем мертвым, но, проходя через трубы, он согревается и дает жизнь нашим лесам, цветам и травам. То же с водой; внутри Луны нет воды: наша почва — пепел, гранит и шлак, нет воды и на поверхности Луны — там лед толщиной в пять верст. Тысячи лет наши машины жуют этот лед, жеванный отправляют его в трубы, там он плавится и водою наполняет наши реки и озера. Мы сейчас пройдем в машинное отделение: давайте взлетим вон на тот выступ в стене!

Все четверо высоко взвились и опустились на площадке. В стене была видна дверь. Линегура нажала кнопку, и перед ними открылся темный холодный туннель; осветился. Шли долго.

**) Почему-то с этого номера Зелентуя была «переименована» в Зелениту. (Прим.ред.)*

В середине гранитной стены, во всю длину, роскошный черный зал, весь уставленный чудовищными машинами, но такими, у которых не было ни колес, ни ремней, ни котлов, ни винтов; они походили скорее на колоссальной величины футляры, от которых к потолку проходили трубы диаметром, что мог бы поместиться двадцатиэтажный дом. Около машин никого не было.

Линегура подходила к каждой машине и давала объяснения. Прокошка с Игнашкой были не инженеры, не ученые, а дети — и то поразились тому, что услышали. Оказалось, что в Луне руками луналитов ничего не делалось — все машинами.

И машин этих было совсем немного: машина рек и озер, машина воздуха, машина тепла, машина света, Машина воскресения и смерти и машина всех машин, приводящая в движение все машины — стоящие, летающие и плавающие, где бы и на каком расстоянии они ни находились. Эта машина вырабатывала эфироветросил и им же приводилась в движение, двигая и управляя всеми машинами.

— Наши машины вечны, — сказала Зеленита. — Они могут погибнуть только тогда, когда обвалится наше небо. Небо у нас искусственное, созданное нами. Его строили наши предки тысячи лет. Оно тонко и прозрачно. Его прочность такова, что, если бы земная планета упала на Луну в том месте, где наше небо — оно бы выдержало. Но... ученые наши говорят, что есть в мире состав, крупинка которого если упадет на наше хрустальное небо, оно лопнет. Недавно был такой случай: что-то упало нам на Луну, небо наше треснуло, мы думали, что все погибло. Так, в Луне, мы, луналиты, если не захотим умирать, можем жить вечно, но... если небо провалится, мы все можем погибнуть.

— А что, до вашего неба подняться можно? — полюбопытствовал Игнашка, догадываясь, что небо луналитов треснуло недавно, благодаря их шарикам.

— Оно не высоко, — отвечала Линегура, — но дотрагиваться до него нам не позволяют, это единственно, что запрещено законом делать луналитам. Ведь наше небо особое. В нем нет солнца. Солнце выше, оно только посылает свои лучи нам, но они замерзают на поверхности Луны, и если бы не хрусталь нашего неба, делающий лучи теплыми и более яркими, чем они есть, жить в Луне нельзя было бы. А когда-то луналиты в Луне жили при холодном солнце, но это было давно-давно, тогда еще луналиты, все себе руками делали и машины были простые.

— Но, а вот как же вы попадете на поверхность Луны, если бы вам понадобилось? — снова задал вопрос Игнашка. Очень уж ему хотелось знать, как до ихнего неба добраться, чтобы, в случае чего, ахнуть его шариком да и удрать на Землю.

— Это очень просто: на озере Вдохновения у нас есть машины, которыми распоряжается охрана неба; машины эти поднимаются очень высоко, а в небе есть специальные люки; машины с силой ударяются в люк и вылетают на поверхность Луны, так же и обратно. Вот скоро у нас будет день «Победы» — празднество, тогда отряд охраны неба вместе с нашими учеными вылетает на поверхность Луны и пробует разговаривать с другими планетами; тогда вы можете полететь с ними. Просите вот Зелениту: ее отец Светловил — начальник охраны неба.

— Я поговорю с отцом, но вряд ли он согласится один взять наших гостей с собою: по нашим законам подниматься на небо имеют право только очень заслуженные луналиты или те, кто своим посещением

могут принести пользу. Я скажу ему, а сейчас предложу всем пройти на Водовоздушный выпускатель...

Клокочет вода в гранитном бассейне: одна пена, одно кипение, словно под бассейном печка, кипящая воду; она шумит, крутится, бешено кидается кверху, дождем рассыпается вокруг и паром висит далеко над черным гранитом.

— Под дном этого бассейна проходят трубы, в которые жевательные машины льда отправляют в наши реки и озера воду — объясняла Линегура.

Вблизи был слышен такой шум, что, если бы гудел гудок или звонили в колокола, все равно бы их не было слышно. Линегура объясняла тут говорителем, пристроенным в колонке у бассейна. Он говорил:

— Шум, который поразил наших гостей (это Игнашку с Прокошкой), происходит в долине Ветра. Сила искусственного ветра так велика, что, если бы у жерла рассеивателей ветра поставить гору, ее бы сдуло, как перо. Этот ветер помогает нашим машинам в вечном движении и разносит по всему подлунному миру известия. Хотите, — Линегура сейчас скажет отсюда ветру, чтобы он передал ее отцу, где вы находитесь, и тотчас же получите ответ. А расстояние, где находится ее отец, от этого места очень далеко.

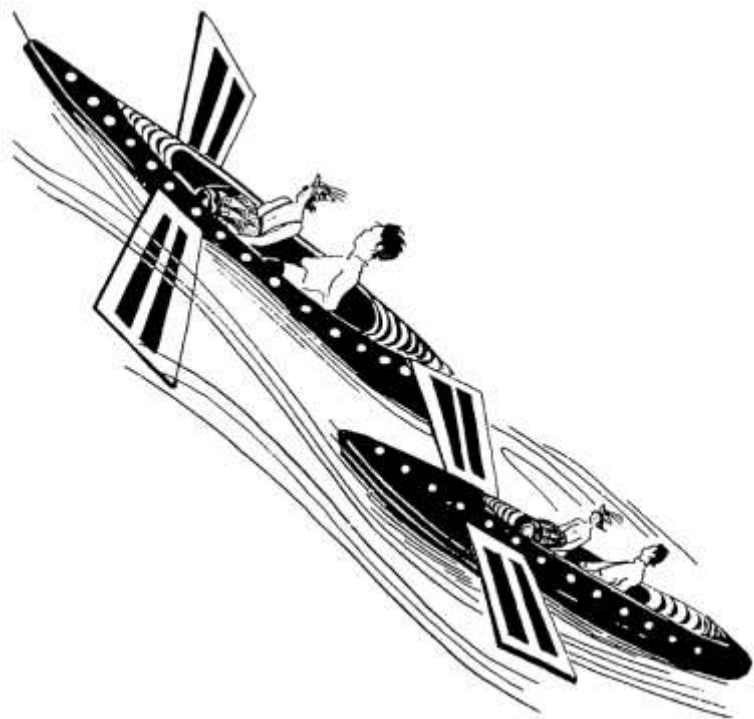
И Линегура сказала:

— Отец, мы находимся сейчас в долине Ветра, наши гости очень любознательны. Отсюда мы думаем пробраться в туннель, что идет долиной ветра.

И, словно в самом ветре, все услышали:

— Я рад, что гости довольны нашей жизнью, передай им мой привет, осмотрите все и возвращайтесь к часу известий.

Прокошка с Игнашкой были поражены.

По винтовой лестнице, очень похожей на стеклянную, выгнутую коленом трубу, в которой мог бы проехать поезд, они прошли в туннель долины ветра.

В стенки трубы они видели, как летел долиной голубоватый ветер. Шли наши герои долго: поворачивали, поднимались вверх, пока не уперлись в какую-то стену.

— Тут заслон люка неба — сообщила Линегура — мы почти под самым небом.

Она нажала в стене кнопку и все вышли на площадку. Сквозь хрустальное небо глядели в Луну блестящую.

ки звезд. Было темно, тихо и, должно быть, очень высоко. Зеленина сказала:

— Скоро настанет час Вестей Вселенной. Я предлагаю отправиться в Край Радости. Сегодня должны быть очень интересные новости. Наши ученые говорят, что на Земле что-то происходит страшное.

— Слышишь, — толкнул Прокошка Игнашку. — Земля пропадет. Надо скорее пробраться туда. Идемте, девочки, скорее на час Вестей Вселенной.

— Эх, надо их уговорить — улететь с нами на землю — вздохнувши, сказал Игнашка. — Надоело мне у них что-то. Живут, как птицы, в клетке — скучно.

Все четверо сели в сигарообразные лодки и поплыли в воздухе, улетая вниз.

Спустились вниз вовремя. Уже все были в сборе. Лунопроз сообщал, что на планете «Земля», после того, как оттуда незадолго до этого отлетели точки, что были, по их предположению, боги в лице Игнашки с Прокошкой, происходит что-то невероятное. Земля шатается, кора лопается и взрывается. Что точно происходит на Земле, мы не знаем, но влияние происходящего на Земле вредно отражается на Луне. Необходимо принять какие-нибудь меры.

Тогда попросил себе слова Машинопрос:

— Луналиты, — обратился он ко всем, — среди нас гости Земли, пусть они нам расскажут, что у них там делается.

— Мы вам расскажем все, что знаем — сказал Прокошка, — но покажите нам сначала Землю в Зеркало Вселенной.

Машинопросу дано было знать, чтобы он послал за машиной. Не прошло и пяти вздохов, как машина Зеркало Вселенной, управляемая эфироветросилом, опу-

стилась в Краю Радости. Это была груда труб; они сами раскинулись и поднялись до самого неба, верхним концом уставившись в него, как глазом. В середине главной трубы, как сук в дереве, торчала маленькая с стеклом, направленным в небо: она передавала то, что фотографировала главная труба.

Прокошка с Игнашкой так и впились глазами в луналитское небо. Лунопроз объяснял:

— Земля погружена во мрак. По ней ходят туманы и мешают разглядеть то, что там происходит. Даже когда туманы рассеиваются, мы видим там только точки. Мы догадываемся, что эти точки — люди, и в то же время сомневаемся — люди ли это? Мы замечаем, что они уничтожают друг друга. Хотелось бы иметь подтверждение от наших гостей наших предположений на основании наблюдений Земли в Зеркало Вселенной.

Все луналиты обратили свои взоры на Игнашку и Прокошку, а те, ничего не слыша, стояли, словно зачарованные, и глаз не спускали с неба. Чего не видели луналиты, то ясно видно было им. Они давно заметили, что, с появлением у них шариков, их обоняние, осязание, зрение и слух совсем стали иными. В них была какая-то чудодейственная сила, перерождающая человека. Они, конечно, об этом луналитам не сказали, но, глядя в Зеркало Вселенной, они видели отражение Земли на хрустальном небе таким, как есть Земля на самом деле.

На Земле в это время была ночь. Виднелись освещенные города, реки, моря, пустыни и горы. Многому Игнашка с Прокошкой не могли даже дать название. Когда они увидели свой город, их радости не было предела.

— Игнашка, вон наша улица, гляди! — закричал по детски Прокошка. Должно быть, время было на земле

не позднее: по улице шли люди, ехали извозчики и еще не спали ребяташки.

— И чего они так перепугались, — сказал Прокошка, — ничего страшного на земле нет.

Но Игнашка, как немного старше и более осмысленный парень, заметил:

— А ну-ка посмотри вон туда — указал он на один участок Земли, — что там такое? Гляди, гляди — война.

На хрустальном небе Земля шаталась. На глазах Прокошки с Игнашкой пропадали города, корабли тоннули в бушевавших волнах, облаками дыма застилала война лицо Земли и, когда дым рассеивался, были видны выжженные места. В момент самой ожесточенной битвы, когда на одном куске земли, казалось, сошлись люди всей Земли — так их было много — на хрустальном небе луналитов показалось пламя, сама Луна потряслась в своем основании, и из грудей луналитов вырвался крик ужаса.

— Боги, боги Земли, скажите, что у вас происходит?!

Перепуганные не меньше их Прокошка с Игнашкой ответили:

— На Земле идет война. Люди убивают друг друга.

— Что это такое война? — вскричал Машинопрос, подбегая к нашим ребятам: — Говорите!

Он был возмущен. Ему почему-то казалось, что виной всему появившиеся в Луне Прокошка и Игнашка. Он их недолюбливал и с удовольствием уничтожил бы их машиной смерти.

Ребята давно заметили недружелюбное к себе отношение Машинопроса, но, зная, что он ведает всеми машинами, не хотели с ним затеваться. На его вспыльчивый выкрик Прокошка спокойно ответил:

— Война — это убийство.

— Это то же самое, что у нас машина смерти?

— Мы этого не знаем, — с наивностью ответил за Прокошку Игнашка. — Но на войне страшно. Хотите мы вам покажем, что делают на войне. Ну-ка, Прокошка, доставай револьверы.

На глазах у омертвевших луналитов ребята разом выстрелили в воздух и сразу исчезли из глаз, взяв в руки шарики.

Разом выстрелили в воздух и сразу исчезли из глаз

— Машинопрос, — невидимо крикнул Игнашка, — если мы не улетим на Землю, Луна ваша может погибнуть.

— Боги, боги, — вскричал Лунопроз, а с ним вместе и все луналиты, — давайте спасать землю вместе.

— Машинопрос — строго обратился к нему Светловил, заметивший, что Прокошка с Игнашкой обиделись на его дерзость. — В каком положении машины, изобретенные специально для отправки экспедиции на землю?

— Машины все готовы, — более сдержано и все-таки гордо ответил он. — Мы ждем праздника «Победы», чтобы обо всем доложить луналитам и назначить время отлета на Землю.

— Сколько вам времени потребуется для того, чтобы свалиться с Луны на Землю? — задала вопрос Линегура.

— Мы упадем быстрее воды, падающей в наши реки. Мы доберемся до Земли в пять лет и столько же нам надо на обратный путь.

— Приняты ли меры, чтобы связь Луны с экспедицией не прекращалась ни на одну минуту?

— Движение новых машин, управление ими и спуск на Землю, — сосредоточен у нас в Краю Жизни в машине всех машин. Дорога воздушных волн нами исследована до границы притяжения к Земле, а там мы не знаем, что будет.

— Луналиты, — раздался голос ветра, — кто хочет навеки создать себе славу и отправиться на Землю?

— Я, — первым вызвался Машинопрос.

— И я, и я, и я — раздались со всех сторон голоса.

Были назначены Машинопрос, Линегура, Светловил, Зеленита, Лунопроз, часть отряда охраны неба, ученые и все машины, необходимые в экспедиции, в том числе машина Смерти и Воскресения. Днем отправки назначили день праздника «Победы».

ХIII. Полет на Землю

До праздника Победы оставалось немного, но настроение у луналитов было тревожное. Ученые и Прокошка с Игнашкой не отходили от Зеркала Вселенной и все смотрели и изучали события на Земле. Каждый день приносил все новые и новые вести с Земли. Под влиянием сообщений, луналиты рвались поскорее отправиться на Землю. Хотелось посмотреть вблизи, что там делается; к тому же на Луне становилось небезопасно. На Земле воевали так, что Луна шаталась, трещало хрустальное небо, и в Луну проникал земной воздух, отравленный газами (это открытие сделали ученые Луны). Для луналитов отравленный воздух был безвреден, но небо их начинало от этого ржаветь и давать трещины. В машинах, улавливающих шум вселенной, отмечалось большое потрясение Земли, она становилась все менее восприимчивой к лунному свету, отчего внутри Луны становилось душно. Все говорило за то, что нельзя медлить с отправкой экспедиции на Землю. Все ждали с нетерпением праздника Победы.

Что же происходило на Земле?

Прокошка с Игнашкой улетели на Луну в тот момент, когда рабочие с оружием в руках восстали против своих угнетателей.

Ученый химик, изобретший красные шарики, возмущенный тем, что полиция хотела его арестовать, а может быть, и отнять шарики, — всей душой перешел на сторону рабочих.

Он принадлежал к тем ученым, которые долгое время жили среди бедняков и даже хотел из глины сделать золото, чтобы обогатить рабочих. Он никак не мог предполагать, что единственный способ осуще-

ствить на земле равную для всех жизнь, сделав ее здоровой и красивой — это восстать с оружием в руках против богачей, царей и хитрых людей, живущих за счет бедных. Он думал, что и эти люди ничего не будут иметь против, если всем бедным будет хорошо.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что богачи, цари и хитрые люди стали сопротивляться и тоже с оружием в руках выступили против рабочих и бедняков.

Началась кровопролитная война богачей с бедняками. Но у богачей было все: и деньги, и оружие, и наука — и им, за деньги, служили ученые и даже сами бедняки...

У рабочих же была только организованность и вера в правоту своего дела.

Силы были неравны.

Озлобленные богачи расправлялись с бедняками жестоко: они их топили, морили голодом, сводили с ума, напускали на них болезни, ослепляли, глушили, отравляли газами, а один ученый изобрел даже средство заставлять бедняков убивать самих себя. Бедняков ничто не спасало от смерти — ни глубокие недра земли, ни дно моря, ни высота: они гибли на земле, как мухи на блюде.

Видя такое гибельное дело, ученый химик, прикnuв к рабочим, решил помочь им, но... как? Сначала он хотел сделать для всех бедняков невидимки-шарики, чтобы они, скрывшись из виду, пробрались к неприятелю и сразу его захватили. Но эту мысль пришлось бросить, ибо — сколько же надо времени чтобы наделать шариков для всех бедняков и рабочих — ведь их миллионы?..

И вот пришла ученому безумная мысль обратиться за содействием к богу. Ученый он был хоть и ученый,

но верующий. В его понимании бог был не такой, каким он представлялся людям неученым, который где-то сидит и ничего не делает, а бог-механик. Ученому химику казалось, что весь мир не что иное, как большая машина, все планеты — части машины, и что бог это механик-изобретатель, которому успеет только за машиной усмотреть, — где уж тут за такими маленькими винтиками, как люди доглядеть?.. Но люди, с точки зрения ученого, значили многое. И он решил изобрести быстренько такую пулю, которая могла бы впитать в себя мысль человека и его слова и, выстреленная, могла бы разорваться и, дав новый толчок словам и мыслям, заставила на всю вселенную поднять крик. Недолго он сидел над этим — и изобрел такую пулю. Он вложил в нее мысль и крик:

«Бог-механик! Загляни поскорее на Землю: богачи рабочих бьют! Помоги!»

Приготовив пулю, ученый выстрелил...

И вот...

Раннее утро. Хрустальное небо залито розовым светом лучей прожектора. От этого свет солнца тоже розовый. Розовый цвет луналитской земли, розовые капли бьющих фонтанов, розовые озера в зеленых берегах — и в праздничных крыльях луналиты. Все они — с распущенными волосами, в головных уборах, похожих на звезды, и у каждого в руках большая черная роза. Лица радостные. Сегодня особый день. Сегодня они не только попробуют крикнуть на весь мир и попытаются узнать, есть ли в нем еще жизнь, похожая на ихнюю — сегодня они оповестят мир о том, что у них проживают земные боги. Сегодня они отправляют экспедицию на Землю, и горестям нет места. Луналиты собираются в Край Радости: со всех концов они летят, едут на птицах, на слонах, на верблюдах, на львах, лошадях и буй-

волах. Зверье и скотина радуются не меньше лунали-
тов. Слышно пение, музыка, смех, крик. Особый ветер
нежит красивые лица и играет с деревьями. Цветы,
умытые фонтанными каплями, душат окрестности.
Луналитов много, но столько, что вокруг озера в Краю
Радости всем хватает места. В ожидании охраны неба и
машин, предназначенных в экспедицию, начались иг-
ры. Луналиты высоко взвивались над озером и дождем
падали оттуда в воду, поднимая розовые брызги. Иные
носились друг за дружкой, как птицы и, догнав, обни-
мались.

*Летели машины: машина «Победы», машина Смерти,
машина Воскресения*

Молодежь понеслась туда, откуда должна была по-
явиться охрана неба.

Вдруг по направлению Края Жизни показалась черная туча; это летели машины: машина «Победы», машина Смерти, машина Воскресения, отряд охраны неба во всем белом и в шлемах и много летящих луналитов на машинах разных систем и просто так.

При виде их, раздался крик радости. Водный оркестр заиграл гимн; все задвигалось, зашумело, взвилось кверху, побежало низом и поплыло озером навстречу. Машины, покачиваясь, повисли над Краем Жизни, загородив собою все небо; опуститься им не хватило бы места.

На одной из машин, на борту, в луналитском одеянии, стояли Игнашка с Прокошкой и разговаривали с Линегурой и Зеленитой. Они были довольны, что, наконец, улетают на землю.

Когда первые минуты восторга прошли и все стихло, ветер принес слово:

«Луналиты! Сегодня праздник Победы: он знаменует собою победу машины над природой. Не было бы машин — не было бы жизни луналитов. Не было бы машин — мы бы не узнали, что на Земле есть люди. Ныне же мы снова крикнем машиной во вселенную:

— Где есть люди на планетах или боги, откликнитесь! Мы отправляем сегодня на землю своих!! Готовься!»

Все стихло в торжественном молчании. Игнашка с Прокошкой попросили слова. Они уже прекрасно владели луналитским языком, многому на Луне научились, многое полюбили и им хотелось сказать луналитам слово благодарности.

Прокошка сказал:

— Луналиты! Улетая на Землю, мы научим ее жить так, как живете вы.

— *Луналиты! Улетая на Землю, мы научим ее жить так,
как живете вы.*

Игнашка добавил:

— На Земле мы уничтожим рабство крестьян и рабочих и сделаем для всех жизнь такой красивой, как у вас.

— Люди Земли! — выступил Лунопроз, — благодаря вам, луналиты узнали, что они не одиноки во вселенной. Вы и мы — вместе победим мир!

Край Радости задрожал от восторженных криков.

Экспедиция начала размещаться. На «Победу» сели Машинопрос, Линегура, Светловил, Лунопроз, Зеленига и Прокошка с Игнашкой; остальные — на другие машины. Бесшумно тронулись они к хрустальному небу, сопровождаемые радостными криками стоящих на берегу озера... все выше...

Все меньше видна жизнь луналитов.

Голос машины:

— Закрыться!

Крылья машин, площадки, барьеры — все вдруг сложилось само собой, и машины приняли форму длинных лодок, закрытых со всех сторон наглухо. Были все удобства в машинах: комнаты с окнами, постели, бассейны для воды, библиотека, комната, улавливающая шум и голоса, комната, говорящая и посылающая вести во вселенную, комната эфироветросила, связующая все машины и управляющая ими, и комната Машинопроса, руководящего всем. Тут же были машины ремонта и все, что нужно для далекого, неизвестного путешествия. В комнатах Линегуры и Зеленыты было много цветов. Меньше всего места занимала у луналитов пища. Они взяли с собой маленький питательный и очень вкусный плод, законсервированный в соке черной розы.

Летели быстро, и казалось, что не летят, а стоят на месте. Даже качки не было.

— Держись крепче! — раздалась команда по всем машинам.

Небольшой толчок носом во что-то твердое («это люк неба» — подумали Прокошка с Игнашкой), и машины, со свистом, вылетели на поверхность Луны.

Щиты открылись, и глазам всех представилась чудная картина мертвой, белой пустыни.

Взлетев на розовую гору, машины на-ходу выпустили полозья и остановились.

Все луналиты сошли с машин и, в каком-то странно-задумчивом состоянии, низко опустили головы и молчали. Вверху, внизу, с боков была необъятная пустота вселенной, без единого звука.

Машинопрос нажал кнопку говорящего аппарата, и по пустыне вселенной покатился голос машины:

— Если есть где-нибудь на планетах, помимо Луны, во вселенной жизнь мы, луналиты, предлагаем дать

нам знать. Откликнитесь! Люди, человек, звери!!

Тихо... Мертво... Пустынно...

Проглотила вселенная зов машины, и аппараты, улавливающие ответы, но белые пластинки стоят чистыми, как девственный лунный снег. Луналиты издали тяжелый вздох и хотели уже дать знать в Луну, что и на этот раз ответа не получено, и вдруг аппарат, улавливающий звуки, заработал; на пластинке нацарапывались почему-то знакомые луналитам знаки; машина, передающая звуки, захрипела, точно обрадовалась, и раздался голос на языке Прокошки и Игнашки:

— Бог-механик! Загляни поскорее на Землю: богачи рабочих бьют! Помоги!

Все взоры луналитов, уже хорошо знавших язык Земли, обратились на Игнашку и Прокошку. Они тоже стояли пораженные. Голос был знаком: они только не могли припомнить, когда и где они его слышали. Это была минута удивления, радости и торжества — победы машины, покоряющей природу.

— Игнат и Прокофий! — обратился к ним растроганный и счастливый Лунопроз. — Слышите? Земля знает, где вы, Земля просит вас вернуться. Я счастлив, что сразу определил, что вы боги.

— Вперед, луналиты! — крикнули Игнашка с Прокошкой, думая, что, на самом деле, это их зовут на Землю.

Счастливые и довольные, все сели в машины и дали знать в Луну о результатах переговоров. Машины тронулись, проползли по горе на полозьях и потом сразу упали в бездну пустоты вселенной, стремительно несясь к Земле.

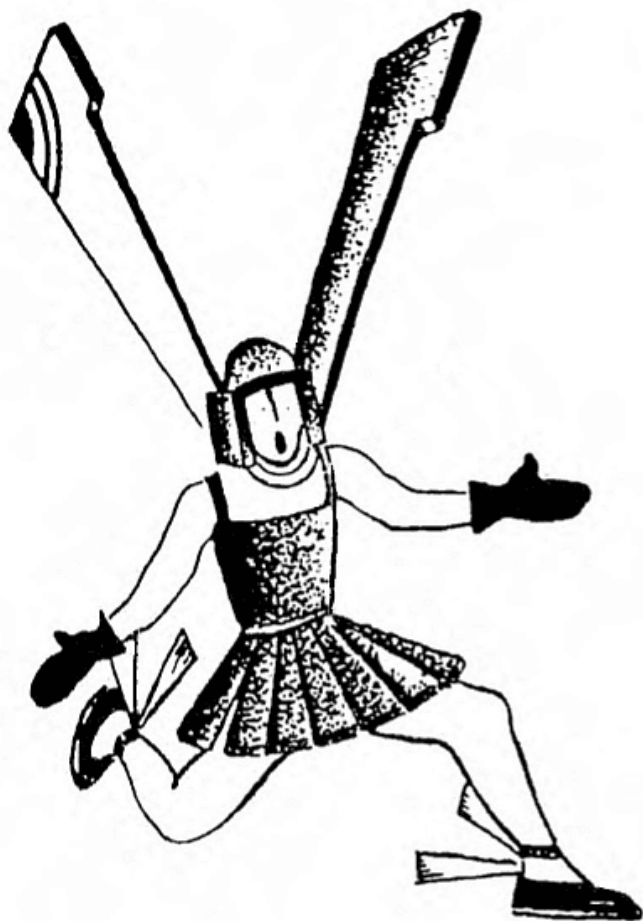
XIV. Пятый год путешествия

Все машины были закрыты наглухо. Эфироветросил давил с такой силой, что они летели быстрее пули. Когда спрыгнули с Луны, думали, что Земля находится внизу, а посмотрели на Показатель, — он отмечал, — машины летят не вниз, а прямо: точно Земля была напротив. В окна ничего не было видно, кроме голубой пустоты с воткнутыми в нее блестками. Внутри машин незаметно было — летят они, стоят или висят. И только по планетам, встречавшимся по пути, можно было догадаться, что машины летят вперед: планеты мелькали перед глазами, как телефонные столбы, когда едешь и поезде. Да и Луна, оставаясь позади, становилась все меньше. Земля вдали простым глазом была не видна. Ярче всего пылало Солнце и казалось, в просторе, раскрытой печью, где, как будто, переливалось расплавленное железо.

Лунопроз, наблюдая его в своем рабочем кабинете через Зеркало Вселенной, делал записи и тотчас же передавал их в Луну, с которой экспедицией держалась непрерывная связь. А когда Солнце заслонялось на время какой-нибудь планетой и на летящих луналитов ложилась тень — вся экспедиция останавливалась, все щиты у машин открывались, образуя площадки, и луналиты выходили на свежий воздух, гуляя на висящих машинах, как по улице города.

Своих привычек они не оставляли в дороге: каждый из них исполнял определенное дело и все вместе учились. Попрежнему в час известий все сходились и узнавали, что нового на планетах. Попрежнему играли в разные игры, летая в бездне вселенной. Но был приказ очень далеко от машин не отлетать. Игра однажды чуть-чуть не погубила Линегуру. Стояли недалеко от

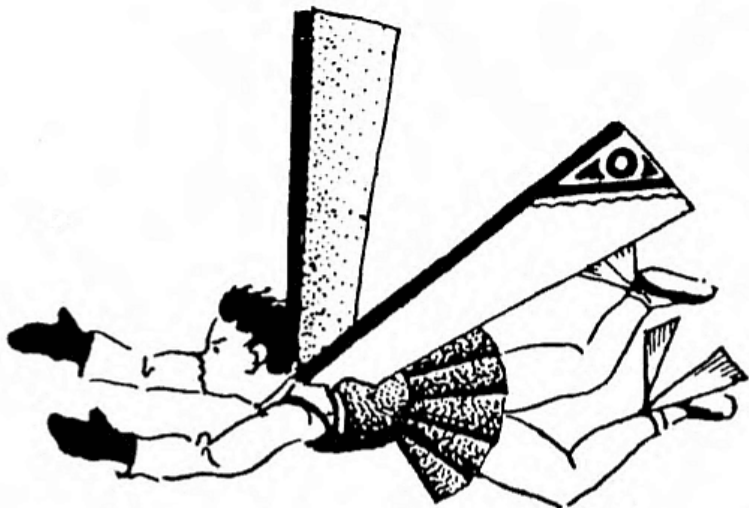
неизвестной планеты. Линегура расшалилась с Машинопросом: он догонял ее, она, смеясь, увертывалась, как-то неосторожно повернулась и обломала оба верхних крыла; перекинулась, бедная, головой вниз и камнем полетела в бездну. Хорошо, что это случилось выше машин. В это время как раз Игнашка стоял на борту «Победы», заметил и, недолго думая, наперерез бросился и схватил Линегуру.

Линегура расшалилась с Машинопросом...

*...и как-то неосторожно повернулась
и обломала оба верхних крыла.*

*В это время как раз Игнашка стоял на борту «Победы», заметил и,
недолго думая, наперерез бросился и схватил Линегуру.*

Лингуга рассталась с Машиноросом...

... и как-то неосторожно повернулась и обломала оба веревки кривая

В это время как раз Игнатию стока на боту „Победа“ заметил и, недолго думая, интерресно бригелле и слава-та Лингугу

Лунопроз очень благодарил Игнашку, а Машинопрос заметил старику:

— Ничего, Лунопроз, в этом особенного нет. Это сделал бы каждый из нас.

— Я это хорошо знаю — ответил старик. — Но... Игнатий — наш гость.

Тогда Прокошка, стоявший при этом, шепнул Игнашке:

— А знаешь, друг, нам надо быть начеку. Что-то против нас имеет Машинопрос.

— Я догадываюсь. Он, кажется, любит Линегуру, а она — все с нами. Я еще в Луне это заметил.

— А знаешь: не стать ли нам тут невидимыми. Пусть думают, что одни летят на Землю.

— Нет, — раздумывая, сказал Игнашка. — Этого сейчас делать нельзя. Я замечаю: неохотно что-то многие из них летят на Землю. Без нас они могут вернуться назад, а мы на их крыльях вряд ли доберемся до Земли.

— Положим это верно. Посмотрим. А пока что, не засесть ли и нам за учебу, — предложил Прокошка. — Лететь придется долго.

— Давай.

И после этого разговора ребята засели за учебу. Они почти не выходили из кабинета Лунопроза. При тех пособиях и методе обучения, которые имелись у луналитов, да еще шарики чудодейственные — Прокошка с Игнашкой пошли далеко. Лунопроз, часто беседуя с ними, однажды сказал, что наука у луналитов очень высока: уметь воскрешать мертвых машиной Воскресения — предел науки. Вот два столетия, как изобретена эта машина, и мы не знаем, что такое смерть. Чего мы еще не постигли — это быть невидимыми и уметь читать мысли других.

Игнашка моргнул Прокошке:

— Понимаешь!

Оба целые дни проводили в библиотеке и лаборатории, изучая ветер, воздух, планеты и их состав. Случайно Игнашке пришла в голову мысль переловить лучи светящихся планет, а Прокошка, ухватившись за эту мысль, поставил себе целью изобрести такой аппарат. Ребята никому об этом ничего не сказали, так как решили добиться найти средство читать людские мысли.

Летели... Солнце заливало светом голубизну мира, ныряли машины, как корабли в волнах, мелькали планеты, отмеривая версты Игнашка с Прокошкой ловили лучи планет. Как-то наблюдая пространство, они заметили очень блеклую планету, лучи которой никак не давались на пластинку. Измеритель расстояния показывал, что она находится от них в трех днях пути.

Ребята определили, что планета не принадлежит ни к горячим ни к холодным, а к умеренным. В Зеркало Вселенной они заметили на планете какую-то жизнь. Они побежали к Лунопрозу и сообщили ему об этом. Решено было подняться на планету для исследования. Когда об этом узнал Машинопрос, он воспротивился.

— Зачем нам приставать туда и тратить лишних три дня, когда мы можем посредством наших машин знать, что есть на этой планете.

Его поддержал и Светловил:

— У нас слишком серьезное дело, чтобы отвлекаться пустяками.

— Да и почему мы знаем, что это за планета? — раздался голоса. — Может быть, при одном приближении к ней, мы можем потерять машину Воскресения и все погибнуть.

— С каких это пор луналиты стали трусливы? — сказала Линегура. — А может быть, затратив три дня, вы узнаете то, что даст нам возможность сократить путь на два года.

Игнашка с благодарностью поглядел на Линегуру и сказал:

— Если луналиты боятся приблизиться к неведомой планете, разрешите нам одним подняться на нее, а вы подождите.

— Это самое благоразумное, — вставил Машинопрос, думая о том, что Игнашка с Прокошкой, может быть, там погибнут.

Но Линегура и Зелентуя запротестовали и пожелали подняться на планету вместе с гостями. Машинопросу ничего не оставалось, как направить машины к планете.

Послали две разведывательных машины — жары и холода.

— Пристать можно, — ответили они.

Приказ:

— Пристать!

XV. Случай на планете, которой дали название «Линегура»

Поднялись раньше, чем в три дня, но причалить так и не удалось.

Планета представляла из себя жижицу с растениями такой величины, что в дупле каждого дерева могла бы поместиться целая колокольня.

Пришлось повиснуть над лесом и спуститься на крыльях.

Сначала казалось, что на планете ничего нет, кроме растений: тишина — ни одного звука. Но, из предосторожности, вооружились кольцами. Приступили к исследованию. Прокошка с Игнашкой немного отбились от экспедиции и забрались в глубь леса. Линегура с Зелентуей перелетая с листа на лист (а листы были немного меньше десятины), заметили, что в них имеются какие-то жилы толщиной в заводскую трубу, которые шевелятся. Они сказали об этом Машинопрокру, неотстававшему от них. Его мало интересовала планета. Он давно любил Линегуру, которая не прочь была давно сказать ему, что он — лучший из луналитов. Но появились Прокошка с Игнашкой, и он заметил, что одному из них она уделяет теперь больше внимания, чем ему. Он стал раздражительным, а после случая спасения Линегуры Игнашкой, задумал, во что бы то ни стало, избавиться от гостей Земли и вернуться в Луну без них. Он стал подговаривать охрану неба вернуться всем с дороги, доказывая, что, свалившись с Луны на Землю, нельзя никогда уже больше подняться на Луну.

— Зачем нам эта Земля? — говорил он.

Многие с ним соглашались и, тоскуя по Луне, не прочь были вернуться.

Когда Линегура сказала Машинопросу, что листья вроде живых, все трое вгляделись в них и, крича от страха, взлетели вверх.

То, что они приняли за листья, были чудовища — бабочки с толстыми паучьими ногами и пастью, как у крокодила. Чудовища, может быть, и не обратили бы на луналитов никакого внимания, но Прокошка с Игнашкой, не зная то же, по чему они ходят, натолкнулись на смотрящий глаз чудовища. Он был, как яркая звезда красного цвета, и горел, словно огонь. Недолго думая, Игнашка — раз его ножом... Как взревет от боли чудовище и вместе с ребятами взвилось над лесом; голова чудовища была, как у жука — носорога, а ноги с длинными когтями так и извивались.

Игнашка с Прокошкой еле соскочили.

Игнашка с Прокошкой еле соскочили. Луналиты в испуге кинулись к машинам. Чудовища погнались за машинами. Насилу успели вскочить луналиты, а Игнашка с Прокошкой, будучи далеко, остались. Щиты все были закрыты и Машинопрос дал ход. Над лесом началось настоящее сражение. Остервенелые чудовища облапили все машины и стали грызть их зубами, увлекая их своей тяжестью прямо на планету. Машины стали выворачиваться, вырываться, кидаться в разные стороны, сбрасывая с себя неуклюжих чудовищ. Освободившись, они пулей умчались вдаль, а Игнашка с Прокошкой медленно летели над лесом среди встревоженных и ревущих чудовищ.

Вылетев на простор, они дали вдогонку машинам два выстрела, в надежде, что их услышат. Но где же услышать? — выстрелы тут были не громче шума песчинки на берегу моря.

— Неужели они нас бросят?.. — с тоской в голосе произнес Прокошка.

— Все может быть, — сказал Игнашка. — С тех пор, как Машинопрос против нас, я всего жду.

Они сиротливо летели в необъятном просторе голубой выси, где была пустынная тишь, нарушаемая только шелестом их крыльев. Вдали чуть виднелись машины.

Первой заметила отсутствие на «Победе» Игнашки с Прокошкой Линегура.

Думала, что они в какой-нибудь другой поместились. Позвонила — нет.

Неужели они там остались? Позвала Зелентую. Бросилась к Светловилу.

Тот сидел, хмурый и рассерженный.

— Светловил, что делать? Земные гости остались на планете?..

— Так что ж?! — с сердцем ответил он. — Если они — боги, то не пропадут. А нам пропадать из-за них — мы больше не допустим.

Лунопроз тоже отказался дать свое согласие возвращаться на планету, чтобы искать там Игнашку с Прокошкой.

— Мы чуть не погибли из-за них.

— Так что же делать?! — вскричала Линегура. — Не оставлять же их там среди чудовищ!

— Можно предложить Машинопросу остановить машины, и, если они живы, они нас догонят.

Линегура бросилась в аппаратную к Машинопросу. Тот, зная, что Игнашка с Прокошкой остались на планете, гнал машины с такой скоростью, что они летели быстрее пули. Ему хотелось как можно дальше отлететь от планеты, чтобы, в случае, ребята, если останутся живы, заблудились.

Линегура, вбежав к Машинопросу, сразу заметила это.

— Машинопрос!

— Что тебе здесь надо, Линегура? — не отрывая рук от руля, спросил он.

— Наши гости остались на планете... Ты знаешь это?

— Знаю.

— Зачем же ты развил в машинах такую скорость? Ты убегаешь?

— Мы спасаемся, Линегура!

— Остановись!

— Этого не будет. Я не хочу подвергать луналитов опасности и гибели.

— Ты боишься земных гостей?

— Если они боги и умнее нас, они найдут дорогу сами.

— Я тебе говорю: остановись! Слышишь?

Машинопрос бросил руль управления и поглядел на Лиинегуру. Та стояла, гневно сверкая глазами.

— Если ты так хочешь, я остановлю.

Машины стали.

Прокошка с Игнашкой были недалеко. Услыхав знакомый голос призывных машин экспедиции, они напрягли последние усилия и вскоре увидели летящих им навстречу Линегуру и Зелентую.

— Живы! — вырвалось у обеих.

Опустившись на машины, Игнашка с Прокошкой, не подавая вида, что их хотели бросить, прошли прямо в свои комнаты, заперлись и долго обсуждали свое положение.

Сначала они пришли к тому, чтобы заявить луналитам, что они их покидают, а сами хотели стать невидимыми, чтобы лететь украдкой.

Но эту мысль пришлось оставить. Луналиты могли сказать им: «Пожалуйста — уходите. А мы вернемся обратно в Луну».

— Я бы предложил, — сказал Игнашка, — невидимо изучить управление машинами и, в случае чего, захватить всю экспедицию в свои руки. Вот бы только найти средство читать чужие мысли. Мы бы тогда знали, что кто из них думает.

Оба согласились на том, что без боя они не сдадутся.

XVI. Второй год путешествия

В один из дней, когда солнце не светило и машины погрузились в тьму, с Луны было получено известие, что с какой-то планеты падают на хрустальное небо маленькие предметы, вреда не причиняющие; но, имея в то же время сведения, что экспедиция чуть не погибла, луналиты запрашивают экспедицию, не согласится ли она вернуться, отпустив земных богов на все четыре стороны.

Среди луналитов раздались настойчивые голоса — вернуться на Луну. Руль управления машинами не раз в руках Машинопроса хотел повернуться спиной к Земле, но Прокошка зорко следил за Машинопросом и, чуть что, бежал к Игнашке за советом, что делать.

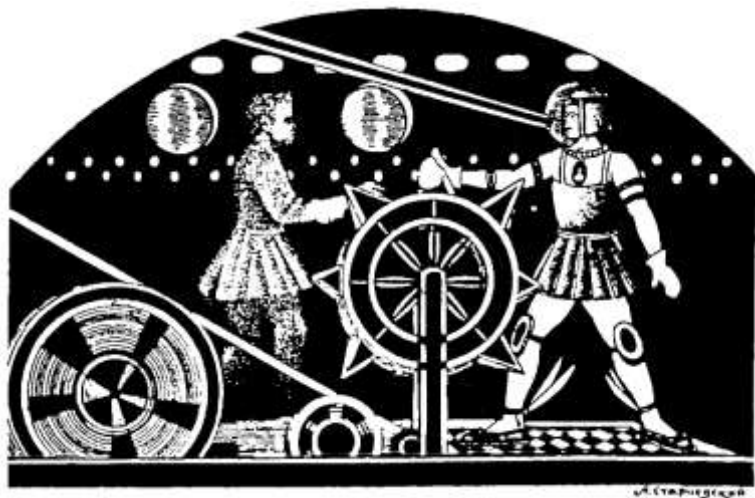
Тот почти не выходил из научного кабинета, работая над изысканием состава читать людские мысли. Все, что было ими взято с планеты чудовищ, пошло в дело. И вот, разлагая как-то глаз чудовища, Игнашка натолкнулся на очень поразившее его явление. Зрачок глаза чудовища играл, переливаясь, всеми цветами и в то же время был прозрачен. Игнашка поднес зрачок к своему глазу, а в это время вошел Прокошка сообщить о том, что Машинопрос задумал, никому не говоря, направить машины обратно на Луну, о чем предупредила Прокошку Зелентуя, слышавшая разговор Светловила с Машинопросом.

— Ты пришел сообщить мне, что Машинопрос хочет повернуть на Луну машины, — сказал ему Игнашка прежде, чем тот открыл рот.

— Почему ты знаешь? — удивился друг.

Игнашка засмеялся.

— На-ка, милый, держи да гляди на мой лоб и читай о чем я думаю.

*Прокошка сидел невидимо с Машинопросом
и изучал управление машинами*

Он сунул ему в руку зрачок животного. Прокошка поглядел на него сквозь зрачок чудовища и прочел на лбу друга:

«Прокошка, наконец-то мы нашли средство читать на лбу людей их мысли. О чем бы кто ни подумал из луналитов, мы все теперь узнаем заранее».

Спустя немного, Прокошка сидел невидимо с Машинопросом и, изучая управление машинами, в то же время видел все, о чем он думает.

Наконец, настал момент, когда все луналиты отказались лететь дальше на Землю. Это было на границе, где спуск к Земле начинался по вертикали. В этом месте бушевали вихри планет, и машины могли быть подхвачены вихрем и втянуты в вечное движение. Надо было уметь управлять машинами, чтобы про-

рваться сквозь этот вихрь, где планеты летали, кружились и мчались, как огненные печи.

Даже смелым было страшно. Еще задолго до границы машины кидало ветром вихрей, словно мячики.

— Мы можем погибнуть! — раздался голоса.

— А если мы вам скажем, что проведем машины в вихрях безопасно... — сказал Прокошка.

— Мы плохо знаем путь вселенной.

— Мы знаем твердо! — выкрикнул Игнашка.

У многих появились мысли: почему это они так настаивают лететь.

Игнашка прочел мысли.

Выкрики:

— Вернуться!

— Лететь!

— Лететь! — выступила Линегура. — Что подумают о нас предки, когда узнают, что луналиты испугались. Двое земных с пустыми руками не побоялись прилететь на Луну, а у нас — техника...

— То — боги, — насмешливо произнес Машинопрос.

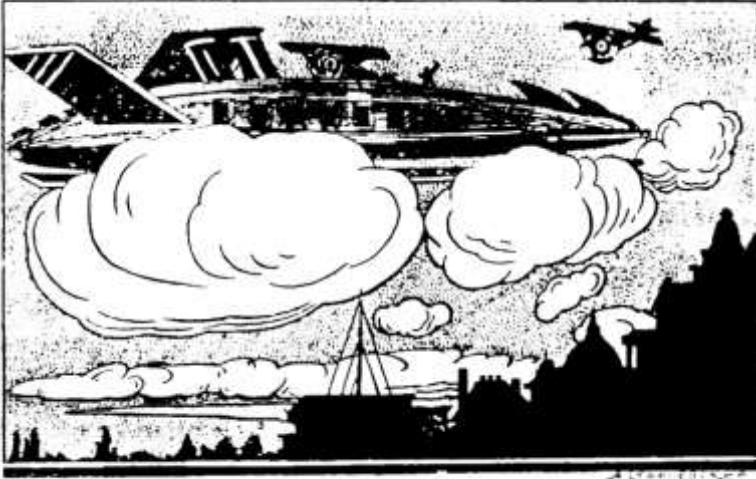
— Так покажи, что ты сильнее богов, — бросила ему Линегура.

Это его задело.

— Хорошо, — выступил он. — Я согласен лететь. Но пусть гости Земли управляют машинами. — Он думал, что они не умеют и откажутся, а тогда... тогда ясно, он скажет: «Нечего и братья!.. Я провести вас вихрями не сумею... вернемся».

Игнашка с Прокошкой взялись за дело и через некоторое время машины благополучно пролетели полосу вихрей.

Вихри остались позади. Показалась Земля. Луналитов заметили.

Машины людей земли осмелились и скользнули по поверхности
луналитских машин

XVII. Над самой Землей

Как ворчливые звери, поднялись с Земли люди на птицах, — целое стадо.

— Наконец-то, — вскричал Лунопрос, — нас встречают.

Луналиты остановили машины и хотели было лететь одиночками навстречу людям, но Игнашка заметил во-время, что как-будто бы не ихняя земля под ними. Птицы с людьми поднялись и еще издалека трахнули в луналитов из орудий. Хорошо, что Игнашка успел скомандовать, чтобы закрыли щитами машины, а то бы многих луналитов пришлось воскрешать. Игнашку с Прокошкой могло убить, — Машинопрос взял бы опять управление машинами, и луналиты, испугавшись, улетели бы обратно на Луну. Но Прокошка, услышав команду друга, повернул рычаг, и машины моментально герметически закрылись. Остался снару-

жи на машине «Победа» только один Игнашка. Приготовив крылья и став невидимым, он ждал момента, когда какая — нибудь птица подлетит ближе, чтобы броситься на нее и у сидящего человека узнать, над какой они землей и почему в них стреляют.

— А ты, пока я не вернусь, стой на месте, — приказал он Прокошке.

Летчики, видя, что чудовищные машины не летят, а висят в воздухе, дали об этом знать на землю и просили указаний, что делать.

— Узнайте хоть, что это такое, — отвечали им с земли.

Машины людей Земли осмелились и скользнули по поверхности луналитских машин. Один летчик оставил аппарат, потом из него вышла команда. Когда они входили, к ним невидимо подошел Игнашка и, видя по облику, что это не русские, грозно спросил:

— Что вы за люди?

Команда остолбенела.

— Ни с места! — еще грознее произнес Игнашка. — Кто вы такие?

Еле выговорили на ломаном русском языке:

— Англичане.

— А где тут русские?

— Русь, Русь... — зашептали англичане. — Там Русь... большевики... Русь.

— Давай хоть большевиков, — сказал Игнашка. — Ну, садитесь сейчас все на вашу машину и указывайте нам путь к большевикам. Я помещусь рядом с вами.

...над Землей огненный шар повис...

XVIII. Знакомство с Землей

К ночи одного числа подлетели к большой реке, берега которой были все равно, что огненное море: дым, огонь, грохот, точно волны о скалу корабли разбивали.

— Что это такое? — спросил Игнашка.

— Тут собраны люди всего земного шара. Идет война за обладание всей Землею. По ту сторону реки войска большевиков, а по эту — англичан.

— Кто на Земле самые старшие, от кого зависит прекращение войны?

— У нас, англичан, самый старший король, а у большевиков — самыми старшими считаются мужики и рабочие.

— Все? — спросил Игнашка и подумал: «Значит, и мой отец-бондарь теперь у них за старшего. Вот бы повидаться.» — Слушайте, англичане, а нельзя ли поить одного вашего старшего, а другого ихнего и привести их к нам. Мы бы хотели поговорить с ними.

— Это невозможно. Простым смертным к большим людям во время войны и не подойти.

«Ну, это положим» — подумал Игнашка, вспомнив свои шарики.

XIX. На Земле — в связи с появлением машин в небе

Когда над фронтом повисли машины, военные действия немедленно были прекращены. Обе воюющие стороны попробовали было стрелять в гигантов, но, видя бесполезность выстрелов, бросили это дело и стали наблюдать, теряясь в догадках, чьи это машины.

Когда наступила ночь, Игнашка приказал подняться машине Смерти и чуть-чуть поджарить землю. Было темно в небе. И вдруг — словно луна покраснела: над Землей огненный шар повис. Страх охватил не только простых людей, но и кто поученей. Попы стали поговаривать, что это — божье наказание.

Раздался на весь мир голос:

— Люди Земли! Завтра предлагаем вам прислать на одну из наших машин двух самых главных обладателей Земли: одного от одной воюющей стороны, другого — от другой. Невыполнение вами сего приказа приведет к тому, что в следующую ночь мы сожжем всю вашу Землю.

Вот тут и началось. На Земле никто никого не стал слушать. Вот один русский рабочий-солдат — Топорков — и говорит:

— А знаешь что, ребята: в сущности ведь мы, рабочие и крестьяне, есть главные-то владельцы Земли, а? Где наша ни пропадала. Пока там начальство соберется лететь на призыв, махнем-ка одного от нас, а другого от англичан. Авось, дело повернет так, что и войне конец.

И вот от англичан рабочий-солдат Джемс, а от русских рабочий Топорков захватили аэроплан, сели и — айда к луналитам.

XX. Встреча луналитов с представителями Земли

— Так это вы главные владельцы Земли и всего, что есть на ней? — спросил Игнашка, когда они прилетели.

— Да, — самоуверенно ответил Топорков. — У нас в Советии все наше, а вот у них, — указал он на англичанина, — временно принадлежит королю, кажется, а это, все равно, ихнее.

— А зачем же вы опустошаете Землю и убиваете друг друга? — спросил Машинопрос у удивленных людей Земли.

— Вот тут в чем дело, — начал англичанин: — вот эти русские у себя революцию сделали: убили своего царя, поубивали всех дворян, это у них были привилегированные люди, вроде с особой кровью, уничтожили всех богачей и стали жить без них, советуя поступить так же всем рабочим других государств. А у нас короли, богачи и лорды были умнее русских, и мы с ними не справились. Когда у себя русские стали без привилегированных жизнь новую строить, вроде как бы земного рая и все чтобы не руками, а машинами делалось, нашим-то богачам это не понравилось — не верили они, чтобы простые мужики и рабочие могли сами без привилегированных, рай устроить. А наши рабочие верили. И вот, чтобы выбить из головы наших рабочих и крестьян веру в земной рай, нас послали воевать с Совдепией, а те стали защищаться. К ним стали приывать рабочие из других стран. И получилось, что началась мировая война, где на одной стороне рабочие и мужики, что хотят без царей и дворян жизнь строить, а на другой — цари, короли, богачи и кто им еще верит.

— Но кто же это такой земной рай жизни придумал, — поинтересовался Лунопроз, — что его не все люди захотели?

— Вот, — указал англичанин на русского, — у них такой человек был.

— Готовься в путь! — скомандовал тогда Игнашка. — А вы, — обратился он к рабочим, — садитесь на ваши машины и указывайте нам путь к могиле большого человека. А теперь его нет. Могила его в столице Совдепии.

Все трое спустились на землю и прошли на площадь.

— Вот! — указал рукою Топорков.

— Войдемте! — предложил Игнашка.

— Нас не пустят... там стража.

— Тогда ждите меня здесь.

Страшный холод заледенил сердце. Тишина, как высоко во вселенной. В пальмах, в бледном свете, как восковой, лежал большой человек, с закрытыми глазами. В стекле. Игнашка подошел и глянул в лицо... еще ближе наклонился. Отшатнулся... Глазам не верит. На лице мертвого живая мысль застыла да так и осталась... Прочел... Вышел. Задумался.

— Ну, что?

— Нам надо его унести отсюда.

— Этого сделать нельзя. Народ не даст.

— А если ему скажем, что его воскресим?

— Не поверят. Теперь народ ничему не верит.

Игнашка задумался... Один он мертвого не унесет. Взять с собой Прокошку, — Машинопрос машины уведет. Опуститься всем в город — переполох наделаешь: бой вспыхнет, и могила может сгореть. Стой! Линегуру и Машинопроса надо взять с собой. Чтобы пронести тело, часовых умертвить придется — тогда воскресим, если они ценны, скорее.

XXI. Последний бой

Игнашка бросился к стоявшим снаружи англичанину и Топоркову. Топорков не знал еще, зачем Игнашка ходил в склеп и что захотел делать, но его удивило, что Игнашка долго оставался в могиле Большого Человека.

— Слушай, товарищ, — обратился он к Игнашке, — что ты, собственно, затеваешь?

— Я хочу помочь людям кончить войну и хочу воскресить Большого Человека. Пусть скажет, что делать.

Топорков глубоко задумался.

— Нет, товарищ, ты задумал не настоящее. Без Большого Человека, конечно, плохо, но он нам указал путь к светлой жизни, и мы этот путь знаем.

— Почему же вы не прекращаете то, что у вас происходит?

— Видишь ли, брат, Великий Человек нам завещал непримиримую войну с богачами, но богачи всего мира соединились против нас. У них такие орудия смерти, которых у нас нет. Мы не можем против них устоять.

И вдруг Топорков подпрыгнул.

— Вы... луналиты, можете помочь. Пустите в ход ваши машины, и мы мигом скрутим буржуазию, сможем помочь рабочим вражеских стран.

На этот раз задумался Игнашка. Долго думал.

— Да, ты прав, — сказал он наконец. — Надо действовать.

Быстро бросился он к машине смерти.

— Руководи, кого бить надо, — сказал Игнашка. — Садись! — приказал он Топоркову.

С ними поместилась и Линегура.

Прокошка остался у остальных машин.

Бросали на стан врагов лучи смерти...

Луналиты кинулись к зеркалу мира.

Была глубокая темная ночь, машина смерти полоснула небо.

— Говори, где враги рабочих, — обратился Игнашка к Топоркову, готовый направлять лучи смерти.

Они летали над землей, как перебрасываемый мяч, и там, где замечалось, что буржуазия побеждает рабочих, бросали на стан врагов лучи смерти. Видя, что вроде с самого неба как будто помогают рабочим, буржуазию объял неопиcуемый страх. Многим пришла мысль в голову, что рабочий класс, действительно, должен быть прав, стремясь устроить на земле жизнь, для всех равную. Ряды буржуазии дрогнули.

Окрыленный победой, пролетариат налегнул и вскоре на земле не осталось никого из буржуазии. Часть из нее погибла, а часть стала на сторону рабочих.

На земле поднялась такая радость, что крик людей был слышен высоко.

— Конечно, — радостно произнес Топорков, обращаясь к луналитам. — Рабочий победил. Теперь вы смело можете спускаться на Землю — вас никто не тронет.

Когда люди Земли узнали, что были за машины, висящие над ними, и кто были их владельцы, то решено было воспользоваться машинами, как местом для собрания совета рабочих всего мира. Первый эту мысль подал Топорков, явившийся в это время связующим звеном между людьми и луналитами. Луналиты не хотели спускаться на Землю до тех пор, пока там все не уляжется, люди же Земли, узнав от Топоркова о высокой технике машин луналитов, дали свое согласие собрать совет мира над Землею.

Тогда появился приказ № 1, гласящий:

Люди, мировая война уничтожена, болячки земли — гнезда королей, царей и дипломатов — стерты с лица земли, хозяевами жизни являются теперь трудящиеся: объявите все, что есть на земле, достоянием всех и выберите достойных представителей в Совет Мира.

Все было в точности выполнено. Заминка только произошла при определении достойных людей. Избранными оказались лица, которые, имея здоровую голову, проработали всю жизнь и ко дню начала строительства новой жизни никакой собственности не имели.

Всем выбранным предложили собраться в определенном месте каждой страны, и охрана неба луналистов, снабдив людей крыльями, взлетела с удивленными представителями на машину «Победа».

Собрались: белокожие, чернокожие, краснокожие, желтокожие, смуглые, белесые, говорящие на всех языках и думающие одинаково. Линегура, увидя собравшихся, заметила:

— Люди на земле, как цветы — разноцветные.

А Лунопроз в своем дневнике отметил: «Слетелся Совет Мира. Он собрался на высоте, с которой виден весь земной шар. Когда луналиты показали людям в глаз мира их Землю, они, увидав каждый свою страну, удивились, что она была такой маленькой в сравнении со всей Землей».

Заметив удивление представителей, любующихся сверху на красоту Земли, Лунопроз спросил:

— Скажите, люди, можно ли человеку, живущему внизу, видеть то, что видно вам сверху?

И все хором ответили:

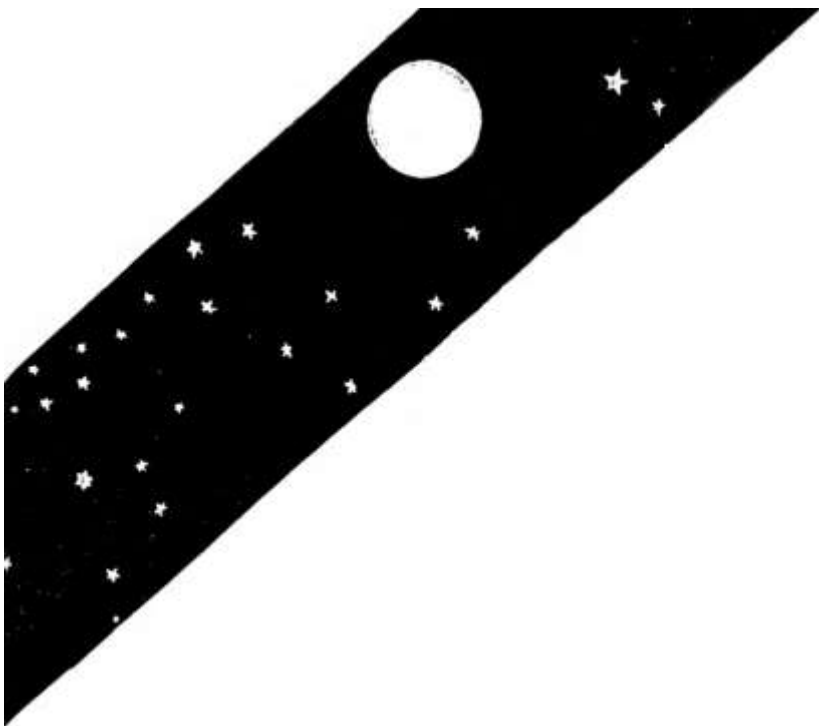
— Нет.

— Тогда приступим к работе. Ознакомьтесь с достижениями людей, которые, по своему уму, выше нас.

Вот эта луналитка, Линегура, покажет вам машину «Победа», на которой вы находитесь, и расскажет вам о жизни луналитов.

— Я буду коротка, люди, — начала Линегура. — Главное у нас в жизни то, что мы любим труд, и у нас нет каторжного труда: у нас машина делает машину — и машины — все. У нас нет богов — мы полагаемся только на себя. Мы не знаем, что такое «твое» и «мое» — пища, одежда, кров роли особой у нас не играют и служат только украшением жизни и созданием в нас силы. Вся наша жизнь основана на машинах, и

мы не зависим ни от дождя, ни от холода, ни от урожая. Нами изобретена даже машина Воскресения, и мы, если захотим, можем не умирать.

Совет Мира, заслушавшись, шел большим залом, где были сосредоточены все технические усовершенствования луналитов. Когда подошли к художественным снимкам, отображающим жизнь луналитов, они увидели такую красоту и победу человека, что не выдержали и сказали:

— Стоит и нам на Земле за такую жизнь бороться!

— Стоит, стоит! — на всех языках говорил Совет Мира.

Прошло немного дней. Совет Мира постановил: задержать луналитов на Земле со всеми их машинами до тех пор, пока на Земле не будут сделаны такие же машины. Пригласили самых лучших инженеров и химиков. Ознакомились те и сказали: необходимо изобрести способ быстрого взлета на Луну, ибо на Земле не достать многих материалов, нужных для самой главной машины — Воскресения. Изобретение нашлось: среди ученых был тот химик, что изобрел красные шаррики и крикнул в небо пулей, зовя богов прилететь на Землю и устроить в ней порядок. Это изобретение примирило луналитов с людьми Земли, и они заключили союз.

Рейсы между Луной и Землей установились в сутки. Люди Земли немедленно были командированы на Луну для изучения в ней всей техники. Луналиты не боялись теперь, что разобьется их хрустальное небо. С Луны на Землю, с Земли на Луну везлись материалы. Через год все люди Земли были снабжены крыльями. Расстояние было побеждено.

Где был вечный холод на Земле — машины дали тепло. Где была тропическая жара — машины дали прохладу. Песчаные пустыни превратились в поля. Загадочное голубое небо, про которое думали, что там сидят боги, посылающие дождь, гром и молнию, стало, по желанию людей, хмуриться и смеяться. О похоронах на Земле забыли. Смерть, как исчезновение жизненной энергии в человеке, стала веселой свадьбой. Фиолетовые лучи машины смерти вливали в человека новые силы, и он просыпался, чтобы слагать снова и снова песни борьбе и победе.

С каждым днем становилась жизнь на Земле прекрасней.

Многие луналиты поселились на Земле, многие люди поселились в Луне.

Линегура отдала свои крылья Игнашке, Прокошка взял крылья Зелентуи. Машинопрос полюбил Землиянку.

От союза Луны с Землей стала нарождаться новая, здоровая, красивая раса — землелуны.

Когда Лунопроз любовался как-то игрой детей землелунов, он отметил в своем дневнике: «Человек все может сделать. Человек — это выше всего».

Ракета в космическом пространстве. Внешний вид аппарата К. Э. Циолковского. Оригинальный рисунок.

В. ВОРОНИН

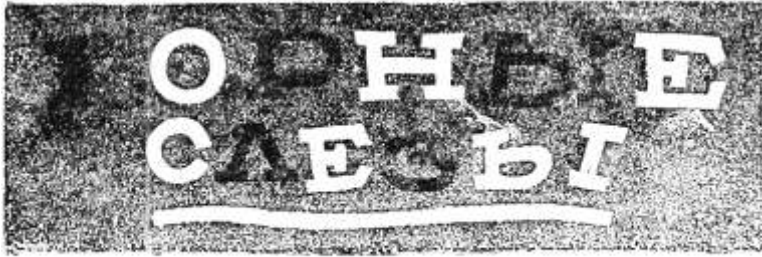

ГОРНЫЕ СЛЕЗЫ

Фантастический рассказ

Журнал «Всемирный следопыт», № 2, 1929 г.

Вроде бы и не космическая фантастика, однако, в последних фразах имеется намек на внеземное происхождение «слез» — чужие...

Рассказ Валентина Воронина

Рисунки худ. В. Щеглова

Я растворил окно и поднял к левому глазу подзорную трубу. Первое колено послушно повернулось в пальцах, рассеивая туман неустановившегося фокуса...

Я отнял длинное хитроумное приспособление от глаз и посмотрел вниз. По улице, освещенной яркими лучами солнца, проходили люди, одетые по весеннему. Пышные мимозы цвели желтым цветом по углам кварталов. Лавры, глянцевые, неподвижные, словно отлитые из темно-зеленого металла, обрамляли тротуары, чередуясь с пальмами. Вся субтропическая природа замерла в выжидательной позе: будут еще холода или нет?..

— Брось лирику разводить! Чего уставился!

Я вздрогнул от неожиданности. Мое шестнадцатикратное увеличение чуть-чуть не шлепнулось на асфальтовый тротуар с высоты трех этажей. Выругав Антона, я снова поднес к глазу подзорную трубу и посмотрел на вершину самой крайней горы, известной под названием «Мтирала»¹⁾...

— Скажи, Антоша, почему эту гору зовут Мтирала?

— Вполне понятно. Местные люди рассказывают...

Я насторожился.

— ...следующую легенду. Кто-то кого-то любил. Что-

1) Мтирала — Плачущая гора.

то мешало. Один умер, другой загородил проход кому-то, то-есть превратился в гору и...

— Ну?..

— Ну и ну!.. Не перебивай... Теперь гора оплакивает умершего...

Я равнодушно закурил, — ничего интересного...

— Но... меня удивляет, что люди собственными глазами видели слезы...

Я спокойно оборвал:

— Чепуха!

Антон окрысился:

— Чепуха на окне сидит!

Он никогда не лгал и передавал слова только тех людей, которые говорили правду.

— Не сердись, — сказал я. — Закури папироску.

Я сделал умильное лицо:

— Пойдем на эту гору, Антоша?

— Хорошо. Подождем до весны.

Таково начало этой истории, в которой мы нашли огромные слезы, но потеряли спокойствие и аппетит.

* *

*

Весна еще держится последними аккордами стихающих ручьев, шелестом нежно-зеленых листьев, блеском помолодевшего солнца. Как орел, парит солнце высоко в небе. Словно в бане, душно от горячих испарений перегретой земли.

Не доходя до Орто-Батума, мы свернули влево. Дорога началась аховая.

— Ай, ай! — покрикивал Антон, обсасывая пораненные пальцы. Я благоразумно обходил колючие лианы и ежевику. Антон выругался:

— Я тебе говорю, пробирка ты несчастная, забирай влево!

Он ринулся в гущу чего-то зеленого и колючего. Я с отчаянием пополз за ним, отбиваясь от длинных шипов, энергично впивавшихся в тело. Через пятнадцать минут я ободранной кошкой выполз в просвет. Антон стоял перед отвесной стеной и смотрел не совсем приветливо.

— Мы не туда попали, — догадался я.

Антон махнул рукой:

— Тащись, куда хочешь... Я больше не проводник.

Мне пришлось изыскивать окольные пути. Через три часа мы, поеживаясь от холода, почувствовали себя на высоте тысячи метров. Солнце словно под молотом кузнеца разбросало лучи, прячась за горы. Приближалась ночь. В сумерках мы набросали сучья для костра. Впереди — отвесная стена. По обрыву спускались папоротниковые заросли.

— Не совсем удобное место. Змеи нападут...

Антон устало мотнул головой. Через десять минут дым костра столбом поднялся к небу. Тусклое пламя облизывало сырые сучья, углубляя темноту ночи. Сквозь сон я слышал вой шакалов у Орто-Батума. Возле костра шуршали листья.

«Змеи из папоротниковых зарослей» — решил я.

На мое счастье, лень было повернуться. (Змеи ленивых не трогают.) Мы спали, и змеи — с нами...

Я протер глаза. Посеревшее небо, непроснувшееся, неумытое солнцем, выпутывалось из ночной свалки с седыми космами тумана. Дрожа от холода, я толкнул приятеля.

— Вечно будят, дьяволы! — пожаловался Антон. — Спать хочу...

После энергичной встряски он сел, вздохнул и признался:

— На душе словно осенний дождик лужи наморосил... Тоска... Согрей-ка чаю.

Я положил сучья на пепел костра и разжег. Сунул в огонь алюминиевую флягу. Присев рядом, я почувствовал тоскливое напряжение. Через пять минут Антон вскочил:

— Ничего не понимаю!..

Тоска увеличивалась с рассветом. Что-то угнетало нас... Вокруг — дикая местность. Косматый туман, отрываясь, пропадал в голубеющем небе. Звезды гасли, как водой залитые угли костра. Где-то поблизости точно капала вода. Антон накинул веревочную петлю на флягу, потянул ее из костра и...

— Осел!..

— Ну?..

— Ну и ну!.. Ты вчера всю воду выпил!..

Я смущенно посмотрел на приятеля, на раскаленную пустую флягу:

— Ничего... Где-нибудь найдем воду.

— Где-нибудь и слона найдешь. Я пить хочу.

Антон со своей флягой пошел к каменной стене. Я направился в сторону, путаясь в зарослях папоротника.

Резкий крик:

— Сюда-а!..

Я бросился к стене, спотыкаясь, падая.

— Что случилось?

Антон спокойно сидит на расстоянии десяти метров от стены, Я сунулся вперед и полетел вниз, но тут же зацепился за руки приятеля.

— Куда-а? — заорал побелевший от испуга Антон. — Посмотри вниз...

Дрожь пробежала по телу, когда я увидел темную впадину. Стена уходила глубоко вниз. Пропась была под моими ногами. Оттуда поднимался сырой тяжелый воздух. До стены было десять метров. Зияющая расщелина была искусно замаскирована длинной травой и камнями. Несмотря на полный рассвет, я едва не ошибся последний раз в жизни...

— Пора нам изображать горных козлов, — заявил Антон. — Собирайся в путь. До вершины горы еще далеко...

Пока мы складывались у костра, солнце сверкнуло лучами.

— Я понял, почему так паршиво на душе было, — сказал Антон. — Во-первых, ощущение близкой пустоты; во-вторых, монотонный звук падающей со стены воды...

Мы прошли мимо стены. Теперь, при полном свете утра, я рассмотрел клинообразную пустоту пропасти. Перевел взгляд выше:

— Антон!.. Смотри сюда...

Антон, не торопясь, поднял голову... Мы застыли, как ученики студии перед картиной мастера... На серой базальтовой стене четко выступали огромные синеватые капли. Они медленно стекали вниз. Капли были овальные, длиной сантиметров в двадцать. Гигантские живые бриллианты!

Впоследствии Антон уверял, что капли были величиной с винную четверть. Я не согласен с этим. Все, что происходило в то утро, отчетливо врезалось в мою память. На выступах стены капли срывались в пропасть, сверкая радугой, и ударялись с тоскливым звуком о камни.

— Гора плачет, — пробормотал Антон.

— Плачет...

Солнце унеслось в высь, разбросало лучи щедрыми пригоршнями и на горы, и в долины, и в леса. Стена заблестела, капли потеряли ясность. Теперь я различил на стене голубоватые осклизлые комки. Это были слизняки. Они покрывались стекавшими от сырости каплями хрустально-чистой воды и вместе с ними стекали вниз, в пропасть. Оттуда поднимались новые животные. Сочетание солнечных лучей, радужной окраски моллюсков и воды рождало бриллианты.

Была ли это игра моллюсков? — вот первый вопрос, поставленный мною на обсуждение во время завтрака.

— Ерунда! — ответил Антон. — Они просто выползают греться на солнце...

Я попытался логично установить истину:

— По общему виду они относятся к слизнякам, а именно — к *Arionus*. По величине — в пять раз больше. Я хорошо знаю, что *Arionus*, то-есть голый слизень, любит сырые места и питается дождевыми червями и

травой. Но я никогда не слышал о слизнях длиной в двадцать сантиметров, изображающих горные слезы...

Антон равнодушно уплетал консервы.

— Антоша! — сказал я, изменяя интонацию. — Антоша, ты их нашел первый. Я предлагаю назвать вновь открытую разновидность *Arionus Antonus*.

— А дальше что? — спросил польщенный Антон.

— А дальше нам необходимо достать хотя бы одного моллюска, иначе ты не увековечишь себя в науке.

Антон бросил в костер опустевшую банку из-под мясных консервов. Мы подошли к стене...

Если бы Колумб открыл Америку во сне, а, проснувшись, увидел пустынное море и бунт команды, он был бы похож на нас. Я полчаса напрягал зрение, стараясь разглядеть моллюсков. Ничего... голая стена!..

— Теперь я понял, — сказал Антон после яростного пробега вдоль стены. — Эти идиоты появляются только во время рассвета.

— Почему?

Приятель указал на солнце. Теперь все ясно. Полуденное светило так раскалило скалы, что даже кожа бегемота ощутила бы жар. Беспомощные голые моллюски прячутся теперь где-то в пропасти. Я перегнулся через край скалы. Внизу стена изрыта буграми. Это мох...

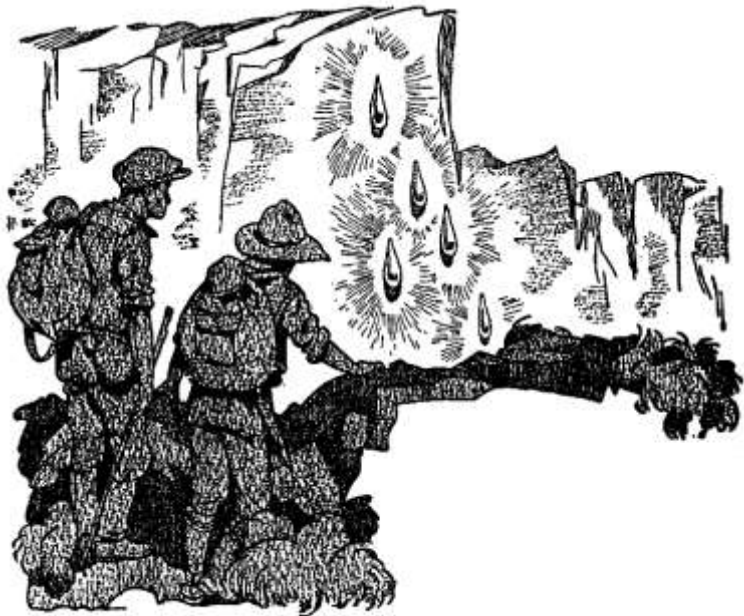
— Слизняковая столица, — пробурчал Антон. — Теперь все в порядке. Я отсюда не уйду...

Перед вечером он подозрительно прищурил левый глаз:

— Как ты наздал этих животных?

— *Arionus Antonus*.

— Смотри, не забудь.

...На серой базальтовой стене четко выступали
огромные сосновые капли...

Антон спустился в лес. Вернулся с четырьмя длинными прутами. Крепко связал их концы. Испробовал длину: достает до стены.

Ночь я провел плохо. Поминутно будил Антона, указывая на Млечный путь: не рассветает ли?.. Проснулся я от резкого холода. Туман застиг врасплох ясное небо. Оно сплошь было покрыто тучами. Светло. Накрапывает мелкий дождик. Антон спит.

Я подошел к стене. Вода стекает тонким непрерывным потоком. Слизняков нет. Голый базальт... Антон прибежал взъерошенный, с шестом в руках. На конце привязан маленький сачок...

— Антоша! — сказал я, дрожа как в лихорадке. — Слизняки в своей столице...

Проклятья приятеля способны были бы убить лошадь, но стена оставалась стеной. Моллюски не появ-

лялись. Антон беспомощно взглянул на небо. Я сочувственно кивнул головой. Даже самый захудалый натуралист определил бы, что тучи не расстанутся с небом всю неделю. Мы молча вернулись к костру с тем, чтобы двинуться в обратный путь.

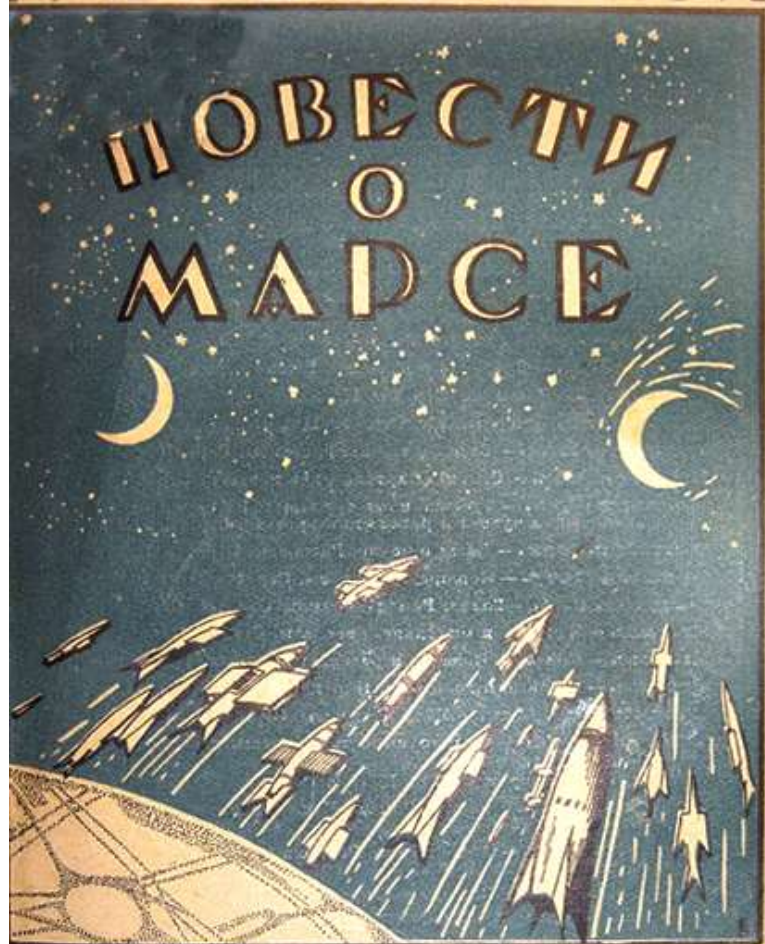
Спустя месяц мы искали на ясном рассвете прежнее место. Не нашли. Измученные, разбитые, пробирались от скалы к скале. Лабиринт тропинок. Одна стена похожа на другую, как заяц на зайца...

Так и не удалось нам добыть экземпляр неизвестной науке разновидности слизняка. Вскоре я уехал далеко на север. Что это были за гиганты моллюски, обманывающие население, заставляя сочинять легенды?.. Я потерял спокойствие и аппетит, но... когда-нибудь я добуду эти «горные слезы»...

Г. АДЕЛЬСКИЙ

ПОВЕСТИ
О
МАРСЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1925

Г. АРЕЛЬСКИЙ

ПОВЕСТИ О МАРСЕ

Фантастические повести

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1925

Изд. № 1028

15 000 экз.

Ленинградский Гублит № 11767

ОБСЕРВАТОРИЯ ПРОФЕССОРА ДАГИНА

1

У аэроплана У. 5.3., северной воздушной эскадрильи полчаса тому назад сломался мотор.

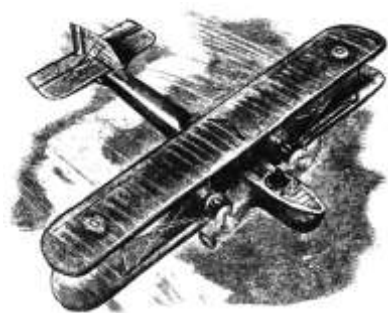
Летчик Дагин планировал спуск, напряженно вглядываясь в бесконечное расстилающееся под ним зеленое море лесов, среди которого, как морские скалы, выступали остроконечные горные отроги.

Удобного места для спуска не находилось. Аэроплан быстро снижался. В последнюю минуту летчик, инстинктивно, направил аппарат на дикую, подковообразную скалу, выше всех выступавшую над зеленым морем лесов.

Каким-то чудом ему удалось спуститься на широкую гранитную площадку рядом с возвышающимся остроконечным массивом. Крылья аппарата зацепились за низкорослый, корчеватый кустарник, и, таким образом, аэроплан не скатился вниз и не разбился об остроконечные выступающие отроги, обрамленные разноцветными коврами мхов и лишайников.

Летчик с трудом вылез из аппарата и, облегченно вздохнув, оглянулся вокруг.

Перед ним расстилался бесконечный простор лесов.

Колоннады сосновых стволов переплетались с индигово-зеленоватой листвой кедровника, на которой изредка, расплывчатыми пятнами, рисовались высокие ели.

Они были опутаны, как в саваны, покрывающими их до самых вершин, белесоватыми лишайниками.

С нижних отрогов массива, где находился Дагин, тускло-синеватым серебром зигзагообразили вниз, к зеленому лесному морю, речки — Сосьва, Шегульта, и притоки Сосьвы, — Большая и Малая Супреи.

На северо-востоке этот массив разделялся на два отрога глубокой и мрачной долиной реки Шарпа.

Дальше на запад тянулся, расплываясь в синеватых туманах, невысокий, плоский, суровый меридиональный Урал.

Эти хорошо знакомые картины необъятных лесов напомнили Дагину его детство. Все здесь ему было хорошо знакомо. Давно, давно, когда он был еще мальчиком, его отправили отсюда в Ленинград. Отец перебрался сюда во Всеволодоблагодатск из Москвы, променяв кафедру профессора астрономии на место заведывающего приисками, чтобы здесь в тишине и уединении работать над какой-то особенной конструкцией изобретенного им рефрактора.

Бешено закружила стрелки на циферблате событий русская революция... Не знает с тех пор Дагин, куда уехал из Всеволодоблагодатска его отец.

Тугой, мягкий звук скатившегося вниз камня вывел его из минутной задумчивости.

Он бросил последний взгляд вокруг и энергично принялся за розыски удобного спуска.

Пройдя двести сажен вдоль отвесной остроконечной скалы, поднимающейся над площадкой, он неожиданно заметил какую-то огромную пристройку из больших гранитных камней. Усиленно забилося сердце от неожиданности и удивления. Здесь, на высоте 5.000 футов, человеческая постройка?!. Еще секунда, — и он нашел дверь.

Прежде всего ему бросилось в глаза обширное помещение, все залитое проникающим сверху светом, какие-то стальные колеса, электро-батареи, радиоприемники и громадные, невиданных конструкций астрономические трубы, выходящие из скалы, к которой примыкала пристройка.

Затем, перед круглым столом на лестнице-кресле — неподвижная фигура старика.

Старик был мертв, но умер он недавно.

Перед его застывшей фигурой лежали груды чертежей, таблиц, фотографических снимков, а среди них недописанный дневник.

Жизнь — буйный вихрь бешеного движения. Бесчисленны, невероятны, непостижимы сочетания жизни. И не есть ли самая яркая фантазия, самый нелепый вымысел лишь слабое отражение действительности? Дагин перелистал быстро дневник... Схватился за сердце. Поплыл на мгновение туман. Побледневшими губами прошептал...

— Обсерватория моего отца. Это пишет неизвестный мне умерший старик...

И вдруг, неистовым порывом охватила его жажда разгадки. Не обращая ни на что больше внимания, он принялся читать этот дневник.

Вот что писал в дневнике умерший старик-ученый.

... Несколько месяцев тому назад умер мой друг и учитель профессор Дагин, основатель этой обсерватории, сделавший невероятные для нашего времени открытия в науке. Он умер от концентрированных лучей радия, случайно посланных Жителями Марса на нашу землю. Слишком поздно мы открыли возможность защиты от этих лучей, но если кто-нибудь попадет после моей смерти в эту обсерваторию, то пусть знает, что без особой — резино-свинцовой одежды и сделанной из свинцового стекла маски нельзя производить наблюдений над Марсом через эти рефракторы.

Десятки лет я работаю вместе с моим другом, и перед своею смертью он поручил мне разыскать его сына и передать ему его последнее письмо и труды всей его жизни.

Такую же просьбу и я приношу к тому неизвестному, который волею судеб когда-нибудь проникнет в эту обсерваторию... Я чувствую приближение скорой смерти и не в силах исполнить просьбу моего друга и учителя.

Профессор Дагин еще до оборудования этой обсерватории разрешил задачу с короткофокусным расстоянием. При помощи особой комбинации линз он заменил громадные современные рефракторы почти микроскопическими, но дающими такое же увеличение.

Применяя далее старый принцип, он увеличивал затем фокусное расстояние сконструированного им рефрактора и достиг, таким образом, невероятных увеличений. В эти рефракторы мы впервые заметили го-рода на Марсе и, наконец, самих марсиан.

Для точности наблюдений потребовалась абсолютная неподвижность рефрактора, и профессор Дагин поэтому совершенно устранил обыкновенный корпус трубы. Он заменил его цилиндрическим, громадным тоннелем в скале, под уклоном оси мира, приделав к отверстиям систему объективов и окуляров. Перед главным объективом помещался вращающийся призматический аппарат, приемник для световых лучей.

При помощи этого приемника, при неподвижности рефрактора, можно получить в объективе трубы любой наблюдаемый предмет.

Обсерваторию мы построили в два года, и это не представило для нас особого труда. Мой друг был заведующим приисками и, под видом приисковых изысканий, мог доставлять все материалы и пользоваться даже рабочей силой, не вызывая ни у кого подозрений.

Результаты наших работ вы найдете в рукописях, хранящихся в шкафах. Но я все же хочу описать здесь наши первые наблюдения, наши первые ощущения того восторга, который охватил нас, когда мы впервые направили изобретенный нами рефрактор в синюю бездну неба.

Я не буду говорить о сотнях открытых нами новых звезд и звездных систем, об открытой нами планете за Нептуном, с двумя спутниками, названной нами Даггидей. Я скажу лишь о наших наблюдениях над Марсом...

Первый раз мы направили рефрактор на область Исменийского озера. Я никогда не забуду восторга, вспыхнувшего у меня ликующим пламенем в груди и сделавшего меня вновь молодым.

Передо мною открылось, поистине, чудесное зрелище.

Марс находился в этом году в периоде великих противостояний и был особенно удобен для наблюдений.

Небо Марса почти всегда безоблачно, но в этот день оно поразило нас своей кристальной прозрачностью.

Голубоватыми лентами расходились от озера шесть каналов, резко проектируясь на огненно-красном фоне окружающей озера пустыни. Пространство между каналами было покрыто изумрудными пашнями, на которых изредка, более темными пятнами, тянулись леса. Вдоль каналов, ровной линией, бесконечно уходящей вдаль, шли постройки домов и непонятных нам сооружений, очень высоких и казавшихся как бы висящими в воздухе. Они стояли на столбах причудливой формы и конструкции. Под домами помещались площади и нижние улицы. Верхние улицы заменялись расположенными вдоль крыши домов широкими металлическими платформами, с рядами самодвижущихся метро и запутанной системой виадуков.

Во время весеннего разлития каналов, орошающих лежащие внутри каналов пространства пашней и лесов, явилось необходимым предохранить дома от бурного разлива весенних вод, несущихся по сети каналов с далеких полюсов.

Город Исмены был в бурном движении.

По каналам с невероятной быстротой мелькали, невиданных нами конструкций корабли. В воздухе горели исполинскими буквами столбцы газет и реклам, которые наши астрономы все еще принимают за сигнализацию с Марса.

С высокого, опрокинутого в горизонтальном направлении цилиндрического здания, около канала Протонилуса, взлетали друг за другом исполинские аэробилы. Как мы узнали позже, там помещалась аэро-станция прямого сообщения с лунами Марса — Фобосом¹⁾ и Деймосом.²⁾ Поразительное зрелище представляли собой эти две луны, изменяющие почти непрерывно свои фазы. Эти две луны — две колонии марсиан. По своим размерам эти колонии микроскопичны. Фобос имеет в поперечнике 54 километра, а Деймос — всего 15 километров. Самая близкая — Фобос. Она находится от планеты Марс на расстоянии, приблизительно, как между нашим Берлином и Нью-Йорком, т.е. на расстоянии 8.700 километров. Пролететь туда на аэробиле с Марса занимает всего 3 часа.

Мы обследовали, таким образом, целый ряд городов и сделали вывод, что самыми большими городами Марса следует считать город Солнца, расположенный у озера того же названия, и город Нилосирт, на берегах Ливии, вокруг Терентского моря.

Недалеко от города Нилосирта, в местности, называемой болотом Тритона, находятся колоссальные залежи урана.³⁾

1)Спутник Марса. Находится от планеты на расстоянии 21.900 километров. Обращается вокруг Марса в 30 ч. 18 м. Диаметр — 15 километров.

2)Спутник Марса. Находится от планеты на расстоянии 8.700 километров. Обращается вокруг Марса в 7 ч. 39 м. Диаметр — 54 километра. По предположениям должен упасть на диск Марса.

3)Минеральная руда.

Здесь расположен целый ряд копей и радиозаводов. Вся эта местность светится голубоватым, мертвенным сиянием, излучаемым залежами урановой руды.

Луны Фобос и Деймос находятся на очень близком расстоянии от планеты. В продолжение тысячелетий это расстояние уменьшается, и луны должны упасть на Марс.

Такое падение первой луны Фобоса мы видели со всеми подробностями. Мы наблюдали в течение недели панику, охватившую марсиан, непостижимые уму разрушения, возникшие на почве паники, которую напрасно старались прекратить отряды охраны, чтобы наладить порядок и упорядочить спасение.

В среду днем появились одновременно, как на небе Марса, так и на небе спутников, столбцы извещений обсерваторий о грозящей гибели для всего северного полушария Марса.

Этого было достаточно, чтоб началась паника.

Жители колоний стремились на континент, жители северного полушария бежали на юг, восток и запад.

Над городом Исменами свирепствовал вихрь отчаяния.

Верхние улицы покрылись сплошной массой бегущих марсиан.

Каналы бурлили от быстро несущихся по направлению к югу кораблей. Аэробили сплошной массой реяли в воздухе.

С Фобоса, точно тучи саранчи, затемнявшей все небо, непрерывно неслись тысячи аэробилей. В непрерываемом хаосе все стремились к городу Солнца. И город Солнца бурлил и кипел, не в силах вместить прибывающих беглецов. Верховный Совет решил прекратить панику, грозящую всеобщим разрушением.

Гигантские, огненные столбцы приказов заполняли

весь день небо. Две воздушных эскадры одновременно понеслись к Фобосу и Деймосу. Там не хватало перевозочных средств, и массы в отчаянии брали аэробилы с бою, погибая сотнями у аэростанций.

Когда эскадры открыли сконцентрированный радио-огонь, желая хоть этой ценой прекратить панику, — вспыхнуло восстание.

Толпы разгромили радио-арсеналы и открыли огонь по эскадре.

Яркие огненные полосы начали прорезывать небо Марса, сметая все на своем пути.

Один из таких радио-залпов был направлен на нашу землю и случайно ранил профессора Дагина, вскоре после этого и умершего.

На континенте планеты также царил паника отчаяния. Верхние улицы обстреливались радио-огнем, и тысячи бегущих падали вниз, вместе с разрушенными метро и виадуками.

Целую неделю свирепствовал вихрь разрушения.

Затем четыре дня продолжалась неожиданно наступившая, мертвая тишина.

И вот, утром во вторник, в ясном кристальном небе произошла катастрофа: Фобос понесся с невероятной быстротой на Марс.

От трения в воздушных слоях он мгновенно раскалился и казался кроваво — красным шаром, окутанным ярко белыми облаками.

Он упал, закрыв пространство между городами Баресиртисом, Исменами и каналом Оксус.

Гигантские клубы паров закрыли на три дня все северное полушарие Марса. Когда пары рассеялись, вся эта местность представляла огненно расплавленную массу, струившую ослепительно яркий свет. Эта масса растекалась к югу, стирая, как резинкой, очертания

каналов и материков.

Потом сплошные облака закрыли на долгое время весь диск Марса. Только огненно-красное пятно на месте упавшего спутника, продолжало струить свой яркий свет, Нам пришлось прекратить дальнейшие наблюдения.

Профессор Дагин вдруг почувствовал слабость.

На груди у него открылась маленькая ранка, и опухоль от нее быстро поползла к сердцу.

Он умер в тот же день вечером. Я похоронил его здесь же, около обсерватории...

Аналогичная ранка оказалась и у меня.....

...На этом кончался дневник.

Среди рукописей в шкафах Дагин нашел письмо отца. Прочитал. Впал в глубокую задумчивость. И вдруг почувствовал, что не было радости, а было что-то другое, большое и непонятное.

В обсерватории царила торжественная тишина.

Сквозь верхние окна лился лиловатый свет заката.

Бесстрастно поблескивали металлические части рефракторов и сложных аппаратов, и все расплывчатей и загадочней становилась темная фигура мертвого ученого.

Дагин думал:

Жизнь — буйный вихрь бешеного движения.

Бесчисленны, невероятны, непостижимы сочетания жизни.

Торопись, поспевай за жизнью!

Отстанешь на миг — никогда не догонишь жизни, не вернешься назад.

А если перегонишь жизнь?..

ДВА МИРА

I. Экстренное совещание у доктора Ни-Асту-Сол

К высокому цилиндрическому зданию, стоящему одиноко в стороне от канала Амброзии, бесшумно подлетел радио-аэробиль.

На откидную площадку у крыши дома из аэробилля вышел доктор Ни-Асту-Сол и бросил рассеянный взгляд вокруг.

С востока поднимался Деймос.

Его узкий серп отражался, дробясь в темной воде канала.

По направлению к Деймосу, сверкая в темном небе длинными рядами огней, неслись три аэробилля пригородного сообщения.

На западе, над городом Солнца, в небе горели исполинские огненные столбцы вечерних газет.

Открыв дверь в крыше дома, доктор Ни-Асту-Сол на электро-кресле бесшумно спустился к себе в кабинет.

Мягкий свет радио-лампы освещал лишь громадный стол, сплошь заставленный приборами. Весь кабинет находился в тени.

Доктор Ни-Асту-Сол был маленького роста, с голым черепом, с большим, выдающимся вперед широким лбом, развившимся за счет лица. Одет он был в легкую хитинообразную одежду.

Он, видимо, был чем-то озабочен, потому что сейчас же, сняв особой конструкции темные очки, подошел к радио-телефону и взял приемник.

Через секунду в металлическом зеркале у радио-телефона вырисовалась стройная, миниатюрная фигура, одетая так же в хитанообразную одежду.

— В чем дело, отец?

— Мне, нужно тебя немедленно видеть, Ги-Сол. Захвати с собой мужа и инженера Ок-я-ги.

— Хорошо, они как раз у меня... Сейчас распоряжусь подать аэро.

Через пять минут над домом спустился радио-аэробиль Ану-Ала-А, мужа Ги-Сол и редактора газеты «Межпланетные известия».

В кабинете бесшумно появились двое мужчин и женщина.

Доктор Ни-Асту-Сол подошел к стене и повернул один из системы рычагов. Со всех сторон кабинет окутали непроницаемые жалюзи-заглушители.

— Так будет безопаснее от газетных репортеров... — сказал он, здороваясь с пришедшими. Потом сел в громадное мягкое кресло и начал тихим, немного надтреснутым голосом.

— Простите, я намерен надолго занять сегодня ваши мысли. Вы все мне одинаково близки. Вы, Ану-Ала-А, муж моей дочери, вы, Ок-я-ги, жених второй моей дочери Ни-Сол, которая, — вам, конечно, это еще неизвестно, — бесследно пропала. Не делайте, пожалуйста, Ок-я-ги, трагических жестов! Я вас пригласил сюда не для этого. Имейте терпение, все придет своим чередом.

Мне уже 2.000 с лишним лет, и вы, конечно, знаете, что я родился у Исменийского озера, в городе Исменах.

Этот город постигла страшная участь. Он был разрушен упавшим в эту местность нашим спутником, когда-то бывшей нашей колонией, Фобосом. Я спасся чудом, попав еще до начала всеобщей паники в аэробиль моего друга.

Все северное полушарие подверглось разрушению.

Местность, когда-то существовавшая между городами Бореосиртисом, Исменами и каналом Оксус, от невероятной силы удара превратилась в огненно-расплавленную массу.

В этом жидком огне сгорела вся наша культура северного полушария.

Климаты изменились, и на всей планете наступила тропическая температура. Наши безводные моря вновь наполнились водой, разрушая наши города и уничтожая пашни. Это было трудное время. Много потребовалось потом трудов, чтобы обуздать природу, разорвавшую цепь нашей власти.

Между тем, огненно-жидкая масса на месте упавшего спутника остыла, и все северное полушарие покрылось исполинской, пышной, доисторической растительностью.

Мы были поставлены совершившимся фактом в невероятные условия.

Южное полушарие представляло собой квинтэссенцию невероятно развившейся техники и культуры, а северное являлось образцом зарождающейся доисторической жизни.

Нечего и говорить о том, что Верховный Совет Марса совершенно изолировал эту область, а умы ученых были направлены туда, чтобы на практике проверить все умозаключения и выводы науки. С невероятным интересом мы наблюдали появление первых, доисторических форм жизни... И, наконец, мы увидели пер-

вое человекоподобное существо, нашего далекого предка. Это случилось сравнительно недавно.

Верховный Совет держал это втайне, а мы должны были хранить ее.

Появление этого человекоподобного существа вызвало большой переполох в Совете.

Начальник охраны Марса — Ци-Го-Ти видел в этом появлении страшную опасность для нашей культуры. Он требовал немедленного уничтожения нового существа, имевшего удивительнейшую способность к быстрому размножению.

Если бы, действительно, для нас не была изжита опасность падения второго нашего спутника — Деймоса, настояния Ци-Го-Ти, пожалуй, имели бы достаточно оснований. Деймос упал бы в южном полушарии Марса и обратил бы все в огненно-жидкую массу. А развившееся затем поколение культуры человекоподобных имело бы возможность, истребив остатки уцелевшей культуры и нас самих, захватить господство над Марсом. Но у нас было слишком много и знаний, и примеров перед глазами: падение нашего собственного спутника Фобоса и, наконец, падение Луны на нашу древнюю соседку Землю. Это заставило нас изобрести особый, взрывающийся в случае необходимости, газ **Ютли**. Он мог удерживать и направлять наш спутник в желаемом для нас направлении и положении. Он преодолевал силу тяготения и мог сообщить независимо от Солнца движение нашей планете, если бы это когда-нибудь для нас потребовалось.

Поэтому члены Верховного Совета, в том числе и я, не поддержали опасений Ци-Го-Ти.

Этим была решена жизнь и дальнейшее развитие человекоподобных. Для изучения жизни на месте туда была послана тайная экспедиция, во главе которой

была моя дочь Ни-Сол. Члены этой экспедиции сегодня возвратились и сообщили мне, что Ни-Сол исчезла и что им не удалось отыскать ее следов.

Мне поручили собрать небольшую вторичную экспедицию, для ее розысков. Эта экспедиция будет состоять из всех нас. Завтра, рано утром мы должны вылететь. Место нашей поездки С-В. 40° широты и 87° долготы. Вот и все!..»

— Однако, уважаемый доктор... — задал вопрос все время безмолвно и внимательно слушавший Ок-я-ги. — Я надеюсь, что это не все. Скажите, жизнь Ни-Сол вне всякой опасности? Предполагать другое было бы ужасно.

— Да, в этом вы можете быть совершенно спокойны. В ее исчезновении я склонен видеть нечто другое. Завтра, во время поездки, я прочту вам ее последнее письмо. Вам многое тогда станет понятным. Вас, дорогой Ану-Ала-А, я беру с собой на заседание Совета. Оно начнется через полчаса, и нам нужно спешить.

— А ты, дорогая Ги-Сол, как думаешь провести сегодняшний вечер?

— Я хочу съездить в Межпланетный клуб, если Ок-я-ги не откажется мне сопутствовать.

— Итак, до завтра.

Деймос — спутник Марса. Находится от планеты на расстоянии 21.900 верст. Обращается вокруг Марса в 30 ч. 18 м. Диаметр — 15 верст.

Фобос — спутник Марса. Находится от планеты на расстоянии 8.700 верст. Обращается вокруг Марса в 7 ч. 39 м. Диаметр 54 версты. По предположениям, должен упасть на диск Марса.

2. Кри-Острый Зуб встречает «божество гор»

Рано утром, когда все племя еще спало, Кри ушел в лес. Он пробирался к лесному озеру, где на отлогих берегах, в золотистом песке, лежали большие цветные раковины.

Племя постигло несчастье.

Три дня уже плакали женщины, хмуρο глядели мужчины и не выходили на охоту. Не слышно было веселых песен.

Старейший в роде жрец Биканджапур — белобородый напрасно приносил жертвы на черном камне.

— Около черного камня, которому поклонялось племя, бил источник пресной воды.

Теперь источник неожиданно иссяк.

Черный камень разгневался. Черный камень мстит.

Кто прогневил черный камень?

Сегодня ночью Кри приснился сон... ..Сидит он у черного камня. Струится яркое солнце, пробиваясь сквозь зелень листьев. Лежит черный камень молчаливый, торжественный. Не доходят до него лучи солнца — со всех сторон окутали камень ветви деревьев. В зеленоватом свете все вокруг. Как будто лежит камень на дне озера, а вокруг вода.

Видит Кри, что выходит из леса к черному камню седая *кайя*.¹⁾ Почему пришла к Кри седая *кайя*?

Только один раз видел их Кри. Далеко, по ту сторону гор живут они. Не любят людей огня. Владели они раньше всеми лесами, озерами и горами. А теперь люди победили их. Хотел спросить ее Кри, но она вдруг подошла к нему вплотную и сама заговорила.

1) *Кайя* - обезьяноподобное существо.

— Бесхвостые *кайи* добыли огонь и победили нас. Но бесхвостые *кайи* не понимают, что говорят камни. Я скажу, чего хочет черный камень.¹⁾ Найди Кри раковину белую, как пена, с краями, как кровь. Найди и положи на черный камень. Будет тогда вода. Будет великая радость племени. Мир воцарится между всеми *кайями*.

И вот, идет он к лесному озеру за белой раковиной с краями, как кровь.

Легко ему идти.

Верит он, что принесет раковину, и будет вода, в источнике. И будет ему великий почет от племени. Жрец Биканджапур отдаст ему тогда в жены свою дочь Обинпуру, которую Кри давно любит.

Пришел Кри к лесному озеру. И, действительно, нашел раковину белую, как пена, с краями, как кровь.

На виду она лежала, наполовину зарывшись в песке.

Не солгала седая обезьяна. Все как она сказала, так и вышло.

Идет теперь обратно Кри к черному камню.

Весело ему.

Поет Кри.

— Черный камень не будет больше мстить. Кри несет ему раковину. Снова будет вода в источнике. Хорошо! У Обинпуру косы длинные, как лианы, глаза темные, как черный камень. Сильна и ловка Обинпуру. Ай-ля-ляй! Кри любит Обинпуру. Он возьмет ее в жены!

Лес вплотную подходил к скалистым горам. Рядом с горами, на поляне лежал черный камень.

1) *Первобытный человек обожествлял непонятные ему явления природы и верил в чудеса; наука разъяснила все эти явления. Проснулся Кри.*

Подошел к нему Кри и без страха положил раковину.

Ждет. Сейчас хлынет вода в источнике...

И видит он, что выходит к источнику большой пещерный ка.¹⁾

Дрогнуло у Кри сердце, забилося в груди, как лодка на волнах о берег. Достал он стрелу с каменным накопечником и натянул лук. Прицелился прямо в сердце.

Но сейчас же отбросил лук.

Повернулся ка.

Грудь вся седая и уши седые. Священный зверь — убивать нельзя! Может быть это дух черного камня...

Зарычал ка, идет к нему навстречу...

Молча стоит Кри.

Хрипло вырывается из груди зверя дыхание. Белая пена падает с морды на траву.

Близко ка.

Видит уже Кри в его злых, обведенных желтой каймой глазах свое лицо...

И вдруг, яркий свет, точно молния, прорезает зеленый сумрак поляны...

Падает ка у ног Кри.

А справа, в самом конце поляны стоит невиданное существо с поднятой рукой, из которой вылетела огненная стрела, убившая ка — духа черного камня.

Божество гор!

Упал на колени Кри и закрыл лицо руками.

Не должен смертный видеть божество!

Но не закрываются глаза и сквозь пальцы видят, что, уходя в зеленый сумрак леса, улыбается божество гор.

1) Ка – подобие медведя.

3. Ни-Сол создает новую религию

Ни-Сол умышленно скрылась от экспедиции. Последняя, потратив безрезультатно несколько дней на ее поиски, решила что Ни-Сол, вероятно, погибла; все члены единогласно постановили уехать без нее, тем более, что срок отъезда уже истек, ботанические коллекции были полны, и опыты по радио-зоологии произведены.

Ни-Сол была этому чрезвычайно рада. Она нашла себе пещеру в скалистых горах, где и поселилась. Недалеко от пещеры лежал черный камень, и бил источник пресной воды.

Чтобы не тратить времени на ежедневное хождение за водой к источнику, куда, между прочим, ходили и все пещерные *ксами*¹⁾, в изобилии обитающие вокруг и представляющие серьезную опасность для жизни, Ни-Сол отвела воду к себе в пещеру, и таким образом источник у черного камня прекратил свое существование.

Последнее обстоятельство, правда, изгнало пещерных *ксами*, но и послужило причиной больших волнений в племени, перевернувших налаженный уклад жизни человекоподобных.

Это началось как раз с того момента, когда Ни-Сол встретила у черного камня человекоподобного Кри, в священном ужасе смотрящего на высохший источник.

Желая спасти его от пещерного *ксами*, она вышла из своего укрытия, и Кри увидел ее.

Кри отправился немедленно в лагерь и рассказал жрецу о встреченном им «божестве гор» и о том, что теперь нужно приносить жертвы этому новому, всемо-

1) *Ксами* – подобие медведей

гущему божеству, убившему молнией дух черного камня, в лице ка.

Это легкомысленное сообщение чуть не стоило жизни Кри. Новые идеи всегда прививаются с трудом, а пророки в большинстве случаев избиваются камнями.

То же случилось и с Кри. Жрец возбудил против него племя, и Кри спас свою жизнь только бегством, предупрежденный своевременно своей возлюбленной, Обинпуру.

Однако, новая идея, встреченная так враждебно, не исчезла бесследно и начала давать ростки.

Почти ежедневно к черному камню начались паломничества, возглавляемые жрецом Биканджапуром. Убитый Ни-Сол ка — дух черного камня — был торжественно похоронен недалеко от источника. Через три дня жрец предсказал его воскресение. Он приносил на черном камне жертвы, сжигая птиц, куски мяса убитых животных и священные стебли тростника, бормоча заклинания и наблюдая за высохшим источником.

Но дух черного камня был нем к молитвам. Источник оставался в прежнем состоянии.

По унылым лицам человекоподобных паломников Ни-Сол начала догадываться, что с каждым днем они все более и более неохотно приносили жертвы и с недоверием поглядывали на жреца, старавшегося изо всех сил поднять авторитет черного камня.

Трехдневный срок, провозглашенный жрецом для воскресения духа камня, истек.

Сомнение в могуществе черного камня, помимо их воли, вкрадывалось в их сердца...

И вот однажды Ни-Сол увидела изгнанного из племени Кри. Он пришел к высохшему источнику рано утром, еще до восхода солнца. В руках у него был

большой пучок белых цветов, который он положил к источнику.

Это была первая жертва новому божеству!

Кри долго стоял на коленях и простирали руки к скалистым горам. Горы вырисовывались черными силуэтами на изумрудно-розоватом, начинающем светлеть небе. А когда из-за гор взошло, наконец, солнце и брызнули розоватые лучи, фигура Кри с простертыми вверх руками застыла в торжественном экстазе.

В это мгновение он был прекрасен.

Сердце Ни-Сол дрогнуло. Незнакомые, мучительно-сладостные ощущения пронесли ликующим вихрем восторга.

Он молится ей, Ни-Сол, — «божеству гор»!

Этот бронзовый дикарь — человекоподобный, такой детски-наивный в своем экстазе и беспомощный в своем героизме, в это мгновение показался ей прекраснее и могущественнее всех ее современников.

«Он молится «божеству гор» об оживлении источника, — подумала Ни-Сол. — Хорошо, «божество гор» принимает молитву! Завтра источник оживет! Серебряным звоном зазвучат его струи по остроконечным камням, алмазными лентами протянутся по изумрудной траве, возвещая племени о новой религии. Пусть завтра начнется новая, «великая эра» в развитии племени!

«А этот изгнанный и презираемый всеми дикарь пусть делается завтра всемогущим и всеми почитаемым. «Божество гор» умеет награждать за доставленную радость, тем более, что «божеству» это ничего не стоит, кроме... ежедневного труда хождения за водой...»

4. Смерть Обинпуру

На лесном озере было много, сплошь заросших деревьями, островов. После изгнания из племени на одном из них Кри нашел себе приют.

О месте его пребывания знала одна только Обинпуру. Она иногда приходила к озеру, и Кри, услышав ее условный призыв, перевозил ее на остров на сделанном им челноке.

На острове не было зверей, и жить было безопасно. В свободное от добывания пищи время Кри занимался любимым своим занятием — резьбой.

Острым резцом-камнем на плоской раковине несколько дней подряд изображал «божество гор», поражающее молнией ка — духа черного камня.

Работа его настолько увлекала, что он забывал все окружающее.

Только один раз за все это время им был покинут остров, когда он, у источники черного камня, принес в жертву «божеству гор» белые цветы. Но в тот же день он вернулся на остров и снова принялся за работу. Однако работы ему не пришлось окончить, так как в этот день произошли для него серьезные и неожиданные события.

В полдень с берега раздался условный призыв Обинпуру.

Кри перевез ее на челноке. Они ушли вглубь острова и расположились на открытой поляне, сплошь заросшей белыми цветами.

Обинпуру, волнуясь и плача, стала рассказывать. Она больше не вернется к племени. Она убежала отту-

да навсегда. Она хочет теперь быть са¹⁾ Кри. Отец держал ее в заключении, в яме. Он ненавидит Кри и поклялся его убить.

Кри долго думал.

Вдруг неожиданная улыбка согнала мрачную тень с его лица. Глаза весело засверкали.

— Слушай, Обинпуру, — ты будешь моей са. Мы уйдем далеко-далеко от племени и будем жить одни. Черный камень и твой отец не будут нам мстить, мы будем верить в «божество гор». Улыбнись, Обинпуру!

И Обинпуру улыбнулась.

Они обнялись и, сидя рядом, начали строить веселые планы на будущее. В челноке они доедут до конца озера и там уйдут в лес. За лесом начнутся горы. Там нетрудно будет найти удобную пещеру. У Кри есть два копия, стрелы и сильные руки — стоит ли мрачно смотреть на будущее!

Когда им надоело строить всевозможные предположения, они стали играть. Обинпуру убежала, Кри ее догонял. С ловкостью *кайи* они взбирались на деревья и прятались друг от друга в густой изумрудной листве.

Вечером они зажгли костер и легли спать. Обинпуру скоро уснула, но Кри долго сидел и смотрел на голубое небо. Там мерцали крупные зеленоватые звезды. Неясные и неопределенные мысли, подобно ветру в листьях деревьев, проносились и его мозгу. Вереницы вопросов вставали перед ним, такие же непонятные ему, как и весь окружающий его мир.

Кри оторвал свой взор от неба. Все подавляло его там грандиозностью и тайной и не находило ответа в его бедном представлении мозгу. Земля была понятнее.

1) Са - жена

Обинпуру спала, закинув руки за голову. Грудь ее равномерно поднималась в такт дыханию. Полуоткрытые губы что-то шептали во сне. Кри наклонился к ее лицу, и его обожгло ее горячее дыхание. Вихрь желаний стал раскачивать сердце. Голова закружилась. Белые цветы струили острое, терпкое благоухание... Но сейчас же явилось незнакомое раньше чувство робости, мучительной нежности и жалости.

— Обинпуру устала, не нужно тревожить ее сна.

Он посмотрел на костер. Пламя колебалось, собираясь погаснуть. Нужно было найти сучья. Бесшумно поднялся Кри и пошел за сучьями к берегу.

Едва уловимый всплеск воды привлек его внимание.

К острову подъезжал длинный челнок. В нем Кри заметил трех воинов с боевыми копьями и белую бороду Биканджапура, сидевшего у кормового весла.

Кри мгновенно сообразил положение вещей. Опасность была велика. Сквозь темную зелень листьев тускло-багровым пятном мерцал догорающий костер. Он выдавал его убежище.

Кри едва успел добежать до костра и взять копьа, как враги показались уже на поляне.

Обинпуру проснулась и, увидев идущего сзади воинов отца, поняла в чем дело.

Кри издал боевой клич и, не дожидаясь нападения, сам вступил в бой. Этим он выиграл время и первым копьем с размаха пронзил одного воина. Тот, широко раскинув руки, упал лицом в траву. Двое других, стараясь его окружить, разошлись, прячась за деревьями. Биканджапур не вступал в бой. Прячась за деревьями, он пускал стрелы. Одна из его стрел вонзилась в ногу Кри.

Кри понял, что ему лучше отступить к берегу. Там он будет защищен сзади водой.

Избегая ударов бросаемых в него копий, он, прячась за деревьями, стал медленно отходить к воде.

Но в это мгновение пущенная Обинпуру стрела сразила второго воина. Эта неожиданная помощь изменила положение.

Кри прекратил отступление и бросился на последнего воина.

В тот же миг он услышал слабый стон Обинпуру... Он понял и чем дело и вместе со злобой отчаяния почувствовал прилив новых сил.

Пуская стрелу, Обинпуру неосторожно вышла из-за дерева, и ее геройский поступок стоил ей жизни.

Биканджапур натянул лук, и пущенная им стрела впиалась в грудь Обинпуру. Со стоном упала Обинпуру около дерева...

Кри в это время освободился от своего последнего врага, свалив его на землю ударом копья по голове. Биканджапур это заметил... Пора было подумать о спасении собственной жизни. От природы он был труслив. Насколько ему позволяла его тучность, он побежал через поляну к челноку...

Кри его не преследовал. Он склонился над неподвижно лежащей в траве Обинпуру.

Вырвав у ней из груди стрелу, он вместе с последней погасил едва уловимое биение жизни, от которого еще вздрагивали веки ее закрытых глаз.

Кри не понимал смерти. Чем-то огромным, угрожающим и всегда неожиданным врывалась она в окружающий его мир. Но жизнь в своем целом оставалась неизменно-прежней.

Исчезали бесследно только ее отдельные части. И поэтому Кри не мог понять, что навсегда могут исчез-

нуть части, если целое всегда неизменно, если целое слагается из этих частей.

И теперь он думал, что жизнь Обинпуру, вырвавшись, как пар, из отверстия раны, перешла в какое-нибудь животное, птицу или растение. Не исчезла бесследно, а слилась лишь с окружающим его вечным и неизменным миром.

«Божество гор» может вернуть жизнь обратно в тело.

«Божество гор» — всемогуще!

Эта мысль явилась у Кри неожиданно и всецело поработила его. Взяв тело Обинпуру на руки, он медленно пошел в берегу, к своему челноку...

Положив тело Обинпуру на дно челнока, Кри выехал на середину озера и заметил пустой челнок, на котором приехали его враги. Челнок кружился на середине озера, медленно уносимый течением.

Кри понял, что Биканджапур, вероятно, упал в воду и сделался жертвой какого-нибудь ящероподобного, которые в изобилии обитали в озере.

Это скользнуло в его мозгу, не оставив следа. Он слишком был занят своими мыслями, слишком жаждал чуда...

Могла ли интересовать его судьба Биканджапура?

Когда он вышел на берег, начался рассвет...

Подходя к черному камню, еще издали увидел Кри, что источник ожил. Серебряным звоном звучали прозрачные струи, падая на острые камни.

«Божество гор» сдержало свое слово.

5. Экспедиция отправляется на розыски

Радио-аэробиль бесшумно мчался вдоль залива Авроры, за которым, бесконечной прямой линией, синел канал Ямуна.

Было еще рано.

Обычная жизнь в городах еще не начиналась, лишь на всем протяжении залива Авроры, занятого пашнями, ползли в разных направлениях электро-тракторы, управляемые механическими рабочими. Последние были сделаны из мягкого телоподобного сплава резины и клевета,¹⁾ а радио-механизм внутри, координирующий их движения, регулировался лучами главной земледельческой станции.

— У нас времени три часа... — сказал доктор Ни-Асту-Сол — я прочту вам, как обещал, последнее письмо Ни-Сол.

«Дорогой отец, я, наконец, в этом сказочном мире! У меня сейчас такое чувство, как будто бы я вновь родилась и забыла навсегда всю нашу культуру, все наши знания. Надо мной шумят гигантские хвоицы. Я стою у индигового лесного озера. На песке передо мной лежит мертвый аерали²⁾. Два его больших глаза, на толстом головном щитке, устремлены на меня. Пойми, через сколько миллионов лет эти глаза, напоминающие шлифованный алмаз в оправе, смотрят на меня... Члены моей экспедиции действуют мне на нервы. Твой подбор ученых оказался неудачным. Здесь нужны люди, умеющие и желающие переносить опасности. Весь этот мир — одна сплошная опасность, одно сплошное пламя жизни и борьбы за жизнь. Мне удалось без особенного труда найти жилище человекоподобных.

1) Редкий радиоактивный минерал, найденный на севере СССР.

2) Нечто, похожее на доисторического трилобита.

На С.-В. 40° широты и 87° долготы находятся отроги скалистых гор. Там в пещерах поселились человекоподобные. Я нашла очень удобную пещеру, где жили раньше черные пещерные ксами, которых человекоподобные называют ка. Я занялась систематическим и подробным изучением их жизни.

И не могла себе представить, какую неоцененную услугу принес мне посланный тобой репортерский костюм-невидимка. Он защищает меня от всех опасностей.

В наших городах я ненавидела это вредное изобретение, приносившее мне не мало огорчений. Не желая себя уродовать, я не носила очков, что делали все наши дамы, чтобы «видеть» невидимых репортеров и избежать опасности появления своих сокровенных тайн на огненных столбцах воздушных газет.

Я надеюсь тебя скоро обрадовать серьезными данными в области радио-зоологии.

Твоя Ни-Сол».

Доктор окончил чтение.

Первой заговорила Ги-Сол.

— Я всегда знала, что моя милая сестрица очень экзальтирована. В ней бурлит кровь ее матери-поэтессы, воспевающей прелести этого мира... Но, во всяком случае, все это очень интересно. Я благодарна, тебе, отец, за эту поездку. Мне порядком надоел наш Межпланетный клуб и Всепланетная радио-опера.

Ану-Ала-А засмеялся, и его безволосое, сморщенное, всегда мрачное лицо с клювообразным носом сделалось веселым.

— Держу пари, что Ни-Сол влюбится в кого-нибудь из человекоподобных!

— А я посоветовал бы ей влюбиться лучше в дизаа,¹⁾ это будет оригинальнее и принесет мне меньше огорчений... — вставил Ок-я-ги и подошел к переднему круглому окну аэробилия, где помещался увеличительный аппарат.

— Смотрите, там вдали зеленеет наш доисторический мир!

Действительно, в синевато-прозрачной дымке, окруженный высокими скалистыми горами, в котловине раскинулся необозримый изумрудный простор пышной и мрачной растительности.

Над ним прозрачно-золотисто-фиолетовыми полосами неслись облака.

Высокие, отвесные горы как будто с определенной целью отделяли этот мрачный, доисторический мир, беспредельно порабащающий человека, от мира современного, прошедшего бесконечно длинный путь в своем развитии и всецело поработанного властью человека.

— Скажите, уважаемый доктор, — задал вопрос Ок-я-ги, — каким образом совершилась здесь без участия солнца вся эта сложная эволюция жизни? Я инженер, и это мне не совсем понятно...

Ни-Асту-Сол подошел к рулю и, взглянув на аэрокомпас, изменил направление аэробилия.

— Я готов ответить на ваш вопрос. Ок-я-ги. То, что мы называем жизнью, мы видим в этом удивительном чуде природы, — органической клетке. Эта живая клетка создавалась в те времена, когда планета еще светила, подобно потухающему Солнцу и звездам. Она не нуждалась тогда в свете Солнца, и только позже, когда планета остыла, жизнь стала приемышем Солнца.

1) Дизаа – подобие доисторического динозавра.

В данном случае мы видим яркий пример зарождения жизни на нашей мертвой планете, где уже погиб весь животный мир, и только искусственно поддерживался нами мир растительный. И вот достаточно было падения нашего спутника Фобоса, чтобы вновь вспыхнуло угасающее пламя жизни...

— Ну, а как же обстояло дело с первобытным «раем», идеи о котором так долго занимала когда-то существовавшие религии нашей планеты? Об этом забытом теперь «рае» так любили вспоминать наши поэты.

— От этой идеи ты скоро освободишься, дорогая Ги-Сол. Ты увидишь, какая жестокая и ужасная борьба происходит в этом мире. Там все пожирает друг друга. Смерть была древнее «рая», и ее дуновением гасились огоньки жизни для того, чтобы давать горячий материал для будущего вечного пламени жизни.

Я, к сожалению, должен прекратить нашу милую болтовню, так как мы достигли своего назначения.

Мы спустимся вот здесь, у этих скал, и пойдем в лес, захватив с собой лишь необходимые нам предметы.

6. В доисторическом лесу

Второй день находились спутники в мрачном, доисторическом лесу. Они шли к скалистым горам, где по сообщению Ни-Сол жили человекоподобные.

Ярко горело вокруг пламя жизни. Теплый влажный ветер гнал с лесных болот и озер облака золотистой растительной пыли. И в каждой такой пылинке горел огонь жизни. И из каждой такой пылинки возникало новое растение.

Около исполинских, разросшихся хвощей, к которым примыкало лесное озеро, Ги-Сол увидела белый красивый цветок, прибитый к берегу.

— Это мужской цветок *орияли*¹⁾... - объяснил Ни-Асту-Сол. — Его история очень интересна. Это прообраз отделения животного от растения. Растение находится на дне. Когда наступает время оплодотворения, растение выбрасывает на длинном стебле на поверхность воды женский цветок.

У мужского цветка природа создала слишком короткий стебель. Он не может дотянуться до поверхности. Но акт оплодотворения должен быть исполнен. Мужской цветок делает тогда героическое усилие, отрывается от своего стебля и выплывает на поверхность. Приблизившись к женскому цветку, он передает ему пламя жизни, а сам уносится ветром и погибает. Этот прекрасный порыв принесения себя в жертву для будущего — основа жизни...

Ги-Сол вдруг вскрикнула, схватив в ужасе Ану-Ала-А за руку.

— Что это такое?! Посмотрите!

В чаще хвощей послышался заглушенный топот.

1) *Орияли* - наш цветок *валиснерия*.

Ломая молодые побеги, неожиданно выскочил отсюда громадный *гобри*¹⁾. С неопишуемой яростью он бросился на спутников.

Все растерялись.

Дорожные тюки и оружие были необдуманно оставлены за несколько сажен от озера. На счастье, один только Ок-я-ги взял с собою радио-револьвер. В самый последний момент, когда гобри был в двух шагах Ок-я-ги выстрелил.

Невероятно яркий луч, как огненно-узкий бич, хлестнул зеленый влажный полумрак.

Гобри в эту же секунду тяжело рухнул на траву.

Все склонились с любопытством над этим громадным, величиною со слона, мертвым животным.

Один только доктор Ни-Асту-Сол, но обращая на него внимания, ползал на коленях по траве и шарил вокруг рукой, разыскивая упавшие в суматохе очки.

В это же время он продолжал говорить тем же поучительным тоном, как и за несколько минут до этого.

— Однако, вы знаете ли, что это за животное? Это простая мышь. Постепенно развиваясь, она достигла таких размеров. Вас это поражает? Где же мои очки?

Все рассмеялись и принялись за поиски. В зарослях послышался новый шум... Ану-Ала-А схватил доктора за руку.

— Скорей к нашим тюкам! Оденем костюмы-невидимки... Кто знает, какой еще нам готовится сюрприз...

Но в это мгновение из зарослей выскочила громадная толпа человекоподобных. Голое, волосатое тело покрывала у бедер шкура пещерного ксами. В руках были копья с острыми каменными наконечниками. У некоторых были тяжелые каменные топоры.

1) *Гобри* – доисторический дипротодон.

С неистовым ревом часть их окружила мертвого гобри, а другая бросилась в погоню за нашими спутниками.

— *Кауй! Кауй!* — кричали они, потрясая оружием.

Первым был окружен отставший доктор.

Ок-я-ги, а с ним и все остальные, успевшие добежать до тюков, принуждены были возвратиться на выручку доктора. Один только Ок-я-ги успел вытащить брюки-невидимки... На ходу он успел их надеть... Нижняя часть его туловища сделалась невидимой... Это произвело на человекоподобных ошеломляющее впечатление. Верхняя часть туловища Ок-я-ги висела в воздухе, размахивая руками.

Неописуемый ужас охватил человекоподобных. Они упали на колени и, пригибаясь до земли, гортанными, жалобными голосами стали выкрикивать одно и то же слово.

— *Ни-Сол! Ни-Сол! Ни-Сол!*

Доктор подошел к Ок-я-ги.

— Вы что-нибудь понимаете?

— Даже не имею надежды понять.

— А вы, Ану-Ала-А?

— Полнейший мрак неизвестности.

— Я слышу, что они как будто произносят имя моей сестры.

— Это и мы все слышали, Ги-Сол. Но это и есть для нас самое непонятное.

— Факт, между тем налицо. Человекоподобные настроены по отношению к нам миролюбиво. Смотрите, они куда-то нас зовут, и при этом чрезвычайно почтительно.

— Я полагаю, что нам нужно с ними идти, — заявил Ану-Ала-А. В нем вспыхнула репортерская страсть к сенсационным приключениям.

— Я тоже полагаю, что это скорейший способ понять непонятное.

— И я согласен с вами... — заявил доктор.

Забрав свои тюки, двинулись в путь.

Впереди шли человекоподобные, расчищая дорогу. Они что-то выкрикивали пронзительными, радостными голосами.

Заросли хвоей скоро кончились. За громадной открытой поляной высились высокие скалистые горы. На всем протяжении поляны горели громадные костры.

Черный смолистый дым поднимался тяжелыми облаками к небу. Вокруг костров, в равных направлениях, сновала громадная толпа человекоподобных. Часть их, разрубавшая на куски убитого *гобри*, бросилась к ним навстречу.

Когда все спутники подошли к становищу, лица их приняли одинаковое выражение невероятного удивления...

Навстречу к ним шла, улыбаясь, Ни-Сол, перед ней падали на колени, закрывая лицо руками, человекоподобные.

7. Разговор пришедших «богов»

Вечером все сидели у пещеры на вершине скалистых гор и смотрели на расстилающийся перед ними вечеряющий простор. Внизу на поляне горели багровым пламенем костры.

Синеватыми облаками поднимались над лесом испарения. В лесу кричали звери.

Иногда в воздухе темнели громадные крылья ночных птиц.

Ни-Сол говорила.

— Когда я пришла впервые к человекоподобным, у них царил еще культ камня и животных. Это племя называет себя Марасатуками. Другое племя живет по ту сторону гор. Оно малочисленнее.

Меня сначала очаровал этот жестокий мир. Я помогала человекоподобным в их борьбе с природой. Они проявляли немало героизма. Увидев меня однажды, когда я поразила выстрелом *ксами*, человекоподобные стали считать меня божеством гор. Это я — Ни-Сол, божество!? Могли ли вы предполагать что-либо подобное... Перейдя, таким образом, к культу человекобогов, это племя сделало громадный скачок в своем историческом развитии. Однако, не завидуйте мне... Вас они приняли, конечно, тоже за богов, пришедших ко мне на помощь, чтобы управлять миром и их племенем.

Но я очень скоро увидела эту громадную пропасть времени между ними и собой. Я почувствовала ужасное одиночество и тоску. Жизнь — непрерывный поток вечного движения, несущий все вперед. Каждая секунда, каждый час, каждый день жизни уносит нас все дальше и дальше. И при всем нашем желании вернуться назад невозможно, этот поток не пустит нас. Ежесе-

кундно мы обогащаемся опытом и знаниями. Каждый вчерашний день не может быть для нас сегодня таким же, каким был вчера. Передо мной встал вопрос: что мы будем делать с этими существами?

В нашей культуре мы ушли от них так неизмеримо далеко, что они нам совершенно не нужны. Мы не можем их сделать даже своими рабами. Наши механические рабочие в этом отношении удобнее и продуктивнее для нас. Нам, сделавшим труд творчеством и достигшим этим счастья, совершенно не нужны эти существа...

Все глубоко задумались.

Мрак сгущался. На поляне, перед багровым пламенем костров сновали человекоподобные, размахивая каменными топорами.

Их громадные, причудливые тени уродливо змеились на выжженной поляне.

— Они танцуют свой священный танец в честь нас, пришедших богов... — после долгой паузы произнесла Ни-Сол.

Над лесом взошел оранжевый серп Деймоса. Около него вспыхнула едва заметная звездочка и понеслась вниз.

— Смотрите! Аэробиль отлетел с Деймоса.

— Какая нелепость?! Доисторический мир и аэробильное сообщение.

Ни-Сол засмеялась и обвила руками шею Ок-я-ги.

— Знаешь, что вечно и неизменно? — Чувство любви...

К НОВОМУ СОЛНЦУ

1.

Заседание совета Межпласо. Доклад Ро-па-ге.

Решение должно быть немедленно приведено в исполнение!

По всему небу, нависшему чугунным куполом над обледеневшей сталью верхних улиц, ослепительно пылали сине-изумрудные созвездия.

Планет уже не было видно. Свет угасающего солнца был недостаточен для их освещения. Давно уже день отличался от ночи только тем, что днем, среди пылающих на черном небе созвездий, появлялся тускло-багряный, испещренный дымными полосами, солнечный диск.

Верхние улицы были давно покинуты людьми. Теперь там лежал толстый слой льда. Он заполнил собой все метро, все бесконечные крыши верхних сооружений, изумрудными сталактитами свешивался с виадуков и проникал во внутренние части зданий.

Спасаясь от холода, люди покинули верхние дома и ушли под землю. Там была сосредоточена вся исполинская работа их жизни. Бешеный темп этой работы зажег одним пламенем все сердца. Все личное радостно и беспрекословно приносили в жертву этой работе.

Никогда ничего подобного не знала история человечества.

В большом круглом зале совета Межпласо происходило заседание правительства.

Характерно поскрипывали радио-стенографы, записывающие речи. За стенографами сверкали стеклянные полосы-гранки. Вспыхивающие в них беспрерывно слова слагались в речи. С этих стеклянных гранок, произносимых на собрании речи разносились радио по всем городам Марса.

Лица у присутствующих были серьезны и торжественны.

Председатель Межпласо, инженер Ро-па-ге, произносил последнюю речь.

— Понятно, почему наши сердца зажжены сейчас одним пламенем. Мы разрешаем задачу жизни у и смысла всего человечества. Солнце — источник жизни нашей планетной системы — угасло. Оно озаряло длинную и тернистую дорогу планетарного человечества. В первые дни доисторического мира оно ярко-голубым светом озаряло жизнь наших далеких предков. Теперь оно угасло, и мы видим его багровый, зловещий свет. Мы прошли бесконечно длинный путь жизни. Мы пронесли по этому пути все ценности культуры и науки. Мы — последние представители человечества!

Наша жизнь была неразрывно связана с солнцем. Мы присутствуем теперь при его гибели. Мы остались одни: связь с другими планетами прекратилась. Холод и смерть разъединили теперь когда-то тесно спаянную между собой семью людей планет; все заняты только своим спасением. Холод и смерть...

Он умолк и обвел зал сверкающими глазами. Все сидели безмолвно. В абсолютной тишине слышалось только порывистое дыхание присутствующих да поскрипывание стенографов.

После минутой паузы Ро-па-ге стал продолжать свою речь.

— Наши предки полагали, что главным источником поддержания солнечной энергии являлось его сжатие, а поэтому тепловой энергии солнца должно хватить лишь на 17 миллионов лет. После этого срока солнце уплотнится подобно нашей планете. В общем это было правильно, но в деталях этот срок гибели солнца отодвинулся неизмеримо дальше. С открытием радия определилось его свойство непрерывно выделять теплоту. От эманации радия получались совершенно новые атомы гелия. Раз гелий является эманацией радия, и его присутствие открыто на солнце, то и тогда уже можно было сделать вывод, что радий существует и на солнце. Впоследствии это было подтверждено наукой, и в области новых источников тепловой энергии солнца открылись широкие горизонты. Ясно поэтому, что солнце сохранило свою энергию на неизмеримо большее протяжение столетий, чем это предполагалось нашими предками.

Но и эти сроки прошли...

Солнце погасло.

Неужели с его смертью и нас ожидает гибель? Неужели все достижения культуры и науки должны погибнуть вместе со смертью солнца? Неужели путь, пройденный человечеством, — бессмыслен?!

Нет!

В последнее столетие мы произвели гигантскую работу. Сегодня она окончена. На полюсе построены исполинские пятнадцатикилометровые аппараты. В них взрывается газ.

При помощи этих взрывов мы оторвемся от притяжения нашего солнца и перенесемся через мировое пространство к новому солнцу. Пространство во мно-

гих местах занято газообразными, темными массами и облаками космической пыли. Они поглощают свет звезд, расположенных за ними. Несясь в продолжение тысячелетий, вместе со всей солнечной системой, наша планета, соприкоснулась сейчас с таким космическим облаком. Эта счастливая случайность дала нам возможность, при помощи взрыва, направленного в более плотную часть космического облака, преодолеть притяжение нашего солнца и унести в пространство.

Сегодня мы вынесем решение отправиться в далекий путь!

Через ледяные просторы мирового пространства, к серебряной дороге Млечного Пути, — к новому солнцу и новой жизни. Сегодня мы кончаем со старой жизнью! Через два года нам будет светить новое солнце! Наше решение должно быть немедленно приведено в исполнение!».

Он умолк и сошел с кафедры.

Из-за большого круглого стола поднялись все присутствующие.

— Решение должно быть немедленно приведено в исполнение!

— Сообщите по радио на полюс!

— Немедленно!

Ро-па-ге подошел к столу и написал приказ.

В абсолютной тишине приказ был всеми подписан.

После этого все снова уселись за круглым стол и продолжали хранить молчание. Это продолжалось, пока шла передача и исполнение приказа.

Вдруг внезапный легкий толчок показал, что на полюсе произошла первая вспышка газа. Приказ привели в исполнение.

Все снова вскочили из-за стола и, удерживаясь за спинки кресел от непрерывного ряда следовавших

вторичных сотрясений, окружили Ро-па-ге, склонившегося над овальным зеркалом, отражающим небо.

В выпуклой поверхности зеркала, с запада на восток быстро передвигались пылающие созвездия. Большая Медведица, в виде вытянутой зигзагообразной линии, сверкала у самого горизонта. Несясь по орбите, планета медленно отделялась от нее, уносясь вправо. Это было ясно, так как из-за горизонта появлялись созвездия южного полушария.

Вдруг, у края овального зеркала, вспыхнуло красное, дымное пятно угасающего солнца, расплываясь и уносясь в направлении с запада на восток.

2.
Организатор Общества «Солнечный двигатель»
и его дочь

Ро-па-ге с заседания возвратился к себе домой веселый и радостный.

Наконец-то сбылась мечта всей его жизни. К нему снова возвращались потерянные им за последнее время влияние и власть.

Он прошел к себе в кабинет и сел за письменный стол.

Он был возбужден только что окончившимся собранием и не чувствовал еще усталости. Он подумал, что планета сейчас оторвалась от своей орбиты и несется в пространстве, и почувствовал громадное, нравственное удовлетворение. — Потом он произвольно перевел глаза на портрет своего предка, первого основателя Общества «Солнечный двигатель».

Умное, энергичное лицо смотрело на него из черной рамы.

Ро-па-ге показалось, что плотно сжатые губы улыбаются ему сочувственно.

Этот первый основатель затратил много энергии, чтобы провести в жизнь свое изобретение — «солнечный двигатель».

Его изобретение — азробиль, был построен по принципу планеты.

Как планету, его окружала атмосфера, образующаяся от особого, вырабатываемого внутри аппарата, газа.

Эта газовая рубашка предохраняла аппарат от холода безвоздушного пространства и разрешала все неразрешимые ранее трудности. Энергию аппарат брал от солнечных лучей.

Он совершил несколько перелетов на Землю, и после этого правительство открыло институт Межпласо¹⁾, а он организовал Общество «Солнечный двигатель», с целым рядом заводов, на которых вырабатывались его аппараты. В короткий промежуток времени ему удалось получить большие заказы на Земле, и Общество начало быстро процветать.

Это Общество играло большую роль в планетарной истории в течение тысячелетий. — И только тогда, когда угасло солнце, оно распалось.

Последним его организатором был Ро-па-ге.

Бесперывной вереницей мелькали в мозгу Ро-па-ге мысли.

Если Марс совершит благополучный перелет через мировое пространство и будет обращаться вокруг нового солнца, — какие невероятные перспективы ожидают его?!

Ему удастся снова пустить в ход фабрики и, таким образом, снова взять руководство над всем производством планеты в свои руки. Его влиянию не будет предела. Он исследует близлежащие к новому солнцу планеты, а если там существует жизнь, — Марс получит первенство в обмене на планетарных рынках. Во всяком случае, он — последний представитель Общества — будет первым воссоздателем его и творцом новой жизни!

В то время, как Ро-па-ге предавался мечтам и строил планы на будущее, в кабинете его дочери происходило совещание, сущность которого была далека от его мечтаний.

Светловолосая, миниатюрная Ме-та, дочь Ро-па-ге, ходила взад и вперед по комнате, иногда останавливаясь перед своими слушателями и жестикулируя.

1) Межпланетные сообщения.

Слушателей было двое.

Один — инженер Рейль, другой — ученый астроном Верн,

— Мы должны начать немедленно действовать! — говорила Ме-та: — вы сами видите, что влияние партии моего отца растет. Теперь же, когда наша планета несется в пространстве, все беспрекословно встанут на его сторону, опьяненные идеей спасения жизни и цивилизации. Это грозит нам тем, что нас в ближайшее время раздавят. Здесь наверху у нас почти нет сторонников. Поэтому нам необходимо немедленно завязать сношения с рабочими в шахтах. Их держат как рабов, и условия их жизни ужасны.

Ее перебил инженер Рейль.

— Вы правы, Ме-та. Я работаю на электропоездах по доставке *клевета* из шахт к двигателям. Я вижу постоянно рабочих. У них уже начинается брожение. Наше дело направить их недовольство в нужное нам русло.

— Я во всем с вами согласен, — заговорил Верн, все время сидевший в задумчивости: — начинать нужно немедленно. Тем более, что я установил, что в сферу притяжения нового солнца мы попадем значительно раньше, чем это вычислило Межпласо. Наша планетная система мчится к созвездию Геркулеса, к новой открытой звезде *Novum sol*¹⁾. Эта звезда, в свою очередь, мчится по направлению к нам. В сферу ее притяжения мы попадем не через 2 года, а через 1 год 4 месяца. К тому же этот процесс протечет не так безболезненно, как это предполагают. От сотрясения будут гигантские разрушения.

— Вы утверждаете, Верн, что здания, заводы и машины могут рухнуть? — задала вопрос Ме-та.

1) *Новое солнце.*

— Конечно.

— Это облегчит нашу работу.

— С первыми лучами нового солнца начнется новая жизнь! — заявил убежденно Рейль.

— Однако, оставим на время метафизику и займемся работой... — подходя к письменному столу, заявила Ме-та: — Я завтра, вместе с отцом, поеду на полюс к двигателям. Вам, конечно, известно, что Ро-па-ге назначен главным начальником шахт и двигателей... Под его прикрытием мы начнем работу... Я хочу познакомить вас с моим планом. Слушайте.

Рейль и Верн подошли к столу и склонились над чертежами и планами шахт...

Утром Мета вошла в кабинет отца, Ро-па-ге уже давно встал и в пушистом, шерстяном халате сидел за столом, заваленным докладами и таблицами.

Увидев ее, он улыбнулся углами губ, но хмурая сосредоточенность не исчезла с его лица.

Он по-своему любил Мету.

Любил ее своенравный решительный характер, в котором узнавал самого себя, и радовался этому.

В сущности, он был одинокий, усталый и пресытившийся жизнью человек. Власть и деятельность ему были нужны для заполнения пустоты личной жизни. И он жаждал их, чтобы, как наркотиком, поддерживать свой дряхлеющий организм. Сегодня он был в хорошем расположении духа.

— Я на все согласен, Ме-та. Я знаю твою просьбу.

— Я в восторге от твоего предугадывания моих желаний.

— Иди, собирайся, через три часа я выезжаю на полюс.

— С нами поедет инженер Рейль.

— Это толстый, маленький меланхолик с бородавкой на подбородке? Я не ошибаюсь?

— Нет.

— Хорошо. Он, кажется, говорит мало, — я ничего не имею против него.

3.

Рабы машин. Песня о солнце

Бесконечными коридорами разветвлялись шахты, уходя все глубже и глубже к центру планеты. Там, в раскаленно-удушливом воздухе поблескивали синевато-жирные минеральные пласты. Руда отсюда доставлялась на электро-поездах наверх, где на заводах люса вырабатывался взрывающийся газ Ютли. По трубам он струился к двигательным аппаратам, взрывался и сообщал движение планете в пространстве.

Помещения для рабочих находились здесь же, в непосредственной близости от разработки пластов. Рядом с ними помещались больницы, театры-кинematографы и многочисленные рабочие кафэ.

Работа здесь велась беспрерывно. Все грохотало, все несло в бешеном неистовстве. К этому неистовому темпу работы здесь была приспособлена вся жизнь.

В одном из рабочих кафэ отдыхала свободная от работы группа рабочих.

Лица у всех были серы и измождены. В воспаленных глазах поблескивала ничего не выражающая смертельная усталость.

Разговор был отрывист и вял.

— Ежедневно мы умираем сотнями. У наших жен прекратилась рожаемость.

— Детские дома закрыты за ненадобностью.

— Мы не можем больше терпеть!

— Когда же конец!?

— Мы все умрем...

В кафэ в это время вошел молодой рабочий, Магир. Он работал на электро-поездах, доставляющих руду наверх, к двигателям. Он многое узнавал от инженеров и пользовался широкой популярностью среди рабочих.

Его окружили и, пожимая руки, увлекли и глубь кафэ.

Тотчас же его забросали вопросами.

Он неторопливо сел за столик в углу кафэ и стал рассказывать.

— Инженеры говорят, что планета несется по правильному направлению. Если это будет так продолжаться, то мы через полгода увидим новое солнце.

— Что же дальше, Магир?

— Мы будем попрежнему работать здесь! Новая жизнь будет для людей верха, а не для нас... — злобно перебил старик Доббс.

Со всех сторон раздались иронические замечания.

— Верно, Доббс! Нам не увидеть солнца...

— Не придется нам погреть наши косточки белыми лучами.

— Не придется увидеть зеленые деревья и цветы, о которых мы не имеем даже представления.

— Это за нас сделают люди верха! Вы правы — начал снова Магир, когда отдельные выкрики умолкли: — конечно, нас заставят и тогда работать люди верха... Но мы сможем тогда сбросить их власть...

В кафэ наступила неожиданно тишина.

Рабочие ближе подвинулись к Магиру.

— Что ты говоришь, Магир!?

— Это немыслимо.

— Люди верха могущественны.

— Разве ты забыл, как поступают с теми, кто говорит такие слова.

— Берегись! Везде у них есть уши.

— Слушайте, слушайте, — продолжал Магир. — Я вам расскажу, что я услышал от инженеров, у двигателей. У нас есть сторонники и среди людей верха. Они нам помогут. Слушайте! Когда наша земля приблизит-

ся к новому солнцу, будет сильное марсотрясение. Гораздо сильнее того, когда наша планета при взрыве отрывалась от нашего старого солнца. Помните, как тогда рухнули шахты и задавили сотни рабочих?! Вспомните... А тогда разрушатся все здания и заводы, разлетятся вдребезги все виадукки, — люди верха будут бессильны тогда. А мы выйдем отсюда, из темных шахт, из вечной тьмы могил в обновленный мир. Расцветут зелено-кудрые деревья и цветы, благоуханные поля будут петь под ослепительными лучами солнца.

— Ты хорошо говоришь, Магир!

— Говори, говори... Мне кажется, что я уже чувствую это благодатное тепло, от которого оживают мои тухнувшие от сырости кости.

— Я ни разу не видел настоящих лесов!

— Говори, Магир... Продолжай.

И Магир говорил.

Когда возбужденные рабочие через полчаса ушли из кафэ, Магир отправился в женские дома.

Проходя по одной узкой улице-шахте, на повороте он услышал песню. Кто-то шел к нему навстречу и пел:

*Скоро планета — умирающий зверь
Станет молодым, ликующим зверем;
Шерстью зеленой покроется снова, —
Зеленокудрю шерстью лесов...
Как драгоценные камни, цветы
Будут сверкать на зеленых лужайках...
Красивый венок из этих цветов
Сплету я любимому мною.*

По голосу Магир узнал Арри. Она вышла из-за поворота и столкнулась с Магиром, заслонившим ей дорогу.

— Я шел за тобой, Арри. Хорошо, что я тебя встретил.

— Я решила забежать на минутку к подруге. Ты не забыл, что мы идем сегодня в театр?

— Конечно, не забыл... Скажи, откуда ты выискала эту песню, что сейчас пела.

— Я ее сама сочинила. Все наши женщины, Магир, грезят о новом солнце. О новом солнце и о новой любви.

4.

В театре. Магир и Арри у круглого озера

В огромном полукруглом здании театра было много народа. Магир и Арри с трудом нашли себе свободное место. Шла пьеса «Синоргмежпласо».

Декораций не было. Их роль давно заменили собой кино-эпидиоскопы, проектирующие на сцене в воздухе необходимые по ходу пьесы декорации.

Театральный занавес заменял кино-аппарат, проектирующий картины прямо в воздухе, на том месте, где он должен был бы висеть. Этот же аппарат в случае надобности запечатлевал и скрытые мысли персонажей; они вспыхивали огненными буквами в воздухе над головами артистов.

Таким образом декорации могли мгновенно смениться, могли быть все время движущимися, как кинолента, достигая невероятных световых эффектов.

Магир уже видел эту пьесу, но Арри смотрела ее в первый раз.

Фабула пьесы была следующая. Сын организатора Межпласо влюбился в одну артистку с Юпитера. Он ее видел только на фильмах и слышал ее голос в «межпланетной радио-опере». Он решается ехать на Юпитер и объяснить ей в любви. Но в то время, когда он совершает перелет, — происходит столкновение аэробила с одним из астероидов, Церерой. Все гибнут. Один только сын организатора попадает на астероид и совершает на нем оборот по его орбите вокруг солнца. Межпланетные газеты разносят этот случай по всем планетам и печатают его портреты.

Читая газеты, артистка-юпитерианка, в свою очередь, влюбляется в сына организатора. Она собирает экспедицию и отправляется его спасать. В конце кон-

цов она его находит. Все кончается благополучно. Виновник приключения женится на артистке-юпитерианке и выпускает свою книгу впечатлений на Церере, которая делает его знаменитым писателем.

Магир рассеянно смотрел на сцену. Он думал о другом. Завтра снова эти смеющиеся люди будут стонать под непосильной работой, проклинать свою жизнь и умирать в больницах. Неужели достаточно этой мишуры, чтобы они могли забыть все это и быть счастливыми сегодня? Где же выход?!

Острая тоска отчаяния сжала ему сердце. Ему самому вдруг захотелось забвения, какого-то могучего порыва, ослепительной радости и счастья.

Он сжал руку Арри...

Она обернулась к нему и посмотрела на него ласковыми, улыбающимися глазами.

Потом ответно пожала ему руку и погладила ее своей рукой.

Пьеса в это время кончилась.

На месте занавеса запрыгали огненные буквы и сложились в фразы:

**«Продолжайте усердной работать,
— скоро мы увидим новое солнце.
Не забывайте, что вы делаете великое
дело спасения жизни и цивилизации.
Да здравствует Совет Межпласо!
Да здравствует Ро-па-ге!»**

Арри встала и взяла под руку Магира.

— Мы пойдем в танцевальный зал.

— Хорошо... как хочешь.

В широко раскрытые двери из театра медленно выливались толпы народа. Гулко отдавался в сводах ве-

сельный смех и взвизгивание женщин. И над всем этим, откуда-то издали, неся веселый, зажигающий танец, Ослепительно горело электричество, и веселые пары уже кружились по громадному залу. Арра увлекла Магира, и он сделал с ней два круга. Но вскоре он ушел от нее и принялся бродить по заполненным людьми фойе и залам.

Ему было скучно. Беспричинная злоба стала душить его.

В одной из комнат, где помещался автоматический буфет, за столиком сидели четверо рабочих и пили сапу¹⁾. Они были сильно навеселе и бросали насмешки и вызовы проходящим.

Когда вошел Магир, они, заметив его мрачный вид, весело расхохотались.

— Посмотри-ка на этого молодчика — сказал первый из них, захлебываясь от смеха.

— Это он старается показать, что он очень умен.

— Это — Магир. У него такой умный вид оттого, что он часто видится с инженерами,

— Эй, паренек, ты не очень-то воображай, а то мы тебя живо проучим.

Не обращая на них внимания, Магир подошел к буфету и выпил залпом большой стакан сапы.

Алкоголь сразу бросился ему в голову. Тоска стала затушевываться. Захотелось веселья и дерзости.

Он обернулся и посмотрел на сидевших за столиком пьяных рабочих.

Взгляд его встретился с их мутными взглядами.

— Эй, Магир, ты гнушаешься с нами говорить! — закричал первый из них. — Хорошо, я тебя сейчас научу быть вежливым...

Он хотел подняться со стула и не мог. От напряже-

1) Сапа - водка с эфиром.

ния широкий шрам на его левой щеке сделался багровым.

Магир, не торопясь, подошел к нему, и глаза его вспыхнули злобно и весело. Он схватил его двумя руками за пояс, поднял на воздух и посадил обратно на стул с такой силой, что он, вместе с разлетевшемся вдребезги стулом, очутился па полу.

Его товарищи сразу умолкли и стеклянными глазами уставились на Магира.

— Хватит с нас... — процедил Магир сквозь зубы и ушел из буфета.

Неожиданный подъем у него сменился безразличием. Ему снова стало тоскливо.

Он прошел через ослепительно сверкающий зал, где весело кружились пары и гремела музыка, и вышел на пустынную улицу-шахту.

Он шел быстрыми шагами вперед.

Постепенно затихали звуки веселых танцев, и мертвая тишина, в которой гулко звучали его шаги, окутывала его своей стерегущей напряженностью.

Он свернул направо и, чтобы сократить путь, пошел к месту работ узкими, зигзагообразными переходами.

Он сам не знал, куда и зачем идет. В мозгу не было определенной мысли. Только какая-то тоска и жалость к самому себе почти физической болью сжимала сердце.

Он дошел до круглого озера. Над ним ярко горел электрический фонарь. Свет от него врезался широким острым клином в неподвижно-свинцовую водную поверхность.

С правой стороны озера Магир заметил скамейку.

Подойдя к ней, он сел.

Вокруг было безлюдно и тихо. Он долго сидел, стараясь ни о чем не думать. Тишина была полная. И он

почувствовал даже, как у него звенело в ушах от прилива крови.

Вдруг ему почудились отдаленные торопливые шаги. Он не ошибся. Вскоре он увидел вышедшую к озеру Арри.

Она сразу увидела его и торопливо подошла к скамейке.

— Я бежала за тобой... Ты так быстро шел. Что с тобой, Магир?

Магир молча посадил Арри рядом с собой.

Она прижалась к нему и замолчала.

Из-за озера отчетливее стал доноситься шум работ. Это работали кислородные заводы, заменившие функции исчезнувших лесов.

— Слушай, Арри... — заговорил наконец Магир, — у меня сейчас такое чувство, что мы с тобой одни в целом мире. Там, наверху, — холод и смерть. И вокруг планеты мрак и холод. А планета несется к новому солнцу. Когда нашу планету озарят белые лучи, мы должны быть свободными. Будешь ли ты помогать мне? Будешь ли ты вместе со мной, Арри?

Приехав на заводы полюса, Ме-та захотела сама проникнуть в шахты и завязать сношения с рабочими.

Ее желание привел в исполнение инженер Рейль, заведующий электро-поездами по доставке руды.

Ро-па-ге был вызван и совет Межпласо, и поэтому ее отсутствие не могло быть никем замеченным.

Ме-та переделалась в костюм работницы и помчалась в глубь шахты на том самом поезде, которым управлял Магир.

Быстро неся поезд узкими шахтами, оглушительно громыхая на поворотах. Тяжелый, затхлый воздух свистел у Ме-ты в ушах.

На переднем вагоне у двигателя неподвижно стоял Магир. Глаза его были устремлены вперед, в душный дрожащий сумрак, где расплывчато вспыхивали, а затем проносились мимо поезда исполинские электрические фонари. Рука застыла на регуляторе.

Ме-та находилась рядом и не спускала глаз с его энергичного лица. Об этом рабочем ей много говорил инженер Рейль, и она теперь была согласна с ним, что Магир может быть руководителем восстания.

Когда поезд стал замедлять ход, Магир обернулся.

— Вы сейчас сойдете и будете меня ждать в правой шахте-улице. Сейчас моя смена. Я сдам поезд и приду туда.

На повороте поезд на мгновение остановился, и Ме-та выскочила из вагона.

Прижавшись спиной к влажной стене шахты она пропустила длинную цепь вагонов, исчезнувших за поворотом. Потом она пошла вперед и углубилась в правую шахту-улицу...

Так началось знакомство Ме-ты с Магиром. Сам не замечая того, Магир всецело подпал под влияние этой девушки. То, что прежде мелькало в его мыслях неясно и неопределенно, теперь, при разговорах с Ме-той, получило законченность. Он всегда с нетерпением ожидал появления Ме-ты. За последнее время она, занятая делами наверху, появлялась в шахтах все реже и реже.

Огромные четырехугольные комнаты больницы были сплошь заставлены кроватями.

Сюда, как и всюду, проникал грохот машин. И в этом несмолкаемом шуме здесь умирали тысячи людей, изможденных работой и отсутствием солнца и воздуха.

Медицина была бессильна в борьбе с этой смертностью. Ничем она не могла заменить свет и воздух.

После смены Магир часто заходил сюда. Здесь лежала его мать.

Сегодня он пришел позже, его задержало тайное собрание рабочих.

На кровати неподвижно лежала его мать — Маита.

Седые волосы свешивались на ее воспаленное лицо. Когда он подошел к кровати, она открыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь, мама?

— Я чувствую, что скоро умру... Ты хорошо сделал, что пришел сегодня. Много я хочу тебе сказать...

Он опустился перед ней на колени и положил ее руку к себе на голову.

Худая, бессильная рука ласково прильнула к его волосам.

— Слушай, мой дорогой мальчик, — мне каждую ночь снится один и тот же сон.

Однажды в детстве я была наверху, в музеях. Я видела старые картины. Это было, вероятно, очень давно.

Мои родители и родители моих родителей жили при красном солнце. А на тех картинах было нарисовано яркое, бело-голубоватое солнце. Вся планета была покрыта зеленокудрыми деревьями и яркими цветами... Все это мне снится теперь каждую ночь. Я не знаю, бред ли это или действительность?! Я вижу, что наша мертвая планета снова покрывается пышной растительностью и благоуханными цветами.

Я вижу совсем других людей: сильных, радостных и поющих. Нет больше мертвого холода и вечных сумерек. Ослепительно голубое солнце струит с небосвода горячие потоки лучей. Никогда невиданные мною звери ласкаются ко мне... И куда я ни бросаю взор, — нигде нет наших угрюмых железных фабрик, стальных улиц и черного мертвого неба. Везде — деревья, травы и цветы.

Мой дорогой Магир, может быть это так и будет. Может быть это не бред...

Почему ты молчишь, Магир? Подвинься ко мне ближе, мне трудно говорить...

— Это не бред, мама... Я сам в это верю. И мне снятся такие же сны. Всем нам, живущим здесь во мраке и задавленным рабской работой, снятся такие же сны. Это не бред, это — предчувствие. Наша планета — старый и дряхлый зверь — снова покроется зеленокудрой шерстью. Все мы будем свободны и счастливы. Слушай, мама, к нам пришла девушка сверху и рассказала о новом солнце и о новой жизни. Эта девушка живет теперь среди нас. Она говорит, что скоро лучи нового солнца брызнут на нашу старую планету, сожгут и разрушат все наши заводы и железные дома и смоют проклятие нашей жизни. Она говорит, что нам нужно восстать и завоевать новую жизнь. Мы готовы за ней идти...

— Да, Магир, время пришло... Сбывается древнее пророчество...

— О каком пророчестве ты говоришь?

— Твой отец, Магир, был последним членом тайного Общества, мечтающего о новом солнце и о новой жизни. Он говорил, что только космические перевороты перерождают жизнь. Общество в котором состоял твой отец, было истреблено.

Последние его члены бежали в подземелья и там дожили остатки своей жизни. Твой отец, Магир, передал мне тайну этого Общества. Я скоро умру. Слушай, я передам ее тебе...

Магир подвинулся ближе, и старая Маита начала говорить ему тихим, прерывающимся голосом.

— В этих шахтах, где мы теперь работаем, скрывались последние члены тайного Общества. В прямой шахте, выходящей к круглому озеру, осталась их лаборатория. О существовании ее никто не знает. Подвинься ко мне ближе и я скажу тебе, как ее найти...

К вечеру Маита умерла.

Ночью приехала Ме-та, и Магир рассказал ей о тайне матери. С большими предосторожностями они отправились вместе в прямую шахту, к круглому озеру.

На правой стене Магир нашел выступающий камень и повернул его. Открывшаяся дверь привела их в лабораторию. Затхлый воздух и слой пыли указывали на то, что давно уже сюда не заглядывал человек.

Внимание Магира привлекло круглое, металлическое зеркало с расходящимися от него электропроводами и акустическим блестящим, прибором.

— Это приемник! — воскликнула Ме-та: — если он в исправности — мы можем узнать все, что происходит на поверхности...

Она смахнула пыль с зеркала и стала переставлять наобум рычаги.

Крик удивления сорвался с губ Магира.

Круглое зеркало почернело. Ярко вспыхнули в нем незнакомые созвездия. В зените, все отчетливее, разгоралось туманное пятно нового солнца. От его лучей, как налетом, покрывалась синевой черная пропасть неба.

— Новое солнце! Мы приближаемся к новому солнцу!! — воскликнула Ме-та и сжала руку Магира.

Магир молчал. Все его здесь поражало своей необычностью. Мысли проносились вихрем в его мозгу. Сердце замирало. От спертого воздуха звенело в ушах, и пылало лицо.

Откуда-то издалека звучали слова Ме-ты...

— Слушай, Магир, я расскажу тебе о твоём прошлом. Давно, давно на нашей уже умирающей планете произошло невероятное бедствие. На северное полушарие упал один из наших спутников-лун, Фобос. Он разрушил все наши города, обратив всю северную часть в огненно-жидкую массу. И вот, случилось чудо. Когда огненно-жидкая масса остыла, — появились первые формы жизни. Возник доисторический мир, и в нём, наконец, новый человек. Мы не знали, что с ним делать. Но время шло. Племя новых людей — твоих предков, быстро размножалось.

Соприкасаясь с нашей культурой, их развитие шло гигантскими шагами. Мы должны были что-нибудь предпринять по отношению к ним. И что же, мы не нашли ничего лучшего, как поработить эти существа. Это случилось, когда угасло солнце.

Пользование нашими механическими рабочими стало для нас невозможным. Холод разрушил все наши изобретения и сделал нас бессильными. Нам нужна

была живая сила, и люди верха совершили величайшую несправедливость. Они сделали вас рабами, приравняв к механическим рабочим. Для спасения своей жизни они бросили вас в шахты...

Ме-та подошла к Магиру и положила свои руки к нему на плечи.

— Мы должны победить, Магир! Новое солнце и новые условия жизни помогут нам слить в одно целое две разные породы людей. Нас — возникших ранее, обогащенных опытом и знаниями, но уже умирающих, уже лишенных многих человеческих функций, и вас — еще молодых, полных жизненных сил. Это слияние даст новую могучую расу.

Новое солнце озарит наш путь!

Бешеными ударами раскачивалось сердце в груди Магира. Все куда-то уплывало, заслоняясь белыми потоками сверкающего света. На мгновение мелькнул только образ Арри. Мелькнул и расплылся. Без следа.

Все ближе и ближе улыбались губы Ме-ты. Широко раскрытые пропасти глаз влекли неудержимой радостью в свою непонятную глубину...

6.

Арри. Снова в лаборатории

В тот же день уехала Ме-та...

Магир сидел в рабочем кафэ, и все происшедшее казалось ему сном. В этот час в кафэ не было никого. Магир давно уже не выходил на работу и скрывался от розысков солдат Межпласо, получивших приказ об его аресте. Это уединенное кафэ он избрал местом своих свиданий с единомышленниками.

Холодным блеском сверкали автоматы. Со сводчатого каменного потолка струился свет электрических ламп и отражался на гладкой поверхности металлических столиков.

Было мертвенно тихо. С улицы-шахты не доносилось ни звука.

Вдруг дверь открылась, и в кафэ поспешно вбежала Арри. Магир сразу ее не узнал.

Он не видел ее давно. Она сильно изменилась. Похудела, вокруг губ легла скорбная складка. В глазах появился оттенок плохо скрываемой тоски.

— Я знала, что застаю тебя здесь, — прерывающимся голосом начала Арра: — я бежала... хорошо, что я поспела во-время. Спасайся, Магир! Тебя идут арестовать...

Заметив, что Магир пытается говорить, она взяла его за руку...

— Потом... Сейчас дорога каждая минута.

Они вышли из кафэ и увидели четырех солдат Межпласо, быстро приближающихся справа к кафэ.

— Если нам удастся добежать до прямой шахты, мы спасемся. Они, кажется, нас уже заметили, Арри?!

Магир не ошибся, — солдаты их заметили.

Началось преследование.

Стараясь сократить путь, Магир выбирал узкие, темные переходы. Солдаты не отставали. В одном переходе кто-то из солдат выстрелил. Но Магир и Арри успели уже свернуть в прямую шахту. Добежав до лаборатории, они скрылись туда и спаслись от преследования.

Шахта была прямая, и в ней не было выходов. Солдаты, недоумевая, куда могли скрыться беглецы, пробежали мимо лаборатории к круглому озеру.

— Я спасся, Арри... Этим я обязан тебе.

Арри молчала, тяжело переводя дыхание.

Магиру сделалось не по себе. Он подошел к приемнику и окинул взглядом лабораторию. До мельчайших подробностей перед ним промелькнуло вчерашнее. Живы были все ощущения. Помимо его воли между ним и Арри встал образ Ме-ты. Холодной, едкой волной поднялась к сердцу тоска. Было ясно, что ничего не возвратишь.

Прежнее ушло навсегда. И чем больше он думал, тем ярче разгоралось пламя тоски и мучительной нежности к Арри. Что делать? Как коснуться раны и не причинить боли...

Он подошел к Арри.

Она посмотрела на него печальным, пристальным взглядом.

— Ты за последнее время меня избегаешь, Арри...

— Я... ты это заметил?

Брошенная фраза показалась нелепой и бессмысленной. Стало до боли обидно, что не найти нужных простых слов. Как круги на воде от брошенного камня, в мозгу неуловимо скользили ощущения, проходя бесследно, не вызывая слов...

Он подошел к ней ближе и взял ее за руку.

Она вздрогнула.

— Знаешь, Арри, есть что-то сильнее меня. Жил я здесь раньше, и мертвый каменный свод казался мне небом, мрак не вонзал в мои плечи своих тяжелых когтей, работа не казалась рабством. И вот откуда-то пришла тоска о белом солнце. Откуда? Разве я видел когда-нибудь это белое солнце! Пришла ко мне девушка верха... Как буря мчит все в своем вихре, так и меня захлестнули теперь мои чувства и мысли. Оторвали от прошлого. Прошлое исчезло, как дым. Нет у меня больше воли!

Арри осторожно высвободила свои руки и отошла от Магира. Голос у ней зазвучал печально и спокойно.

— Я понимаю тебя. Мне ничего не надо. Я просто люблю тебя. За мою любовь мне не надо ни будущей свободы, ни белого солнца, ничего мне не надо. Не будем больше говорить об этом...

Когда они вышли из лаборатории, прямая шахта была пустыня. В конце ее, освещенная электрическими фонарями, холодно и мрачно поблескивала поверхность круглого озера.

Они обошли его и, безмолвно простившись, разошлись в разные стороны.

7.

*Multum novi sub sole**

Ро-па-ге сидел неподвижно в своем кабинете в круглом здании Межпласо. Бледное лицо передергивалось нервной судорогой. Губы были сжаты. Иногда их кривила презрительная улыбка. Тяжелый усталый взгляд был устремлен в одну точку — на белые листы доклада.

Он только что кончил читать этот доклад о начинающемся движении среди рабочих.

Как говорилось в докладе, главными руководителями движения были — Верн, Рейль, какой-то рабочий Магир и его собственная дочь, Ме-та. Верна удалось арестовать сегодня утром в лаборатории Межпласо. Остальные находились неизвестно где. Что в заговоре принимала участие его дочь, для него не явилось новостью. Он предполагал это и раньше, зная взгляды Ме-ты.

Он думал сейчас о другом. Многое прошло перед его глазами. Многое, что принято называть жизнью. И нужно отдать справедливость, что это «многое» ему достаточно таки надоело. Вечная повторяемость. И основы жизни неизменны. Даже познавательная сила — вечный круговорот повторяемости. Может быть эта познавательная сила существовала ранее возникновения мыслящих существ.

Окружающий внешний мир своим неизменным видом вызывает одни и те же мысли. И вот теперь движение к свободе этих, каким-то чудом возникших людей. Возникших, как плесень, на старой, уже собравшейся сгнить планете. Очередной абсурд вечной повторяемости. Вдруг перед его глазами властно встал

*) *Multum novi sub sole* – Много нового под солнцем.

образ Ме-ты, и восторженно зазвучали ее слова.

— Нет, ты жестоко ошибаешься, отец. Вне людей нет познания.

«Только с развитием людей развиваются и производительные силы. И то, что тебе кажется старым и вечно повторяемым, в сущности ново. Жизнь не возвращается назад. Жизнь — вечно молодой, бурно-радостный поток. Он уносит нас к неведомым берегам... Каждый миг его движения — новый неповторяемый мир».

Он закрыл глаза, чтобы лучше слышать эти слова, чтобы яснее видеть оживший, почти реальный образ. Новое, незнакомое радостное чувство теплыми волнами бушевало в груди. Не было сил бороться против этого властного чувства, Ро-па-ге открыл глаза.

— Нужно увидеть Верна и узнать от него о Ме-те.

Это желание явилось неожиданно, после того как у него вспыхнуло новое могучее чувство к Ме-те.

Он отдал распоряжение и, откинувшись на спинку кресла, стал ждать.

Когда Верн остался один в кабинете, Ро-па-ге задал ему вопрос.

— Послушайте, Верн, — не позже как вчера вы присутствовали на докладе в Межпласо. Мы попали, наконец, в сферу притяжения нового солнца. То, что нам два года тому назад казалось почти мечтой, — сбылось. Мы сохранили жизнь, культуру и все ценности науки. Наше существование стало целесообразным. И вот вы выступаете против нас в то время, когда мы должны продолжать временно прерванное строительство жизни...

— Я отвечу на ваш вопрос, Ро-па-ге. Да, мы выступаем против вас. И мы победим! Разве вы забыли, что общество может стать паразитом. Самым обыкновен-

ным паразитом, у которого отмирают многие ранее существовавшие органы. Они не нужны ему теперь, так как он живет за счет другого существования. Таким паразитом сделалось ваше Общество. Оно всего достигло — высшей меры благополучия, — и вот началось тогда отмирание в этом организме ненужных органов. Многие из ценных человеческих функций исчезли у нас безвозвратно. Их не возобновить. Вы забыли, что единственный способ спасти нас самих, это — слияние с молодым и еще полным жизненных сил новым племенем. Вы этим пренебрегли... Вы превратили это племя в рабов и бросили в шахты.

— Прекрасно, Верн, но если мы дадим сейчас власть этим рабочим, чего мы достигнем? Ничего. Через известный промежуток времени они придут к тому же, что делаем и мы. Неужели вы думаете, что и на них не лежит груз знаний и опыта жизни? Неужели вы думаете, что, войдя в новый, только что рождающийся мир они забудут прежнее, смогут сбросить со своих плеч груз тысячелетий, смогут переродить себя? Нет! Они будут применять в этом мире свой прежний опыт и, в конце концов, придут к тому же, к чему пришли и мы. Или вы полагаете, Верн, что они сделаны из другого вещества? Нет. Основы жизни однородны и неизменны. Стоит ли, чтобы прийти к тому же, только более длинным путем, поднимать всю эту историю?

Он замолчал.

Верн поднялся с кресла и прошелся по кабинету.

В большое овальное окно струился широкий поток слабого белого света. Небо, на котором уже не было созвездий, приняло серовато-голубой оттенок. Планета быстро приближалась к солнцу.

«Еще несколько недель, и все изменится подумал Верн: — планета оживет. Яркие лучи растопят слой

льда. Образуются моря и реки. Будут дуть влажные ветры, и итти теплые дожди. Начнется новая жизнь. Увижу ли я ее?»

Ро-па-ге первым нарушил молчание.

— Скажите, Верн, где сейчас Ме-та?

— В полной безопасности. Большого я сказать вам, конечно, не могу.

— Хорошо. Ответьте еще на один вопрос.

— Но он будет последним. Мы все равно не убедим друг друга.

— Хорошо. Знаете ли вы, что вас обвинят в измене...

— Да.

— И что вас ожидает...

— Смерть. Это тоже, вместе с культурой, вы сохранили для будущей жизни.

— Мне кажется, что вы были не правы в своих огульных обвинениях нашего Общества.

— Надеюсь, что этого вы отрицать не будете. Подумайте же о моих словах.

Ро-па-ге позвонил, и Верна увели.

Ро-па-ге остался один. Беспричинное раздражение овладело им. Он выше законов жизни и человеческих заблуждений. Он знает, к чему приводят законы жизни.

Бессмысленный круг повторений! Чепуха! Нет ничего, кроме благополучия и власти!

Этот героизм в жизни ровно ничего не стоит. Нет, он никогда не пойдет на уступки. Он не боится борьбы...

Он откинулся на спинку кресла и стал обдумывать меры подавления предполагаемого восстания.

Потом улыбка промелькнула на его плотно сжатых губах.

Multum novi sub sole!

8.

Новый мир рождается

Все ярче и ярче разгоралось и голубело небо. Раскаленный бело-голубоватый диск солнца все время неподвижно сверкал в зените. Ослепительные снопы белых лучей струились в прорывы неожиданно образовавшихся облаков, и под их действием оживала планета.

Среди развалин рухнувших зданий мчались быстрые потоки от растаявших льдов. Все находилось, в бурном движении.

Громадные запасы влаги поднимались в виде испарений к небу и оттуда возвращались теплыми ливнями. Все низменности были покрыты водой и казались морями.

С необычайной быстротой жизнь завоевывала свои права, разрушая все вековые достижения человечества, точно стирая резинкой на бумаге слабые рисунки карандаша.

Весть о том, что планета находится в сфере солнечных лучей, облетела с быстротой молнии шахты.

Там началось смятение.

С невероятной быстротой планета мчалась параллельно солнцу, но, под действием его притяжения, постепенно сворачивала вправо, создавая себе орбиту.

Борьба двух сил — притяжения и инерции — разрушила часть нижних шахт, и рабочие в паническом ужасе стремились в верхние шахты.

Этим воспользовались комитеты восстания, во главе которых стоял Магир.

Был брошен лозунг:

«НА ПОВЕРХНОСТЬ ЗЕМЛИ!»

В тот миг, когда все стихийно неслось к главному выходу из шахт, Магиру донесли, что кислородные заводы оставлены отрядами охраны Межпласо.

Отряды ушли из шахт и закрыли стальные ворота главного выхода.

Нужно было действовать немедленно и решительно.

Магир с частью рабочих комитета бросился к круглому озеру, за которым помещались кислородные заводы.

Около них было безлюдно. Электрические фонари были погашены, и всюду царил абсолютный мрак. Только над одним из заводов трепетал все увеличивающийся алый отблеск и кровавил неподвижное круглое озеро.

— Завод подожжен, Магир, — тихо сказала Арри, находившаяся все время с Магиром.

— Нужно немедленно погасить пожар! Если мы этого не сделаем, то пламя перебросится на остальные заводы, и мы задохнемся без воздуха...

Вокруг наступила жуткая тишина. Никто не решался принести себя в жертву.

— Нам нельзя медлить... — нарушил тишину Магир: — каждую минуту огонь может дойти до газовых цистерн, и тогда образовавшийся гремучий газ разрушит и заводы и шахты. Я иду...

— Нет, нет! — закричала Арри, — тебе нужно руководить восстанием. Я готова, давайте баллон с огнетушительным газом. Я иду.

— Ты, Арри... — побледневшими губами прошептал Магир.

— Разве я не обещала тебе не покидать тебя...

Глаза у Арри сверкали. На лице выступил яркий румянец.

— Прощай, Магир... Может быть...

Что-то сжало горло Магиру, и он не мог говорить.

Горячие губы коснулись его губ и обожгли его огнем экстаза. Одно мгновение.

Потом Арри исчезла среди расступившихся черных фигур рабочих, казавшихся еще чернее на фоне зарева.

— Когда пожар прекратится, — пустите заводы... — не отдавая себе отчета, что он говорит, машинально отдал приказ Магир.

Он не успел узнать, что произошло дальше. Гонец, давно уже разыскивавший его, подошел к нему в это мгновение.

— Вас вызывают к главному выходу. Стальные ворота закрыты. Вот распоряжение девушки верха.

Прочитав сообщение Ме-ты, Магир на-ходу отдавал приказания.

— Немедленно пригнать к главному выходу три электро-поезда. Ими мы разобьем ворота!

На половине дороги к главному выходу его догнал первый поезд. Он вскочил на него и принял управление.

Через несколько минут он остановил поезд.

Громадная толпа рабочих у главного выхода преграждала дорогу.

Начиналась паника отчаяния.

К Магиру с трудом протискались Ме-та и инженер Рейль.

— Ворота закрыты. За ними поместились отряды охраны Межпласо. Среди рабочих начинается паника.

— Вижу. Мы разобьем ворота!

— Успокойте сначала рабочих.

Магир начал говорить речь и паника мгновенно прекратилась.

Когда он кончил, толпа отхлынула от главного вы-

хода и освободила дорогу.

Вооруженные отряды выстроились за поездом.

— Слушайте, Рейль, отправляйтесь к кислородным заводам. Там пожар. Пустите их в ход. Чтобы прекратить пожар, Арри пожертвовала собой. Спасите ее, если это не поздно.

Позади уже гремели подходящие электро-поезда.

— Нужно действовать! Дорога каждая секунда. В случае моей смерти, Ме-та, передаю вам руководство восстанием. Прощайте.

Он вскочил на поезд и повернул рычаг...

Невероятный гул потряс своды шахты! Тяжелые стальные ворота задрожали и слетели с петель.

Яркие белые лучи солнца ворвались в шахту и разорвали мрак.

Часть первого вагона разлетелась вдребезги, и Магир, отброшенный силой удара, отлетел к задней стенке вагона. Чудом он спасся от смерти.

На мгновение он увидел ослепительно белый свет, струившийся широким потоком сверху, громадное пространство, заполненное разбегающимися в ужасе отрядами Межпласо, круглые, большие, темные очки на глазах у раздавленных поездом солдат.

Потом услышал, будто рокот волн, победный шум сражения позади, и вдруг огненно-красные круги в глазах и острая, режущая боль затемнили сознание.

Он поднес руку к глазам и понял, что он ослеп от яркости белых лучей.

Черная, холодная волна поднялась снизу и залила мозг. Стало легко. Боль прекратилась, как будто вынули мозг.

Он лишился чувств.

Б. ЦИММЕРМАН

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Научно-фантастический рассказ

Журнал «Мир приключений», № 2, 1929 г.

МИР

№2-1929

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗД-ВО
„П.П. СОЙКИН“
ЛЕНИНГРАД

25 ЛЕТ ВМЕСТО БИЛЛИОНОВ ЛЕТ

Научное предисловие проф. П. Ю. ШМИДТА к рассказу «Чужая жизнь»

Происхождение жизни на земле — вот вопрос, наиболее захватывающий и интересный и, вместе с тем, один из самых трудных и, пожалуй, даже неразрешимых вопросов! Как, когда и почему зародилась жизнь? Что заставило мертвую материю превратиться в живое вещество? Что вызвало появление первых, простейших живых организмов и что побудило их затем развиваться, усложняться, совершенствоваться?

Наука стремится разрешить эти проблемы всеми доступными ей средствами и постепенно приближается к их решению, но приближается очень, очень медленно. Ведь в основе всех этих вопросов лежит один главный — что такое жизнь? На него же мы до сих пор не можем дать полного, исчерпывающего ответа, такого ответа, который вполне бы нас удовлетворил!

Трудность объяснить происхождение жизни на поверхности Земли при тех условиях, какие нам известны, заставила таких крупных ученых, как Г. Рихтер, Гельмгольц, Вильям Томсон, Сванте Аррениус, прибегнуть к смелой гипотезе — жизнь занесена к нам с других небесных тел, на которых условия иные. Зачатки простейших животных существ переносят метеориты, эти обломки небесных тел, носящиеся в мировом пространстве, или же, как предполагает Аррениус, ничтожно малые зародыши организмов могут переноситься просто благодаря давлению лучей света.

Гипотеза эта не разрешает загадки первого появления жизни — она лишь переносит ее на другое небесное тело. И все же в ней много заманчивого — она захватывает своей широтой и поэтическим полетом мысли. С теоретической стороны, против нее ничего нельзя возразить. Перенос зародышей по мировому пространству возможен, и все возражения против него, после тщательной критики, отпадают. Практически, однако, все старания найти живые существа в

метеоритах или доказать существование зародышей их в мировом пространстве пока безрезультатны.

Но, если допустить занесение жизни с других небесных тел, то можно сделать и дальнейшее допущение. Скорость жизненных процессов на соседних планетах, а тем более на планетах других солнечных систем, может быть совершенно иною, чем на поверхности Земли. Ведь скорость эта зависит от внешних условий и приспосаблиется к ним, а условия тяжести, температуры, давления, химического состава среды на других планетах резко отличаются от земных.

Можно себе представить, что иною будет и скорость развития различных форм жизни и скорость превращения одной формы в другую — их эволюции... Автор рассказа «Чужая жизнь» исходит из этого интересного предположения и заставляет «чужую» жизнь на нашей планете совершить в 25 лет путь превращений, который совершался нашей жизнью в миллионы и миллиарды лет.

Трудно согласиться с его выводами относительно направления Этого пути. Более вероятно, что «чужая» жизнь в условиях нашей планеты дала бы нечто, не имеющее даже и отдаленного сходства с теми формами, в какие вылилась жизнь при развитии ее на Земле. Совершенно невероятно, чтобы конечным звеном эволюции в этом случае явилось человекоподобное существо, хотя бы и с перепончатыми ножками и щупальцами вместо рук.

Все же основная мысль автора о возможности ускорения жизненных процессов на другом небесном теле не заключает в себе ничего противного нашим научным представлениям, а картина развития «чужой» жизни на нашей планете полна захватывающего интереса.

Проф. П. Ю. Шмидт.

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Научно-фантастический рассказ БОРНСА ЦИММЕРМАНА

Иллюстрации Н. УШИНА

«...Не рассеивают ли тела, пересекающие мир во всех направлениях, зародыши жизни на тех планетах, где стала возможна жизнь?...»

Гельмгольц.

«...Природа меняет свои формы и превращает одни образы в другие, различные по духу и по силе. Так растет неизмеримое богатство, и вечно видим мы другой, но в сущности все тот же мир...»

Кнебель.

«...Отныне пространство само по себе и время само по себе становятся лишь тенями, и только некоторое соединение их обоих сохраняет независимое существование.»

Миньковский.

«...Не рассеивают ли тела, пересекающие мир во всех направлениях, зародыши жизни на тех планетах, где стала возможна жизнь?...»

Гельмгольц.

«...Природа меняет свои формы и превращает одни образы в другие, различные по духу и по силе. Так растет неизмеримое богатство, и вечно видим мы другой, но в сущности все тот же мир...»

Кнебель.

«...Отныне пространство само по себе и время само по себе становятся лишь тенями, и только некоторое соединение их обоих сохраняет независимое существование.»

Миньковский

МЕТЕОР.

— Метеор! — не одна тысяча людей с удивлением и восхищением произнесла это слово, пригвожденная взором к черной мантии неба.

В провале Млечного пути, между бесконечно далекими грядками звездной пыли, заискрилась яркая точка и сияющей полосой мгновенно прокатилась по небу. Огненно-желтым раструбом, почти от зенита до горизонта, тянулся яркий след, оставленный быстролетным гонцом из далеких миров. Нежно-лазоревого, мягко застывшие в объятиях сонной ночи атмосферные волны, вдруг пробудившись, воспрянув, встретили пламенем и адским воем его вероломное вторжение. В непоколебимой стальной изготовке, недвижимым титаном приняла Земля его страшный удар.

Миг... и сразу исчезли, провалились в бездну прошлого и яркое, слепящее сияние, и вопль пронзенной атмосферы, и демонический скрежет, гневное содрогание нагло разбуженной Земли. В застывшей тьме таял белесый фантом, сквозь бестелую оболочку которого лукаво проглядывали яркие звезды. И лик Бесконечности, ненарушимый, спокойный, снова застыл в первоизданном однообразии...

ОТЪЕЗД.

— Но... но, мистер Босс, почему такая поспешность? Чем объяснить такую перемену в вашем настроении? Только на прошлой неделе вы говорили совсем другим тоном, и в институте Барнэджи о вашем докладе шла речь, как о совершившемся факте.

— И, все таки, я не буду его читать, так как завтра уезжаю на тихоокеанском пароходе «Миовара» в Гонолулу.

Тэд Венслей тоскующим взором глянул сквозь пыльные стекла пенснэ в глубь того неопределенного пространства, где огни фонарей, ряды автомобилей и тысячи плывущих шляп смешивались в одну клокочущую, многоцветную массу.

В блестяще скомбинированный план работ Объединенной Ассоциации астрономов, физиков и биологов врвалась неожиданность. Стоявший на очереди дня доклад профессора Уинстона Босса «Об анаэробных микроорганизмах, находимых в пластах эоцена» упразднился вследствие неожиданного отъезда референта, — и душа почтенного секретаря ассоциации не была в должном равновесии.

— Я, конечно, не вправе требовать от вас отчета, но это так неожиданно... ваш отъезд в Гонолулу...

Уинстон Босс мягко улыбнулся и приятным грудным голосом ответил:

— Вы слышали, конечно, мистер Бенслей, о метеоре в 258 кг весом, упавшим во Флориде, в 45 км к западу от Джексонвилля?

— Конечно! Я знаю даже, что этот метеорит в специальном вагоне был доставлен в Нью-Йорк и поступил в ваши собственные руки для исследований.

— Но о результатах этих исследований вы, вероятно, ничего не знаете?

— Абсолютно... так как вы не потрудились сообщить мне об этом. Наоборот, ваши опыты вы облекли завесой строжайшей тайны.

— Сегодня я приподниму краешек этой завесы. Дело в том, что во внутренних пластах аэролита из Джэксонвилля я нашел одноклеточный организм.

— Нашли организм? — слегка недоверчиво и как будто даже испуганно вскинул стекла пенснэ Венслей. — Вот так повезло!

— Да... Это представитель фауны какой-то далекой планеты. Вы понимаете, на осколке неизвестного нам мира он совершил путешествие в мою лабораторию.

Уинстон Босс снова улыбнулся и небрежно вскинул глаза к гигантской рекламе, бороздившей небо ослепительно белыми огнями и затмевавшей робкий блеск далеких звезд.

Нью-Йорк бешено носился вокруг их и над ними. Свистки быстрого, как ракета, поезда электрической железной дороги падали на них сверху и мгновенно терялись где-то вдали. Непрерывная цепь таксомоторов ползла сбоку, оглашая воздух надоедливym звуком сирен. Лавина голов струилась плотным рядом вдоль сияющих витрин. Световые рекламы бесконечной вереницей терялись в недостижимой глубине, озаряя феерическими отблесками монолитные небоскребы Бродвэя.

— Но я не пойму, в какой связи находится ваше открытие и этот неожиданный отъезд?

— Дорогой Венслей... видите ли... сам факт открытия простейшего на метеорите ничего особенно ценного, на мой взгляд, не представляет. Но я уверен, что это неважное открытие приведет к целому ряду грандиознейших и удивительнейших явлений. Каких. — я только догадываюсь. И вы простите мне тайну этих догадок! Я должен произвести ряд опытов... И мне так кажется, моя вилла на Гавайских островах будет самым лучшим местом для опытов. Теперь вам понятен мой отъезд? Да? Я очень рад! Я хотел бы все таки, мистер Венслей, чтобы все сказанное сегодня осталось между нами!

— О-о, не беспокойтесь... Даю слово...

Вевслей говорил не совсем спокойным голосом. Он был взволнован и рука его слегка дрожала, когда они прощались у Двадцать Первой авеню.

Рассеянно размахивая длинными руками, Венслей часто натыкался на встречных и тогда шопотом бормотал — Извините, мистер!

Такси № 82 563 мчал Босса вдоль прямой, как стрела, Парк авеню.

ЭКСПРЕСС.

Незримыми нитями прикованные друг к другу, бродили в пустоте вселенной Земля вокруг Солнца и Солнце вокруг Земли. Стрелка часов многократно повторяла свой скучный обход, и падали сорванные листки календаря. Час за часом, день за днем, год за годом уплывало время в безвозвратное прошлое. Более двадцати пяти лет прошло с того дня, когда Уинстон Босс и Тэд Венслей беседовали в сияющей огнями гуще Бродвэя.

И как многие тысячи раз раньше, мчался в этот день нью-йоркский экспресс по направлению к Трентону. В туманной дали позади, в облаках дыма, таяли вершины нью-йоркских небоскребов. Бесчисленные кровли пригородов однообразной чередой уносились вдаль.

Двое пожилых людей беседовали в отдельном купе первой класса. Венслей сгорбился и оброс густой бородой. Черные и густые волосы Босса стали белыми, как снег. Но каждый из них в сильно постаревшем лице другого находили многие из тех черт, которые были основательно изучены ими друг у друга двадцать пять лет назад.

— ...И так, у нас три часа свободного времени. Я с удовольствием выслушаю вас, — сказал Венслей, закуривая сигару.

— Я готов, мистер Венслей! Но, боюсь, вы не поверите мне. Это удивительная история, и у меня нет никаких доказательств...

Венслей вскинул на него слегка усталые, напряженные глаза.

— Двадцать пять лет, проведенные вами в Гонулулу, — лучшее доказательство, — сказал он сквозь облако дыма.

КОСМОЗОИД.

— Это был маленький сморщенный комочек, величиною с булавочную головку. Я извлек его из небольшой пустоты в виде пузырька в самом центре метеора. Он был совершенно сух и весил около $1/10$ мг. Формою он несколько напоминал тихоходку, но только у него были свои мелкие особенности, хотя бы в виде длинных и узких присосок. Я назвал его космозоидом.

Искра жизни не угаšla в нем. Жар раскаленного метеора едва коснулся его, так как он находился во внутренних слоях. Впрочем, как я потом выяснил, он был мало чувствителен даже к довольно значительным температурным колебаниям. В кипящей воде он чувствовал себя великолепно!

Я поместил его в питательный раствор. Он весь набух, складки расправились, и длинные щупальцы ритмически закачались над его шарообразным тельцем. Через несколько минут я заметил в растворе множество змеящихся тускло мерцающих нитей. Это было его потомство. Еще на «Миоваре» мне пришлось завести большую цилиндрическую ванну, которая

...Боролись длинные белые
ленты и такие же, но оку-
танные массою тонких, ост-
рых, как иглы, волосков —
жаля.

вскоре кишмя-кишела странными, невероятно быстрыми существами. Кое-где мелькали пузырьчатые тельца космозидов, но они были вялы и медленны в движениях и совершенно терялись в массе жгутиковых тел, опутанных длинными розовыми нитями.

Крошечный бассейн моей виллы в окрестностях Голулу не мог вместить всего множества странных существ, и мне пришлось хлопотать над постройкой другого колоссального бассейна, величиною с маленькое озеро. И там, в темной воде, мелькали длинные змеящиеся тела со множеством самых невероятных особенностей. Их были тысячи, миллионы, миллиарды, и число их увеличивалось с каждой секундой. Я пробудил искру жизни, и пламя ее ширилось с каждым мгновением. Словно бесконечной нитью, быстро и неумолимо, раскатывался задетый клубок.

Огражденный двойным частоколом и густой рощей, охраняемый дюжиной крепкотелых чистокровных конаков, часами просиживал я у этого колоссального вместилища жизни. И вместе с горячим, восторженным трепетом щемящее, обостренное чувство вползало мне в сердце. Меня пугал этот бурный, неудержимый рост, пугала быстрота и цепкость жизненных сил. Но все это было ничем по сравнению с той гордостью, которая наполняла меня: мой прогноз блестяще оправдывался. Поток жизни быстро и неудержимо проносился перед моими глазами. Я был свидетелем рождения и смерти множества поколений. Над горами мертвых телец роились новые создания. Я замечал, как незаметные отличия становились с течением времени резкими, как стирались звенья, объединявшие отдельные виды, как из поколения в поколение менялись краски, форма, величина. И для всех этих изменений требовалось ничтожно мало времени:

жизнь миллионов поколений втискивалась в узкие пределы двух-трех часов. Вы понимаете, как бесконечно коротко было существование и как бесконечно быстро было созревание каждой отдельной твари. Трудно было проследить за столь быстрым ростом. Жизнь каждого существа ускользала, растворяясь во мгновении, и не его изменения с возрастом, а изменения всей массы подобных ему от поколения к поколению улавливались глазами.

Это было странно, необычно, даже чудовищно. И можно было дойти до сумасшествия, если бы сознание не было подготовлено к происходящему.

Во всей цепи событий я видел блестящее подтверждение своих гипотез. Я предугадывал многое. Я мог теперь сказать почти уверенно, откуда был занесен к нам джексонвилльский болид. Это был один из астероидов, затерянных в пространстве между Марсом и Юпитером, — ничтожная крупичка по сравнению с гигантом-Землей.

ЭВОЛЮЦИЯ.

Несмотря на то, что каждый день в бассейн извергались груды измельченных питательных веществ, погоня за пищей вызывала ожесточенные побоища. Побежденных сейчас же пожирали оставшиеся в живых. Такая же судьба ждала и всех тех, кто умирал естественной смертью, пройдя все ступени своей почти мгновенной жизни. Трупы и разложение были тут редким явлением.

С ужасом и отвращением видел я, как в темной, затаенной глубине мелькали гибкие тела, свивались в бешеный комок в дикой, напряженной борьбе за существование. Вода клокотала, и белые пенистые вихри

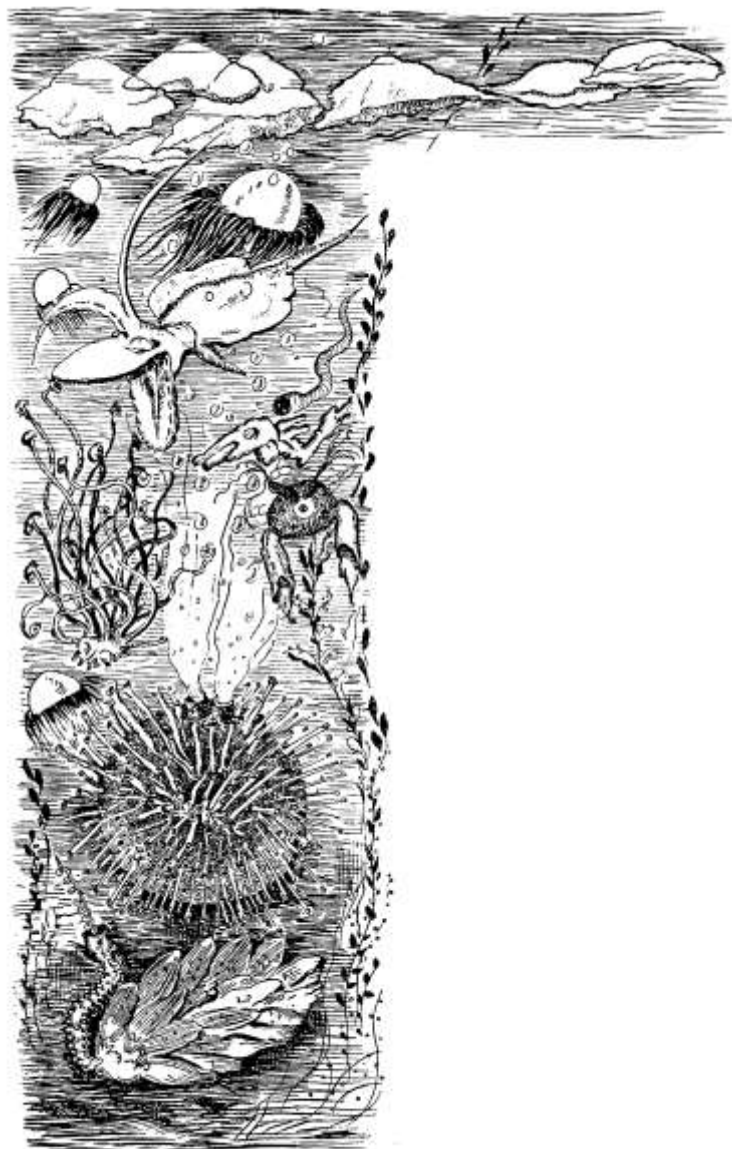
вырывались из ее недр. Но скоро прозрачная тишина снова сковывала спокойную поверхность, и только розоватое пятно медленно рассасывалось в жидкой толще, и тонкие струйки кроваво искрились на громадном однообразном фоне. Кто-то погиб, — не один, конечно, — кто-то наслаждался его жизненными соками, дерзко и нагло похитил у него часть жизненной силы.

В такие моменты непонятная досада, смешанная с бессильной грустью, охватывала меня. Жуткие картины остервенелого побоища роились в моем сознании. Конвульсивные спазмы их отчаянной борьбы содрогали мое тело. Словно кровь, пролитая там, в холодной зеленоватой воде, проникла в мой мозг и давила на него. Почему все же борьба, кровь, смерть — источник развития и постепенного совершенства? Неужели нет других начал для совершенствования жизни, кроме этого жестокого начала, с которым не хотят мириться гуманные чувства? — жгучие недоуменные вопросы терзали меня. И каждый раз я убеждался, как неотъемлемо связана с жизнью и совершенствованием борьба, — жестокая, непримиримая борьба, в тех или других ее формах. Из холодных, скользких покоев бассейна еще не оформленный и ясный вставал ответ на мой вопрос и все более и более сбрасывал с себя темную оболочку, чтобы предстать перед мною во всей своей неумолимой и твердой, как сталь, ясности.

Среди массы существ, мечущихся в ожесточенном пульсе жизни, я обращаю свой взгляд на два вида: длинные белые ленты с утолщением на конце, и такие же ленты, но окутанные массой тонких, острых, как иглы волосков-жал. И существа первого вида падают жертвами их смертоносных сородичей. Их белые скользкие тела совсем редко уже струятся под застывшей поверхностью. Но смертоносные сородичи? — они

живут, умирают... Из поколения в поколение они переносят важные в борьбе признаки. Смертоносные волоски становятся все тверже, острее и гуще покрывают оболочку. Змеящееся тело теряет жидкую эластичность, становится гибким, напряженным. Но... и они исчезают. Их белые тела слишком привлекают внимание каких-то хищных существ, которые массами появляются из тьмы времен в темной воде бассейна. У этих — тело, покрытое твердым панцирем, состоит почти из одной только громадной пасти и целого сплетения качающихся жадных и сильных щупальцев. Это — смена живым белым лентам. Новые создания бешено размножаются, заполняя скрытые уголки бассейна. И белые ленты, обреченные на гибель, сотнями погибают в их отвратительной пасти. Исчезают, беззащитные, не смотря на тонкие бесчисленные жала. Их род, медленно вырождаясь и угасая, уже достиг грани небытия. Время неумолимо плетет свою нить, и выжившие в яростной судорожной борьбе должны уступить место более сильным.

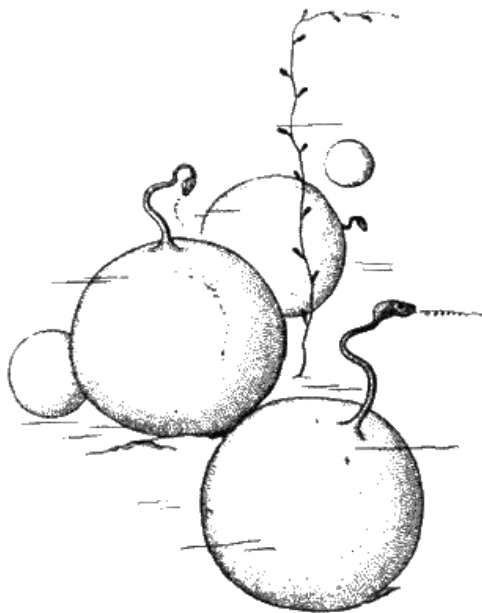
Медленные, словно утыканые иглами, серыми тенями колышутся под водою странные существа. Они очень походят на морских ежей, но только иглы у них значительно длиннее и тверже. Они уживаются с плоскими существами, наподобие голубоватых лоскутов мелькающими в водах бассейна; уживаются с длинными круглыми угрями, испускающими фосфорическое сияние во тьме ночи. Это — сильные из сильнейших, это прочные звенья, из которых куется крепость всей дальнейшей жизненной цепи. Они оказались равноправными в борьбе за жизнь. Это — отдельные ветви, по которым разойдется в разных направлениях сила жизни.

Вода бассейна кишела тысячами фантастических существ, борющихся за жизнь.

Впрочем, борьба не всегда замкнута в узкие рамки грубых смертоносных сражений грудь с грудью. Постепенно она становится более тонкой, менее непосредственной и заметной. Эту незримую борьбу я научился со временем распознавать в тысячах мелочей. Вот вам несколько фактов. Прозрачно-голубые студнеобразные существа, проползая лохматыми тенями, держатся у поверхности и выставляют наружу скользкую влажную оболочку. Между ними плавают белые полушария, окаймленные кроваво-красной бахромой, — нечто вроде медуз. Широкие пасти временами высовываются из воды, и, жадным зевком проглотив что-то невидимое, исчезают, разрезав воду острым концом хищно изогнутого рога. Длинные и тонкие щупальцы-присоски вдруг просунутся где-нибудь у края, сквозь зеленоватую бахрому водорослей, и долго вздрагивают, вытягиваясь и вновь сжимаясь в комочек. Поверхность воды, ранее спокойная и неподвижная, теперь кишмя-кишит льнущими к ней фантастическими существами. Что заставило все эти создания собраться у поверхности? Почему из темных недр тянутся они массами наружу? — В воде бассейна, благодаря чрезмерному скоплению живых существ, мало кислорода. Несколько насосов, работая неустанно, не успевают прогнать нужного количества воздуха. И вот те, что теснятся у поверхности, пробуют свои силы в борьбе за обладание кислородом воздуха, находящимся извне. У некоторых больше данных для приспособления к новым условиям существования, и они побеждают. Другие исчезают, бессильные в борьбе за жизнь. Ненужные жабры уступают место легким. Так появляется царство амфибий... Пищи мало, и вот я замечаю узкие розовые полоски, иногда свернутые спиралью, торчащие из водного лона. Это язычки странных созданий, круглых, как блин,

черных, с массой колеблющихся зеленоватых плавников, с маленькой головкой на длинной изогнутой шее. Они вышли из пределов воды бассейна в поисках за пищей. На их липкие язычки садится множество насекомых. В этом их победа... А вот застыло, как ком водорослей, кошмарно-уродливое существо: это шар со множеством узких трубочек и двумя отверстиями в самом верху. Тонкими струйками ускользает вода в трубочках и белой пеной шипит и клокочет у отверстий, извергаясь наружу. Нелепая тварь цедит воду через свое нутро, и живая мелюзга, гнойная слизь выделений, споры растений застревают в ее чреве. Так борется она за свое существование, хитрым устройством жизненного механизма она обеспечивает бытие и выносливость своим дальнейшим поколениям.

*Розовые шары, медленно пульсирующие...
Змеиные головки с синими глазками, со спиральным язычком.*

...Время течет, длинной извилистой цепью тянется жизнь, меняя форму и краски, и над всем царит суровый закон борьбы. Он вливает в самую жизнь какую-то таинственную

суровую сущность. Он направляет по строгому руслу ее неудержимую стихийную силу, крепкой рукой руководит ею, как умелый машинист руководит безумной бешено хаотической силой пара, преобразуя ее в ровный, строго предначертанный бег экспресса.

Это твердое веление, сначала тревожившее меня недоуменным беспокойством, в конце-концов сжилось с моим сознанием. Многократно видя его суровое отражение в клокочущей жизни бассейна, я развивал его до самых отдаленных пределов и находил даже некоторую жуткую прелесть в широких и безудержно-смелых выводах.

КОШМАРЫ.

Дни уходили за днями. Бурный рост и смена поколений попрежнему текли неудержимым, бешеным темпом. Стоило мне пропустить два или три дня без обзора смутных тайников бассейна, и совершенно новая картина вставала перед моими глазами. Эта сказочная быстрота превращений положительно захватывала меня. Целыми днями, а часто и ночью, сидел я у холодной неприветливой каймы водного простора, пригвожденный к тому бесстрастному чуду, которое совершалось там.

Любопытство и робость вначале — переходили постепенно в тягучее, напряженное ожидание новых превращений. Бесконечная цепь смен, как в калейдоскопе, сначала возбуждала, а потом слишком и напрягала нервы, грозя разрывом. Часто я замечал, что весь дрожу от усталости и нервного потрясения. Не редко я вдруг ловил хриплые фразы, слетавшие с моих губ, и неожиданно замечал, что руки мои повторяют с удивительной последовательностью движения какого ни-

будь из этих странных существ. Я замечал, что моя память иной раз оказывается слишком слабой, растворяясь в бессчетности событий, и смутно осознавал иногда те частые провалы внимания, начало и конец которых ускользали бесследно. И все время я не мог избавиться от странного чувства движения, планомерного неуклонного стремления вперед, в то темное, неоформленное нечто, из которого вырастают будущие события. Мне кажется подобное чувство испытывал бы человек, впервые проехавший на экспрессе тысячи километров пути, где каждую минуту ландшафт совершенно меняется. Это чувство вечного движения было томительно, невыносимо. Будто захваченная этим неугомонным вихрем кровь бурлила у меня в висках и туманила мысль своим шумом.

Быстрые и медленные разноцветные отвратительные тела мелькали перед моим взором даже в те часы, когда я был далеко от бассейна. По ночам дикие кошмары истязали мой мозг, и очень часто просыпался я в холодном поту. Уже проснувшись, я все еще видел мириады переплетшихся тел, ползущих, пожирающих друг друга в дикой, смертельной схватке. И холодные прутья кровати казались мне скользкими телами, а укусы moskitov мгновенно рождали содрогающие мысли о длинных и тонких, проникающих в самое сердце, жалах.

ПРОГУЛКА.

Помню, измученный в конце, я решил дать отдых своим чувствам, слишком обостренным густотой и разнообразием впечатлений. Я решил целую неделю не заглядывать в бассейн. Впервые со дня приезда пойти развлечься на улицах города или у моря.

Весна пропитала воздух особенным запахом жизни пышного расцвета.

Я брел мимо белоснежных вилл, нежно и легко разбросанных в ковче садов. Пятна прудов и озер мягко поблескивали в гуще зелени, под белым туманным светом солнца. Эвкалиптовые аллеи радушно расступались перед отдыхающим взором... Банановые рощи и тростниковые плантации уносили взор в беспредельность горизонта. Слева – море: вблизи – нежное, голубое, вдали – слепящее молочно-белым сиянием. Справа – неподвижные вершины, словно шепчущие лазоревому небу мрачную тайну: «Чаша Пунша» и «Даймон-Хэд». Прелестная картина!

Удивительно радостное чувство наполняло меня. Какая-то неожиданная легкость делала меня словно невесомым. По примеру городских жителей я украсил себя гирляндами прянно-желтых цветов «маили-илима» и, полузакрыв глаза, медленно шел вперед. Воля словно растворилась в необъятности простора и красок и, казалось, какая-то сила медленно несла меня вперед. Свежая, бодрящая струя вливалась в легкие, и тело наполнялось животворящими соками. Волны своеобразных запахов мимолетно, ласково окутывали со всех сторон и в блаженном успокоении нашептывали сонно о тепловатых терпко-соленых водах моря, мирно шелестящего вдали; о мягкой, едва загорающей сиянием, утренней лазури неба; о белоснежных и розовых цветах лотоса.

Я шел и, кажется, пел что-то, пел в восторженном, даже благоговейном экстазе. И со мною пели разноцветные птицы, порхая в кустах, пело солнце, горы, вселенная, слившись воедино в тихих томных звуках радостного гимна весне. .

Да, в этот момент непонятная жуть, сковывавшая меня, когда я стоял у парапета бассейна, наклонив голову вниз, была далеко от меня. Я всецело отдался волне чувств, без моей воли, благотворно, капля за каплей, пропитавшей все мое существо сладостным нектаром. В своей монотонной, однообразной жизни никогда, кажется, не испытывал я такого полного чувства довольства, как в то блаженное утро. Пусть это не покажется смешным — я, помнится, улыбался и в порыве всепрощающей доброты шептал ласковые напутствия пролетающим бабочкам.

Но это был только первый день полного отрешения от захватывающей и тягостной слежки за неведомой жизнью, все шире разрастающейся, все глубже пускавшей корни в глубине бассейна моей виллы.

На другой день прогулка не показалась такой освежающей, как в первый раз: наоборот, — несколько утомила меня. Все потеряло исключительную, захватывающую прелесть новизны, и мои мысли очень часто возвращались к тому месту, от которого я только что почти бежал. Я подбадривал себя и все дальше уходил вдоль берега, но какое-то глухое чувство шевелилось где-то в скрытом уголке сознания. Мне не доставало чего-то.

Я присел у одного из маленьких озер, воды которых зеленоваты у берега и мягко-лазоревого оттенка посреди; создается впечатление, будто смотришь в голубое зеркало, окаймленное зеленоватым бордюром. Я лег у самой воды и задумчиво глядел в ее спокойную глубину. Все было тихо.

Иной раз только мелкая рябь, как нервная дрожь, пробежала по гладкой, казалось, твердой поверхности. Но, наконец, взор мой проник под жидкий мутноватый покров. Я увидел длинное змеящееся тело и вокруг це-

люю стаю мелких быстрых телец, вьюном сверлящих прохладную толщу. Мгновенно я вернулся мысленным взором к бассейну моей виллы... Мне показалось, что это в него смотрю я сейчас... в его жуткие, пугающие воды...И тут я понял, чего мне не доставало... Меня потянуло обратно... Будто сильные руки подняли меня с земли, повернули... Я бежал... Можно было подумать, что случилось несчастье с кем-то самым дорогим для меня на свете. Я запыхался. Солнце не ласкало, а жгло. Удушливая испарина подкатывала к горлу. Почти задыхаясь, я потянул веревку гонга... Еще и еще. Лицо слуги-гавайца недоуменно, растерянно глядело в прорезе чугунных ворот.

Я принял душ и, спустя десять минут, был уже у бассейна. И, странно, только теперь я успокоился. Правда, зашевелилась сейчас же тоска смутного ожидания, похожая на страх, но, вместе с ней, выползшей из сумрака бассейна, потонула в нем накипь безотчетного беспокойства, незаметно долбившая хрупкую оболочку моего спокойствия в течение Этих двух дней.

Совершенно новая неожиданная картина ждала меня. За эти полтора дня все переменялось совершенно, как будто страшная катастрофа смела все то, что было прежде, и созидаящая рука жизни вдруг сделала неожиданный и нелепый выкрутас в своем безумном творчестве. Цепь медленных изменений за эти полтора дня была выхвачена из моего сознания: поразительный, необыкновенный контраст был налицо.

Я ловил взором множество чудовищных, фантастических фигур. Как тени терзающего мысль гротеска проплывали они мимо. Призраками туманных и жутких сказаний фантастического прошлого, злыми и уродливыми химерами проносились они перед моим взором.

РАЗГНЕВАННЫЕ.

Босс вдруг умолк, как будто резкая, передернувшая тело дрожь отворачивания на минуту парализовала язык. Неожиданная и сильная судорога стянула ему губы и сейчас же трусливо отпустила. В туманных, невидящих глазах остановилась цепь видений, и картины прошлого сталкивались, громоздились в хаосе. Задержка была тягостна, и нужно было цепкое усилие воли... Но уже было сказано первое слово, и жуткая пелена молчания, смятения мысли, рвалась на клочки. Застывшие образы засуетились, поплыли вдаль и... Слова его, вырвавшись неприятным хрипом, потекли размеренно и плавно.

— Их было много, очень много... Но не буду описывать всех, — не хватит жизни для этого, — укажу только на тех, чей образ оставил в памяти слишком глубокий след. Вы выслушаете описание этих необыкновенных существ? Я вижу ваше безмолвное согласие... Вот они кружатся перед глазами... вот... вот...

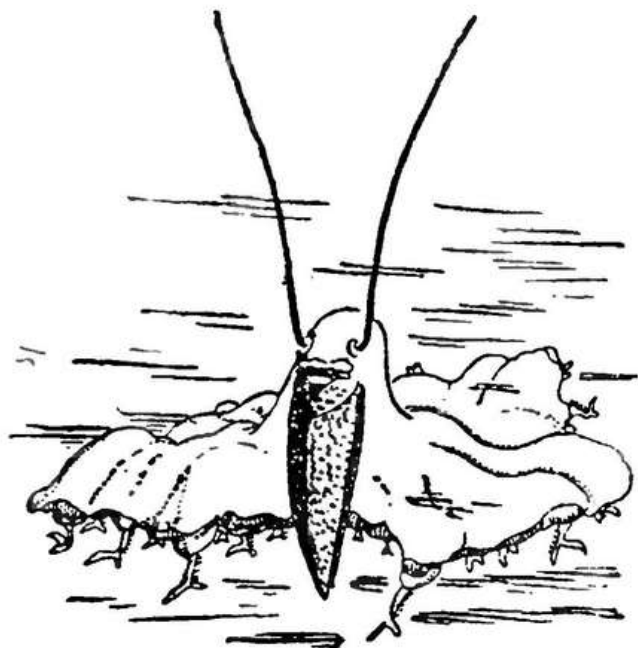
Розовые шары, медленно, жадно пульсирующие. На тонких розовых шейках прорастают из них розовые головки с синими глазками. Настоящие змеиные головки, но только очень узкие и длинные с хищно извивающимся, раздвоенным, спиралью сплетающимся, язычком. Иногда в яростном испуге головы втягиваются в мягкую скользкую массу розового пузыря, и тогда он медленно колыхается, как гнилая сердцевина какого-то плода.

Вот другое создание... Медленно, толчками длинных черных лапок с перепонками, оно движет черное тельце с едва колышущимися плавниками, наподобие крыльев летучей мыши. Маленькое личико на робко качающейся головке, хищные, будто ухмыляющиеся

Черное тельце с плавниками на подобие крыльев летучей мыши... В громадной пасти засверкали белые, словно стальные зубы...

черные глазенки. Тихо выслеживает оно кого-то... Но вот оно нашло добычу. Раскрылись, вонзаясь, острые когти лап, бешено захлопали костистые крылья и в громадной скрытой пасти засверкали белые, изогнутые, словно стальные зубы. Белая пена... Клоочет вода..

Зеленовато-серое существо с одной громадной клешней между настороженными усиками... Многочисленные лапки перебирают песок.

Розовый туман выползает снизу... Круги, волны... Рябь, розовая, светлая... Опять тихо колыхнется черное тело убийцы... Насмешливые глазенки... Но брюхо — откуда оно взялось? — раздулось, как черный мешок с камнями, тянет ко дну. Жадная утроба насытилась.

Зеленовато-серое существо с одною громадною клешнею между двумя настороженными усиками... Мелкие лапки перебирают песок на неглубоком месте... Шевелятся зубчатые створки клешни...

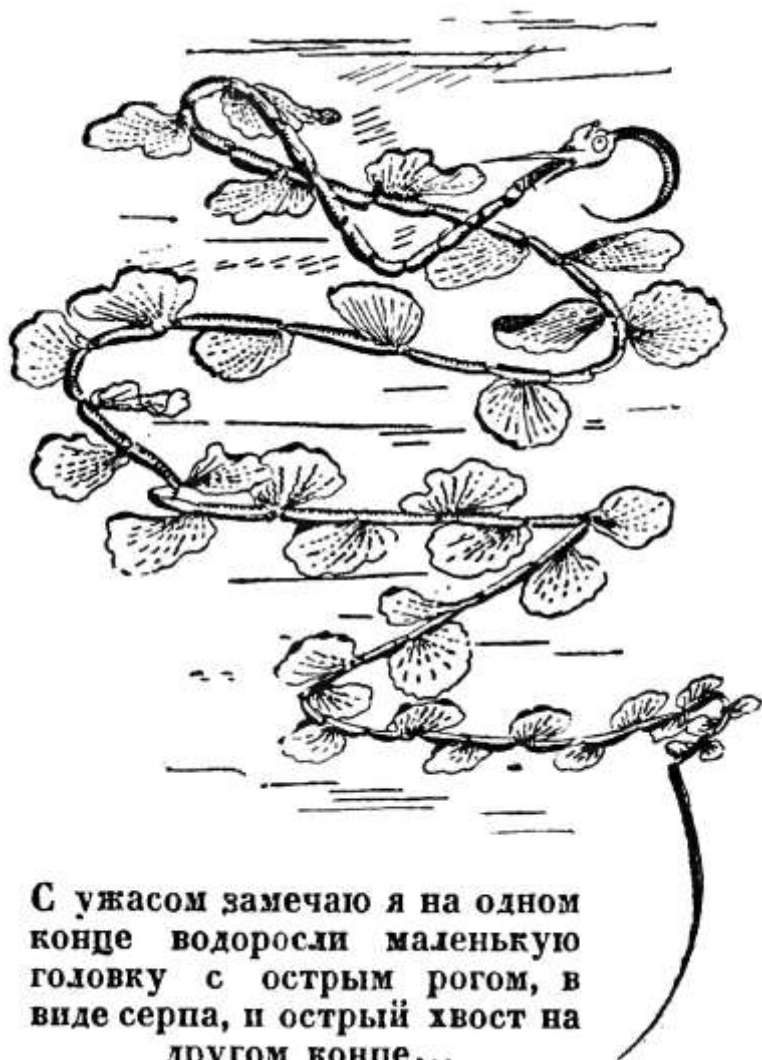
Длинная водоросль с ярко-зелеными пластинчатыми листиками — будто маленькие шелковые веера, нанизанные на зеленый шнурок... Но почему она так быстро движется, извиваясь и сплетаясь в комок? С ужасом замечаю я на одном конце водоросли маленькую головку с острым рогом в виде серпа, и подвижной острый и быстрый хвост — на другом конце.

А вот десятки белых, мутно-прозрачных тел — многоножки, бегущие, расползающиеся, облепляющие осклизлые, тинистые камни на дне...

Взор скользит пугливо, не разбираясь в деталях.

Что то прозрачное, какая-то голубая тень, смутно осознается взором у мшистой искусственной скалы. Это, верно, — слизь, может быть, — тина. Однако, должно быть, густая, как студень. Множество мелких созданий становится неподвижным, коснувшись ее. Голубая тень обволакивает их, и они словно растворяются в ней. Неужели, это — живое существо?

Я беру железный прут и протягиваю его туда, где просвечивает эта странная голубизна. Что это?! Минуту я сам не понимаю, что случилось. Тело еще дрожит от острого удара, мгновенно пронзившего его. Электрический разряд!.. Дикий плачущий крик, похожий на вопль раненой обезьяны, стоит в воздухе. Неужели это кричит голубая тень?! Я уверен, что она... Да, я

С ужасом замечаю я на одном
конце водоросли маленькую
головку с острым рогом, в
виде серпа, и острый хвост на
другом конце...

знаю, — это кричала тогда голубая прозрачная слизь. Она исчезла вместе с яростным ударом, вместе с жалобным, испуганно-гневым криком. Только красные рыбки с голубыми вуалевыми хвостами и плавниками тихо и быстро буравили воду у скалы.

Не знаю, обезумел ли я от резкого, молниеносного электрического удара, слишком ли распалилась моя фантазия, или просто это было реакцией взвинченных нервов, — я стоял на граните парапета и длинным стальным прутком быстро и долго ударял по поверхности воды, обдавая себя брызгами. Вы не поверите, — это ужасно и дико, — бассейн застонал, заревел, завизжал, захохотал под этими неистовыми ударами. Будто все демоны ада, бесы многоликого пандемониума вырвались с хаосом чувств из разгневанных покоев этого поруганного водного святилища.

Я не в силах передать ужаса, который охватил меня. Я окаменел, похолодел, подхваченный, опутанный, обессиленный, почти парализованный Этим вихрем дьявольских звуков. И вдруг сразу стало тихо. Это была тишина смерти, тишина могилы, тишина, бывающая только перед страшными катастрофами, в момент наивысшего, судорожного напряжения. И в этой тишине кто-то надрывно и тонко завыл, кто-то ответил раскатистым, глушащим хохотом; кто-то Жалобно тихо зарыдал; где-то серебристо разнесся смех, — как легкое дуновение, как звон почти невесомого серебряного колокольчика. Сердитое и глухое бормотание засуетилось вот тут, у самых ног; вкрадчивый коварный шопот зашелестел у самого уха. Легкий ветерок пробежал в листе... И все стихло.

Солнце продолжало жечь, ускоряя бег к западу. У балюстрады, смутно мерцающей сквозь решетку стволов, зазвенел ведром старик-гаваец. Как проблеск из

другого, светлого мира, коснулся обоняния знакомый и отрадный запах кухонной гари. Я стоял, оглушенный, не зная было ли все это в действительности или же это внутренний надлом, большая причуда чувств сыграли надо мною такую злую шутку. Не знаю я этого и сейчас. Впрочем, какое-то подсознательное чувство, скрытый инстинкт говорит мне, что в тот день я впервые слышал разгневанный голос чужой жизни, занесенной к нам из чужого мира.

ЛАГУНА.

Босс замолчал. Казалось, он сделал перерыв для того, чтобы привести в порядок сумбурные и неотчетливые мысли. Что-то новое появилось в его лице: глубокая сосредоточенность, напряженность человека, выискивающего в массе впечатлений одно важное, яркое. И потом в глазах его стала разгораться страстность, горячность, отразились те мгновения, когда победившая одна воля и речь одухотворяют истлевшее прошлое.

Венслей вскинул на него беспокойный, вопрошающий взор. Какая-то неясность возбуждала его. Жгучие вопросы шевелились на губах. Он притронулся ко лбу рукой, словно стараясь уловить что то туманное, ускользающее. Губы его чуть-чуть приоткрылись для слов. Но Босс уже продолжал:

— Это не могло продолжаться долго. Жизнь так разрослась, что ей не хватало места в узких пределах бассейна. Умирало больше, чем рождалось, и не хватало хищных ртов, чтобы пожирать мертвых. Тление, неизвестное здесь прежде, резко и глубоко вошло в свои права. Вода гнивала, покрывалась зеленоватою плесенью, чернела тиной, и легкий ветерок разносил

Их кошмарные пасти жадно глотали теплый, насыщенный гнилью воздух...

сладковатый, ужасный запах разложения. Тела живых существ становились вялыми, полумертвыми. Их жадно вытянутые пасти конвульсивно раскрывались и закрывались в цепких когтях удушья. Дышащие легкими создания словно старались выпрыгнуть, вырваться из давящих тисков медленной, терзающей смерти. Их кошмарно изогнутые зубы, пересохшие одеревенелые языки, узкие как тонкий прорез, широкие, как черная дыра — пасти остервенело тянулись из кружева плесени, жадно всасывая, глотая теплый, насыщенный гнилью воздух. Тело их то раздувалось, то безжизненно опадало. Чудовищные болезни распространялись молниеносно. Это был какой-то белый налет, словно мазок известью, какой-то грибок, от которого разваливалось еще живое тело, и кости становились мягкими и клейкими. Вялые и жирные спутники разложения, черви — наши, земные черви — гнездились в гниющих телах. Иногда мертвое тело казалось живым, так оно шевелилось и извивалось под натиском этих всепроникающих жадных питомцев смерти. Каждая капля воды, взятая из бассейна, под микроскопом оживала целым миром — мириадами гнилостных болезнетворных бак-

На тихих отмелях ползали и лениво грелись на солнце чудовищные.

терий. Земля подарила чужой жизни быстрых могильщиков, которые торопливо и нагло добывали ее, ослабевшую, стирали ее призрачные следы. Опасность полного уничтожения повисла над бассейном. Напрасно непрерывно менялась вода, напрасно жгли костры, охраняя дымом воды бассейна от яростного вторжения паразитов. Конец был близок. С трудом добытая искра, разгоревшись в мощный очаг, угасала. Казалось, конец был неизбежен. И вот тогда-то старик-конак Чили-Лиму оказался во-стократ мудрее меня.

— Тесно, кахуна-хаоле (белый знахарь), — бесстрастно сказал он, заглядывая в бассейн тем же взглядом, каким он глядел в котел с кипящим таро. — Все пропадает... все... — И вдруг, в порыве откровения, почесывая волосатую грудь крикнул:

— Отберешь, кахуна-хаоле, чистых, бросишь в большую большую воду... другую воду... будут жить...

Конечно, я понял его. Я глянул на него с восторгом и хотел радостно хлопнуть его по плечу... Но он уже мелькал среди серебристых стволов, и ведро его звенящим криком возглашало о мощи смуглых рук где-то у баллюстрады... Природный ум помог мне... Бесстрастное лицо с слегка сплюснутым носом, окаймленное жесткой курчавой порослью, стало символом спасения чужой жизни.

уродливые, с нашей земной точки зрения, комбинации природы...

И вот я стал ломать себе голову над тем, куда бы мне перенести уцелевших, не захваченных тлением, не зацепленных болезнью представителей чужой жизни. В окрестностях было несколько озер. Но... ими нельзя было воспользоваться. Слишком много кругом нескромных глаз... А я не хотел огласки. Меня выручил тот же старик гаваец. Я спросил его, не знает ли он где-нибудь дикое, пустынное место, где есть вода. Он закивал головой, медленно закивал, не вынимая изо рта сигары. Да, он знает один остров — в шести часах езды от мыса Калуакоа. Он был на нем, когда плавал на шхуне паке¹⁾ Ли-Фу-Чао. Там совсем нет людей — ни души — остров небольшой: миль двадцать в поперечнике. Но, главное, лагуна... Там — прекрасная лагуна с голубой прозрачной, как утренняя роса, водою... Как жаль, что кахуна-хаоле раньше не сказал ему о своем желании. Всего три дня прошло, как шхуна Ли-Фу-Чао стояла на рейде... А теперь она вернется только через неделю...

Да, срок был не малый. А меч разрушения все ускорял свою уничтожающую, дьявольскую работу. Почти в бреду... в отчаянии... в мучительном ожидании провел я это время. Но, волей-неволей, приходилось ждать: ведь только Ли-Фу-Чао знал тот остров! Как я

1) Паке - китаец

не сошел с ума за эти несколько бесконечных дней, когда без сна, с мутным взором, сидел я у зловонного, отвратительного вместилища смерти!

Кто-то тряс меня за плечо, но я не мог понять, не мог проникнуть сквозь завесу бесчувствия, отупения. Я был словно в трансе. И когда я понял, наконец, скрытый смысл звуков, хриплые, срывающиеся слова показались мне ласкающей музыкой блаженного умиротворения.

Чили-Лиму волновался; на бесстрастном обычно лице разлилось нетерпение. Ведь он уже в десятый раз говорит кахуна-хаоле, что шхуна Ли-Фу-Чао стоит на рейде Жемчужной Гавани, а кахуна-хаоле не хочет слушать. Пора, пора!.. Ли-Фу-Чао ждет...

Я вскочил на ноги. Конечно, пора!.. Еще день — и все было бы напрасно. Скорее, скорей!..

Через несколько часов шхуна Ли-Фу-Чао распустила паруса, окрыленные несколько резким ветерком океана.

В чистой воде громадной цистерны плескались в трюме сотни две отобранных созданий. Их вырвали из ужасной клоаки, где смерть и гниение довершили свое жуткое дело. Их ждали голубые прозрачные воды лагуны. Они должны были продолжать цепь ч у ж о й жизни на Земле.

Я казался самому себе Ноем, в крепком ковчеге спасающим от потопа жизнь чистым и нечистым.

...И уже вдали смутно маячили зеленые своды долгожданной тверди.

НОЧЬ.

В новых условиях едва теплющаяся жизнь разгорелась ярким пламенем. Тихая лагуна стала источником

бешеного роста. Жизнь выходила из пределов воды и густые заросли, непроходимые лесные дебри и темные пещеры острова уже ждали новых поселенцев. Под голубым покровом лагуны роился бурный очаг жизни и и движений. Он давал о себе знать всплеском, криком, бешеным клочкотанием воды и иногда кровавыми пятнами. На тинистых отмелях, поросших тростником и жирной травой, ползали и лениво грелись на солнце тела пришельцев. Это были незнакомые формы жизни, иногда чудовищные, уродливые, с нашей земной точки зрения, комбинации природы. Густой и влажный воздух был наполнен незнакомым и странным многозвучием. Где-то в густых зарослях, в сырых зеленых недрах, звенели, тянули мелодичную нежную трель, трещеткой врывались в слух чужие голоса. То были крики гостей из Неведомого.

И будто испуганный, рассерженный этим наваждением, у темной гряды обелисков-скал разгневанно гремел океан. Скрежещущие взлеты и удары, содрогавшие весь остров до основания, врывались в глухое сердитое рокотание. В эти дни океан расшвирился, как никогда. Редко замирал он, утомленный, подавляя в себе гнетущую злобу. А Солнце, равнодушное ко всему, светило ярко, знойно, взбираясь все выше и выше к зениту.

Одна ночь особенно врезалась мне в память. Ничего исключительного не случилось в ту ночь, но просто вся обстановка, все детали, гармонируя с настроением, так сочетались, что память почему-то из множества ночей выделила и запечатлела эту ночь. И не новизна восприятий тут имеет значение: эта ночь — не первая ночь моей удивительной жизни на затерянном острове: может быть, сотая или тысячная...

Белый рог луны повис концами к горизонту в синей беспредельности.

Тишина. Какой-то тихий звон сверлит сонные покровы молчания. Едва слышно рокошет океан, словно угасая в бесконечности. Зачарованность висит в воздухе. В молочно-белом прозрачном сиянии застыли темные дебри. Ни шороха. И бесшумно ползут водяные струйки лагуны у моих ног. Как загадочно ее безмолвие!.. Лагуна манит к себе световые лунные лучи, топтит их в голубом зеркале. Неподвижными тонкими нитями тянутся они к ее водам, но, не достигнув темного дна, всплывают играющим серебряным разливом. Купается белоснежная луна в голубой прозрачной лагуне...

И вдруг разбуженно всплеснула вода лагуны. Световые круги, сшибаясь, понеслись к берегу. Мелкие волны раздраженно лизнули черную кайму. И вот уже клокочет, пенится голубая вода. Зеленоватые осклизлые щупальцы гавайского осьминога мелькнули и скрылись в пене. Мелькнула и скрылась громадная длинная пасть «ч у ж о г о» — частокол острых белых зубов. Маленькие выпуклые глазки тускло блеснули кровью и бешенством. Взметнулись каскады. Сноп брызг заиграл в белом свете. Лагуна расшумелась, разволновалась, задвигалась тысячами тел. Бойцов плотным рядом обступили любопытные. Их настороженные головы, жадные, ждущие пасти, темные тела с быстрыми хвостами переплетались, сбивались в темное пятно и расходились туманными, расплывчатыми призраками. Жадные и жестокие ждут они, победит ли ч у ж а я жизнь или земная. И победила ч у ж а я... Пена стала розовой.

Брызги искрились рубинами. И медленно... все медленнее ползли круги. Трепетали в агонии длинные

щупальцы, иногда бессильно высовываясь из воды, как рука утопающего. Израненное тело терзали мелкие жадные пришельцы. В стороне обугленным бревном временами высовывалась морда победителя. Маленькие глазки искрились кровью и дерзостью сильного. Но время неумолимо глотало мгновения жизни, и уже призрак смерти сковывал его движения, охлаждал и останавливал ток крови.

Снова бесшумно взползали тонкие светлые струйки. По-прежнему бесстрастно и слепо глядел белый рог в голубое зеркало, а в кольце бананов и древовидных папоротников молчала тьма. Ярко-красные цветы огиа-легуа бесшумно расцветали в белом призрачном свете.

ЧУЖИЕ.

Это была затерянная в океане обитель ч у ж о й ж и з н и.

Маленький островок сделался целой вселенной для тех, чей далекий предок совершил путешествие на Землю в недрах горящего метеора. И колесо жизни крутилось быстро-быстро, не останавливаясь ни на одно мгновение. Дух захватывало от такой быстроты!

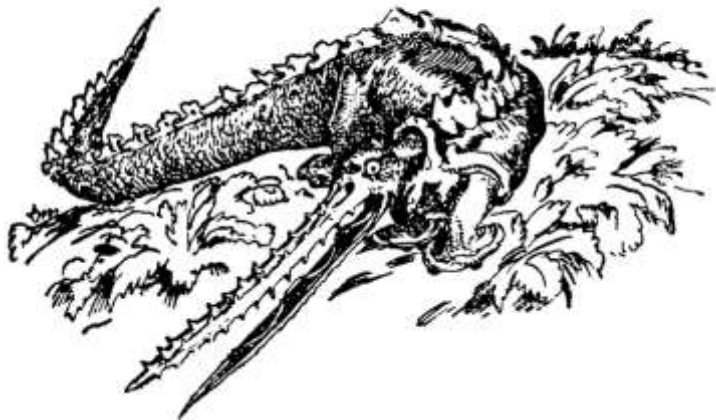
Во все стороны тянулся безграничной гладью океан. Он рыдал и метался, неутомимый в своей тоске и злобе. Вечно настоженные скалы содрогались и скрежещали. Солнце выползало из темных просыпающихся вод, отряхивало яркие слепящие искры, под которыми светлел и разгорался голубой простор, и снова пряталось в густеющую насуспенную тьму. Вчера, сегодня, завтра, как и сотни лет назад, как и через сотни лет в будущем!..

И здесь, в глубине острова, в зеленом оазисе, было шумно и беспокойно. Кто-то дерзкий, неугомонный

ворвался в это тихое, сонное царство, упоенное извечным шумом прибоя. Не было уголка, где бы ни ползало живое тело. Каждая ветка под зеленым тяжелым сводом вздрагивала и шевелилась, каждый куст шелестел, покачивая яркими пряными цветами.

Чили-Лиму всегда сопровождал меня в моих странствованиях по лесу. Осторожный, опытный конак всегда запасался палашем, воинственно болтавшимся у пояса. Он брел впереди, отыскивая скрытые проходы в сырой темной чаще. Его руки умело раздвигали густые лиановые занавеси, и тело с природным проворством ползло в узких коридорах между воздушными корнями манговых деревьев. Эти прогулки захватывали новизною и яркостью впечатлений и пугали неожиданностью событий. На каждом шагу нас ждало необычайное.

Горящие, как уголья глаза, серо-стальное тело с хвостом аллигатора, длинная часть, как у пилы-рыбы ..

Тихо зашуршала трава. Неприятным холодком пахнуло от неподвижной зеленой бахромы ползучих растений. Чили-Лиму насторожился. Рука схватилась за ручку палаша. Странный звук, будто стучит кто-то одной деревяшкой о другую...

— Вон!., вон!.. Смотри, кахуна-хаоле...

Чили-Лиму с силой тянет меня за плечо. Я вижу два красновато-отсвечивающих горящих угля — это глаза... потом — серо-стальное тело с громадным длинным хвостом, как у аллигатора... ждущую пасть, длинную, как у пилы-рыбы. Опять застучали деревяшки. Это стучат костистые сочленения хвоста. Где-то в зеленой гуще мелькнуло темное пятно, и костяшки загремели глухо отдаленно. Легкий переливчатый свист пронизал воздух и задохнулся в сыром сумраке.

Мы идем дальше, все глубже и глубже забираемся в чащу леса.

Кто-то захохотал вверху над нами. Мы невольно замерли, без звука. Что-то притаилось там, в сумраке. Зеленый живой потолок... Ветки, переплетшиеся, опутанные ковром лиан... Из какого-то неведомого источника слабо струится солнечный свет. Мы глядим в эту однообразную зеленоватую тьму, тщетно напрягая зрение. Тускло поблескивает палаш в руке Чили-Лиму. И вдруг захлопали громадные крылья. Какая-то тень промелькнула над нами. Я разглядел зеленоватые перепончатые крылья, — крылья летучей мыши, — маленькие лапки с острыми когтями, длинный хвост, крепко захлестнувшийся вокруг ветки, и заостренный, ритмично качающийся хоботок на месте рта. Что-то брызнуло густой струйкой на громадные листья папоротника, когда чудовище пролетало над нами.

— Кровь, — тихо сказал Чили-Лиму, раздвинув гибкие ветки.

В другой раз мы видели, как подобное существо, обхватив свою жертву острыми когтями, жадно сосало ее кровь. Когда последняя капля крови перешла в тело хищника, оно закричало — этот крик подобен сдавленному, приглушенному хохоту — и закружилось над нами. Блеск палаша испугал его и оно, хлопая крыльями, унеслось во тьму чащи. Это были ужасные создания, я всегда вздрагивал, когда слышал над собой их жуткий крик и хлопаье сильных крыльев.

**Перепончатые крыль-
ля, лапки с острыми
когтями, длинный
хвост, захлестнув-
шийся вокруг ветки,
и хоботок на месте
рта, жадно сосущий
кровь...**

Мы продолжаем углубляться в лес. Каждый пройденный шаг достается с большим трудом. Темно и сыро. Одежда становится влажной и тяжело прилипает к телу. Удушливая смесь пряного аромата с тяжелым запахом гниения наполняет легкие. Приходится пригибаться и иногда ползти. Я бреду, ничего не замечая, — усталость и напряжение притупили чувство и внимание, — и вдруг, словно в просветлении, вижу ужас в глазах обернувшегося Чили-Лиму. Сзади — легкий свист и шипение. Цепкий страх парализует мою волю. Холодная струя окутывает меня. Миг — и я лежу на земле, сдавленный кольцами какого-то хищного монстра. Громадные крылья бешено бьют меня в лицо, раздутая голова с громадными злыми глазами качается надо мною. Смертоносное жало совсем уже близко... Я кричу и, весь холодея, чувствую, что стальные кольца вдруг ослабели. Что-то липкое и теплое туманит мне взор. С усилием открываю я глаза и пугливо, с отвращением, выбираюсь из под размягших теплых колец. Зыбкая лихорадочная дрожь трясет меня. Чили-Лиму вытирает окровавленный палаш листом папоротника. В глазах его суеверный ужас, и сквозь кожу лица проступает бледная маска страха. Он торопливо шепчет заклинания. Громадная голова лежит в кустах, и смертоносное жало еще конвульсивно вздрагивает, и бледное веко то сползет вниз, то обнажит тускнеющий взор, словно не решаясь навсегда задернуть его тусклой, оловянной завесой смерти. Черной грудой скотканы толстые кольца с длинными когтистыми лапами и громадными крыльями — зеленовато-черная, дико очерченная, омертвелая грудка. Это чудовище — дикая комбинация удава и кондора — было мне знакомо и раньше. Я видел как-то целую стаю ему подобных, летавшую рано утром над лагуной.

Чудовище—дикая комбинация удава и кондора. — крылатый змей, бил меня крыльями и приближал свое смертоносное жало...

После этого случая я долгое время не решался заглядывать в лесные дебри. Давящий страх, в образе крылатого змея, вселялся в меня каждый раз, когда нога моя вступала в густые заросли. Но искушение было все же велико.

Я жил, как во сне. Тысячи неожиданностей подстерегали каждый шаг моей жизни. Мне трудно было разобраться во всем. Мозг мой воспринимал, но не анализировал. Я не успевал угнаться за событиями: слишком быстро следовали они одно за одним.

Опять мой верный и сильный Чили-Лиму со мной. Опять тускло блестит палаш. И тяжелый зеленый свод давит нас сверху.

Мы привыкли уже к странным крикам, быстрым теням, хлопанью крыльев, хохоту, квохтанью, мурлыканью, свисту и стуку деревяшек. Не удивляемся мы, когда с вершины дерева вдруг камнем падает мертвое

тело и тут же с удушающим зловонием разлагается у наших ног.

Смерть здесь быстра и неожиданна. Умирают на лету, во время погони, умирают, подчас не докончив терзать свою жертву. Смерть нетерпелива. Тела разлагаются в течение нескольких минут. И белый скелет разрушается, исчезает так же скоро. Как-то в одну из наших экскурсий я собрал целую коллекцию любопытнейших скелетов и сложил их у себя в хижине. На другой день я обнаружил только кучку белой пыли. Я понял: химические процессы этих мертвых тел также протекают во времени той неизвестной планеты. Вы поймете теперь, почему я не делал больше ни одной попытки к коллекционированию. Чужая жизнь, в конце концов, обречена была на бесследное исчезновение.

Гонимые быстролетным временем, пришельцы спешили прежде чем исчезнуть навсегда раствориться во вселенной, продолжить свой род. Инстинкт размножения был силен и неукротим. Чужая любовь была своим многообразием и причудливостью нам в глаза. Как молния, налетал самец на самку, гонимый яростным инстинктом. Время не останавливало свой бег, и надо было спешить.

Однажды мы набрали на гнездо, где самка высиживала яйца. Мы прошли осторожно, провожаемые яростно раскрытым зубатым клювом и злобно горящими глазами. Угрожающий крик, подобный стуку трещотки в соединении с воем сирены, гнал за нами, осатанело подстегивая своей яростной, незнакомой враждебностью. На обратном пути мы заглянули в гнездо; прошло не более пяти минут. Нас встретила дюжина вполне оперившихся птенцов. Жадные рты уже чуяли пищу. Внизу, под гнездом, валялась куча полуразвалившихся костей. Пройдет еще немного вре-

В гнезде самка высжи-
вала яйца. Через пять
минут нас встретила
дюжина вполне оперив-
шихся птенцов. Жад-
ные рты уже чуяли пищу. Внизу валя-
лась куча костей...

мени, — два-три часа, — и кости этих птенцов будут рассыпаться, а на их месте окажется сотня новых жадных ртов.

В другой раз мы нашли пару яиц в выстланном мохом углублении, под кустом. Мы принесли их в хижину, и я положил одно из них на теплую золу возле очага. Через несколько минут желтое

крылатое создание, осатанело крича, носилось по хижине. Оно было голодно и требовало пищи. Я бросал ему куски мяса — большие куски. Оно глотало и росло на наших глазах. Такого аппетита я никогда не встречал. Оно ело, ело без конца. К середине дня оно наполнило всю хижину яростным хлопаньем крыльев и дикими воплями, похожими на пронзительные человеческие рыдания. Чили-Лиму бросал ему живых поросят, и оно на наших глазах терзало их. Скоро смерть сразила его. К закату кости совершенно распались, словно побывав в адском огне. Утром, на другой день, я не мог обнаружить ни малейших следов нашего питомца.

Так текла эта жизнь, быстрая, жадная, цепкая. Под сводами зеленого храма, в чаду разложения, роились тела живущих. Жизнь не шла, а бешено неслась вперед. Быстрокрылое время безжалостно подхлестывало ее. Голод, любовь и смерть властно и беспредельно руководили ею.

ПОЧЕМУ?

— Это чудесно!.. Но все-таки я никак не пойму...

— Что вам непонятно? — вскинул невидящие, далекие глаза Босс.

— Да вот эта быстрота превращений...

— Ах, ну так это же...

— Вы великолепно нарисовали картину эволюции живых существ... Но как это целые эры могли сузиться до каких-нибудь двух с лишним десятков лет?... — Венслей так разгорячился, что не замечал безуспешных попыток Босса что-то выговорить. Во всей его фигуре был скрытый протест, хотя природная корректность не позволяла ему быть слишком резким.

— Зародыш был занесен с астероида, неизмеримо малого по сравнению с Землей, — тихо, размеренно начал Босс.

— Это вполне возможно... Но что лее...

— Вы забыли одно из положений теории относительности, — вдруг поспешил Босс.

— Одно из положе...ний... Какое же? какое?... — в напряженном раздумьи повторил Венслей.

— О скорости жизненных процессов...

— Ах, вот что!.. Чем больше масса планеты, на которой развивается жизнь, тем медленнее происходят жизненные процессы. — Судорогой исказила догадка лицо Венслея. Мгновенно радостное, удовлетворенное сияние стерло ее. Он снова был спокоен. Он снова лениво откинулся на мягкую спинку купэ.

— Да, да... Вы видите, что все эти чудесные события в моей вилле в Гонолулу и в дебрях неведомого острова...

— ...Прекрасное подтверждение этого положения!.. — быстро dokonчил Венслей его медленную речь. Босс утвердительно качнул седыми прядями.

— Этот принцип сразу вспомнился мне, когда я извлек из недров джэксонвилльского болида живой организм. Но я тогда же понял, что развитие живых существ этого родоначальника, дробление их на разновидности и виды, в общем, вся сложная и многообразная цепь эволюции будет идти медленным, истинно земным путем, если только... — Он замолчал с полуоткрытым ртом, словно подыскивая подходящие слова.

Нетерпение всползло на лицо Венслея.

— Что, если только?... Продолжайте, мистер Босс! — хотел он уже сказать просяще.

— ...Если только не будет убита приспособляемость

ко времени, — закончил Босс.

— Ну, это для меня непонятно... — слегка шутливо сказал Венслей. — Впервые слышу такой термин...

— Я разъясню... Вы помните мой доклад «О дифференциации приспособительных функций хромозом»?

— Очень смутно... Впрочем, вспоминаю. Это тогда, если не ошибаюсь, почти вся биологическая коллегия отнеслась весьма недружелюбно к вашей точке зрения? Но этому, вероятно, уже лет тридцать?...

— Больше, мистер Венслей, в этом году ровно тридцать семь лет... Я был прав... Приспособлением организмов всецело ведают важнейшие ядрышки клеток — хромозомы. В хромозомах есть участки, руководящие приспособлением организмов ко всем особенностям пространства, в виде термических, химических и прочих его свойств. Есть также участки, которые приспособляют организм ко времени, то есть ускоряют или замедляют все жизненные процессы в зависимости от внешних условий.

— Почему же вы тогда не подтвердили опытом эти свои взгляды? — не удержался Венслей.

— Для этого нужно было иметь существо из «чужого мира»... А болид из Джэксонвилле попал ко мне через двенадцать лет после моего доклада на заседании биологической коллегии. Но, может быть, вы разрешите мне докончить мои пояснения?...

— О, пожалуйста!.. Я страшно заинтересован...

— ... Воздействуя на хромозомы космозоида особыми соединениями, я парализовал их приспособляемость ко времени. Миллионы существ, потомки комочка высушенной слизи, питались веществами Земли, дышали ее воздухом, но жизнь их текла во времени той ничтожно-малой планеты, с которой какая-то мировая катастрофа низвергнула их на Землю. Они жили

чужим временем. И это чужое время с безумной скоростью уносилось вдаль, оставляя позади бесконечно-медленное, словно застывшее земное время.

— Да, так и должно быть, — пробормотал Венслей. Он почти не слышал слов Босса и только глубинами мысли улавливал многообещающую сущность. Эта чужая жизнь нашла для себя все новое, кроме времени... время осталось для нее старым...

Он устремил глубоко внимательные глаза на Босса. Тот уже снова тихим, размеренным голосом продолжал свой рассказ.

ОНИ.

— Однако, конец уже был близок. Сложная цепь эволюции не могла продолжаться вечно.

Однажды, вернувшись в хижину, я почувствовал головокружение и тошноту; к ночи меня схватил сильнейший озноб. Я заболел лихорадкой, тяжелой болотной лихорадкой. Целыми днями лежал я в холодном поту, на границе жизни и смерти, и беззвучная тень Чили-Лиму делила со мною мои страдания. Старик следил за регулярным принятием хины, кормил и поил меня. Весь день просиживал он около меня, и ночью, просыпаясь, я видел в дрожащем тусклом свете фонаря его настороженное, бодрствующее лицо.

Он уверенно заявлял, что вырвет меня из когтей смерти. И я знаю, — если бы не Чили-Лиму, мне не пришлось бы делиться с кем-нибудь моими переживаниями: те дни были бы для меня последними. Медленно, капля за каплей, возвращались ко мне утраченные силы.

С нежным добродушием следил Чили-Лиму за моими недолгими прогулками на поляне, перед хижинной. Он безжалостно пресекал слишком большое

усердствование с моей стороны, и, замечая усталость в моем взгляде, заставлял ложиться в постель. Он знал причину моего нетерпения.

— Они подождут, — говорил он успокаивающе. — Не надо... Будет здоровье — все будет...

И я безмолвно подчинялся его вразумительному доброму приказу. Старик был прав: надо было крепиться, сдерживать жгучее нетерпение. Сильное возбуждение могло стать роковым.

По ночам мне грезились темные, жуткие дебри джунглей, и не раз я в ужасе, весь обливаясь потом, вскакивал с постели. Мне чудились крепкие холодные кольца, хлопанье черных крыльев и пронзительный хохот. Но пробуждение всегда успокаивало мои взвинченные нервы. В мягком, бледном свете фонаря я видел знакомую участливую фигуру копака. Смуглое лицо приближалось ко мне и тихий, успокаивающий голос говорил:

— Не надо так кричать... все хорошо... все благополучно. Спи, спи, кахуна-хаоле...

И я засыпал под эту тихую, умиротворяющую речь. Но однажды, проснувшись, я с отчаянием и жутью увидел какую-то перемену в привычной обстановке.

Фонарь скупно разливал бледный свет, и его тусклое пламя слегка вздрагивало. Но Чили-Лиму не было. Дверь была раскрыта настежь. В нее заглядывали тусклые очертания деревьев и клоч неба, усеянный звездами. Непонятные протяжные звуки — словно жалобные вопли — врывались в тишину хижины.

Я торопливо оделся и, чувствуя головокружение, вышел наружу. Стены хижины, стройные пальмы, звезды и вода лагуны все качалось в моих затуманенных глазах. Меня знобило, и я слышал мелкую дробь, выбиваемую моими же челюстями. Шагах в тридцати

от хижины я увидел Чили-Лиму. Он стоял, повернувшись ко мне спиной, и пристально вглядывался в противоположный берег лагуны. Там, в белесой полосе лунного света, копошились маленькие фигурки. Это они издавали протяжные, вибрирующие звуки, пробудившие меня. Я бросился к Чили-Лиму.

— Кто там... кто это на берегу?! — хрипло, срывающимся голосом закричал я.

— Это они... — Он застыл, не зная, что сказать... — Они вышли из джунглей. Вот уже третий раз Чили-Лиму видит их...

Мистически-благоговейное, слегка затуманенное страхом сплине струилось из его широко открытых глаз и, как луч свечи в солнечном свете, таяло в безбрежном море лунного света.

— Идем, кахуна-хаоле...

Его рука уже протянулась, чтобы помочь мне возвратиться в хижину. Но я оттолкнул его. Смутная догадка кольнула меня. Я бегом бросился вдоль берега. Все запрыгало у меня в глазах. Лупа кривлялась, и то исчезала в волнах лагуны, то взлетала вверх. Фосфорические точки внутри лагуны металась, сгибаясь и вдруг исчезая. Рядом со мною, словно тень, несся безмолвный Чили-Лиму.

Они увидели нас и испуганно, с пронзительными криками засуетились, разбегаясь по берегу в разные стороны. Их мокрые тела заискрились, засверкали падающими каплями в лучах луны. Через две-три минуты во мраке джунглей растаяли их тонкие, протяжные голоса. Как будто жадная пасть поджидала их и сейчас же захлопнулась за ними. Но что-то темнело, шевелясь на светлой прибрежной полосе. И тихие стоны доносились до нас.

— Он лежит там, — задыхаясь бормотал Чили-Лиму.

Это был человек-карлик из чужого мира...

В несколько прыжков мы очутились возле него. Он лежал, извиваясь и скуля, у наших ног. Маленькое розовое тельце, слегка поросшее волосами, было жалко и беспомощно. Это был человек карлик, но не из нашего, из чужого мира. Маленькие ножки, перепончатые, с острыми когтями вместо пальцев, короткое туловище и длинная шея с большой головой. Вместо рук у него болтались два длинных и гибких щупальца. В одном из них он держал тростниковую жердь, размахивая ею. Он боялся нас и защищался, как мог.

Его лица я никогда не забуду. Оно всегда стоит перед моими глазами, озаренное желтым, немигающим светом. Узкий, длинный подбородок, как у гнома; гладкие, словно приплюснутые с боков щеки; большие, близко сидящие друг возле друга глаза. В этих глубоко запавших, воспаленно сверкающих глазах, блестели слезы. Длинный и тонкий, сильно заостренный к концу нос, наподобие клюва, заслонял узкое ярко-красное отверстие рта. Высокий лоб постепенно переходил в широкий совершенно голый череп, непомерно расширенный кверху. Его нельзя было назвать уродом, но вся его фигура могла внушить неподдельный ужас, если бы жалкое туловище лилипута не вызывало яркой мысли о тщедушии и слабости.

Мы стояли от него в нескольких шагах, а он размахивал палкой и издавал жалобные, бессильные вопли. Нам понятна была причина его беспомощности. Он сломал ногу, провалившись в глубокую каменистую выбоину. Поврежденная конечность безжизненно волочилась за его маленьким извивающимся телом.

Мы без труда прекратили все его попытки к защите, обезоружив его, и перенесли его в хижину. Чили-Лиму занялся перевязкой его ноги, а я следил за ним, измученный напряжением, с туманом перед глазами.

Он лежал тихо, бросая на меня печальный, мрачный взгляд. Слезинки одна за другой струились по его бледному лицу. Он старился на моих глазах, — может быть, отчаяние и боль ускоряли его кончину, — розовая кожа лица желтела и блекла, морщины росли, как тонкая сеть паутины у искусного и быстрого паука. Лик смерти, туманный и гнетущий, глядел из глубины безнадежного взора.

Лихорадка с удвоенным упорством затрясла меня в эту ночь. Красные кольца ползли у меня перед глазами, и временами мне казалось, что я бреду по Бродвэю и его огни бьют мне в глаза. То я видел сосредоточенное лицо Чили Лиму, склоненное надо мной, то вдруг маленькая головка с печальными глазами и заостренным носом выплывала из какого то густого мрака, в котором я беспомощно барахтался. Меня пугала неподвижность и мертвенность взгляда чужих, незнакомых глаз. Жалобные, протяжные вопли врывались в мое сознание. Рыдал ли это Чили-Лиму над моим большим телом, или же пришелец в мучительной агонии прощался с *чужим миром* — не знаю. Всю ночь метался я в диком, кошмарном бреду. И только под утро наступило улучшение. Озноб прошел, сознание просветлело, тихое радостное бормотание Чили-Лиму нежной, охлаждающей струей окутывало меня. Я заснул.

Истомленный болезнью я проснулся слишком поздно. Солнце светило ярко. Было тихо. Ночь кошмаров осталась где-то позади. Сонное жужжание ползло в щели хижины.

Я осторожно приподнялся и сейчас же отшатнулся. Мгновение воскресило все прошлое. *Он*, наверное, здесь? Он смотрит на меня, и слезы блестят в печальных глазах... Где же *он*?

Я шарил глазами и не находил того, кого искал. Кроме меня и Чили-Лиму в хижине не было никого— живого или мертвого. Может быть, все это было выдумкой, нелепым кошмаром отравленного болезнью мозга?

— Где же он? — тихо, нерешительно спросил я.

— Он?.. Он умер... Его нет... — сказал Чили-Лиму, но вдруг, словно опомнившись, он быстро добавил — Вот он...

И Чили-Лиму указал пальцем на пол, где белели два-три пятна известковой пыли.

КОНЕЦ.

Через две недели мы бродили в лесу. Кругом была тишина. Ни малейших признаков жизни... Сырая, темная джунгля насупилась и молчала. Мы бродили целый день и не слышали ни одного звука, не заметили ни одного живого существа. В лучах багрового заката я заглянул в воды лагуны. Холодом и спокойствием пахнуло на меня.

Все умерло... Все осталось позади...

Молча сидел я, наклонившись над застывшей, безжизненной толщей. Вместе с неподвижной тишиной ночи холодная, давящая тоска вползла в сердце. Солнце быстро тонуло в волнах океана. Вот испуганно скользнул последний луч светила... И мы остались в тишине и тьме могилы, — громадной могилы, затерянной в океане.

Рождение таило в себе неизбежную смерть.

Неумолимое время стерло все следы чужой жизни на земле.

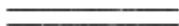
НЕВЕДОМОЕ.

... А поезд мчался вперед, и черным драконом гналась за ним тьма ночи. Бегущая сталь колес задыхалась в бесконечной, скованной песне.

Люди молчали. Лица их были напряжены и, как будто, печальны. Общие мысли объединили их сознание. По какой то затерянной, таинственной дороге уходил их взор в ту бездонную тьму, где затерялись недавние события. Неведомое коснулось их одним краем. Где то на путях к Неизвестности вспыхнули загадочные и туманные блики. Из складок Времени выползало перед ними Будущее. Но серая безлика и бессловесная пустота уже одолевала их.

Венслей вздохнул, нервно задвигался из угла в угол. Босс окунул седую голову в темноту окна. Мрак, только мрак, и в бесконечной дали тонут, теряются, светящиеся точки. И вдруг... Сияющая полоса прорезала небо.

— Метеор упал... — беззвучно зашевелились губы Босса.

Н. АСЕЕВ

АМЕРИКАНСКАЯ ПЕРВОМАЙСКАЯ НОЧЬ

Фантастический рассказ

Журнал «Смена» № 7, 1924 г.

А М Е Р И К А Н С К А Я П Е Р В О М А Й С К А Я Н О Ч Ь.

Рисунки Г. АЗЕВА, иллюстрации И. ЛАБОВА.

I

Орчард Коллинс, глава Колорадской Компании «Топлива и Железа», медленно покинул комнаты своей жены Энни Портен, нестерпимый блеск имени которой не могли отускнуть ни могучее дыхание «Колорадской Компании», ни та вековая угольная пыль, которая, казалось, въелась в каждую букву фамилии Коллинсов. Энни Портен — оставалась Энни Портен. Три месяца Коллинс «приручал», как он говорил, ее к себе. А три месяца это очень много для делового человека. В деловитости же Орчарда не сомневались ни его друзья, ни его враги. И три месяца — самые геройские подвиги Орчарда не трогали сердца Энни. Ни первенство в бешеной авто-гонке Рок — Спрингс — Колорадо. Ни крах Медной Компании, подготовленный и осуществленный по заранее рассказанному ей плану. Ни вывихнутая в боксе челюсть Джорджа Смоглерса — ее завистливого хулителя в «Тенях экрана», ее отвергнутого поклонника. А ведь в покрытом им пробеге — тоже участвовали, добивавшиеся ее внимания, Джемс Борис, и Вельборк, и Гейвуд. Все было напрасно. Энни Портен — оставалась Энни Портен. Она позволяла ему уничтожать ее врагов, но ни в коем случае не желала увеличивать именно им число своих друзей.

Орчард Коллинс, вдова Колорадской Колман. «Топлива и Железа» и Энна Портен.

И только незначительный случай с обезьянкой, любимицей Энни, спасенной им из каминной трубы, где ей грозила неминуемая гибель от удушения — бросил Энни на грудь Орчарда. Но и ставши Энни Коллинс, она продолжала оставаться в мыслях Орчарда неуло-

вимой, как луч, случайно блеснувший в зеркальном сиянии его помыслов о ней. Слишком велика ее слава! Энни Портен оставалась бесплотной тенью с экрана, даже и став его женой.

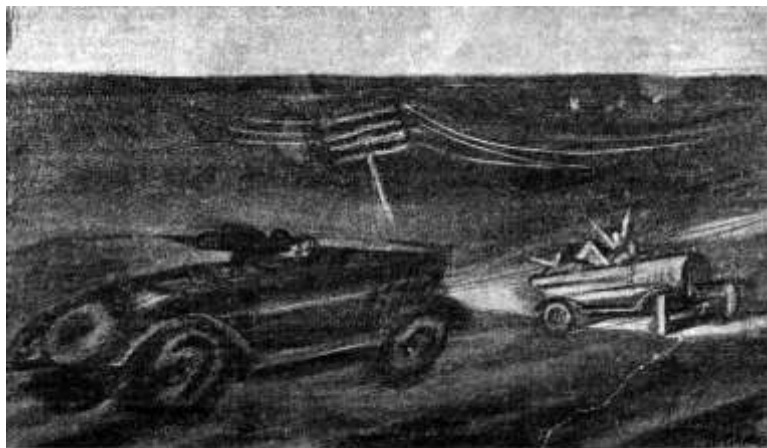
И вот, поцеловав ее голубой висок, Орчард медленно проследовал на свою половину. Он уже знал, что спать не будет и в эту ночь, как и во многие предыдущие. Душ, гимнастика, работа не успокаивали автоматически продолжающих напряжение нервов. Три месяца упорной погони за ускользающей тенью — и, в конце концов, белое бельмо экрана — сделали из него маниака. Он стал крепко задумываться. В его характере было решать все до конца. Неизвестность, расплывчатость, неопределенность угнетали его. Он прикинул свое теперешнее положение к жизни вообще. Если так гнаться за всем и оставаться с вытянутой физиономией под внезапно блеснувшей люстрой — глупее этого ничего не выдумаешь. А сегодня его еще разозлили с утра. Какие-то шутники прислали приглашение участвовать в первомайской демонстрации рабочих Колорадской Компании. Приглашение было составлено в издевательски корректном тоне. В нем говорилось о необходимости сближения труда и капитала, о полезности прогулок пешком, о взаимном уважении людей, обладающих хорошо развитой мускулатурой. В другое время Орчард не обратил бы на глупую шутку внимания. Но сейчас она как-то странно совпала с издевательским тоном, который звучал в нем по отношению к самому себе. И Орчард со злобой разорвал бандероль со свежих журналов, пестревших у изголовья его кровати. Иллюстрации изображали все то же. Ее, Энни Портен, готовящуюся выступить в новой фильме, на бегах, на выставке, в «Обществе Лучших Пловцов Штатов», в момент заключительного раунда бокса, на

открытии тоннеля, еще и еще. Иллюстрации пели о ней, шелестели ею, извивались в изощреннейших линиях шаржей и карикатур, вклинивались серыми прямоугольниками в текст, пестрели яркими пятнами обложек. Орчард отбросил эти. Тогда из других — зарубежных, — глянули серые колонны молодых лиц, незнакомые сумрачные улицы полудеревень, полугородов, шрифт непривычных букв на плакатах: — «Коммент» — «долгой бур» — это снимки из России, страны, в которой завтра вновь пройдут эти странные толпы играющих в человечество людей.

Орчард остановился на одном из снимков. Как странно: в толпе, в колонне, взявшихся за руки девушек, укутанное в платок лицо Энни, Энни Портен, Энни Коллинс. Завтра нужно будет показать ей. Орчард отложил журнал в сторону и стал нехотя раздеваться. Надев мягкую фланелевую пижаму — надо все-таки заставить себя заснуть — он попытался заняться самогипнозом, остановив глаза на блестящих ручках несгораемого шкафа, возвышавшегося в углу спальни. Повернув свет на угол, Орчард до боли в глазах наблюдал за маленьким светлым мазком на полированной стали. Иногда это помогало. Но теперь — он слишком ясно ощущал биение крови в жилах, слишком точно ощущал сумятицу мыслей, галлопировавших в мозгу. Заглушенный шум нескольких пар ног вывел его из унылого оцепенения. Шаги на правой половине дома — в комнатах Энни — Орчард прислушался внимательнее. Так и есть. Теперь шум заглушенных, но вынужденных к тяжести шагов замолк в направлении лестницы, ведущей вниз в подъезд. Грабители уже не раз покушались без приглашения отдать визит дому Коллинс. А у Эмми как раз вчера потерял ее маленький браунинг. Орчард плавным движением соскользнул с кровати и

выдвинул ящик ночного столика, с покоящимся в нем успокоительным кольцом. Также бесшумно в следующий момент он проскользнул рядом комнат к спальне Энни. Черт! Двери открыты! Что это? Постель смята, как бы в борьбе, и тяжелый граненый графин смешал свои осколки с осколками трюмо. Орчард, уже не соблюдая осторожности, бурею горя и страха, промчался к выходным дверям. Только один взгляд на метиса привратника, раскинувшегося ничком, с коробом сбившейся на затылок ливреей, и Орчард на улице. Улица светла, уединенна, свежа от весны. Молодой ночной ветерок шевельнул расстегнутой пижамой Орчарда.

Грянув кольцом об асфальт так, что сталь высекала синие искры, Орчард в четыре прыжка взлетел на верхнюю площадку. Телефон? Конечно, они постарались его перерезать. Орчард бегом в свою спальню. Это еще что? Как это могло случиться? Тяжеловесный несгораемый шкаф шесть лет тому назад вносили 12 дюжих носильщиков, кряхтя от натуги. Ведь не мог же он сам сойти с лестницы? И, однако, светлые места в паркете — только они говорят о его тяжелой поступи. Но раздумывать времени нет ни секунды. Какой идиот мог бросить кольт на тротуаре? И вот Орчард, как был, в туфлях, пижаме, взметывая на ходу рукава дохи, из спальни в умывальную, из умывальной в гимнастический зал — там, на стене винчестер — он снова в подъезде. За угол заворачивает серый сорокосильный Кадилляк, на нем — поблескивающие сталью ребра несгораемого шкафа. На нем зеленый рукав пижамы Энни, закинутый в борьбе за голову. И ни одного полисмента! Ни одного! До угла шагов пятьдесят, но выстрел может попасть не в того, в кого нужно. И Орчард — уже в гараже.

... предельная скорость не позволяет ему вывести руль в сторону ...

...предельная скорость не позволяет ему вывести руль в сторону...

Гоночный Ройс-Ройс слушается его, как ребенок. Руль делает точнейшие усилия. Весиер-Стрит летит под колеса. Только бы не запутал серый похититель в переулках Ист-Энда. Ага, они ударяют за город! Это удача! По загородной дороге им не уйти от премированного мотора. Но странно, однако, что, лавируя в ночных переулках, дерзкие грабители ведут машину на полном ходу. Их шофер — дьявольский лавировщик. Но вот и прямой путь. Орчард переводит ход на полный. Манометр отшатывает стрелку влево, как бы сдунутую порывом бури. Показатель скорости медленно поворачивает к цифре 100. С влажным шумом стекленеет с двух сторон прорезающийся воздух. Но передние не сокращали взятой сначала дистанции. Орчард разогревает машину. Он рвет сердце мотора в такт стуку своего собственного. Дорога корежится, пухнет, извивается. Камень, замеченный им в полуверсте, через пятнадцать секунд ныряет под кузов. Но передние не приближаются. Их машина идет так, что кажется,

будто бы Орчардовский Ройс еле-еле тянется на веревке; и вдруг Коллинс, скорее сердцем, чем глазом, замечает, как кузов похитителей отходит влево в крутом вираже, рассчитывая, очевидно, повернуть навстречу преследователю. Однако, ровный рокот коллинского мотора настигает врага прежде, чем маневр удастся, а предельная скорость не позволяет ему отвести руль в сторону. И всей своей сорокапудовой тяжестью синий Ройс-Ройс Орчарда врезается в лакированный серый бок дрогнувшего Кадиляка. Широкая дуга, описываемая телом Орчарда, забрасывает его далеко вперед сплюснутых в один ком перегретой стали вздыбленных, исковерканных машин. Последнее впечатление: брызнувшее сразу всеми звездами небо, перекошенные линии сверху падающего горизонта (Орчарда перевернуло в причудливом полете от толчка лицом вверх).

II.

Очнулся Орчард Коллинс от неприятного ощущения сильного света, давящего на его закрытые веки. Приподнял их в болезненном усилии и сейчас же закрыл от резкого темно-фиолетового луча, направленного, как ему казалось в первый момент, с неба. Мыслей в голове не было. Она была свежа, как после чистого и глубокого сна. Защитив ладонью глаза, он вновь попытался оглянуться вокруг себя. Свет из фиолетового превратился в зеленый, затем в голубой, наконец, в алый, похожий на радостную вспышку тихой нежной зари. Тогда лишь Коллинс мог разглядеть, что он проникал через стекло стены огромного зала, в котором он находился. Источник света был за стеною. В первые минуты Коллинс не вернул еще способности

Бесмысленными, широко раскрытыми глазами осматривал он помещение, в котором находился.

размышлять, хотя уже восстановил способность наблюдения. Бессмысленными, широко-раскрытыми глазами осматривал он помещение, в котором находился огромный стеклянный шар, перевитый стальными дугами и заключенный в стеклянный же куб, поднимавшийся под уклон в 45° над зеленью сплошной листвы. Он лежал в подобии гамака из очень эластичной проволоки золотистого цвета, окруженный никелем и фарфором, неизвестного ему по назначению, сложного аппарата, выстукивавшего какой-то медленный и точный счет. За стеклами стены видны были стеклянные сооружения разных форм, сиявшие гранями под переливающимися лучами внешнего источника света. И, тем не менее, за стеклами стояла ночь, так как небо темнело, отодвинутое зеленым светом, как масло, вытесненное вверх водой. На нем были различимы бледные, нежные звезды.

Орчард перевел взгляд на себя и увидел, что тело его обтянуто в светлую в светлую ткань, напоминавшую гуттаперчу, но без клейкой вязкости последней. Рядом с изголовьем матово поблескивал небольшой рычажок с надписью: «Сигнал». Коллинс протянул затекшую руку к нему. Шар медленно повернулся, и Коллинс увидел выдвинувшуюся вбок из куба стеклянную же площадку, продолжавшую стену, служащую ему теперь основанием. После минутного ожидания Коллинс увидел также и узкую алюминиевую стрекозу, опустившуюся как бы на гладь спокойного пруда. Этот аэроплан был так тонок и емок, что, казалось, тяжесть его не проломила бы и слюдяной площадки. Из кабинки его вышли двое, затянутые в ту же шелковую гуттаперчу до подмышек. Они вошли в стекло, как бы, скользя по воздуху. Оба были длинноглазы, без признаков старости. Их шафрановые от за-

гара лица сияли ровной маисовой желтизной. Синие глаза одного были выпуклы и добродушны. Другой, черноглазый, был суровее и суше.

— Как поживаешь, друг, — спросил синеглазый, сверкая свежими деснами и зубами.

— Ваше сознание выдержало радость нового бытия.

Его голос был звучен, и английские слова он произносил с некоторым затруднением и особой тщательностью, указывавшими, что этот язык не был его обиходный.

Коллинс ответил вопросом, внезапно задрожав от чувства безысходного одиночества и непонимания.

— Скажите, ради бога, что со мной и где я?

— Мне будет трудно объяснить вам все сразу, — продолжая улыбаться, ответил ему синеглазый. Его второй спутник коснулся в это время руки Коллинса каким-то блестящим прибором, напоминавшим машинку для измерения номера перчаток.

— Скажу вам просто. Вы в 30-м веке, т.е. на 9 столетий впереди своего времени. Не пытайтесь осмыслить это сразу. Примиритесь с этим, как со сном. И постарайтесь постепенно освоиться со случайностью, происшедшею с вами.

Коллинс раздумывал несколько минут.

— Но как же я мог... — начал было он.

— Это уместное любопытство, — сверкнул глазами отвечавший. — Я опять скажу вам просто: мы в о з о б н о в и л и вас всего по височной кости черепа, найденной при раскопках в 28 веке. Не пытайтесь напрягать ваш мозг. Это именно так.

— Слушайте, — сказал Коллинс, — если мы с вами не спим, то нечего морочить мне голову. Этот маскарад и световые эффекты ни к чему. Говорите прямо, какова цифра, которую я должен вписать в чек, чтобы

мне вернули мою жену, если она жива, или укажите место ее смерти, если ваш автомобиль действительно подвернулся под меня, и все происшедшее не было обморочным бредом после бессонных ночей. Я хочу, прежде всего, знать о моей жене. Мой денежный шкаф вы, конечно, вправе оставить у себя.

Синеглазый перестал улыбаться. Его добрые зрачки наполнились сожалением и тревогой.

— Мне, очевидно, не менее трудно понять вас, чем вам меня, друг, — сказал он раздумчиво.

— Кроме того, вы употребляли много слов, неизвестных мне и, очевидно, утерянных из древних языков. Вот вы произносите звуки «джена», «мой», «денежный». Это, очевидно, понятия, не имеющие равнозначных в нашем обиходе. Но мы потом поймем друг друга. Не все сразу. А «денежный джена» вы объясните нам насколько возможно. Теперь же лягте, мы проверим работу вашего мотора.

— Т. е. как, разве он цел?

— Ну, конечно. Приложите руку к груди, и вы услышите, как исправно гонит он влагу по сосудам.

Коллинс опустился в гамак, и зеленые искры запрыгали у него перед глазами. Искр было много. Они кололись, как снежинки на морозе. Снова свет заставил открыть его веки. Стекланный амфитеатр держал в воздухе большую толпу людей в цветном каучуке с шафрановыми лицами и обнаженными плечами. Синеглазый катился на подвесной площадке вокруг Орчарда. Шум каких-то двигателей, силой втыкавших воздух в облачное кружево, рокотал великолепным ритмом, возбуждавшим жажду движения и действия. Синеглазый говорил собравшимся о нем. Дружески улыбнувшись, он оплыл Коллинса на своей площадке и помог ему взобраться на нее.

— Друг, — сказал он громко, и в тысячах мембран, постепенно удаляясь, повторился отзвук его голоса. — Друг, здесь собрались все представители земли, знающие язык древних веков. Они сошлись на дискуссии прошлого с нашим веком: вы — представитель давно минувшего. Задайте мне вопросы и отвечайте на мои. Короче. Яснее. Проще. Давайте учиться друг у друга: мы — о прошлом, вы — о настоящем. Что хотели бы вы узнать о нас.

— Я хотел бы узнать то снадобье, которым вы усыпляете меня? И причины, заставляющие вас это делать?

— То средство, которое открывает и возобновляет ваше существование — эманация света. Вам нельзя мыслить непрерывно. Вы препарированы из очень легко изламывающихся тканей. Вот почему мы возобновляли процесс вашего мышления только в важнейших случаях.

— Хорошо, — сказал Орчард. — Но, все-таки, я хотел бы знать, что случилось с моей женой.

— То, о чем вы говорите, очень интересует нас. Что подразумевалось т о г д а под этим понятием?

— А, черт, — взбесился Орчард. — Не хотите ли вы, действительно, уверить меня, что я в 30 веке? Довольно шантажа, оптических эффектов. Я отдаю справедливую дань восхищения технике вашей организации. Но я все-таки настаиваю на прекращении дальнейшего представления.

Амфитеатр зашевелился. Синеглазый остановил его волнение поднятой рукой.

— Товарищи, — обратился он к слушателям. — Древнему трудно осмыслить его положение. Он продолжает оставаться в убеждении непрерывности своего существования. Его фантазия отказывается воспри-

нять, что с ним произошло. Внимание. Мы усилим сейчас его восприимчивость.

Снова фиолетовый свет ударил Орчарда по лицу. В его густом потоке засветились бесчисленные формы стекло-металлических селений с парящими над ними хрусталиками пересвечивающихся аэродорог, с длинными надвоздушными плато, скользящими вокруг видимого отрезка хорды горизонта, с опускающимися откуда-то сверху, с гигантских металлических кронштейнов, площадок улиц, с бисерными роями аэропланной мелкоты.

На мгновенье голова Орчарда закружилась. Но темный зоревый цвет вернул ему волю и сознание.

— Вы гипнотизируете меня, — сказал он задрожавшим голосом. — Пусть будет так, как вы хотите! Но чего вы хотите?

— Мы хотим, чтобы вы поверили в эту правду и повели о правде тех дней, — ласково сказал Синеглазый.

— Ну, хорошо. Вы, стало быть, 30-й век. И вы, живете без денег, по крайней мере, без тех, что были в моем сейфе.

— Денег? — повторил Синеглазый. — Я нашел это слово в очень старинном словаре. Деньги — это то, чем измерялась работа сердца в то время, не так ли?

— Ну, не одна только эта работа, — возразил Орчард, — а и все другие виды ее.

— Да, мы живем без этого слова. Наши движения зависят лишь от учета общеземной силы, конденсированной в запасных воздушных турбинах. Остаток их мы распределяем по воле нас самих, не обменивая ни на что другое.

— Туманновато, — пробурчал Орчард. — Ну, а женщины, жены, матери, любовь, наконец! Вы тоже ее за-

купориваете в надвоздушные турбины?

— Жена — это то же, что женщина? — в свою очередь полюбопытствовал Синеглазый.

— Да, но только женщина, которая живет со мной, которая принадлежит мне.

— Ах, это значит, родовая дружба. Ну, это отошло уже более полустолетия. Человечество обновляет только действительнейшие свои силы. Беспорядочное сожительство отменено еще при республике советов. Понимаете, как бы это вам разъяснить: слыхало ли человечество при вас о возобновлении материи?

— Это так называемое омоложение, — догадался Орчард. — Но оно не дало окончательных результатов.

— Наоборот, оно дало бесконечные результаты!

Механический отбор уступил место — экспериментальному. И затем мы бросили всю волю к жизни на устройство транспланетных путей. Уже полтора века земля не более, как управляемый аэро, побывавшей не раз за пределами солнечной системы. Вы видели спектры лучей, полученных нами из созвездия Ленина в пятом секторе Юпитеровой магистрады. Они зоревое цвета и восстанавливают волокна нервов, как солнечные лучи — хлорофилл у древесных листьев.

— Пойдите, — пробормотал ошеломленный Орчард, — а кем же управляетесь вы?

— Мы. Мы управляемся системой двойных радиевых реле, вызывающих межпланетные токи.

— А... черт! А кто же распределяет между вами труд и отдых, радость и горе, удачу и ошибку?

— Мне трудно вас понять. Очевидно, статистический отдел алфиак, людей, отселившихся в 25 веке на планету А. I, приблизившуюся внезапно к нашей земле на угрожающую дистанцию.

— Ага, — воскликнул Орчард, — вы начитались уто-

... — *З'бярэіцеся ў міжпланетнае прастранства!*

пий Уэллса и думаете, что я хоть чуточку поверю той билиберде, какой вы меня морочите! Я сброшу вас сейчас же на эти стеклянные ребра, если вы мне ответите, где моя Энни и мой денежный шкаф?

И Орчард, перехватив поперек туловища Синеглазого, поднял его над краем площадки.

— Очевидно, старое никогда не поймет будущего, — проговорил Синеглазый, не делая попытки сопротивляться.

— Ну, что ж, летим назад, мой славный куклускланчик, Дармштадт, Бразилия, плюс слоновая кость улерийской чеканки. Д—р—р—р—р—р—р—р—р—р...

Телефон яростно звонил над уткнувшимся в подушки Орчардом Коллинсом. Продолжая считать его за автостенограф, Орчард спросонья огрел трубку кулаком, и только жгучая боль в руке вернула ему прочно и незыблемо возвышавшийся в углу его спальни, несгораемый шкаф, а с ним и остальную обстановку привычного и удобного ему его столетия телефон.

Телефон сообщил, что первомайская демонстрация началась, и управляющий Компанией просит распоряжений. На эти смятые сном зубы Орчарда Коллинса, главы и представителя Колорадской Компании «Топлива и Железа», ответили с непривычным раздражением:

— Убирайтесь в межпланетное пространство!

КТО ЧТО ВИДЕЛ НА МАРСЕ

Астрономический очерк

Журнал «Всемирный следопыт», № 4, 1925 г
Автор не указан. Художник не указан.

Кто что видел на Марсе.

Астрономический очерк.

В ближайшем соседстве нашей земли в небесном пространстве (не считая спутника земли — луны) находится планета Марс. Иногда планета Марс приближается к земле на расстояние 50 миллионов километров — это так называемое „великое противостояние“. В этот момент в сильные телескопы можно видеть сравнительно хорошо поверхность Марса. Как раз такое великое противостояние Марса и было 23 августа прошлого года. Этим моментом воспользовались астрономы всех стран и тщательно наблюдали Марс на своих обсерваториях. В настоящий момент многие астрономы уже опубликовали результаты своих наблюдений. В настоящем очерке мы познакомим читателей „Всемирного Следопыта“ с тем, к каким выводам пришли после этого наиболее выдающиеся астрономы нашего времени.

РЕДАКЦИЯ.

В ближайшем соседстве нашей земли в небесном пространстве (не считая спутника земли — луны) находится планета Марс. Иногда планета Марс приближается к земле на 50 миллионов километров — это так называемое „великое противостояние“. В этот момент в сильные телескопы можно видеть сравнительно хорошо поверхность Марса. Как раз такое великое противостояние Марса и было 23 августа прошлого года. Этим моментом воспользовались астрономы всех стран и тщательно наблюдали Марс на своих обсерваториях. В настоящий момент многие астрономы уже опубликовали результаты своих наблюдений. В настоящем очерке мы познакомим читателей „Всемирного Следопыта“ с тем, к каким выводам пришли после этого наиболее выдающиеся астрономы нашего времени.

РЕДАКЦИЯ.

Миллионы и миллионы миров носятся в круговом беге в бесконечном пространстве вселенной. Наблюдая их в телескопы, астрономы и ученые установили, что многие из этих миров, которые мы называем звездами, представляют *планеты*, т.е. твердые, угасшие све-

тила, вроде нашей земли, которые вращаются вокруг своего солнца и светят его отраженным светом.

И вот у ученых естественным образом родился вопрос: если планеты похожи на нашу землю, если они вращаются, как и земля, вокруг солнца, то, быть может, на этих планетах есть также и жизнь, быть может, существуют даже разумные существа, похожие на людей.

Задавая себе такие вопросы, ученые стремились ответить на них, и для этого тщательно исследовали и наблюдали на своих обсерваториях планеты, в особенности самую ближайшую к нам — планету Марс.

Современные астрономы установили, что на Марсе существуют на обоих полюсах какие-то белые пятна — «полярные шапки», убывающие летом и увеличивающиеся в то время, когда на Марсе стоит зима.

Астрономы предполагают, что эти белые пятна нечто иное, как обширные снежные и ледяные поля, какие мы наблюдаем в полярных областях нашей земли. Кроме того, в большие телескопы на Марсе мы видим темные полосы и правильные линии, которые астрономы называли «каналами».

Некоторые ученые считают, что эти каналы прорыты разумными существами, которые живут на Марсе и, вследствие недостатка воды на этой планете, провели целую систему оросительных каналов от полюсов, где еще сохранились морские бассейны и ледяные поля, тающие летом.

Наиболее усердным последователем Марса является известный американский астроном *Персиваль Лоуэл*. Он даже выстроил для наблюдения Марса в горах Аризоны в Соедин. Штатах астрономическую обсерваторию, на которой более тридцати лет изучал планету Марс.

Планета Марс. (Четыре снимка, привезенные из Меданской обсерватории близ Парижа).

На основании этих долголетних изучений Лоуэл пришел к заключению, что на Марсе не только есть растения и животные, но там обитают и разумные живые существа, похожие на человека.

Лоуэл даже предполагает, что обитатели Марса — марсиане — гораздо развитее земного человека, так как, по всей вероятности, жизнь на Марсе началась раньше, чем на земле, ибо Марс теперь находится уже в периоде старости, умирания. Лоуэл находит, что на Марсе нет больших и глубоких морей, ибо большая часть воды испарилась и исчезла в небесном пространстве. На Марсе имеется и воздух. Там, как и на земле, бывает четыре времени года — зима, лето, весна и осень. Во время лета снеговые полярные шапки тают, и вода орошает почву.

На Марсе есть растительность, но там нет

больших деревьев и лесов. Растительность на Марсе, по всей вероятности, составляют болотные травы, водоросли, и вся растительность сосредотачивается в более низких местах планеты, где собирается влага от тающих летом снегов. Большая же часть планеты Марс представляет собою обширную безводную пустыню, вроде пустыни Сахары, или наших средне-азиатских степей.

Лоуэл считает, что много тысяч лет тому назад на Марсе была более богатая жизнь. Но в настоящее время жизнь на Марсе постепенно замирает. Марс прожил свою молодость, он перешел эпоху зрелости, и теперь находится в периоде старости, теряя постепенно и воду, и воздух. Если на нем есть теперь разумные существа, то они вынуждены вести жестокую и упорную борьбу с всевозрастающей засухой.

Знаменитый французский астроном *Камилл Фламарион*, который производил свои наблюдения на своей обсерватории в Жювизи, близ Парижа, также признает, что Марс это живой мир, но, конечно, глубоко разнящийся от земного. Фламарион предполагает, что, вероятно, на Марсе есть и разумные существа, которые, однако, могут быть не похожи на нас.

«Мы, жители земли, — говорит Фламарион, — хотим видеть марсиан подобными нам; на самом же деле ни что не дает нам таких оснований. На Марсе шее физические и климатические условия иные, чем на земле, следовательно, если там есть живые существа, то они сформированы соответственно этим условиям.

«Новые наблюдения планеты Марс дали нам очень интересный материал. Мы были свидетелями быстрых и значительных изменений на этой планете. Во время моих наблюдений планеты Марс в этом году меняособенно поразили изменения «полярной шапки» вокруг

южного полюса. Если мерить эту шапку земным масштабом, то мы должны сказать, что снежные поля на Марсе в южном полушарии простирались на такое пространство, какое мы имеем на земле от северного полюса до Парижа, то есть, до 48 градусов.

«Как только наступила на Марсе в южном полушарии весна (6-го мая), белое пятно начало уменьшаться. В середине июня оно стало значительно меньше, и в конце сентября от него осталась только блестящая «шапка» на самом полюсе.

«В это время темные линии и пятна, видимые на Марсе, становились более темными и принимали темно-зеленый оттенок. Что же это? Цвет воды? Или, быть может, эти «каналы» приобретали свой более теплый оттенок от растительности, от травы или водорослей?

«Нет сомнения, — говорит Фламарион, — что на Марсе есть вода и воздух, а, следовательно, и растительность и, быть может, животные, и, в том числе, разумное существо вроде человека. Но каков растительный и животный мир на Марсе, наука сказать еще не может».

Кроме мнения этих двух выдающихся астрономов нашего времени, мы скажем еще несколько слов о в высшей степени интересных исследованиях двух американских ученых Кобленца и Лампланда, производивших на обсерватории Лоуэля в Аризоне измерения *температуры* Марса. С первого взгляда кажется совершенно невероятным — как можно узнать температуру, т.е. сколько градусов тепла или холода на планете, которая отстоит на десятки миллионов километров от нашей Земли. Но это факт. Кобленц и Лампланд устроили особый прибор, который может восприни-

Сложная система световых сигнализаций, отправляемая марсианами на свою соседку — Землю. (Фантастический рисунок)

Сложная система световых сигнализаций, отправляемая марсианами на свою соседку — Землю (Фантастический рисунок)

мать тепло свечи, поставленной на расстоянии **160** километров от прибора.

При помощи такого теплочувствительного аппарата американские ученые и решили узнать температуру Марса. Всем известно, что чем сильнее нагреть какой-либо предмет, например, печь, тем больше идет тепла от этого предмета в окружающее пространство.

Планета Марс, как и наша земля и все другие планеты и звезды, излучает тепло, и если узнать, сколько тепла исходит от той или другой планеты, можно, стало быть, и определить температуру, которая существует на самой планете.

И вот, с помощью своего прибора Кобленц и Лампланд высчитали и определили, что средняя температура на поверхности планеты Марс равняется приблизительно **18** градусам Цельсия.

Таким образом, если результаты этих вычислений приблизительно верны, то на Марсе, по всей вероятности, есть живые существа, так как средняя температура в **18** градусов представляет вполне благоприятную среду для развития жизни. (Средняя температура на нашей земле около 15 градусов).

Некоторые астрономы и ученые занимались разрешением вопроса о том, как сильно воздушное давление на Марсе; все исследователи в этой области пришли к заключению, что атмосферное давление на Марсе значительно ниже, чем на земле. Французский астроном Морэ утверждает, что на Марсе воздух крайне разрежен, и воздушное давление там таково, какое можно наблюдать на высоте 20 километров над землей, а мы знаем, что человеку трудно уже становится дышать, т.е. ему не хватает воздуха, и на высоте 7—8 километров.

Вследствие этого Морэ высказывает сомнение в том, могут ли на Марсе существовать высокоразвитые, разумные существа вроде человека. Точно так же и некоторые другие астрономы отрицают возможность существования разумных существ на Марсе, а знаменитый шведский ученый Сванте Аррениус вообще отрицает всякую жизнь на Марсе и говорит, что Марс — это безжизненная плапета, идущая к смерти.

Таким образом, тайна Марса осталась еще не раскрытой. Ученые нашей земли лишь установили, что на Марсе есть воздух, правда, очень разреженный. Там есть и вода, сравнительно, в малом количестве, главным образом, в виде снежного покрова на полюсах, а большинство ученых признает и существование растительности.

Но если на Марсе есть воздух, вода, и его согревает солнце, то, весьма возможно, что там есть не только растения, но и животные. Хотя наука еще и не установила этого факта, но человеческая фантазия уже населила соседнюю планету разумными существами — марсианами — и не хочет от этого отказаться.

Нам могут сказать, что мало общего между фантазией и наукой. Но разве очень часто фантазия сегодняшнего дня не являлась научной истиной на другой день или через несколько лет? Наука знает очень много примеров, когда человеческая фантазия каким-то чудесным образом предугадывала будущие научные открытия.

Так, например, знаменитый романтик Жюль Верн за много лет до открытия так называемых «рентгеновских лучей», проникающих сквозь непроницаемые предметы, говорил в одном из своих ранних романов о чудесных световых лучах, при посредстве которых

можно видеть сквозь запертую дверь, через непрозрачную материю и т. д.

По отношению к планете Марс одна фантазия также блестящим образом оправдалась. Еще в 1720 году, то есть двести лет тому назад, знаменитый английский писатель Свифт в своем известном романе «Путешествие Гулливера» рассказывает, как Гулливер попал на остров Лапуту, где астрономы усовершенствовали свои телескопы до такой степени, что открыли, что Марс имеет двух спутников, то есть две луны. Одна из этих лун находится ближе к Марсу, и делает оборот вокруг Марса в десять часов, а другой спутник отстоит от Марса значительно дальше, и обращается вокруг Марса в двадцать один час.

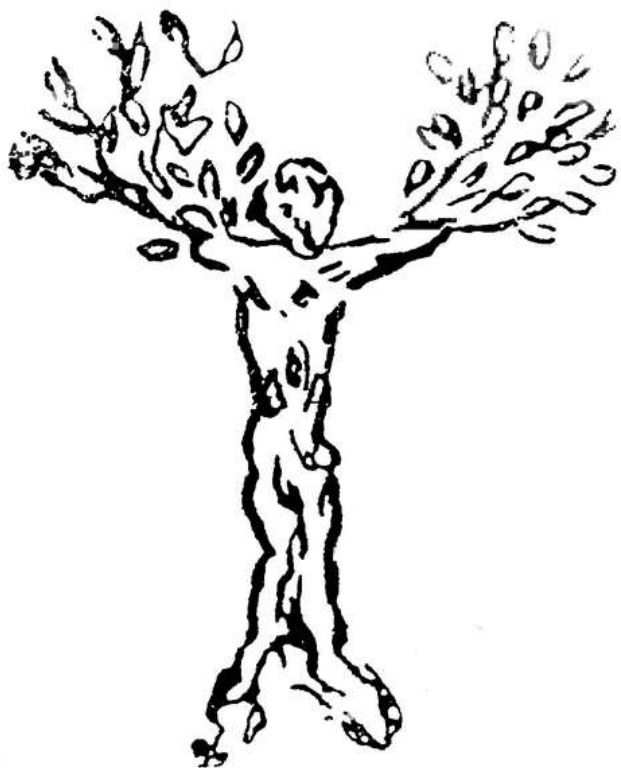
В 1877 г. то есть 150 лет после этого, американский астроном Асаф Голд действительно открыл двух спутников у Марса, и, что поразительнее всего, это то, что позднейшие наблюдения над этими спутниками установили, что они вращаются вокруг Марса действительно очень быстро, и один из них у делает полный оборот в восемь часов, а другой приблизительно в тридцать часов, то есть почти в такие же периоды, какие назвал Свифт, фантазируя в своем романе.

Конечно, не во всем и не везде фантазия предвосхищает научную истину. И только долгим, упорным *трудом*, изучая явления и условия, в которых они происходят, проверяя их *опытами* и повторными *наблюдениями*, человек во всех областях знания может приблизиться к действительности.

Наблюдения Марса в момент «великого противостояния» в прошлом году [1924] не разрешили полностью загадки Марса. Астрономы в своих выводах еще не все согласны между собою относительно существования живых существ на этой планете. Но придет вре-

мя, когда человеческий гений победоносно раскроет все тайны нашего небесного соседа, и тогда, по всей вероятности, очень многие предположения ученых о Марсе и марсианах окажутся ближе к действительности.

Типы марсиан в гипотезах ученых и писателей.

Марсианин в виде человека-дерева.

Первоначальный тип
марсианна.

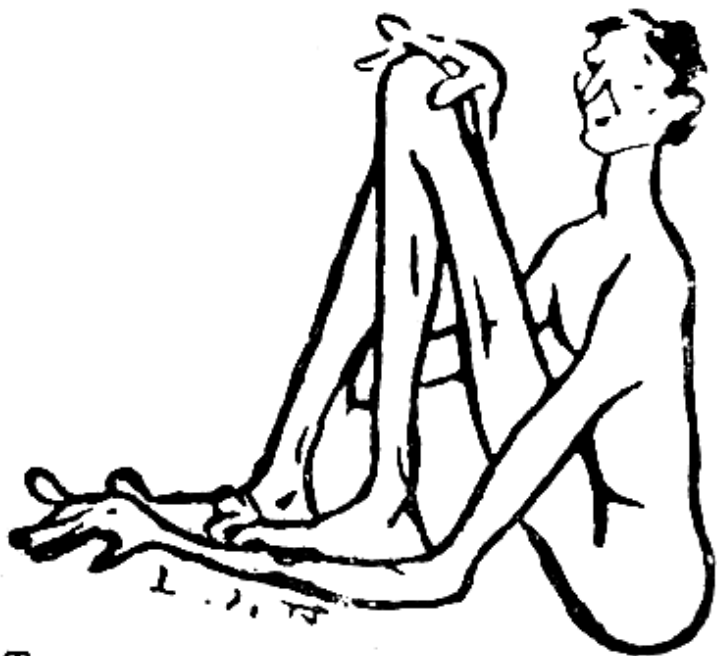
живота, должны придавать им вид необыкновенных существ, красота которых не может быть оценена нами". Уэллс в своем романе "Борьба миров" описывает марсиан так. „Обитатели планеты Марс, — пишет он, — имеют круглое тело или, вернее, у них вместо

Многие ученые и писатели занимались вопросом о том, какой вид должен быть у марсиан. „Можно себе представить, — говорит один из них, — что существа, живущие на Марсе, более высокого роста, чем мы, так как сила притяжения там невелика, волосы у них более светлые, и череп более широк. Их большие голубые глаза, толстый нос с подвижными ноздрями, большие уши, огромная голова, широкая грудь, длинные, тонкие члены и отсутствие талии, отделяющей грудь от

тела огромная круглая голова, приблизительно 4 фута в диаметре, посередине которой находится лицо. На этом лице нет носа, но пара выпуклых темных глаз и под глазами большой мясистый выступ, а рот снабжен 16-ю длинными щупальцами.

Марсианин по Уэллсу

Тип марсианина с чудовищно длинными конечностями.

Фламарион думает, что жители Марса похожи на людей, но гораздо красивее и лучше их. Один астроном представляет себе марсианина в виде человека-дерева, Его туловище изображает собою ствол дерева, а руки — ветки этого дерева. Другой астроном думает, что марсиане все же похожи на людей, они должны быть очень высокого роста с чудовищно длинными членами.

*Рост марсианина по отношению
к среднему человеческому росту.*

Еще о типах марсиан.

Журнал «Всемирный следопыт» 1925 г №7

В № 4 «Всемирного Следопыта» нами были даны рисунки различных типов марсиан, как они представляются воображению некоторых ученых и писателей.

Не безынтересно дать и критическую оценку этих типов.

Для примера, мы помещаем еще один тип марсианина, изображенный в одном американском журнале. Этот рисунок представляет тот интерес, что он претендует на наибольшую научность воспроизведения жителя Марса.

В нем, прежде всего, останавливает внимание рост. Большинство писателей сходится на том, что марсиане должны быть очень высокого роста, примерно, вдвое против человеческого, исходя из того, что сила притяжения на Марсе невелика.

Однако, уже в этом рассуждении может быть допущена логическая ошибка: учитывая меньшую силу притяжения, сторонники высокого роста, марсиан допускают, как одно из бесспорных положений, что на Марсе сила развития организмов такова же, как и на земле. Однако, это может быть и иначе. Если бы семя земного растения или человеческого ребенка выросло на Марсе, то там земной «заряд» жизненной потенции (силы), встречая меньшее сопротивление притяжения, разумеется, мог бы дать более высокие «всходы». Но процесс роста на Марсе, тесно связанный с общими условиями жизни планеты, может протекать более вяло и замедленно¹). И тогда рост марсиан окажется не выше, а скорее ниже земного, приближаясь к соотно-

шению, существующему между ростом человеческого существа и величиной планеты. Поперечник Марса немного больше половины земного.

1) Ведь даже на земле, при одинаковом на всей ее поверхности протяжении, встречаются племена пигмеев. Очевидно, сила притяжения не является решающей для роста.

Если же на Марсе люди не столь высоки, то едва ли им окажется полезен и их «хобот», тем более, что разреженная атмосфера Марса требует усиленного обмена воздуха в легких, что скорее должно бы повести к укорочению носа и увеличению ноздрей для большего захвата воздуха.

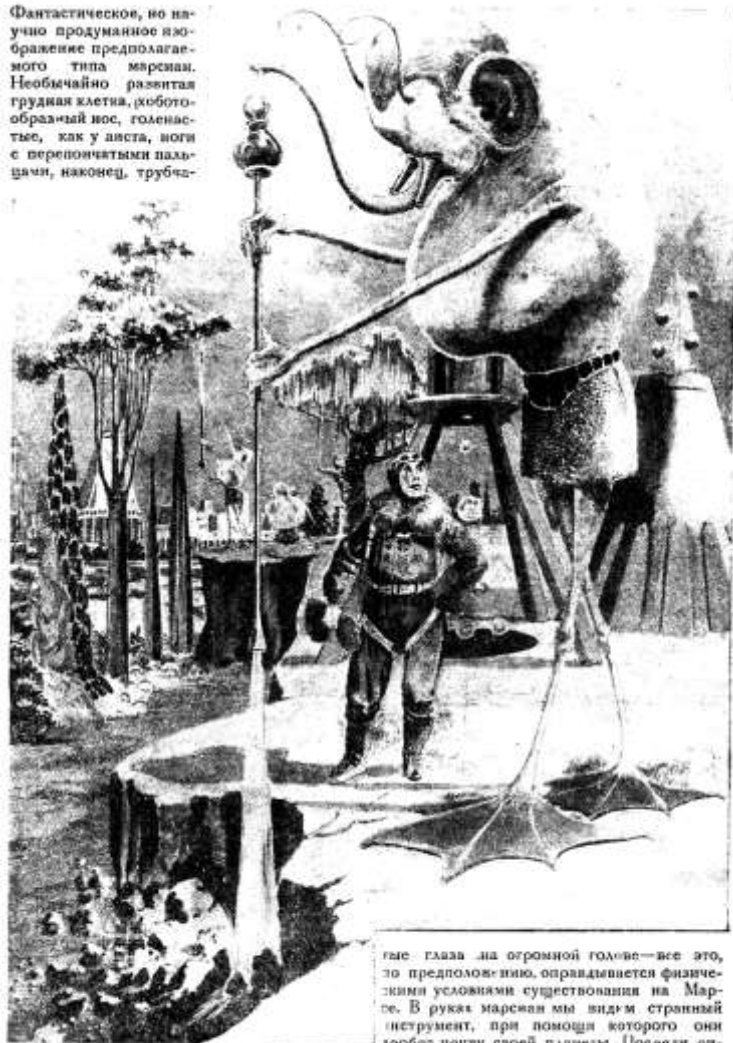
Мало обосновано и наделение марсиан глазами в виде выдвигающихся и сдвигающихся подзорных трубок: изучение глазного аппарата земных животных и людей показывает, что работа «наведения на фокус» происходит в самом глазу (способность глазного хрусталика при помощи особых мускулов увеличивать кривизну своих поверхностей). «Трубки» лишь затрудняли бы эту работу. Притом, изучая эволюцию вида от обезьяны до человека, мы замечаем развитие глаза в сторону их большего «выпячивания» из главных орбит, хотя общее изменение формы черепа произошло весьма значительное.

Большое развитие ушных раковин, пожалуй, оправдывается более редкой атмосферой, слабее передающей звуки.

Существование у марсиан каких-то гусиных лап, вместо ступней, весьма сомнительно. Правда, почва Марса менее плотна, чем на земле, но ведь и все тела на Марсе весят почти втрое меньше, чем на земле. И

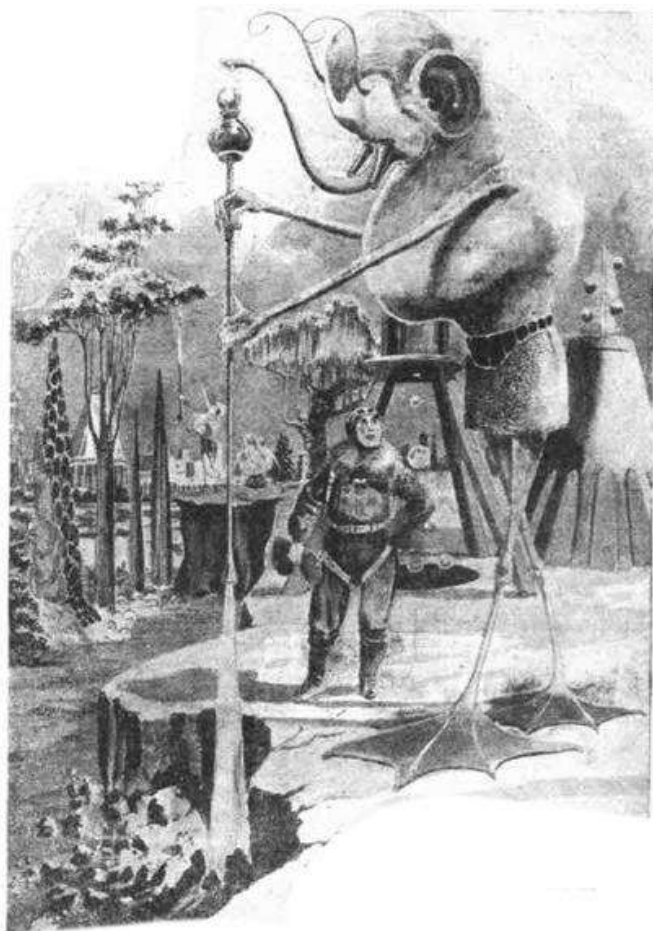
потому марсиане едва ли нуждаются в широких ступнях для хождения, не проваливаясь в почве.

Фантастическое, но научно продуманное изображение предполагаемого типа марсиан. Необычайно развитая грудная клетка, дроботообразный нос, голенастые, как у ястреба, ноги с перепончатыми пальцами, наконец, трубча-

тые глаза на огромной голове—все это, то предполагая, оправдывается физическими условиями существования на Марсе. В руках марсиан мы видим странный инструмент, при помощи которого они дробят почву своей планеты. Посреди рисунка изобразил обитатель земли — человек для сравнения с марсианцем по отношению к росту и пропорциям частей тела.

век для сравнения с марсианцем по отношению к росту и пропорциям частей тела.

Фантастическое, но научно продуманное изображение предполагаемого типа марсиан. Необычайно развитая грудная клетка, хобото-образный нос, голенастые, как у аиста, ноги с перепончатыми пальцами, наконец, трубчатые глаза на огромной голове – все это, по предположению, оправдывается физическими условиями существования на Марсе. В руках марсиан мы видим странный инструмент, при помощи которого они дробят почву своей планеты. Посреди рисунка изображен обитатель земли – человек для сравнения с марсианином по отношению к росту и пропорциям частей тела.

Наиболее научно-обоснованным следует признать существование у марсиан большого объема грудной клетки. Для того, чтобы вобрать в легкие достаточное количество кислорода из разреженной атмосферы Марса нужно обладать и большим объемом легких, а потому легкие, а с ними и грудная клетка должны быть увеличенного объема. Влияние плотности воздуха на объем груди мы можем наблюдать и на земле: в то время, как средний нормальный объем грудной клетки у человека 79 см., — у племени чоло, живущего в Перу на высоте 12 тысяч футов, объем груди достигает 92 см.

Но все же и здесь мы должны оговориться, наделяя марсиан большой грудной клеткой, мы «персонизируем» их, допуская, что их организм для поддержания жизни должен поглощать то же количество кислорода, как и человеческий. А это не бесспорно: приспособляемость организмов безгранична, и на Марсе физико-биологические процессы, возникшие в иных условиях, могут протекать иначе.

Бесспорным остается только увеличенный объем головы марсиан. На эволюции человека (гомо-сапиенс) от обезьяны мы можем наблюдать безостановочный рост черепа в связи с развитием мозга. Идя дальше таким путем, голова человека через два миллиона лет может иметь вдвое больший объем. А так как Марс много старше земли, то и эволюция черепа у них должна уже подойти к такому объему.

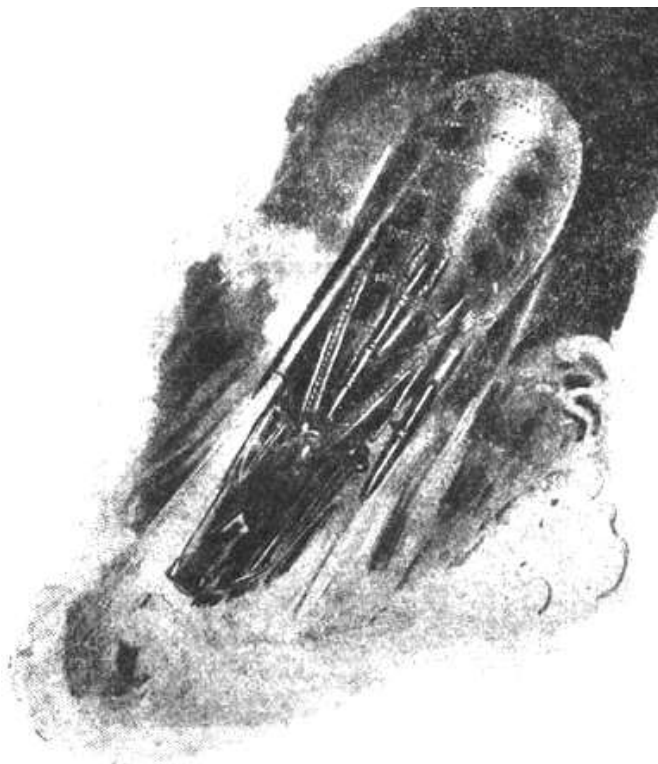
Но американский журнал, не без основания наградив марсианина большой головой, оставил марсианам необычайно неразвитые тазовые кости, забыв, очевидно, о таком естественном факте, как деторождение. Ведь, чтобы родить ребенка с такой головой, нужна и соответствующая ширина таза. Правда, увеличение таза, повидимому, несколько отстает от увеличения

объема головы и у человека, недаром во всем животном мире самые трудные роды бывают у человека. И это несмотря на то, что объем таза у человека почти вдвое шире объема головы (примерно, 57:90 см. — у мужчины, 57:98—у женщины). Что же будет при обратном соотношении, когда голова будет вдвое больше объема таза?..

Так или иначе, марсиане, если они существуют, уже разрешили этот вопрос и могли бы дать нам ценные указания.

Но как спросить их об этом?..

А. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

В. БРЮСОВ

ПЕРВАЯ МЕЖДУПЛАНЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
Незаконченное фантастическое произведение

5

В. ПОЗНЯКОВ

КУБОК МАЙОРА КОСИЦЫНА
Фантастический рассказ

31

В. ПОЗДНЯКОВ

КРАТЕР КОПЕРНИКА
Фантастический рассказ

51

БОРИС АРМФЕЛЬТ

ПРЫЖОК В ПУСТОТУ
Научно-фантастическая повесть

97

М. ИЛЬИН

ВЕЗДЕХОД
Фантастический очерк

149

А. ФРОЛОВ

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ
Фантастическая повесть

175

В. ВОРОНИН

ГОРНЫЕ СЛЕЗЫ

Фантастический рассказ

309

Г. АРЕЛЬСКИЙ

ПОВЕСТИ О МАРСЕ

Фантастические повести

321

ОБСЕРВАТОРИЯ ПРОФЕССОРА ДАГИНА

325

ДВА МИРА

336

К НОВОМУ СОЛНЦУ

363

Б. ЦИММЕРМАН

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Научно-фантастический рассказ

399

Н. АСЕЕВ

АМЕРИКАНСКАЯ ПЕРВОМАЙСКАЯ НОЧЬ

Фантастический рассказ

457

КТО ЧТО ВИДЕЛ НА МАРСЕ

Астрономический очерк

477

ТИПЫ МАРСИАН

В ГИПОТЕЗАХ УЧЕНЫХ И ПИСАТЕЛЕЙ

489

А.Б

ЕЩЕ О ТИПАХ МАРСИАН

493

